Віцебскі сшытак

ГІСТАРЫЧНЫ НАВУКОВА-ПАПУЛЯРНЫ АЛЬМАНАХ

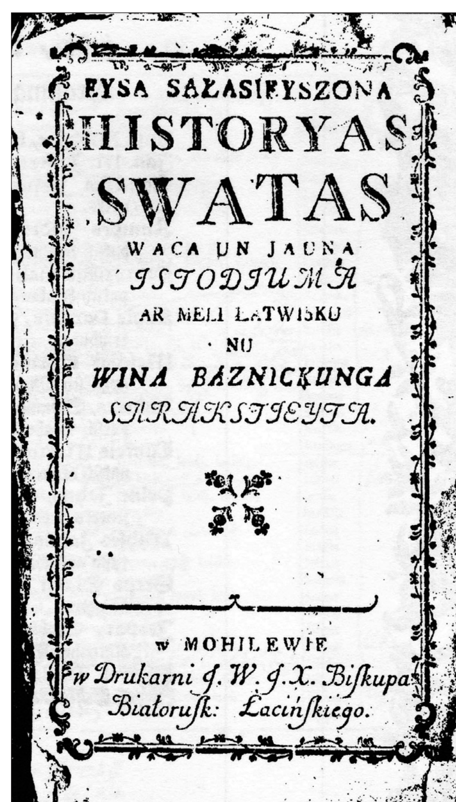
6.

2019



Віцебскі сшытак

6. 2019



EYSA SAŁASIFYSZONA

HISTORYAS

SWATAS

WACA UN JAUNA

ISTODIUMA

AR MELI ŁATWISKU

NU

WINA BAZNICKUNGA

SARAKSTIEYTA.

W MOHILEWIE

w Drukarni J. W. J. X. Biſkupa

Białoruſk: Łacinſkiego.

Фундатары часопіса:
Моніка Банькоўскі-Цюліг (Швейцарыя),
Лідзія Леднік (Беларусь)

ГІСТАРЫЧНЫ НАВУКОВА-ПАПУЛЯРНЫ АЛЬМАНАХ

РЭДАКТАР
Людміла ***ХМЯЛЬНІЦКАЯ***

АЎТАР ІДЭІ ВОКЛАДКІ
Андрэй ***ВЯРЭНІЧ***



На беларускай і рускай мовах

vicebski.sshytak@tut.by

Выдаецца з 1995 года. Усяго выйшла шэсць нумароў

ЗМЕСТ

Войцех БАБЕРСКІ

З ГІСТОРЫІ КАСЦЁЛА БЕРНАРДЗІНЦАЎ У ВІЦЕБСКУ

При въезде в Витебск русский человек, в особенности едущий из внутренних губерний и незнакомый с западным краем, невзирая на представляющуюся взору его прекрасную панораму города, испытывает какое-то тяжкое, необъяснимое чувство. Пред ним белеет множество храмов Божьих, вознося златые кресты свои к небу... душа рвется к молитве... рука вздымается, чтобы сотворить крестное знамение... глаза ищут православный храм... но, увы! Римская архитектура скрывает его, и путник впадает в раздумье – где он: в православной ли России или в католической Польше? <…> Хорошо еще, если путник въехал в город не в тот час вечера, когда обычный раскатный звон костельного колокола оглашает город своим густыми и мерными звуками, а то он непременно назвал бы Витебск городом польским.

Александр Сементовский. Витебск.
Статистический очерк. 1865[1].

Згаданае меркаванне пабожнага сакратара губернскага статыстычнага камітэта не было адзіным. Горад, якім амаль стагоддзе кіравалі царскія чыноўнікі, зменены ў нацыянальных і канфесійных адносінах, захапляў і дражніў незвычайным нагрувашчваннем помнікаў сакральнай барочнай лацінскай, "рымскай" архітэктуры, што ўспрымалася як атрыбут чужой культуры і нацыянальнай свядомасці[2]. Недзе там, у ваколіцах Віцебска і Веліжа, праходзіла мяжа, якая падзяляла два розныя ўспрыманні і архітэктурныя іканасферы. У памятным 1812 г. да яе даходзілі на-

[1] *Сементовский А.М.* Витебск. Статистический очерк // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. СПб., 1865. С. 123 – 124. Тагачасныя міжканфесійныя стасункі не павінны былі выклікаць неспакою: на самой справе ў 28-тысячнай супольнасці амаль палову складалі яўрэі, аднак 10 тысяч жыхароў служылі царкве і ў тры разы перавышалі лічбу католікаў; у такой жа прапорцыі знаходзілася веданне рускай і польскай моў. Рэпрэсіі пасля паўстанняў істотна змянілі прапорцыі ў кузні мясцовай эліты – славутай Аляксандраўскай гімназіі, дзе пасля 1863 г. лічба праваслаўных вучняў упершыню перавысіла лічбу католікаў.

[2] На працягу ўсяго аднаго няпоўнага стагоддзя, паміж Паўночнай вайной і напалеонаўскай кампаніяй, у Віцебску было пабудавана 35 святынь. Ажно 24 з іх былі мураваныя, палову з іх складалі пабудовы манументальныя, трохнефавыя. Правінцыяльны Віцебск меў тады не больш за 12 тысяч жыхароў, і ні адзін, нават значна большы і дынамічны ў архітэктурных адносінах асяродак Рэчы Паспалітай, не мог пахваліцца падобнай будаўнічай дынамікай.

[3] *Lejeune L.-F.* Memoirs of Baron Lejeune. Vol. II. Chapter V (http://www.napoleonic-literature.com/Book_26/Chapter_05.htm).

[4] *Жданов М.* Путевые записки по России в двадцати губерниях. СПб., 1843. С. 175.

[5] Рэпін набыў Здраўнёва ў траўні 1892 г. і перабудаваў паводле ўласнага праекта. Маляўнічая драўляная віла з вежаю згарэла ў 1994 г. і праз 6 гадоў была рэканструявана. Зараз тут знаходзіцца музей.

[6] *Шагал М.* Моя жизнь. Пер. с фр. Н.С. Мавлевич. М., 1994. С. 6. Мастак перабраўся з прадмесця Пескавацік у новы дом на Пакроўскай вуліцы ў Задзвінні.

палеонаўскія салдаты, якія апісвалі "радасныя панарамы, шматлікія касцёлы і вялізныя кляштары". "Калі 29 ліпеня я вярнуўся ў Віцебск, – успамінаў мастак Луі-Франсуа Лежон, – мяне надзвычай зачаравала маляўнічае палажэнне горада, які вырас над берагамі Дзвіны. Ранейшы агляд праз дым і полымя меў нейкую грозную веліч; зараз святло пагоднага дня ўзбагаціла яго лініямі і колерамі, што сустракаліся ўсё радзей падчас далейшага маршу да далёкіх раёнаў Поўначы"[3].

Захапленне і зачараванне асаблівасцямі горада падзялялі і знакамітыя расіяне. "Этот ландшафт есть один из лучших, виденных мною во время путешествия. <…> Архитектура церквей, большей частью католических, изящна, великолепна", – пісаў Міхаіл Жданаў, аўтар выдадзенага ў 1843 г. даведніка па 20 расійскіх губернях[4]. Вялікі мастак Ілля Рэпін, які ў 1892 – 1896 гадах праводзіў летнія месяцы на сваёй дачы Здраўнёва ў 15 кіламетрах на поўнач ад Віцебска, сталіцу губерні называў "рускім Таледа"[5]. Да мастацкіх асацыяцый адсылае нас самы славуты сёння віцяблянін Марк Шагал (Мошэ Сегал). У юнацкіх успамінах, прысвечаных "малому Парыжу", ён дзяліўся ўражаннем, якое аказаў на яго цэнтр, куды ён трапіў з прадмесця: "Вокруг церкви, заборы, лавки, синагоги, незамысловатые и вечные строения, как на фресках Джотто"[6].

"Город показался мне древним и не русским, – прызнаваўся малады герой аўтабіяграфічнай аповесці Івана Буніна, які даехаў у горад над Дзвіною зімой 1889 г. – Там,



Канвент бернардзінцаў у Віцебску на карце "Provincia Lituana Ord. S. Francisci O. Sdm Observationes…" (мал. Гірш Ляйбовіч, каля 1770 г.). MABR, сігн. К–779



Выгляд рынку з-пад ратушы. Акварэль Юзафа Пешкі. 1802 г.
Злева направа: крамы, касцёл і кляштар бернардзінцаў, царква і кляштар базыльянак, калегіум і касцёл езуітаў, Уваскрасенская царква ("Рынкавая"), крамы (заходняе крыло). Зборы LNBAN-WM, сігн. 215543

на вокзале в Витебске, в этом бесконечном ожидании поезда на Полоцк, я испытал чувство своей страшной отделенности от всего окружающего, удивление, непонимание". Пісьменнік, распавядаючы пра чужароднасць, меў на ўвазе не толькі выгляд натоўпу, які сунуўся па галоўнай вуліцы і ўключаў "полных девушек, наряженных с провинциальной еврейской пышностью. <…> За ними, но скромно, отдельно шли молодые люди, все в котелках, но тоже с пейсами, с девичьей нежностью и округлостью восточно-конфетных лиц, с шелковистой юношеской опушкой вдоль щек, с томными антилопьими взглядами". Самае вялікае ўражанне на Арсеньева-Буніна аказалі "высокие, в одно слитые дома с крутыми крышами, с небольшими окнами, с глубокими и грубыми полукруглыми воротами в нижних этажах", а перад усім – вечаровы візіт у касцёл Св. Антонія, "желтый костел с двумя звонницами", які адзіны быў пакінуты католікам у цэнтры горада, і там гучаў арган[7].

Старажытная бернардзінская святыня і кляштарныя гмахі выконвалі ролю ўсходняга крыла рынку на Узгор'і (каля Ратушнай плошчы), суадносячыся з фасадам Уваскрасенскай царквы і галерэяй бліжэйшых крам. Калі глядзець з моста праз Віцьбу, яны ўтваралі правую кулісу эфектнай урбаністычнай сцэнаграфіі трапецападобнай плошчы, што строма ўзносілася ад ракі ў накірунку да ратушы. Дзвесце гадоў без перапынку яны служылі католікам, формай і функцыяй адзначаючы прысутнасць польскай супольнасці[8]. Таксама сярод аматараў даўніны і гісторыкаў мастацтва згаданая форма ўзбуджала цікавасць сваёй адметнасцю. Увага звярталася на разлегласць фасада і прапорцыі будынка, якія адрознівалі іх ад стромых, ажурных канструкцый, распаўсюджаных у познебарочнай сакральный архітэктуры Вялікага Княства Літоўскага. Семянтоўскі сцвярджаў, што "вообще, наружность его [касцёла Св. Антонія – *перакл.*] имеет весьма много общего с другими храмами Витебска, но притом отличается некоторою тяжестию"[9], а, каментуючы малюнак Аляксандра Мінята, рэдактар "Tygodnika Powszechnego" (1884) дзяліўся меркаваннем, што будынак "сваёй вонкавай структурай нагадвае касцёл Св. Крыжа ў Варшаве, у чым лёгка пераканацца з першага погляду"[10]. Гарызантальнасць бернардзінскага касцёла падкрэслівала таксама Алена Квітніцкая, якая ў форме вежаў і завяршэння ўбачыла рысы "віленскага барока"[11]. Паўтарыўшы яе меркаванне,

[7] *Бунин И.* Жизнь Арсеньева. СПб., 2004. С. 314 – 315. Кніга была напісана ў 1927–1933 гг. і садзейнічала атрыманню пісьменнікам Нобелеўскай прэміі ў 1933 г.

[8] У другой палове XIX ст. палякі ўтваралі ў Віцебску адносна невялікую (каля 10 %), але актыўную і прыкметную групу жыхароў. Іх можна было сустрэць у адвакатуры і рамёствах, сельскагаспадарчых і крэдытных таварыствах. Яны арганізоўвалі выставы, аматарскія прадстаўленні, канцэрты і чытанні. Польскі элемент запаўняў два пакінутыя католікам касцёлы (Св. Антонія і Св. Барбары), сустракаўся ў найлепшым у горадзе гатэлі, які належаў швейцарцу Генрыху Хрысціяну Бразі, а, кажучы дакладней, у кандытарскай майстроў Жана і Альберта (Jana Ziomka i Albera Gede), якія прыбылі з Варшавы і ў якіх можна было набыць пышныя "кракаўскія", "варшаўскія", "люблінскія" і "пулаўскія" піроржныя, а таксама пагартаць якую-небудзь з чатырох падпісных польскіх газет. Вялікім аўтарытэтам карыстаўся Сігізмунд Юркоўскі, "кароль віцебскай фатаграфіі" і вядомы ў Еўропе вынаходнік шчыліннага затвора, які з 1866 г. увекавечваў прыгажосць горада. Стараннем братоў Цеханавецкіх з'явіўся першы гарадскі вадаправод і сучасная служба пажарнай аховы. З пачатку XX ст. важнае месца ў мастацкім жыцці займаў Вацлаў Бубноўскі, вучань Матэйкі, вядомы дэкаратыўнымі працамі ў варшаўскіх касцёлах, а таксама Канстанцін Змігродскі – скульптар-сімваліст, захавальнік музея Віцебскай архіўнай камісіі. Рухавіком польскага жыцця быў адвакат Вацлаў Федаровіч, сябра-карэспандэнт Кракаўскай Акадэміі мастацтваў, калекцыянер старапольскіх і беларускіх помнікаў. Яго зборы, дапоўненыя творамі мастацтва і нумізматыкай, прывезенымі з Вільні інжынерам Антоніем Брадоўскім, далі магчымасць стварыць краязнаўчы музей, які быў адчынены ў 1918 г. у будынку ратушы. Побач са звычайнай працай у Віцебску таксама надараліся больш відовішчныя выпадкі. Нагодай для іх былі, між іншым, візіты Элізы Ажэшкі, арганізаваныя яе прыяцелькай Тэрэзай Чарвінскай, уладаркай адной з польскіх бібліятэк.



Выгляд рынку ад езуіцкага моста. Фрагмент акварэлі Юзафа Пешкі. 1802 г. Злева направа: Уваскрасенская царква ("Рынкавая"), ратуша, касцёл і кляштар бернардзінцаў (за імі – гаспадарчыя будынкі з двухпавярховым свірнам). Зборы LNBAN-WM, сігн. 215544

Тамара Габрусь прыпісала аўтарства касцёла архітэктару Юзафу Фантане III, якога абвясціла, разам з Янам Крыштафам Глаўбіцам, самым выдатным прадстаўніком згаданага накірунку і, абапіраючыся на мастацкія вартасці, тую ж самую атрыбуцыю аднесла і да суседняй Уваскрасенскай царквы – славутай "Уваскрэсенкі"[12].

Муры касцёла Св. Антонія зніклі з паверхні зямлі 55 гадоў таму назад, падзяляючы лёсы іншых віцебскіх святынь. Адносна вялікая колькасць нявыкарыстаных архіўных і іканаграфічных крыніц дазваляе вызначыць акалічнасці іх з'яўлення[13].

Драўляныя пабудовы

Фундатар кляштара, віцебскі ваявода Ян Антоній Храпавіцкі (герба Газвада)[14], паходзіў з сям'і, звязанай з горадам з паловы XVI ст., яна традыцыйна падтрымлівала мясцовы кальвінізм. Яго прадзед, харужы віцебскі Фёдар, атрымаў значныя ўладанні ў часы ваяводы Стэфана Збараскага. Яго дзед, харужы віцебскі Іван, валодаў домам у Ніжнім замку за царквой Св. Пятніцы (1595)[15]. Бацька будучага ваяводы, стольнік віцебскі Крыштаф, меў на Узгор'і вялікую юрыдыку, а таксама двор у Верхнім замку. У шэрагу замкавых умацаванняў зна-

---

[9] *Сементовский А.М.* Витебск. Статистический очерк. С. 193.

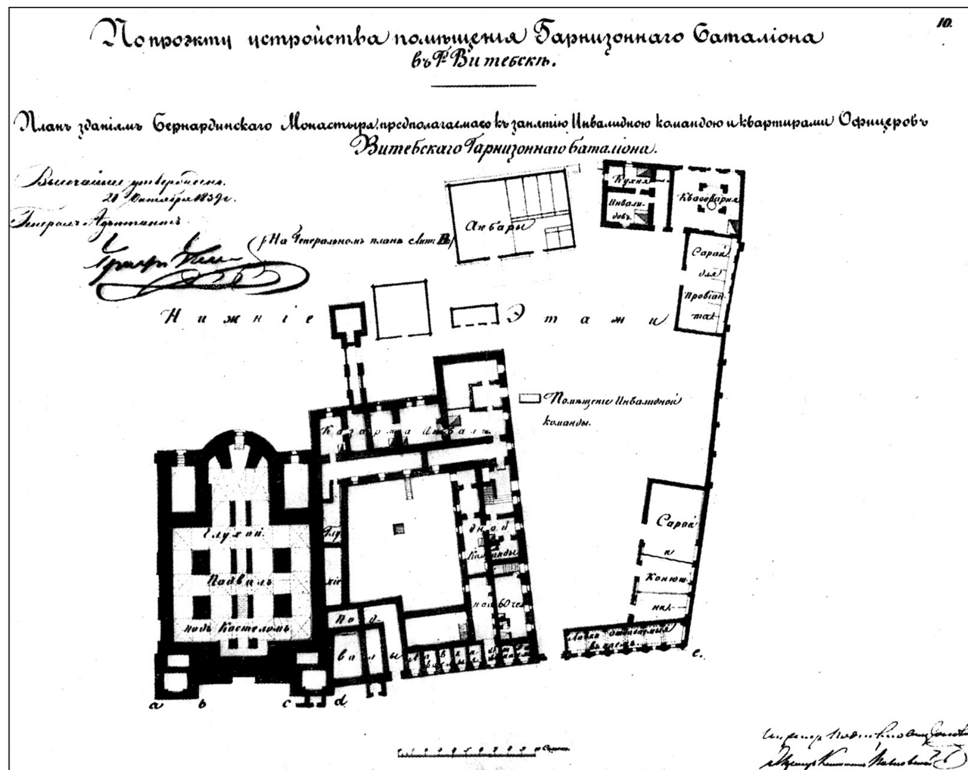
[10] Tygodnik Powszechny. 1884. № 33. S. 221.

[11] *Квитницкая Е.Д.* Приемы формирования торгово-административного центра Витебска в XVIII в. // Архитектурное наследство. 1974. №. 22. С. 142.

[12] *Габрусь Т.В.* Мураваныя харалы. Сакральная архітэктура беларускага барока. Мінск, 2001. С. 239 – 241.

[13] Вялікую ўдзячнасць выказваю праф. Анджэю Бетлею, праф. Ежы Кавальчыку, паням Вользе Кукуні і Святлане Адамовіч, пану Уладзіміру Дзянісаву за дапамогу ў зборы і пошуку копій архіўных матэрыялаў. Літаратуру, якая тычыцца гісторыі канвенту, сабраў айцец Каэтан Грудзіньскі: Witebsk. У кн.: Klasztory bernardyńskie w Polsce w jej granicach historycznych. Pod red. ks. Hieronima Wyczawskiego. Kalwaria Zebrzydowska, 1985. S. 440 – 441.





Фасад і план першага паверха бернардзінскіх будынкаў.
Абмеры 1839 г. з РДВГА, ф. 349, воп. 8, спр. 1433, арк. 10, 12.
Рэпр. паводле Габрусь 1998. С. 95 – 96



Рынкавая плошча. Фота 1867 г.

ходзілася Храпавіцкая вежа[16]. Стольнік меў пяцёра сыноў, якія паспяхова перайшлі ў каталіцызм. Ян Антоній зрабіў гэта ў студзені 1637 г. ля магілы св. Антонія ў Падуі, чым, відаць, можна вытлумачыць выбар патрона для віцебскай святыні. Падобна на тое, што адначасова з Янам змяніў веру і яго родны брат Францішак, які праз год у Вільні ўступіў у ордэн бернардзінцаў і ўжо як дэфінітар і правінцыял (Малапольска-Літоўскай правінцыі) стаў ініцыятарам фундацыі над Дзвіною[17].

Перад гэтым у Віцебску з'явіліся францысканцы. Яны прыбылі хутка пасля адыходу маскоўскіх войск (1667) з канвента ў недалёкім Сянно[18] і пасяліліся ў камяніцы (lapidae), што называлася Пятравічанка, або Пятроўская, якая была ўзведзена ў 1647 г. на Узгор'і ва ўсходнім крыле рынку бурмістрам Пятровічам[19]. Уладкавалі ў ёй сціплую капліцу і, відаць, планавалі закласці канвент, аднак плацдарма ўтрымаць не ўдалося, уладар бліжняй юрыдыкі пасля параднага ўезду ў сталіцу ваяводства (1671) ужо меў выразна акрэсленыя намеры ў адносінах да маладога аскалёпка францысканскага ордэна. Працэс эксмісіі францысканцаў, распачаты ў нунцыятуры, цягнуўся як

[14] У 1646 – 1653 гг. Ян Храпавіцкі (як падкаморы смаленскі) клапаціўся пра аднаўленне замка ў Смаленску. Пасля 1661 г. удзельнічаў у перамовах, якія скончыліся трактатам у Андрусаве. У 1669 г. стаў віцебскім ваяводам (першым у родзе сенатарам) і пасля ўрачыстага ўезду ў горад (5.II.1671) усталяваў парадкі пасля маскоўскай акупацыі. Крыніцай яго біяграфіі з'яўляюцца мемуары, гл.: Jan Antoni Chrapowicki. Dyaryusz wojewody witepskiego Jana Antoniego Chrapowickiego jako przyczynek do dziejów z czasów Jana Kazimierza, Michała Wiszniowieckiego i Jana Sobieckiego, królów polskich. Wyd. Józef Rusiecki. Warszawa, 1845; Jan Antoni Chrapowicki. Diariusz. Cz. 1 – 2. Oprac. Andrzej Rachuba i Tadeusz Wasilewski. Warszawa, 1969–1988; Ryszard Mienicki. Chrapowicki Jan Antoni // Polski Słownik Biograficzny. T. 3. 1937. S. 437 – 439.

[15] Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске (далее – ИЮМ). Т. 20. Витебск, 1890. С. 505, 509.

[16] *Сапунов А.* Витебская старина. Т. 1. Витебск, 1883. № 155: Инвентарь всего е. к. в. города Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходными статьями, списанный дворянином Ярошем Мацкевичем, 1641 года, ноября 2 дня, при даровании Магдебургского права. Храпавіцкую вежу сярод умацаванняў Верхняга замка фіксуе таксама вядомы "Чарцёж горада Віцебска", выкананы расіянамі ў 1664 г.



Касцёл Св. Антонія і былы кляштар бернардзінцаў. Акварэль Напалеона Орды. Каля 1875 г. Нацыянальны музей, Кракаў. III-r.a. 4125

мінімум ад пачатку 1675 г. і скончыўся летам наступнага года. Афіцыяльная інтрамісія бернардзінцаў адбылася 8.IX.1676 г.[20] Складзенае на тры дні раней "Апісанне капліцы" дае магчымасць азнаёміцца са станам уладання ордэна, якое знаходзілася паміж вуліцай Вялікай Рынкавай і ракой Віцьбай. Адсюль можна даведацца, што падвальная святыня мела шэсць акон і музычныя хоры з дрэва. За выключэннем алтарнай менсы і лавак начынне ў ёй адсутнічала. З боку вуліцы яна суседнічала з дзвюма крамамі. Паміж камяніцай і ракой знаходзіліся вялікі двухпавярховы свіран і агарод, усё заняпалае і занядбанае[21].

Сейм, які засядаў у Варшаве, пацвердзіў фундацыю ваяводы 14.I.1677 г.[22] У дакуменце, які быў датаваны тым самым годам, Храпавіцкі згадваў ужо ўзведзеныя касцёл і кляштар, а таксама акрэсліваў межы пляцаў, што былі набыты паводле вячыстага права і ахвяраваны канвенту. Бернардзінцы атрымалі вялікі кавалак Узгор'я, які расцягнуўся паміж Віцьбай і вуліцай Вялікай, пачынаючы ад езуіцкага млына і моста на поўдні ажно да царквы Св. Мікалая на поўначы[23]. Дакумент не браў пад увагу карысці, якая палягала на знаходжанні канвента ля гандлёвага пляца, дзе ад веку канцэнтравалася гарадское жыццё.

[17] Францішак Храпавіцкі (1614 – 1683) быў гвардыянам у Друі, Будславе, Слуцку і Глуску, захавальнікам у Вільні (1671–1674) і, нарэшце, правінцыялам (1677–1680). Гл.: Ks. Kamil Kantak. Franciszkanie polscy. T. II. 1517–1795. Kraków, 1938. S. 161–162. Яшчэ адзін брат ваяводы, стольнік віцебскі Дамінік, быў дабрадзеем калегіума віцебскіх езуітаў і пахаваны ў іх касцёле. Гл.: ИЮМ. Т. 21. № 97. С. 310 (тастамент ад 5.IX.1655). Брат Юзаф (памёр у 1684 г.), віцебскі харужы і падваявода, яшчэ ў 1673 г. заставаўся кальвіністам. Гл.: *Marzena Liedke.* Szlachta ruska Wielkiego Księstwa Litewskiego a reformacja. Cz. 1 // Białoruskie Zeszyty Historyczne 18. 2002. S. 41 – 43. Храпавіцкія былі звязаны з Віцебскам таксама ў XIX ст. Брыгадзір Храпавіцкі здаваў горад арміі Напалеона. Міхал Пётр Храпавіцкі пасля паўстання 1863 г. быў начальнікам шляхты.

[18] Заснаваны ў 1608 г. канвент у Сянно быў самай ранняй пляцоўкай францысканцаў на паўночнаўсходніх землях Рэчы Паспалітай. Наступныя фундацыі – Лукомль (1636), Дзісна (1640), Полацк (1648), Орша (1680), Губін (1714), Серафін (1762) і Сакольнікі (1771) – утваралі разам з ім Полацкую кантрату Літоўскай правінцыі.

[19] Mokslų Akademijos Centrinės Bibliotekos Rankraštynas (Вільнюс, далей – MABR), 43 – 23205, к. 8: Кантракт на ўзвядзенне трох дамоў у Віцебску віцебскім бурмістрам Пятровічам (1647).

Суседства давала бернардзінцам сталы прыбытак ад арэнды гандлёвых плошчаў. Апроч таго ў арэнду здаваўся абшар, які спускаўся да ракі з поўдня і ў XIX ст. насіў назву "Падлогі".

Першыя драўляныя пабудовы, узведзеныя ў 1676 – 1677 гг., сталі ахвярай пажару, які знішчыў Узгор'е ў верасні 1680 г. Яшчэ перад смерцю ваяводы (1685) быў адноўлены фундуш на пляц і ўзведзены новыя драўляныя будынкі[24]. Яны пратрымаліся да 28.IX.1708 г., калі па загаду Пятра I калмыцка-казацкая экспедыцыя пусціла з дымам "усе замкі і горад, ратушу і крамы, Узгор'е, Заручаўе і Задунаўе, чатыры касцёлы і дванаццаць цэркваў <…>"[25].

Пасля Паўночнай вайны бернардзінцы знаходзіліся пад патранатам сям'і Шапак-Хатольскіх, якія загадалі хаваць сябе ў ордэнскай крыпце. Войскім віцебскім Міхаілу і Эльжбеце з Мянчынскіх (у першым шлюбе Сапезе) манахі былі абавязаны ўзвядзеннем чарговай драўлянай святыні. У 1730 г. яны атрымалі ад іх гарадскую юрыдыку і квоту ў 6000 злотых, брат жа войскага, стражнік віцебскі Вацлаў Шапка, і яго жонка Марыяна з Багамольцаў ахвяравалі кляштару 2000 злотых і даходы з маёнтка Холхал[26]. Аб форме драўляных касцёлаў нам нічога не вядома. Можна толькі дапусціць, што, як і ў іншых бернардзінскіх канвентах, у Віцебску таксама былі ўсталяваны прыпынкі Крыжовага шляху[27]. Святыня, узведзеная Шапкамі і асвечаная біскупам, суфраганам віленскім Ежы Анцутам 18.VIII.1731 г.[28], не прастаяла доўга. Катастрофа, якая здарылася праз няпоўныя два гады падчас прац па яе аздабленні, выйшла далёка за межы кляштара. Летапісец занатаваў, што "року 1733, траўня 31, у актаву Божага

[20] Нацыяльны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ), 1781 – 26 – 1407, арк. 6: Дакументы, даўгавыя запісы і занатоўкі Віцебскага кляштара ксяндзоў бернардзінцаў (1820). Выгнаныя францысканцы яшчэ 6 гадоў пасля эксмісіі вялі спрэчку з ваяводам у Віленскай кансісторыі, нунцыятуры і нават у Рыме. "Адмова францысканцаў ад ўсялякіх прэтэнзій на камяніцу" адбылася ў 1682 г.

[21] Archiwum Prowincji oo. Bernardynów (Кракаў, далей – АРВ), S-wit-1: Akta klasztoru bernardynów w Witebsku. S. 373 – 374: Апісанне пасля ад'езду ксяндзоў францысканцаў капліцы і будынкаў, што да яе належаць, у Віцебску (5.X.1676).

[22] НГАБ, 1781 – 26 – 1407, арк. 6 – 7.

[23] АРВ, S-wit-1, k. 1 – 2: Акт фундацыі кляштара бернардзінцаў у Віцебску (1676). "<…> Пачаўшы ад ракі Віцьбы насупраць запруды і млына ў вялебных ксяндзоў езуітаў Віцебскага калегіума, ідучы вуліцай, якая раней называлася Гавегнай, а зараз нанова з панамі мяшчанамі горада Віцебска мяжуючая, недалёка ад моста з замка віцебскага Ніжняга да віцебскага Узгор'я, праз горад пабудаванага, <…> на вуліцы Вялікай, якая ўгару паміж крамамі ідзе, ідучы па правым баку з камяніцай (выключаючы некаторыя гарадскія крамы з месцамі і зямлёю пад тымі крамамі) ажно да дамоў і пляцаў без агародаў віцебскіх мяшчан юрыдыкі метрапаліта: Пятра Пятровіча рымара і за ім Шчаснага Ляўданскага, дамы і пляцы якіх ля вуліцы. За іх дамамі ззаду пляцы ажно да самай ракі Віцьбы ў права ўзяўшы маё, канвенту вялебных айцоў бернардзінцаў належаць. І тут заканчваецца мяжа з пляцам, які раней называўся Шаркоўскім злотніцкім, а зараз [належыць] вялебнаму веліжскаму святару Самуэлю Ангілеўку, на гэтым пляцы і царква Св. Мікалая заснавана <…>".

[24] НГАБ, 1781 – 26 – 1407, арк. 6 адв. – 7: Фундуш Я.А. Храпавіцкага з абмежаваннем набытых ім пляцаў (25.IX.1685).

[25] "Хроніка горада Віцебска", напісаная Міхалам Панцырным і Стэфанам Аверкам. У кн.: Полное собрание русских летописей (далей – ПСРЛ). Т. 32. М., 1975. С. 21 об.; *Сапунов А.* Витебская старина. Т. 1. С. 466. Апроч Віцебска ў верасні 1708 г. атрад пад камандаваннем капітана Салаўёва і маёра Шышкіна спаліў таксама Мінск, Магілёў, Оршу, Мсціслаў, Быхаў і Дуброўну.

[26] АРВ, S-wit-1. S. 81: Тастамент Вацлава Шапкі (18.VII.1730); S. 89 – 90: Завераная копія запісу Міхала Шапкі (1731); S. 97, 105, 117, 133, 159: Чарговыя версіі тастамента яго жонкі Эльжбеты з Мянчынскіх, складзеныя ў 1730 – 1737 гадах; НГАБ, 1781 – 26 – 1395, арк. 58 (Акт візітацыі ад 15.X.1818); НГАБ, 1781 – 26 – 1411, арк. 52 (Акт візітацыі 22.X.1823).

[27] НГАБ, 1781–26–1407, арк. 6 адв.: Канстытуцыя Бенедыкта XIV на свята шляху Крыжа Святога пры прыпынках (3.III.1727).



Касцёл Св. Антонія і былы будынак кляштара бернардзінцаў. Фота пачатку XX ст.

Цела, горад Віцебск, рынак, крамы і цэрквы загарэліся ад вялебных айцоў бернардзінцаў, якія рабілі арган і зайгралі на ўвесь свет”[29]. Яшчэ адна летапісная рэляцыя дакладна акрэслівае вынікі той палымянай “музыкі”: “У 1733 годзе, у чацвер 31 траўня Пан Бог пакараў агнём. Пачалося ад бернардзінцаў з касцёла, і царква Рынкавая Уваскрасенская і Увядзенская і Падзвінне і крамы спаліў і царкву Саборную, і дамы я[снавяльможнага] п[ана] Лыткі, я[снавяльможнай] п[ані] Лагошынай і я[снавяльможнага] п[ана] Габрыеля Аверкі і вяльм[ожнага] ягамосці пана Ежы Лускіны, усіх дамоў 200 <…> ажно да самага канала”[30]. Катаклізм апісала нават варшаўская прэса[31]. Пасля яго бернардзінцы знайшлі часовае ўкрыццё за Віцьбай, у калегіуме езуітаў[32].

Будаўніцтва касцёла

Фундатарам мураванага касцёла быў падкаморы віцебскі Казімір Саковіч, “вялікі прыяцель ягамосці пана ваяводы [Марцыяна Агінскага]”[33], які жыў у той час у яго доме на Ніжнім замку[34]. Бернардзінцам ён дапамагаў яшчэ раней (1728, 1733)[35]. Апроч таго быў дабрадзеем віцебскіх і віленскіх езуітаў, а перад усім аршанскіх трынітарыяў, якім у 1725 – 1735 гг. фінансаваў будаўніцтва мураванай святыні, стварыўшы ў яе крыпце сямейны маўзалей[36]. Жаданне пабудаваць касцёл бернардзінцаў (у падзяку за невядомую ласку) падкаморы пацвердзіў у тастаменце, напісаным 20.II.1736 г.: “Касцёл ягамосцяў ксяндзоў бернардзінцаў віцебскіх у імя св. Антонія, калі б мне самому не прыйшлося вымураваць паводле майго

[28] Kuryer Polski. 1731. Nr. XC. S. 387 – 388: Карэспандэнцыя ад 22.VIII.1731. Быццам бы ў верасні 1731 г. біскуп Анцута асвяціў у Віцебску таксама мураваны касцёл езуітаў і драўляны касцёл дамініканцаў. Год асвячэння быў важнай датай для літоўскіх бернардзінцаў. Адлучаныя ад малапольскіх, яны ўтварылі ўласную правінцыю, якая налічвала 27 кляштараў.

[29] “Хроніка горада Віцебска”. С. 24.

[30] Biblioteka PAU w Krakowie (далей – BPAU), rkps. 3143: Прывілей горада Віцебска. Арк. 277.

[31] Kuryer Polski. 1733. Nr. CLXXXV. S. 441: Карэспандэнцыя з Магілёва (20.IV.1733).

[32] *Stanisław Załęski T.J.* Jezuici w Polsce. T. IV. Cz. 3. Kraków, 1905. S. 1417.

[33] Kuryer Polski. 1731. Nr. LXXVIII. S. 339: Карэспандэнцыя з Віцебска (30.V.1731).

[34] Саковіч атрымаў дом ад ваяводы, які аддаваў перавагу пражыванню ў прыгарадных Лукішках або ў недалёкім Марцыянаве. Перад смерцю адпісаў яго свайму хрэсніку Тадэвушу Агінскаму. Гл.: ИЮМ. Т. 18. № 65. С. 337 – 354: Тастамент Марцыяна Агінскага (15. VII.1744).

[35] НГАБ, 1781 – 26 – 1407, арк 7: Легат Казіміра Саковіча (40 дукатаў або 600 рублёў) на адпраўленне бернардзінцамі імшы ў Тадуліне (6.IX.1728); АРВ, S-wit-1. S. 257 (Сумы, ахвяраваныя бернардзінцам у 1728 і 1733 гг.).

жадання, пакідаю на тое даўгавую распіску яснавяльможнага ягамосці пана Аляксандра Пацея, падчашага ВКЛ на чатыры тысячы талераў бітых, пазыкаю ад мяне ўзятых. <…> Калі б здароўе жонкі [Тэклі Ганны з Лярскіх, дачкі суддзі аршанскага] дазволіла ўпрыгожыць віцебскі мураваны бернардзінскі касцёл, на які прызначаецца дэклараваная мною фундацыя, тады прашу прызначыць ёй на гэта маёнтак Дрычалукі [Dreczułki]”[37].

Некаторыя будаўнічыя працы пачаліся яшчэ пры жыцці падкаморага, які памёр неўзабаве пасля складання тастамента (17.X.1736 г. і быў пахаваны ў Оршы). Пад гэтым годам гарадскі летапісец занатаваў, што “касцёл пачалі мураваць ксяндзы віцебскія бернардзінцы ў самым рынку, у горадзе Віцебску”. У наступным годзе кляштарная каса папоўнілася сумай у 1400 талераў бітых, якую віцебскія радцы вярнулі гвардыяну Юзафу Міхлерскаму (магчыма, за арэнду пляцаў і крамаў)[38]. Магло б падацца, што будоўля распачалася паспяхова (аб чым згодна пішуць усе аўтары), аднак знаёмства з іншымі крыніцамі схіляе да думкі, што, напэўна, прыспешаны смерцю фундатара, пачатак будаўніцтва мог мець характар выключна сімвалічны. Бо будоўля пачалася толькі на шэсць гадоў пазней, калі з’явіўся архітэктар і былі зроблены новыя праекты.

Імпульсам да пачатку будаўніцтва стаў шлюб ваяводы Марцыяна Агінскага, які пасля смерці сваёй трэцяй жонкі ажаніўся са згаданай удавой-падкаморынай Тэкляй Ганнай Лярскай, якая ўжо два разы была замужам, у першым шлюбе за Галінскім, у другім – за Саковічам. У дом Агінскіх яна прынесла фундатарскія абавязкі ў адносінах да бернардзінцаў. 10.II.1742 г. новая жонка ваяводы і яе апекуны, пасынак Тадэвуш



Фасад касцёла Св. Антонія. Паштоўка каля 1910 г.

Агінскі (на той час пісар літоўскі) і пісар земскі віцебскі Казімір Гурка, заключылі ў Вільні кантракт з “Юзафам Фантанай, архітэктарам Яго Каралеўскай Міласці”, які абяцаў скончыць будоўлю касцёла “паводле дадзенага ад сябе абрысу” і “фундатарцы толькі аддаць ключы пасля заканчэння” (Дадатак I)[39]. Паводле кантракта малады, на той час дваццацічатырохгадовы архітэктар браў на сябе вярбоўку “ўсіх патрэбных на будоўлі рамеснікаў”, затое інвестар дэкляраваў забяспечыць усе патрэбныя матэрыялы. За панесеныя выдаткі і асабістую працу Фантане абяцана было выплаціць 3000 талераў (1000 талераў бітых па кантракце, а належная сума выплочвалася часткамі ў адпаведнасці са станам фінансавання будоўлі). Згадвалася пры гэтым адказнасць за “новазакладзеныя падмуркі”, таму варта дапусціць, што да таго часу іх яшчэ цалкам не вывелі[40]. Зрэшты, не толькі змест умовы прымушае ўдакладніць прадстаўленую летапісцам дату пачатку

[36] У Оршы Саковіч узяў на сябе абавязкі фундатара пасля стрыечнага брата, суддзі гродскага трокскага Адама Уладзіслава, які загінуў у 1717 г. у тарнагродскай канфедэрацыі. Пабудаваная святыня адсылала да касцёла ў падвіленскім Трынопалі і ў плане прадстаўляла аддаленае эха мацярынскага San Carlino. Грунтоўна перабудаваны на сабор, храм прастаяў да 1957 г.

[37] АРВ, S-wit-1. S. 23 – 34: Выпіска з гродскіх кніг тастамента Казіміра Саковіча (16.III.1736). Выканаўцамі тастамента Саковіч прызначыў свайго хрэсніка Тадэвуша Агінскага (на той час старосту перавальскага) і пісара земскага віцебскага Казіміра Гурку.

[38] Хроніка горада Віцебска. С. 24 – 24 адв., 36 адв.



Завулак на паўночным баку касцёла. Карціна Марка Шагала. Віцебскі базар. 1917 г. Метраполітэн Музеум, Нью-Йорк

будоўлі. Так, у 1742 – 1744 гг., ужо пасля прадстаўлення новага праекта, чарговы гвардыян, айцец Адрыян Себасціянскі, “для патрэбы мураванага касцёла вялебных айцоў бернардзінцаў, які нанова фундуецца <…>, з-за недахопу месца для будоўлі <…>, без чаго будаўніцтва касцёла не можа быць фундавана”, набываў шматлікія “памежныя пляцы ў Верхнім Радзе” (гэта былі невялікія надзелы, якія не перавышалі 6 х 4,5 віленскія локці, гэта значыць, каля 4 х 3 метры), дабіваючыся “моцы на тым грунце закласці касцёл і будаваць без ніякай ад нікога перашкоды”[41].

Першая частка грошай была выплачана Фантане 24.І.1743 г., і працы, відаць, пачаліся вясною[42]. У 1744 – 1747 гг. пры пасрэдніцтве гвардыяна Себасціянскага і кіраўніцтве ваяводы архітэктар атрымаў “згодна кантракту” са скарбу Тэклі Агінскай

[39] Падобна на тое, што ў тым самым 1742 г. Юзаф Фантана быў заняты іншым заказам ваяводы Марцыяна Агінскага – санктуарыем у Бялынічах. Гл.: *Boberski W.* Maryjne sanktuarium karmelitów w Białyniczach. Architektura i sztuka Białoruskiej Częstochowy // Sztuka kresów wschodnich. T. 6. Pod red. Andrzeja Betleja i Piotra Krasnego. Kraków, 2006. S. 94 – 154. Пра архітэктара Юзафа Фантану “віцебскага” гл. таксама: *Boberski W.* Fontana Józef (1716 – ok. 1772). [W.]: Allgemeines Künstler-Lexikon. Bd. 42. München – Leipzig, K. G. Saur, 2004. S. 127 – 128; *Boberski W.* Dzieje fary w Witebsku i jej architektoniczne przemiany // Sztuka kresów wschodnich. T. 4. Pod red. Andrzeja Betleja i Piotra Krasnego. Kraków, 1999. S. 33 – 60; *Boberski W.* Późnobarokowa cerkiew katedralna w Witebsku i jej rzymski pierwowzór // Biuletyn Historii Sztuki 62. 2000. Nr. 1 – 2. S. 105 – 152; *Boberski W.* Architektura kościoła i kolegium jezuitów w Witebsku // Roczniki Humanistyczne KUL. T. 50. 2002. Z. 4. S. 323 – 366; *Boberski W.* Kresowe Toledo // Na Poważnie. Miesięcznik o Polsce, historii i kulturze. 2012. Nr. 1 – 2. S. 110 – 113.

[40] АРВ, S-wit-1. S. 43: Кантракт, заключаны ў Вільні з Юзафам Фантанай на заканчэнне пабудовы касцёла. 15.XII.1744 г. дамова ўпісана ў віцебскія гродскія кнігі ў прысутнасці крайчага літоўскага і падваяводы віцебскага Мікалая Антонія Рэута; гл.: АРВ, S-wit-1. S. 47 – 50.

[41] ИЮМ. Т. 18. № 55 – 61. С. 300 – 328.

[42] “<…> атрымаў ад Богу вялебнага ягамосці ксяндза Адрыяна Себасціянскага па моцы кантракта першую частку ў суме тысячу талераў, у чым падпісваюся, Юзаф Фантана” (24.І.1743); “Таксама на другі год выбраў згодна кантракта на будаўніцтва касцёла <…> суму ў двесце семдзесят сем талераў бітых” (20.X.1744) – уласнаручныя допісы архітэктара на копіі кантракта, гл.: АРВ, S-wit-1. S. 49 – 50.

[43] АРВ, S-wit-1. S. 43 – 44, 55 – 56, 58 v; гадавыя выплаты, звычайна ў колькасці 300 талераў бітых, Фантана атрымліваў праз пасрэдніцтва харужага Бжэзінскага (1745), генеральнага камісара ўладанняў ваяводы Марцыяна Агінскага Міхала Кушлеўскага (1746 – 1747), кс. Міхлерскага (1747) і ад кс. рэктара (1747).

адпаведна меншыя выплаты, якія склалі суму ў 2562 талеры бітых[43]. 10.IX.1747 г. "на плату рамеснікам, што працуюць на будаўніцтве касцёла вялебных ягамосцяў ксяндзоў бернардзінцаў", ад Міхала Кушалеўскага, эканома Тэклі Агінскай, 50 талераў бітых атрымаў не Фантана, а нейкі "Людвік Флядрыскі" – быць можа, майстар, які кіраваў працамі[44]. Летам 1749 г. праца ля муроў набліжалася да канца. Архітэктар асабіста закупіў тады шасцісажневыя бярвенні для завяршэння даху[45] і штотыдзень праводзіў разлікі не толькі з муршчыкамі і памочнікамі, але таксама з цеслярамі, шклярам і кавалём[46]. Разам выдаткі на выканаўцаў у 1743 – 1749 гг. наблізіліся да дэклараванай у кантракце сумы 3000 талераў бітых.

Пасля смерці ваяводы Агінскага (1750)[47] тэмп прац выразна зменшыўся. Удава не заўсёды выконвала абавязацельствы і нават сама, "маючы пільную патрэбу ў грошах", задаўжала кляштару[48]. Нарэшце яна пакінула Віцебск і ўступіла ў кляштар брыгітак у Гродне. Нягледзячы на тое, што ўжо пад канец 1748 г. канвент атрымаў папскі прывілей на "адзін алтар са штодзённым адпустам"[49], а ў 1752 г. пасля вераснёўскага пажара віцебскіх замкаў "ягамосці ксяндзы езуіты і дамініканцы ў ягамосцяў ксяндзоў бернардзінцаў мусілі праводзіць набажэнствы"[50], ні ў 1755 г., што згадваўся ў візітацыях як дата заканчэння святыні, ні нават падчас кансекрацыі, выкананай 4.XII.1768 г. суфраганам "Белай Русі", эксфранцішканцам Феліксам Тавяньскім, інвестыцыя не была да канца рэалізавана[51]. Магчыма, гэта адбылося толькі ў палове 70-х гадоў XVIII ст. Першымі гадамі пасля падзелу Рэчы Паспалітай варта было б датаваць узвядзенне верхніх ярусаў вежаў і шчыта фасада. Прычыны спазнення, а таксама акалічнасці аднаўлення будоўлі падрабязна апісаў свайму правінцыялу гвардыян Эрык Бабятыньскі ў лісце, напісаным 3.IX.1780 г.:

"З боку былой ваяводзіны, а зараз Богу вялебнай брыгіткі трэба бачыць, што такую маем справу: светлай памяці ваявода прадпісаў ёй будоўлю, тады падкамаранка, якая была абавязана і мела шмат магчымасцяў, люба касцёл вымуравала, але не скончыла і не ўладкавала, бо пакінула без вежаў і фасада, і так гэты не скончаны касцёл стаяў 40 гадоў [падобна на тое, што гвардыян адлічвае гэты тэрмін ад моманту закладкі вуглавога каменя ў 1736 г.]. Толькі калі я ў першы раз у мінулых гадах стаў у Віцебску гвардыянам [пасля 1768 г.], маючы прыкрасць ад яснавяльможнага пана Жабы [відаць, размова ідзе пра суддзю гродскага віцебскага Мікалая Гераніма], які вымаўляў, чаму нічога каля касцёла, або заканчэнне яго не пачынаецца за тыя грошы, што вяльможны пан Жаба першы даў некалькі гадоў таму ў колькасці 700 талераў бітых, я пісаў да Богу вялебнай згаданай брыгіткі і на падставе выказанага тастамента прасіў, каб хоць бы зрабіла ласку дадаць, бо што я з тымі 700 талерамі зрабіў бы. Выглядае на тое, што Богу вялебная брыгітка была

---

[44] APB, S-wit-1. S. 53.

[45] APB, S-wit-1. S. 58 v. Капа такіх бярвенняў каштавала 12 талераў бітых, іх абцёсванне і апрацоўка – 4 талеры бітых, дастаўка – 3 талеры бітых.

[46] APB, S-wit-1. S. 57 – 58: 15 распісак Юзафа Фантаны (15.V – 27.VII.1749).

[47] У лютым 1751 г. Марцыян Агінскі спачыў у маўзалеі роду ў фундаваным ім касцёле езуітаў у гонар св. Юзафа (буд. 1713 – 1731) – самым ранніх помніку барочнай сакральнай архітэктуры ў Віцебску. Гл.: *Boberski W.* Architektura kościoła i kolegium jezuitów… S. 323 – 366.

[48] APB, S-wit-1. S. 231 – 232: Тэкля Агінская пазычыла 1250 талераў бітых пад заклад маёнтка Курына (1751).

[49] НГАБ, 1781 – 26 – 1407, арк. 6 адв.: адпуст Бенедыкта XIV (31.XII.1748).

[50] MABR, 43 – 23752: ліст віцебскага дэкана Казіміра Лукашэвіча (13.VIII.1752).

[51] НГАБ, 1781 – 26 – 1395, арк. 58 – 58 адв. (акт візітацыі ад 15.X.1818); НГАБ, 1781 – 26 – 1411, арк. 52 (акт візітацыі ад 22.X.1823); НГАБ, 1781 – 26 – 1407, арк. 6 адв. Канвент двойчы атрымліваў папскія адпусты: 6.IX.1757 г. ад Бенедыкта XIV і ўжо перад кансекрацыяй, 22.IX. 1768 ад Клеменса XIII, гл.: APB, sygn. 102 і 113.



Касцёл Св. Антонія з боку прэзбітэрыя. Дрэварыт Саламона Юдовіна. 1923 г.

схільная даць на дапамогу ў заканчэнні касцёла тысячу талераў бітых, але яснавяльможны пан Юдыцкі гэта ёй адраіў, ці, дакладней, ад гэтага ахвяравання адвёў. І яна, не дапамагаючы скончыць касцёл, яшчэ пытаецца, якія мы маем аблігацыі [даўгавыя паперы] за кошты, пакладзеныя на касцёл. Аднак ніводнай аблігацыі ясны пан падкаморы не пакінуў. Аблігацыя нябожчыка ж выконваецца, бо кожны аўторак спяваецца імша за наданне чатырох тысяч злотых рускіх. Хутчэй Богу вялебная ясна пана брыгітка паводле тастамента павінна скончыць касцёл, як і вярнуць нам польскіх злотых 14.474 і 18 грошаў, што на заканчэнне выдадзены. Яснавяльможны пан Юдыцкі, яе ўнук [Яўхім, палкоўнік войскаў польскіх і расійскіх], нібы згаджаючыся, каб яго бабулі не зрабіць прыкра, абяцаў на будоўлю 2000 злотых; выдаў толькі тысячу, а другую і не думае”[52].



Касцёл Св. Антонія з боку прэзбітэрыя. Фота каля 1930 г.

Будаўніцтва кляштара

Паколькі на спадчыннікаў фундатара не заўсёды можна было разлічваць, бернардзінцы шукалі іншых дабрадзеяў[53]. Будаўнічую касу папаўнялі грошы, атрыманыя за арэнду і продаж пляцаў, што належылі канвенту. Калі касцёл накрылі дахам, з’явілася магчымасць падумаць пра ўзвядзенне кляштара. 20.III.1753 г. кантракт на яго будаўніцтва з Юзафам Фантанай заключыў новы гвардыян айцец Лукаш Дамброўскі ў прысутнасці сіндыка, крайчага літоўскага і падваяводы Мікалая Антонія Рэвута (Дадатак 2)[54]. Інвестыцыя распачалася яшчэ той самай вясною з паўднёвага боку касцёльных муроў і ажыццяўлялася коштам ордэна, які на гэты раз забяспечваў не толькі матэрыялы, але таксама і рамеснікаў. Архітэктару, які прадставіў уласны праект, даручаўся выключна нагляд за будоўляй, што павінна была скончыцца праз два гады. Атрымаўшы па кантракце ўсю суму ў 200 талераў бітых, Фантана ў выпадку “аддалення ад гэтай будоўлі” абавязваўся асабіста выбраць і аплаціць “такога субалтэрна, які б гэтую будоўлю мог дасканала скончыць”[55]. Пра падрабязнасці прац нічога невядома, апроч

[52] АРВ, L–12. S. 701.

[53] Найбольшыя сумы ў гатоўцы, нерухомасці або працэнтах ад даходаў канвенту ахвяравалі: Канстанцыя Булгакава (25 талераў бітых у 1742 г.), Тэадора Латэцкая (пляц на Задзвінні ў 1752 г.), Міхал Лазіцкі (100 талераў бітых у 1753 г.), Абундацыя Целыкоўская, жонка скарбніка navaградскага (30 талераў бітых у 1763 г.), Міхал Чэшковіч (300 рублёў у 1775 г.), Геранім Чапліц (250 рублёў на Тулаве ў 1779 г.), Пётр Цэлесцін Храпавіцкі, брыгадзір расійскіх войск і сіндык кляштара (у 1806 г. забяспечыў 2000 рублёў на Сялютах); гл.: АРВ, S-wit-1. S. 183 – 230; НГАБ, 1781 – 26 – 1407, арк. 6 адв. – 7.

[54] АРВ, S-wit-1. S. 63: Кантракт з Юзафам Фантанай на будаўніцтва кляштара (20.III.1753).



Былыя касцёл і кляштар бернардзінцаў з паўднёва-ўсходняга боку. Фота каля 1944 г.

таго, што будаўніцтва, верагодней за ўсё, не ўдалося скончыць у прызначаны тэрмін. Яшчэ ў 1760 – 1761 гг. па распараджэнні правінцыяла Вінцэнта Сапліцы, які страчваў цярпенне, чарговы гвардыян Руфін Федаровіч прадаў непатрэбныя грунты, "вымагаючы сумы на заканчэнне распачатага кляштара"[56]. Не выключана, што размяшчаліся манахі тады не пры галоўным гмаху, а ў вялікім комплексе гаспадарчых пабудоў, што знаходзіліся бліжэй да моста.

Убранства касцёла

Усталяванне вежаў на мурах касцёла супала з пачаткам прац па яго ўпрыгожванні. 6.VIII.1749 г. Фантана падпісаў у Марцыянаве кантракт з ваяводам Марцыянам Міхалам Агінскім на выкананне галоўнага алтара і пышнага табернакля (Дадатак 3)[57]. Умова выглашала суму ў 600 талераў бітых, якая выплочвалася часткамі, авансам за працу. Абедзве мураваныя структуры з калонамі Фантана абяцаў зрабіць "паводле пададзенага ад сябе плана" і зацверджанага ваяводам "прадстаўленага абрысу". Архітэктар павінен быў не толькі знайсці рамеснікаў, але таксама выдаткаваць уласныя грошы на матэрыялы. Тэкст, які каментуе малюнкі, абмяжоўваецца агульнымі словамі. Апісваецца прысценная двух'ярусная канструкцыя, аздобленая ляпнінай, гіпсавымі статуямі і анёламі, а таксама пазалочанымі капітэлямі, фестонамі, гербамі і "фіглятурамі каля абраза" св. Антонія. Структура табернакля павінна была мець форму архітэктурнай перагародкі, расцягнутай на ўсю шырыню прэзбітэрыя і аддзяляючай манаскі хор ад нефа касцёла. Над менсай і даразахавальніцай адчынялася, відаць, перспектыва на алтар у завяршэнні апсіды. Нягледзячы на дэклараваную паспешнасць ("найхутчэй, наколькі можа

[55] У паперах канвента знаходзім цікавую біяграфічную акалічнасць, якая з'яўляецца чарговым сведчаннем сямейных сувязяў Юзафа Фантаны "віцебскага". У лютым 1750 г. ён абяцаў бернардзінцам выплаціць 100 талераў, запісаных яго братам Каралем, якога належыць ідэнтыфікаваць як аднаго з двух сыноў, што памерлі бяздзетнымі, Юзафа Фантаны "варшаўскага": Каралем Антоніем Гаспарам (нар. 5.I.1721) або Каралем Дамінікам Якубам (нар. 25.VII.1724). APB, S-wit-1. S. 62; "Асігноўка грошай для віцебскіх бернардзінцаў па распараджэнні пана брата майго Караля Фантаны" (14.II.1750).

[56] Бернардзінцы прадалі, між іншым, "пляц пры Вострай Спаскай гары" мешчаніну Паўлу Турыне за 130 талераў бітых (14.XI.1760), гл.: APB, S-wit-1. S. 239 – 240; пар. ИЮМ. Т. 19. № 6. С. 63 – 67. Праз год іншыя грунты на Узгор'і яны збылі Андрэю Праскуновічу, гл.: ИЮМ. Т. 19. № 18. С. 106 – 109 (25.VII.1761).

[57] Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (Вільня, далей: LVIA), 1177 – 1 – 3389.



Вялікі алтар у гонар св. Антонія, 1749 – 1753 гг. Праект Юзафа Фантаны. Справа – атлар Беззаганнага Зачацця Панны Марыі, 1757 – 1758 гг. Архітэктар Людвік Яздоўскі. Фота каля 1900 г. Са збораў IS PA

быць, тыя працы прыспешыць”), выкананне дамовы значна спазнілася. Яго не дачакаўся памерлы праз год ваявода, а таксама гвардыян Себасціянскі, што ад пачатку ажыццяўляў нагляд за бернардзінскай будоўляй. Амаль на тры гады пазней, 20.III.1753 г., Фантана з нагоды заключэння кантракта на будаўніцтва кляштарнага будынка прадставіў яго наступніку, айцу Дамброўскаму, страхоўку на заканчэнне вялікага алтара яшчэ да надыходу восені, а ў выпадку невыканання абавязацельстваў дазваляў са сваіх уладанняў дабівацца вяртання тых 600 талераў бітых. Пра структуру табернакля дакумент ужо не згадваў, відаць, ад яго адмовіліся (Дадатак 4)[58]. Трэба меркаваць, што ў 1755 г., які згадваецца як дата заканчэння касцёла, бернардзінцы маглі адпраўляць набажэнства пры галоўным алтары св. Антонія, таму што неўзабаве пачаліся працы над іншымі элементамі аздаблення[59].

У 1756 – 1758 гг. ля цэнтральнай аркі паўсталі дзве наставы, падобныя як блізняты. Іх выканаўцам быў “магістр мулярскага мастацтва” Людвік Яздоўскі, прысланы два гады назад з Вільні ў Віцебск для кіравання будаўніцтвам віцебскай фары (паводле праекта Юзафа Фантаны)[60]. У сярэдзіне 1756 г. ён падпісаў кантракт з пісарам земскім Ігнацiем Качаноўскім на ўстанаўленне з боку Евангеліі алтара са штучнага мармуру ў гонар Пана Езуса Укрыжаванага (Дадатак 5)[61]. Умова тычылася алтарнай наставы “на два ярусы, а калі не хопіць месца, то на адзін” (хутчэй за ўсё, дакладнага праекта не было),

[58] АРВ, S-wit-1. S. 67 – 70: Страхоўка ягамосці пана Фантаны на заканчэнне Вялікага Алтара (20.III.1753).

[59] НГАБ, 1781 – 26 – 1395, арк. 58 – 58 адв. (акт візітацыі ад 15.X.1818); НГАБ, 1781 – 26 – 1411, арк. 52 (акт візітацыі ад 22.X.1823). Ужо ў 1752 г., пасля пажару, які знішчыў тэрыторыю Ніжняга Замка, “ягамосці ксяндзы езуіты і дамініканцы ў ягамосцяў ксяндзоў бернардзінцаў мусілі праводзіць набажэнствы”. Гл.: *Boberski W.* Architektura kościoła i kolegium jezuitów… S. 338.

[60] Гл.: *Boberski W.* Dzieje fary… S. 38 – 39. Людвік Яздоўскі прыбыў у Віцебск 4.VIII.1754 г. разам з канонікам Янам Дамінікам Лапацінскім, каб кіраваць будоўляй фары. Ажно да яе заканчэння (1762) ён вяртаўся кожную восень да жонкі Крысціны, якая жыла ў Вільні. У лістападзе 1754 г. у яго нарадзіўся сын Юзаф Андрэй, хросным якога быў вядомы стукатар (майстар па апрацоўцы стуку – штучнага мармуру) Ян Хедля (LVIA 604 – 10 – 9: Liber Baptistorum Eccelsia Parochialis Vilensis Sancti Joannis ab Anno 1747 ad Annom 1774 inclusive, к. 124, запіс № 388). Задакументаваная за дзесяцігоддзе дзейнасць Яздоўскага ў Віцебску, напэўна, не вычэрпвае спіс яго прац. Інтрыгуе паведамленне пра Людвіка Яздоўскага – аднаго з фундатараў касцёла бернардзінцаў у Тэльшах на Жмудзі (1762 – 1765). Спонсары гэтай інвестыцыі, між іншым, добра вядомыя, можна дапусціць, што згаданая асоба выступала там у іншай ролі. Гл.: *Maciej Wołonczewski.* Biskupstwo Żmujdzkie. Tłum. Maurycy Hryszkiewicz. Kraków, 1898. S. 173.

[61] АРВ, S-wit-1. S. 71 – 73: Кантракт з Людвікам Яздоўскім, магістрам мулярскага мастацтва, на алтар Пана Езуса (20.VI.1756).



Друя, касцёл бернардзінцаў, галоўны алтар і табернакль, 1764 – 1767 гг. Архітэктар Антоніа або Даменіка Паракка (?). Фота каля 1930 г. Са збораў IS PAN

выглашала суму ў 160 талераў бітых і была рэалізавана ў канцы года. Апроч згаданай сумы фундатар браў на сябе шматлікія абавязкі. Ён дастаўляў матэрыялы (цэглу, вапну, чорны гіпс, "золата да залачэння і атрымання жылак, а таксама промняў", дрэва для рыштаванняў), а таксама абразы (у галоўным полі знаходзілася скульптурная фігура Укрыжаванага, вышэй – абраз, які прадстаўляў Пературэнне). Звыш таго ён гарантаваў памочнікаў муляра, харчаванне ў бернардзінцаў для аднаго муляра, а таксама самога Яздоўскага "пры пачатку гіпсавання, мармуравання і шліфавання, ажно да заканчэння". Сам жа майстар абяцаў закупіць белы гіпс (цікава, што высылалі за ім тры фундатарскія падводы ажно да Вільні) і фарбы. Каларыстыка ва ўмове была вызначана дакладна: "Колер мармуру ва ўсім алтары павінен быць зялёны бірузовы з іншымі, толькі не чырвонымі фарбамі злучаны, а па мармуры маю даць для аздобы залатыя жылкі, як ва ўсіх мармурах". Пад канец працы выплаты з касы фундатара праз пасрэдніцтва гвардыяна Дамброўскага атрымлівалі муляры Лазаровіч (5 талераў бітых) і Яцэвіч (2 талеры бітыя) – што некалі замянялі майстра Людвіка на будоўлі фары, а таксама мастак Сазэк (3 талеры бітыя)[62].

Праца Яздоўскага атрымала прызнанне, калі 15.IX.1757 г., называючыся архітэктарам, ён падпісаў у Гарадку дамову на выкананне другой наставы пры арцы, прысвечанай Беззаганнаму Зачаццю Панны Марыі (Дадатак 6)[63]. Замоўленую працу ён скончыў у час, у верасні 1758 г.[64] Кантракт быў амаль такі ж самы, як і папярэдні, толькі ў гэтым выпадку фундатар, генерал літоўскай артылерыі Антоні Салагуб (яго прадстаўляў камісар уладанняў, абозны браслаўскі Станіслаў Клот), палічыў за лепшае дадаць 100 талераў і багатую выплату натурай, чым быць уцягнутым у дастаўку матэрыялаў і вярбоўку выканаўцаў. Звязана гэта было, можа быць, з прафесійнай эмансіпацыяй Яздоўскага, які дапрацаваўся да ўласнай майстэрні. У 1760 г. ён меў з гэтай нагоды непрыемнасці, таму што працаваў не ў цэху, "ніякай павіннасці ў месце Яго Каралеўскай Міласці Віцебску не складаючы". У абгрунтаванне позвы цэхмайстар мулярскага і ганчарнага цэху Пётр Гудзізевіч сцвярджаў, што Яздоўскі,

[62] АРВ, S-wit-1. S. 74: Распіскі за частковыя выплаты і разлікі падвыканаўцаў (ад 6.VII.1756).
[63] АРВ, S-wit-1. S. 75: Кантракт на алтар Беззаганнага Зачацця Панны Марыі (15.IX.1757).
[64] АРВ, S-wit-1. S. 76: восем распісак за атрыманне грошай ад Людвіка Яздоўскага.



Алтар Беззаганнага Зачацця Панны Марыі, 1757 – 1758. Архітэктар Людвік Яздоўскі. Мантаж В. Баберскага

“парушаючы прывілеі найяснейшых каралёў польскіх, нададзеныя тутэйшаму месту, прыехаўшы для працы ў места Яго Каралеўскай Міласці Віцебск як архітектар, не трымаючыся архітэктуры, намовіўшы тутэйшых і прышлых муляраў, сам разам са сваімі таварышамі ў месце па дамах панскіх шляхецкіх, гарадскіх, яўрэйскіх коміны, камінкі, печы складае <…>”. Вырак гродскага суда, які адхіліў скаргу, варты цытавання: “Пастанаўляем, каб муляры, як тутэйшыя, што ў месце жывуць, так і тыя, што да места прыехалі, якія кельмай зарабляюць, выключна да цэха належалі <…>, а ягамосць пан Людвік Яздоўскі, таму што архітэктурай, а не кельмай зарабляе, значыць і згаданую яго працу вольны рабіць бясплатна”[65]. Такім чынам у абліччы права спраўдзілася бліскучая прафесійная характарыстыка муляра, дадзеная амаль на два гады раней вельмі зычлівым да яго віцебскім дэканам Казімірам Лукашэвічам, які прадставіў наступную рэкамендацыю: “Людвік <…> шчыра, праўдзіва працуе, не напіваецца ў рабочыя дні, часу не губляе і іншых да працы заахвочвае[66]. Людвік добры чалавек, калі б толькі не быў упарты і шмат пра сябе ў мастацтве не думаў, бо архітэктонікі не ведае. Загадаеш яму, і ён пільнаваць будзе, каб дакладна прытрымліваўся абрысу <…> і за ўсім наглядаў”[67].

Праз дэкаду пасля Яздоўскага ў кляштары віцебскіх бернардзінцаў з’явіўся нейкі Ян Азялевіч, які з выхваленнем

[65] НГАБ, 1709 – 1 – 23 (Віцебскі гродскі суд, 1760 – 1761), арк. 79 – 80: Дэкрэт у справе мулярскага цэха з панам Яздоўскім (10.III.1760).

[66] MABR, 43 – 23752: ліст ад 6.X.1754.

[67] MABR, 43 – 23752: ліст ад 6.VII.1755. Кс. Лукашэвіч бараніў Яздоўскага ад гневу Фантаны, які “ўбачыў шмат рэчаў, што патрабуюць папраўкі, а Людвіка не было, тым скончыў, што калі б не ішла размова пра кошты, то ён загадаў бы зруйнаваць мансарду”. Гл.: *Boberski W.* Dzieje fary… S. 38.

[68] Знаходжанне гвардыянаў на пасадах звычайна практыкавалася з погляду на існуючыя будоўлі. Сведчаннем актыўнага будаўнічага руху ў 60-х гг. XVIII ст. у Літоўскай правінцыі бернардзінцаў з’яўляюцца лісты, дасыланыя з Рыма кардыналам-пратэктарам (Carl Cavalehin) правінцыялам (Антонію Гняўчынскаму, ФранцішкуПшыленцкаму) з дыспенсамі на пралангацыю трохгадовай кадэнцыі там, дзе “in loco lignea fabrica muratas”. Яны тычыліся канвентаў: у Беліцы (1760 – 1764, гв. Пётр Чапкоўскі), Будславе (1767, гв. Канстанты Пенс), Дуброўне (1766, гв. Францішак Вуяшэвіч), Гродне (1766, гв. Тэадор Крапіўніцкі), Глуску (1760 – 1766, гв. Тэадор Зянковіч і гв. Францішак Харкевіч), Пінску-Кароліне (1763, гв. Эразм Кніскі), Магілёве (1763 – 1764, гв. Аўгуст Байкоўскі), Мазыры (1759 – 1767, гв. Фелікс Пласкавіцкі), Мсціславе (1767, гв. Гіяцынт Дамброўскі), Полацку (1765 – 1769, гв. Рафал Кулікоўскі), Слоніме (1759 – 1766, гв. Адрыян Ажэхоўскі), Тэльшах (з 1759, гв. Францішак Кошуць), Валожыне (1769, гв. Андрэй Ажэхоўскі) і ў Вільні (1766, гв. Вінцэнт Сапліца). Гл.: APB (Kraków), L – 12. S. 829 – 863.



Унутранае ўбранне касцёла св. Антонія з амбонам, каплічным алтаром Св. Францішка (1767, архітэктар Ян Азялевіч) і алтаром Пана Езуса (1756, архітэктар Людвік Яздоўскі)

называў сябе “Artis Architectoriae inVentor”. У лістападзе 1766 г. ён узяў на сябе абавязак перад айцом Лукашам Дамброўскім (які амаль без перапынку на працягу 16 гадоў загадваў канвентам[68]) вымураваць за суму ў 180 талераў бітых алтар у гонар св. Францішка ў завяршэнні паўночнага нефа касцёла (Дадатак 7)[69]. Лапідарная дамова не ўдакладняла форм наставы, затое была прапітана своеасаблівай ганарлівасцю “інвентара”, які “сам добраахвотна, а не з якога людскога прымусу”, згадзіўся кіраваць уласнымі рамеснікамі (“гэта значыць, мулярам, штукатарам, шліфоўшчыкам і памочнікам”) і з закупленых ім матэрыялаў (за выключэннем золата) выканаць згаданы твор з красавіка да верасня наступнага года. Робіцца ўражанне, што невядомы Азялевіч невядома адкуль прыбыў у Віцебск нядаўна і, жывучы на манаскім харчаванні, меў надзею атрымаць больш значны заказ.

Апроч чатырох згаданых алтароў касцёл упрыгожвалі яшчэ пяць мураваных настаў. У капліцах: св. Ганны (брацкая) і св. Казіміра, а таксама пры калонах: св. Івона, св. Язафата і св. Міхала Арханёла (кавальскага цэху). Пра іх аўтараў і фундатараў не захавалася ніякіх звестак. Мураваным “з мазаікай” і дэкараваным лепкай быў таксама амбон[70].

Рынкавыя крамы

Як інтэгральная частка забудовы рынку бернадзінскі комплекс паспытаў вынікі ўрбаністычнай рэгуліроўкі, якая пачалася непасрэдна з прыходам расіян і стала нагодай для шматлікіх канфліктаў, што тычыліся ўласнасці. Ужо ў 1773 г. бурмістр Ян Ігольнік шкадаваў, што 12 яго крамаў “у выніку цяперашняга забрання места Віцебска найяснейшай расійскай імператрыцай разам з іншымі зруйнаваны і пад Рынкавую плошчу без ніякай узнагароды ўзяты”[71]. Будаўніцтва двухпавярховых падобных адно да аднаго крылаў, якія размяшчаліся насупраць адзін аднаго як кулісы і былі прывязаны з поўначы да фасада касцёла Св. Антонія, а таксама да прэзбітэрыя Уваскрасенскай царквы, расцягнулася ў часе[72]. У 1776 г.

[69] АРВ, S-wit-1. S. 77 – 79: Кантракт з Янам Аляшэвічам на алтар св. Францішка (6.XI.1766).

[70] НГАБ, 1781 – 26 – 1395, арк. 58 – 58 адв. (акт візітацыі ад 15.X.1818); НГАБ, 1781 – 26 – 1411, арк. 52 – 52 адв. (акт візітацыі ад 22.X.1823); *Сементовский А.М.* Витебск. Статистический очерк. С. 193. Сцены прэзбітэрыя і капліц упрыгожвалі выявы, “затушаваныя” чорнымі фарбамі ў тэхніцы “en grisaille”. У гэтай тэхніцы былі адлюстраваны на сцяне, між іншым, 14 станцый Крыжовага шляху (верагодна, яны былі зафарбаваны падчас рамонту 1882 г.). Бернардзінцы вельмі ганарыліся 12-галосным арганам з “бубнам, званкамі і зоркай”. У паўднёвай вежы віселі тры званы. Згадка пра знаходжанне ў касцёле да 1939 г. палотнаў Сальвадора Розы (гл.: *Віцьбіч Ю.* Ня змоўклі віцебскія арганы // Наша вера. № 1. 1995. С. 79) адносіцца, безумоўна, да абразоў мастака Saverino della Rosa (1743 – 1821), які на пачатку XIX ст. быў прысланы з Вероны ў касцёлы віцебскіх і полацкіх езуітаў.

[71] ИЮМ. Т. 19. № 59. С. 223: Тастамент бурмістра Яна Ігольніка (11.VII.1773).



Касцёл Св. Антонія пасля 1944 г.

канвент судзіўся з цэхам мяснікоў з нагоды анексавання часткі манаскага грунту пад мясныя лаўкі, узведзеныя з паўночнага боку касцёла[73]. Праз тры гады канвент пратэставаў паўторна, бо купцы занялі іншыя пляцы "на ўзвядзенне для сябе мураваных крамаў <…>, і імі ўвесь касцёл засланяюць, не плацячы пры гэтым былой арэнды" (на што ратман магістрата Ян Рэбіндэр адказваў, між іншым, слушна, што інвестыцыя будзе выгадная ўсяму гораду)[74]. У 1787 г. ужо згаданы гвардыян Бабятыньскі, скардзячыся правінцыялу і губернатару на шматгадовага сіндыка кляштара, выкрыў ініцыятара гэтага будаўніцтва бурмістра Томаша Лорэнца[75], які "з'яўляецца амаль верхаводам нанясення шкоды кляштару і крыўджання яго – бо ён першы прыступіў да ўзвядзення мураваных крамаў на нашых кляштарных пляцах, на якіх драўляныя былі і штогод прыбытак прыносілі <…>, а таксама і іншых да муравання на тых пляцах за сабою пацягнуў"[76]. Вышэйзгаданыя рэляцыі дазваляюць сцвярджаць, што складанне кампазіцыі "віцебскага Капітолія" заняло першае дзесяцігоддзе пасля падзелу. У гэтым прымала ўдзел расійская адміністрацыя (і таксама можа тагачасны губернскі архітэктар Іяган Зігфрыдэн), а фундатарамі былі віцебскія купцы. Фронт прац у цэнтры горада быў у той час вельмі вялікі. Апроч крамаў ён уключаў таксама будынак ратушы і ўзвядзенне фасада бернардзінскага касцёла, непадалёк на ўзгорку ў фінальную фазу ўступіла будаўніцтва вялікай базыльянскай катэдры, а ўжо за мостам праз Віцьбу, насупраць калегіума езуітаў, месца драўляных крамаў займалі "дом паліцыі,

[72] Крамы ўпершыню былі ўлічаны на плане ўрбаністычнай рэгуліроўкі Віцебска, зацверджаным Кацярынай II 21.II.1778 г. Российский Военно-исторический архив (Масква, далей – РВИА), 846 – 16 (д. – WUA) – 21574, к. 3. Гл. рэпр.: Полное собрание законов Российской империи (собрание первое). Книга чертежей и рисунков (планы городов). С.-СПб., 1839. С. 239.

[73] ИЮМ. Т. 19. № 77. С. 278 – 279: спрэчка бернардзінцаў з цэхам мяснікоў пра лаўкі (1.XI.1776).

[74] APB, S-wit-1. S. 243: скарга бернардзінцаў (24.V.1779). У 1783 г. кляштар здаў свае крамы ў арэнду купцам Глінцы, Лявіцкаму і Папсую. Гл.: НГАБ, 1781 – 26 – 1407, арк. 6 адв.

[75] У час будаўніцтва ролю пасрэднікаў, а нават і сувырашальнікаў, адыгрывалі сіндыкі кляштара: у 1741 – 1744 гг. гэтую функцыю выконваў падстолі віцебскі Антоні Булгак, пасля яго – крайчы літоўскі Мікалай Антоні Рэвут; з 1755 г. амаль чвэрць стагоддзя сіндыкам быў бурмістр і купец Томаш Лорэнц.

[76] APB, L–12, k. 703: ліст айца Эрыка Бабятыньскага правінцыялу (31.III.1787).

ваяводскі і пошты", а таксама яго блізнят- ка – "дом каменданта" (пазней губернатара), якія фарміравалі заходняе крыло другой з галоўных віцебскіх плошчаў (зараз плошча Свабоды)[77].

* * *

З пачатку XIX ст. на гмахі бернардзінцаў, што стаялі ў сэрцы горада, зайздросна паглядалі праваслаўныя. Кожная змена губернатара напаўняла манахаў і пробашчаў хваляваннямі. У 1808 г. гвардыян Францішак Гейбовіч папярэджваў арцыбіскупа Сестранцэвіча і духоўныя ўлады: "Годныя веры паведамляюць з Пецярбурга і па Віцебску пляткараць, што дэзуніты з новым губернатарам ужо дамовіліся і звярнуліся ў Міністэрства ўнутраных спраў і Сінод, каб касцёл наш і кляштар аддаць ім, як былы базыльянскі"[78]. Напалеонаўская кампанія, а таксама кіраванне генерал-губернатара католіка князя Аляксандра Вюртэмбергскага (1811 – 1822) аддалілі пагрозу. Вярнулася яна пасля закрыцця кляштара, якое адбылося па моцы дэкрэта ад 19.VII.1832 г. Уласна кажучы, не вядома, як удалося ў той час пазбегнуць перадачы святыні праваслаўным. Можа быць, яшчэ памяталі, як год таму назад штодня наведвала яго княгіня Ловіч (Іаганна Грудзінская), якая аплаквала памерлага ў Віцебску вялікага князя Канстанціна. Спробам упадку касцёла ў палове XIX ст. перашкаджала прыхільнасць губернатара Андрэя Галіцына (1846 – 1853), але падрабязнасці гэтага невядомы[79].



Фасад касцёла Св. Антонія.
Акварэль 1946 г. Са збораў ЦРГКЛ

З 1832 г. касцёл Св. Антонія быў цэнтрам парафіі, да якой належалі філіялы Св. Троіцы з ператворанага былога фарнага касцёла і касцёла Св. Міхаіла Арханёла, пакінутага дамініканцамі. Калі апошнія былі ліквідаваны, адзіны каталіцкі бастыён на левым беразе Дзвіны абслугоўвалі шэсць штатных ксяндзоў, якія ўдзельнічалі таксама ў Таварыстве дабрачыннасці, што існавала ў былым кляштары мар'явітак[80]. Праз чвэрць стагоддзя пасля скасавання уніі расіяне з непакоем назіралі, як праваслаўны "цёмны беларускі народ" запаўняў па-бернардзінскі касцёл і маліўся не толькі перад славутым ласкамі абразом св. Антонія, але і выяваю

[77] *Квитницкая Е.Д.* Административные здания Белоруссии конца XVIII в. В кн.: Архитектурное наследство. Т. 20. М., 1972. С. 13 – 16; *Квитницкая Е.Д.* Приемы формирования... С. 147 – 149; *Boberski W.* Architektura ziem I zaboru rosyjskiego. [W:] Kultura i polityka. Wpływ polityki rusyfikacyjnej na kulturę zachodnich rubieży imperium rosyjskiego (1772 – 1915). Pod. red. Dariusza Kostatynowa i Piotra Paszkiewicza. Warszawa, 1994. S. 63 – 64.

[78] АРВ, L–12, k. 707 (дат. 30.VI.1808). З часу забойства арцыбіскупа Язафата Кунцэвіча (1623) гарадскія брамы былі шчыльна зачынены для праваслаўя. Не лічачы часу маскоўскай акупацыі (1654 – 1667), яно вярнулася ў горад толькі пасля падзелаў, каб у панаванне Кацярыны II здабыць адзіны прыстанак, удалечыні ад цэнтра, на левым беразе Дзвіны, дзе шэф расійскага гарнізона загадаў паставіць сціплую драўляную цэркаўку.

[79] Dziennik Warszawski. 1856. Nr. 13. S. 4. "Спозненая" карэспандэнцыя, датаваная 24.VIII.1855 г. і падпісаная "P.A.W. Białorusin": "З касцёлаў рымска-каталіцкага веравызнання на вуліцы Смаленскай варты ўвагі касцёл ксяндзоў бернардзінцаў, які стараннем князя Галіцына захаваны ад заняпаду".

блаславёнага Язафата. Прадухіліць гэта спрабаваў (з невялікім вынікам) поп суседняй Уваскрасенскай царквы, які ў 1863 г. у падзямеллі ўсходный вежы ўладкаваў "канкурэнтную" капліцу Св. Антонія Рымляніна. Тагачасныя дадзеныя, якія тычыліся стану ўладання царквы і касцёла, сур'ёзна скажалі канфесійныя рэаліі ў сталіцы губерні. Гэта ўсведамляў заклапочаны духоўным і фізічным лёсам царквы Аляксандр Семянтоўскі, якога здзіўлялі халодныя рэлігійныя адносіны праваслаўных жыхароў Віцебска. Ён сцвярджаў, што апроч Камянца-Падольскага (пасля 1710 г. зачыненага для праваслаўя) нідзе не спаткаў горада, у якім народ так рэдка адведваў цэрквы і так мала ахвяраваў на іх. Падтакваў яму адукаваны поп Успенскага сабора Міхаіл Красавіцкі, які са смуткам канстатаваў, што два тутэйшыя каталіцкія касцёлы ніколі не стаяць пустымі, а яўрэйскае святкаванне суботы рэгулярна паралізуе жыццё ўсяго горада[81].

Пад канец стагоддзя актыўнасць і ахвярнасць католікаў даказалі два рамонты касцёла Св. Антонія. У 1882 г. стараннем грамадскага камітэта і коштам у 3620 рублёў былі адрамантаваны яго муры (папраўлены тынк і пабелены сцены), а таксама элементы ўбранства (за выключэннем старой драўлянай падлогі і сапсаванага аргана). З нагоды рамонту былі выдалены шматлікія абразы і начынне, атрыманыя ў апошнія дзесяцігоддзі з зачыненых касцёлаў Віцебска і ваколіц[82]. Падобна на тое, што трапілі яны да больш бедных святынь, можа таксама за Дзвіною, да разбудаванага ў той час касцёла Св. Барбары. Апошні рамонт пачаўся ў 1898 г. і скончыўся праз тры гады[83]. Прадпрымальны ксёндз дэкан Андрушкевіч аднавіў тады алтары і абразы. З'явіліся новыя абразы, выкананыя мастаком Тынчынскім (Тэнчынскім?), які прыбыў з Варшавы[84].

Падрабязная дакументацыя па гісторыі пакляштарнага гмаху ў 1835 – 1867 гг., якая захавалася ў Пецярбургу, мне невядома[85]. На падставе іншых крыніц можна прасачыць галоўныя этапы. Пасля скасавання будынак быў перададзены арміі і прызначаны на шпіталь. У 1839 г. у сувязі з прыстасаваннем яго на патрэбы інвалідаў віцебскага гарнізона былі зроблены дэталёвыя памеры, якія закранулі таксама прылеглую святыню[86]. Праз пяць гадоў будынак быў перададзены ў вучэбнае ведамства і ў ім размясціўся перанесены з Забелаў, прыпісаны да Аляксандраўскай

[80] *Ks. Dyonizy Bączkowski i Ks. Jozafat Żyskar.* Nasze kościoły. Opis ilustrowany wszystkich kościołów i parafii znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. T. I. Cz. 3. Archidiecezja Mohylowska. Witebszczyzna. Warszawa – Petersburg, 1913. [Reprint: Warszawa, 2001]. S. 10 – 11.

[81] *Сементовский А.М.* Витебск. Статистический очерк. С. 143, 189 – 190; ён цытуе надрукаванае ў 1863 г. казанне папа Міхаіла І. Красавіцкага.

[82] *Aleksander Miniat.* Widoki kościołów witebskich // Tygodnik Powszechny. 1884. Nr. 33. S. 523 – 524.

[83] Российский государственный исторический архив (далей – РГИА), 1293 – 131 – 222: каштарыс і план рамонту касцёла Св. Антонія ў Віцебску (1898).

[84] *Абрамова И.* // Витебский курьер. XI/1901 (evitebsk.com); прозвішча варшаўскага мастака "Тынчинский" (Tynczyński, Tęczyński) у польскіх лексіконах мною не знойдзена.

[85] РГИА, 733 – 231 – 1 (1835 – 1849); 733 – 231 – 2 (1849 – 1867); 1286 – 6 – 263, арк. 295 (1835 – 1844); РГИА, 1287 – 31 – 563, арк. 14 (1842 – 1844); РГИА, 1286 – 7 – 707 (1852); РГИА, 1293 – 131 – 222 (1898). У фондах РГИА знаходзяцца таксама багатыя зборы візітацый першай паловы XIX ст.: РГИА, 822 – 12, сігн. 2590 (1803 і 1805 г.), 2591 (1810 г.), 2592 (1814 г.), 2593 (1816 г.), 2598 (1817 г.), 2656 (1818 г.), 2657 (1819 г.), 2779 (1820 г.), 2791 (1831 г.), 2813 (1839 г.); 826 – 2 – 144 (1840 г.).

[86] РГВИА, 349 – 8 – 1433, арк. 10–12; памеры былі шматразова апублікаваны ў нарысах і рэпрадукцыях, у тым ліку: *Квитницкая Е.Д.* Приемы формирования... С. 141; *Чарняўская Т.І.* Архітэктура Віцебска. З гісторыі планіроўкі і забудовы горада. Мінск, 1980. С. 30 – 32; *Габрусь Т.В.* Зруйнаваныя святыні. У кн.: Страчаная спадчына. Уклад. Т.В. Габрусь. Мінск, 1998. С. 95 – 96; *Слюнькова И.Н.* Монастыри восточной и западной традиций. Наследие архитектуры Беларуси. М., 2002. С. 242 – 244.





Забудова ўсходняга крыла рынку (суч. вул. Леніна, 33 і 35).
Паштоўка каля 1900 г. і фота Яўгена Калбовіча 2004 г.

гімназіі шляхецкі канвікт, заснаваны (1792) паводле фундацыі ваяводы Юзафа Гільзена і выканаўцаў яго волі братоў Шадурскіх[87]. У 1847 – 1852 гг. будынак быў моцна перабудаваны, атрымаўшы з таго часу як унутры, так і з фасада рытмічныя, вялікія, з паўкруглымі завяршэннямі вокны. Аўтар перабудовы невядомы. Праект архітэктара Freury (?) 1846 г., што захаваўся ў Вільні, не атрымаў адабрэння[88]. Пасля 1876 г., калі быў пабудаваны новы вялікі будынак гімназіі, гмах перайшоў ва ўладанне праваслаўнага духавенства (частку памяшканняў заняло ўпраўленне навучальнай акругі). Пад канец стагоддзя будынак быў зноў мадэрнізаваны, атрымаўшы новы, падзелены пілястрамі фасад. У гэты час ксяндзы касцёла Св. Антонія жылі ў наёмным будынку на вуліцы Смаленскай. У 1889 г. ім дазволілі пабудаваць дом пры самім касцёле[89].

---

[87] *Сапунов А.П.* Историческая записка 75-летия Витебской гимназии (1808 – 1883). Витебск, 1884. № 38. Пакінуўшы край, у 1781 – 1786 гг. Гільзен абдарыў сваімі землямі Юзафа і Ксаверыя Шадурскіх, паставіўшы ўмову перадачы паловы даходаў на адукацыйныя фундушы.

[88] Vilniaus Universiteto Mokslinës Bibliotekos Rankraštynas (Вільня, далей – VUBR), 78 – 359; чатыры малюнкі (накіды першага і другога паверхаў, разрэз і фасад), падпісаныя Freury або Greury, датаваны 19.V.1846 г., адвергнуты 22.XI.1847. Архітэктар прадугледжваў між іншым значнае паніжэнне даху і павелічэнне вокнаў. Уваход з боку вуліцы мусіў атрымаць прыступкі. Здаецца, у гэты самы час выкананы пазбаўлены даты накід па-бернардзінскіх гмахаў “для размяшчэння канвікта”, які захаваўся ў НГАБ, 3209 – 1 – 2120, арк. 9.

[89] *Aleksander Miniat.* Widoki kościołów witebskich. S. 524.



Лакалізацыя бернардзінскіх будынкаў у сучасным прасторавым кантэксце. Апрацаванне В. Баберскага, фота Я. Калбовіча, 2004 г.

* * *

Пасля бальшавіцкай рэвалюцыі святыню католікам пакінулі, але з-за арышту ксяндзоў яна звычайна бывала зачынена. Ужо ў 1922 г. у маскоўскую Бутырку трапіў пробашч Стэфан Трускоўскі, які супраціўляўся дэкрэту аб канфіскацыі каштоўнасцяў (прызначаных быццам бы для галадаючых Паволжжа). На хвалі ваяўнічага атэізму ў 1923 г. у Маскве быў наладжаны ўзорны працэс супраць магілёўскага арцыбіскупа Яна Цепляка (прыгавораны да расстрэлу за падбухторванне да бунту праз забабоны, ён у выніку быў абвешчаны савецкім шпіёнам[90]). У 1926 г. віцебскі дэкан кс. Леанард Бараноўскі першым з каталіцкіх духоўных асобаў трапіў у славуты лагер на Салавецкіх астравах. Калі праз год да яго далучыўся пробашч Баляслаў Сласканас, які ў Віцебску атрымаў званне біскупа, парафіяне Св. Антонія і Св. Барбары адважыліся грамадою стаць на яго абарону. У петыцыі ў прэзыдыум Цэнтральнага выканаўчага камітэта СССР яны сцвярджалі, што арыштаваны не мог ніякім чынам выступаць супраць камуністаў, таму што ўсе (падпісаныя на пяці далучаных старонках) на ўласныя вушы чулі, як падчас казанняў ён "цытаваў словы Святога пісьма, дзе гаварылася аб тым, што няма такой улады, якая не паходзіла б ад Бога". У наступнае дзесяцігоддзе пераследаванні ўзмацніліся, і на падобныя праявы святой наіўнасці цяжка было разлічваць. У 1933 г., ледзьве праз 10 дзён пастырскай службы, ДПУ арыштавала і саслала ў Архангельск пробашча абедзвюх віцебскіх парафій ксяндза Юзафа Барадзюлю. У час найвялікшага сталінскага тэрору ў лістападзе 1936 г. пасля доўгага знаходжання ў Салавецкім лагеры ў Віцебск прыбыў ксёндз Адольф Філіп. Вясною 1937 г. у касцёле Св. Антонія ён адправіў апошнюю ўрачыстую велікодную службу. Адразу пасля яе пабернардзінскі касцёл быў зачынены ўладамі[91]. Рэлігійнае жыццё ў горадзе цалкам перапынілася. На падставе рашэння гаркама (гарадскога камітэта) пачалося прыстасаванне будынка касцёла для гімнастычнай залы медыцынскага

[90] *x. Józef Kłos.* Grymas szatana // Wiadomości dla Duchowieństwa (Poznań). R. 10. 1923. Nr. 4. S. 60 – 63.

[91] Гл.: *Roman Dzwonkowski.* Kościół katolicki w ZSRR 1917 – 1939. Zarys historii. Lublin, 1997. S. 139, 221, 228 – 229, 287, 355, 399 – 400; id. Leksykon duchowieństwa polskiego represjonowanego w ZSRR 1939 – 1988. Lublin,2003. S. 132 – 134.

інстытута. Калі ў 1939 г. у выніку ўмяшання службы аховы помнікаў [!] перабудову ўдалося стрымаць, не было ўжо часткі алтароў, абразоў, арганаў і званоў. Хутка ў агалелым будынку падвесілі маятнік Фуко і адчынілі музей атэізму, у якім размясцілі "забабоны" са збораў ратушы.

У часы нямецкай акупацыі (ліпень 1941 – чэрвень 1944) касцёл зноў служыў католікам, якія, устанавіўшы фісгармонію, аднавілі рэгулярныя набажэнствы. У верасні 1941 г. праваслаўным былі перададзены шматлікія музейныя экспанаты, сярод якіх самымі каштоўнымі былі мошчы св. Ефрасінні, урачыста перанесеныя ў Пакроўскую царкву (былы касцёл трынітарыяў), а пазней (восенню 1943) – у Полацк[92]. Падчас савецкага наступлення вясной 1944 г. касцёл страціў вежы, верхавіны і дах, аднак муры і скляпенні заставаліся ў адносна добрым стане. Непасрэдна пасля вайны разабралі спалены кляштар. Святыню разбурылі каля 1958 г.[93]

Зараз на падмурках бернардзінскіх будынкаў знаходзіцца выкладзеная гранітнай пліткай прамавугольная плошча. Яе паўднёвую частку, на месцы кляштарнага агарода, займае (з 1987) фантан трох рэк (Дзвіны, Віцьбы і Лучосы), персаніфікаваных у адлітых з бронзы фігурах аголеных кабет, усталяваных над басейнамі. Частка пляца, якая рассцілаецца над падмуркамі касцёла з паўночнага боку, злучаецца з мостам (так званы мост 1000-годдзя Віцебска), перакінутым праз рэчышча Віцьбы да бетоннага будынка на Кстоўскай гары, у якім знаходзіцца Цэнтр культуры. Гэтая лінія вызначае больш-менш вось касцёла, фасад якога выходзіў на сярэдзіну шырыні сучаснай вуліцы Леніна (раней яна называлася Вялікай, а пазней – Смаленскай)[94].

* * *

Фасады бернардзінскіх будынкаў стваралі васьмідзесяцідвухмятровае ўсходняе крыло Рынкавай плошчы. Розніца ўзроўняў паміж яго найвышэйшым пунктам, які вызначаў нарожнік паўночнай вежы касцёла, і манаскімі крамамі ў нарожніку гаспадарчага дзядзінца, што знаходзіліся бліжэй да моста, даходзіла да 5 метраў[95]. На адрэзку фасада касцёла гэты спад быў найбольшы і перавышаў два метры. Ва ўсходнім накірунку, ужо за прэзбітэрыем, пляцоўка крута спадала ў рэчышча Віцьбы. Умовы мясцовасці, безумоўна, не спрыялі працам і вымагалі частковай нівеліроўкі пляцоўкі, якая, быць можа, была выканана заангажаваным на тое архітэктарам Фантанай.

Касцёл, які нязменна называлі трохнефавай базілікай, на самой справе быў аднанефавай святыняй. Базілікальны

[92] *Віцьбіч Ю.* Ня змоўклі віцебскія арганы. С. 78 – 79.

[93] Зрушаная выступленнем у лютым 1956 г. Мікіты Хрушчова на ХХ з'ездзе КПСС хваля антырэлігійнай прапаганды спавадавала знішчэнне былога касцёла езуітаў (13.IV.1957), фары (IV.1957) і старадаўняй Дабравешчанскай царквы (23.XII.1961). Пасля яе ў Віцебску засталіся кукса барочнай вежы ратушы, корпус кляштара базыльянаў, у якім размяшчаецца тэхнікум, а таксама толькі два апусцелыя касцёлы, што стаялі на менш каштоўнай архітэктурнай перыферыі: класічны трынітарскі касцёл (зараз праваслаўны сабор) і неараманскі касцёл Св. Барбары (зараз каталіцкая катэдра). Дата разбурэння касцёла бернардзінцаў дакладна невядома. Ён яшчэ ёсць на фотаздымку 1957 г., які друкуе Алена Квітніцкая. На здымку ратушы 1959 г. яго ўжо няма (http://evitebsk.com/w/images/b/b6/Ratusha-1959-ed.jpg).

[94] Пасля заканчэння ў 1973 г. пашырэння і спрамлення вуліцы Леніна ў яе ўсходняй частцы засталіся толькі два будынкі, якія стаяць каля моста праз Віцьбу (суч. № 33 і 35). Той, што стаіць бліжэй да ракі, паходзіць, быць можа, з канца XVIII ст. (гл. акварэлі Юзафа Пешкі і планы горада), у сярэдзіне XIX ст. быў першай сядзібай гатэля Хрысціяна Бразі. Другі, які раней прылягаў да былога кляштара бернардзінцаў, пабудаваны на пачатку ХХ ст., хутчэй за ўсё, па праекце гарадскога архітэктара Ціхана Кібардзіна.

[95] *Чантурыя Ю.У.* Гарады і час. У кн.: Страчаная спадчына. Уклад. Т.В. Габрусь. Мінск, 1998. С. 254 – 262.

трохарачны корпус меў шырокі (11,8 м) неф, які ўключаў і квадратныя капліцы[96]. Пара рызніц на іх падаўжэнні ахоплівала квадратны прэзбітэрый, крыху вузейшы за неф, выдзелены аркай і замкнуты апсідай з вокнамі на двух узроўнях, якая часткова выступала за прамавугольны абрыс галоўных муроў. Унутраная прастора вылучалася кампазіцыйнай сцісласцю і гарманічным выглядам у акадэмічна-класічнай рэдакцыі. Неф падзялялі чатыры масіўныя слупы, што мелі форму латарынгскага крыжа. Аблягаючыя іх пары тасканскіх пілястраў былі звязаны агульнымі цокалямі і ламанымі адрэзкамі выпуклых бэлек. Яны абягалі ўсю ўнутраную прастору, ствараючы апору для шырокіх гуртаў, якія крыжам падзялялі арачныя скляпенні. Капліцы, накрытыя калыскамі, перпендыкулярнымі восі касцёла, асвятляліся праз паўкруглыя вокны і злучаліся паміж сабою больш нізкімі пераходамі[97]. Вертыкальную камунікацыю забяспечвалі цыліндрычныя лесвіцы, якія размяшчаліся ў глыбі муроў па абодвух баках музычнай галерэі, што абапіралася на два слупы і выступала ўглыб нефа.

Апісаная арганізацыя прасторы, якая выводзіцца з мадэлі святыні кармелітаў босых (Вільня – 1633, Львоў – 1634, Глыбокае –1639, Варшава – 1643), пазней замацаваная і мадыфікаваная ў барочнай архітэктуры Рэчы Паспалітай ў працах аселых у Варшаве італьянскіх архітэктараў[98], знайшла ў асобе Юзафа Фантаны адданага энтузіяста. У 40-х гг. XVIII ст. архітэктар паўтарыў яе ў Стваловічах, у віцебскай кафедральнай царкве ў гонар св. Язафата (тут дакладна капіруючы праект Анорыя Лонгі 1613 г.) і нават у бялыніцкіх кармелітаў, дзе насуперак логіцы цэнтральнага плана падзяліў корпус падоўжанымі “латарынгскімі” слупамі. Варта заўважыць, што тып шырокай арачнай апоры, падтрыманай парамі пілястраў (з двух або чатырох бакоў), які на землях Вялікага Княства з’яўляўся спарадычна, у сакральнай архітэктуры Віцебска цешыўся папулярнасцю шмат гадоў[99].

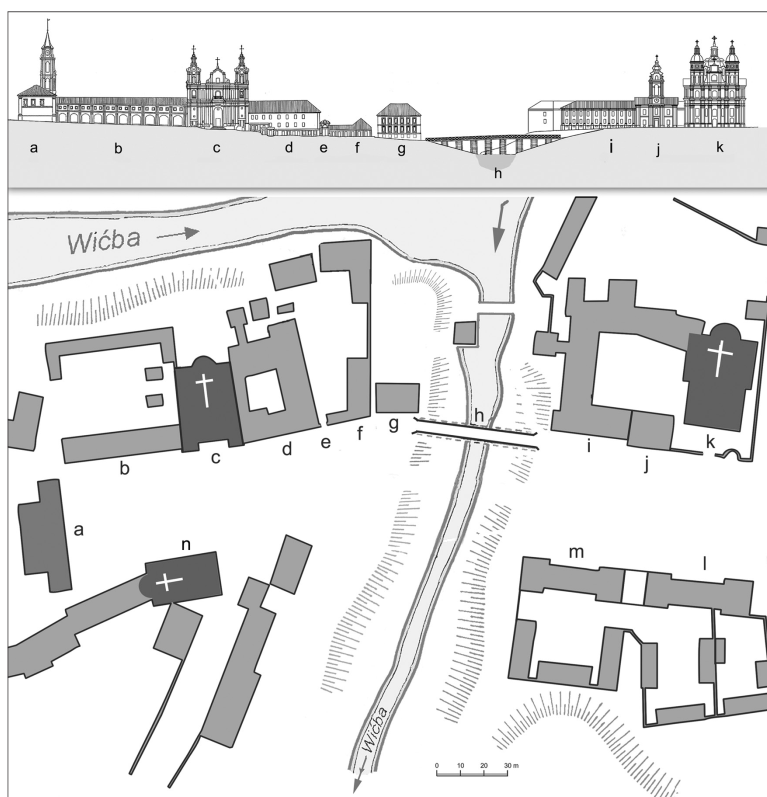
Згаданая вышэй асацыяцыя віцебскага фасада з касцёлам Св. Крыжа ў Варшаве не была цалкам безпадстаўнай. Абодва двух’ярусныя фасады вылучала незвычайная шырыня (Віцебск – 27,2 м, Варшава – 40 м). У абодвух трох’ярусную сярэднюю частку фланкіравалі масіўныя чатырохгранныя вежы з маляўнічымі навершшамі. Улічваючы наяўнасць прыступак і лесвічных пляцовак перад уваходамі абедзвюх святынь (у Віцебску яны мусілі нівеліраваць перапад рэльефа), параўнанне, аднак, было чыста візуальнае, выкліканае перш за ўсё адчуваннем манументальнасці. Было яно ў гэтым выпадку ўзмоцнена лакалізацыяй будынка на вяршыні ўзгорка. Бачны звычайна ў скарачэнні перспектывы, ён раскрываўся паступова. Трох’ярусныя вежы быццам бы аддаляліся, экспануючы заглыбленую амаль на 3,5 метры сярэднюю частку фасада. Як у праектах для Бялынічаў

[96] Згодна з памерамі, якія былі выкананы ў 1946 г. у час экспедыцыі Маскоўскага політэхнічнага інстытута, асобныя параметры пабудовы былі наступныя: шырыня фасада 27,13 м; вежаў – 6,05 м; корпуса (знутры) – 23,3 м; партала – 2,42 м; аркад – 4,1 м; капліц – 3,3 м. Неф меў памеры 11,77 х 18 м; прэзбітэрый – 10,4 х 10,1 м; рызніца – 4,65 х 7,6 м. Слупы 2,85 х 1,64 м з пілястрамі шырынёй 96 см. Сярэдняя шырыня капліц складала 3,3 м. Мінск, УП “Белрэстаўрацыя”, суч. Цэнтр па рэгенерацыі гісторыка-культурных ландшафтаў тэрыторый (далей – ЦРГКЛ).

[97] Паўкруглыя тэрмальныя вокны асвятлялі пабудаваныя ў той жа час касцёлы ў Бялынічах (1742), Вістычах (1848) і Мядзелі (да 1754).

[98] Гл.: *Maria Brykowska.* Architektura karmelitów bosych w XVII – XVIII wieku. Warszawa, 1991; *Adam Miłobędzki.* Architektura polska XVII wieku. Warszawa, 1980. S. 386 – 389.

[99] У Віцебску падобныя слупы падзялялі ўнутраную прастору касцёлаў дамініканцаў і трынітарыяў, а таксама цэркваў Уваскрасенскай (Заручаўскай), Сямёнаўскай і Спаскай. На Віцебшчыне такой жа структурай вылучаецца святыня дамініканцаў у Смалянах каля Оршы. На захадзе княства асобныя прыклады знаходзім у цыстэрцыянцаў у Вістычах пад Брэстам і кармелітаў босых у Гродне. Прагглядаецца яна таксама ў інспіраваным планам святыні варшаўскіх візітак касцёле місіянераў у Краславе і парафіяльным касцёле ў Весях.



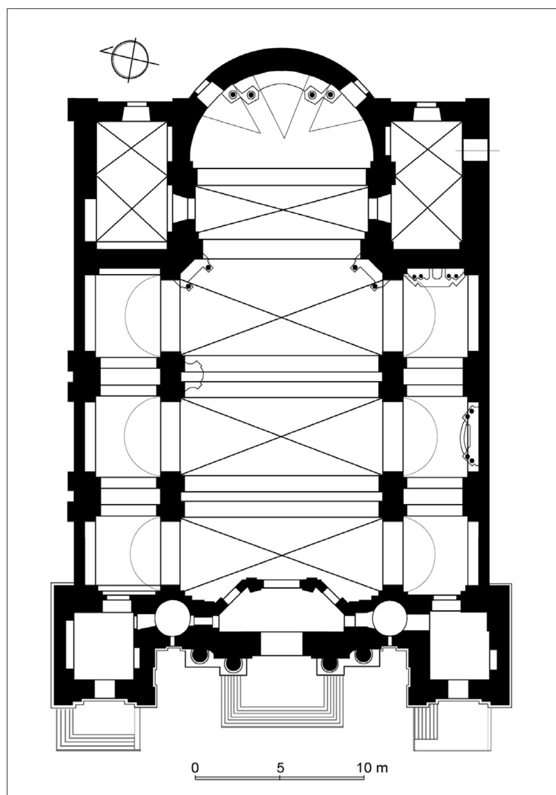
Усходняе крыло і план віцебскіх рынкаў у канцы XVIII ст.:
a) ратуша, b) крамы (мясныя лаўкі), c) касцёл Св. Антонія, d) кляштар бернардзінцаў,
e) брамка на гаспадарчы дзядзінец, f) бернардзінскія крамы, g) камяніца Ардынскіх,
h) "езуіцкі" мост, i) калегіум, j) фурта (школа езуітаў), k) касцёл Св. Юзафа,
l – m) губернатарскія будынкі, n) Уваскрасенская царква.
Паводле Чантурыя, 1998. Апрац. В. Баберскі

і віцебскай фары, кампазіцыйнай асновай яго ніжняга яруса стала трыумфальная арка. Яна мела тут форму серліяны (венецыянскага акна), падзеленай чатырма тасканскімі калонамі, якія на ¼ свайго аб'ёму былі заглыблены ў сцяну. Цэнтральную частку аркі вызначала неглыбокая ніша, узарваная архівольтамі <…>. Калоны, што размяшчаліся бліжэй да ўвахода, выступалі наперад, трымаючы аздобу ў выглядзе чвэрцяў круга, якая нясмела датыкалася да акна другога яруса, перад якім знаходзіліся "галерэя для капэлы з жалезнымі кратамі". Крайнія калоны суправаджала, узмацняючы эфект светлацені, закругленне сцяны – пэўны апазнавальны знак архітэктара[100].

Матыў прысценнага порціка, завяршэнне якога трапляе на вышэйшы ярус фасада, можна знайсці ў шмат якіх творах "малой" і манументальнай барочнай архітэктуры[101]. Кіруючыся гэтым пранікненнем планаў і счапленнем ярусаў, класічная дысцыпліна трымалася нават у найбольш "авангардных" творах варшаўскіх архітэктараў. Кампазіцыйнае натхненне для прызямлення бернардзінскага фасада Фантана мог атрымаць як ад графічных узораў і агледжаных падчас італьянскага падарожжа ў 1734 г. рымскіх будынкаў Марціна Лонгі (Santi Vincenzo e Anastasio, 1644) або Карла Фантаны (San Marcello na Corso, 1682)[102], так і (што выглядае больш

[100] Гл.: *Boberski W.* Późnobarokowa cerkiew… S. 136 – 139.

[101] Сярод іншых, кракаўская калегіята св. Ганны, звязаная з ёю пад гэтым пунктам гледжання царква базыльянаў у Бялай Падлясцы або брэсцкія касцёлы брыгітак і трынітарыяў.



План касцёла бернардзінцаў у Віцебску (1742 – 1749, архіт. Юзаф Фантана). Паводле памераў 1946 г. са збораў ЦРГКЛ. Апрац. В. Баберскі

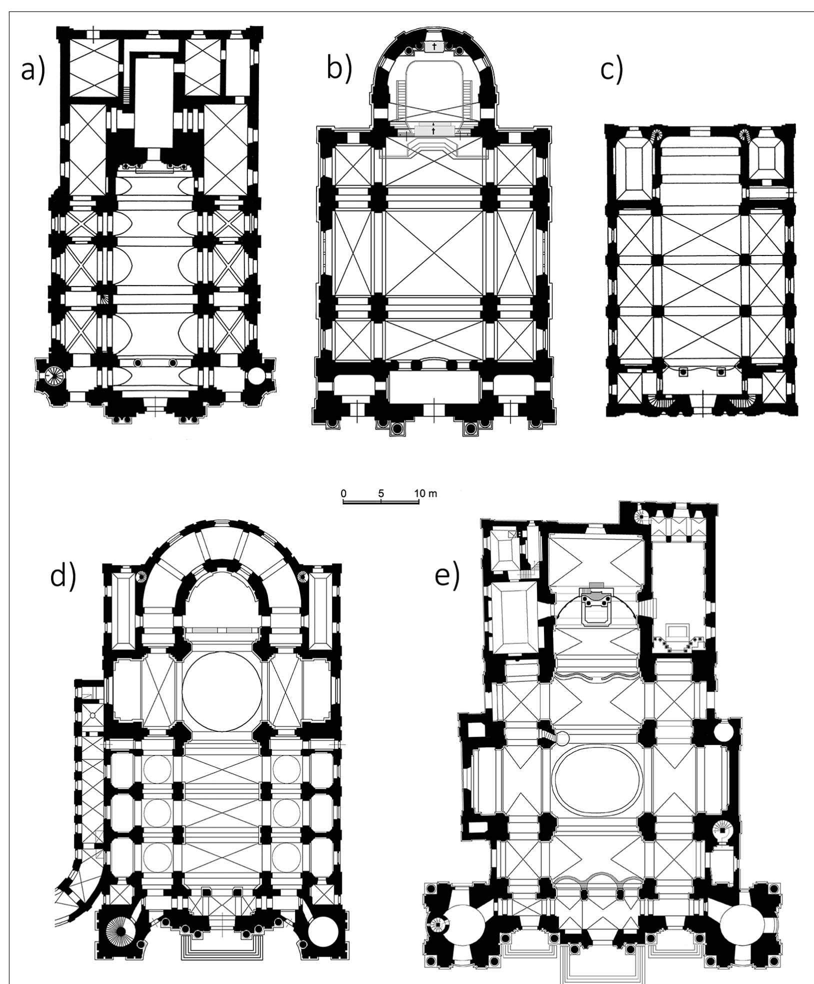
праўдападобна) фасадаў касцёлаў у Карчэве (1728 – 1732) і Драгічыне (1734 – 1738), звязаных з яго настаўнікамі – Каралем Баем і старшым братам Якубам.

Класіцызаванае барока касцёла Св. Антонія ажыўлялі навершшы. Верхнія ярусы вежаў са счасанымі вугламі, якія абапіраліся на валютныя сплывы, аздаблялі філёнкі сляпых шчытоў для гадзіннікаў, яны лагодна ўздымалі ў прастору бляшаныя шлемы, досыць плоскія, што неслі меньшыя "каплічкі" аналагічнай формы. Валютныя сплывы ахоплівалі таксама шчыт, што знаходзіўся паміж вежамі, ён быў аздоблены нішай з абразом патрона касцёла. Фрагменты рванага карніза паўкругам накрывалі навершша шчыта і дзве пілястры, якія спускаліся ўніз. Частка завяршэння прэзбітэрыя таксама атрымала эфектную кульмінацыю. На аттыкавым цокалі ўзвышалася аркада, якая абапіралася скрыўленымі сценамі, што сплывалі да валют, над ёю ўзносілася вежачка сігнатуры[103].

Цытаваны вышэй ліст гвардыяна Бабятыньскага паказвае, што верхнія ярусы вежаў і шчыт фасада паўсталі толькі пасля I падзела. Няма ніякай упэўненасці, што і далей карысталіся праектамі Фантаны, затое варта заўважыць, што формы, падобныя бернардзінскім вежам, з'явіліся ў архітэктуры віцебскіх святынь, што былі скончаны або паўсталі ў 4-й чвэрці XVIII ст., у часы рускага панавання[104]. Сярод іх была базыльянская катэдра на Успенскай гары, запраектаваная Фантанай у 1745 г., аднак скончаная пасля доўгага перапынку праз 30 гадоў. У святле сучасных дадзеных не мае падстаў меркаванне Тамары Габрусь, якая прызнала "віцебскага" архітэктара папярэднікам

[102] Гл.: *Józef Skrabski.* Paolo Fontana, nadworny architect Sanguszków. Tarnów, 2007. S. 20, 24 (wg Castello, archiwum parafialne. Libro de Battesimi, matrimony e morti della Chiesa Parch. Di Castello comincenando dall 1695. S. 17 r). У студзені 1734 г. Юзаф, сын архітэктара Юзафа, што жыў у Варшаве, у Кастэла быў хросным Ружы, пляменніцы архітэктара Сангушак Паўла Антонія Фантаны. У лютым стаў хросным бацькам Марыяны, малодшай сястры Даменіка Мярліні. Не падлягае сумненню, што падарожжа васемнаццацігадовага варшавяніна на радзіму продкаў працягвалася даўжэй і ўключала таксама Рым. Яго знаходжанне ў Літве можна дакументальна пацвердзіць з пачатку 1738 г.

[103] У познебарочнай архітэктуры Вялікага Княства Літоўскага характар навершшаў над прэзбітэрыямі меў некалькі варыянтаў. Шчыты, насаджаныя на аркі апсід, аздаблялі ў Віцебску касцёл езуітаў і Рынкавую Уваскрасенскую царкву. Сустракаем іх у цэрквах Беразвечча і Веліжа, у касцёлах падвіленскай Кальварыі, Глыбокага, Івянца і Прыдруйска. Навершшы суправаджалі таксама прамыя і трохкутныя завяршэнні (фара св. Тройцы і Барысаглебская царква ў Віцебску, езуіты ў Вільні, Дынабургу, Мінску і Лучаі, базыльяне ў Талачыне, дамініканцы ў Вільні і Забелах, санктуарыум у Шыдлаве і фара "Вітаўта" ў Гродне). Калі прэзбітэрый быў ніжэйшы, шчытом акцэнтаваліся сцены корпуса нефа (віленскія касцёлы бенедыкцінак, місіянераў і кармелітаў у гонар св. Юрыя, касцёл піяраў у Лучаі, сабор Св. Сафіі ў Полацку).



Планы касцёлаў, праектаваных Юзафам Фантанай:
a) Стваловічы – 1740, b) Бялынічы – 1742, c) Віцебск, фарны касцёл Св. Тройцы – 1754,
d) Віцебск, базыльянская катэдра – 1745, e) Будслаў – 1767 (гіп.).
Апрац. В. Баберскі

“віленскага барока” і адметнейшым, побач з Янам Крыштафам Глаўбіцам, яго творцам[105]. У 40-х і 50-х гадах XVIII ст. ён, несумненна, належаў да найважнейшых на землях Вялікага Княства Літоўскага прадаўжальнікаў класіцыстычнай плыні барочнай архітэктуры, з вялікай вернасцю працягваючы атрыманыя ў спадчыну ўзоры, пачэрпнутыя з мастацтва Рыму і роднай Варшавы.

Чарговым пацверджаннем гэтага меркавання быў галоўны бернардзінскі рэтабулюм (1749 – 1753). Ён істотна адрозніваўся ад сучасных яму твораў малой архітэктуры “віленскага барока”. Гэта была салідная тэктанічная структура, вычарчаная з дапамогай цыркуля і лінейкі, пазбаўленая плаўных крывых, выпукласцяў, ажурнасці, выцягнутых са стукавага цеста профіляў і розных іншых завітушак, што былі візітнай карткай віленскіх алтароў. Структура, упісаная ў абрыс паловы эліпса, размяшчалася паміж вокнамі апсідыяльнага завяршэння прэзбітэрыя. Яе

[104] Форма шлема, узнесенага над шчытом гадзінніка, не ўваходзіць у рэпертуар формаў, распаўсюджаных у эпоху барока ў Вялікім Княстве Літоўскім. Па-за межамі Віцебска яна выступала спарадычна (Невель, Веліж, Вольна, Кальварыя пад Вільняй, Датнаў, Уладзіслава).

[105] *Габрусь Т.* Мураваныя харалы…, с. 219 – 222.





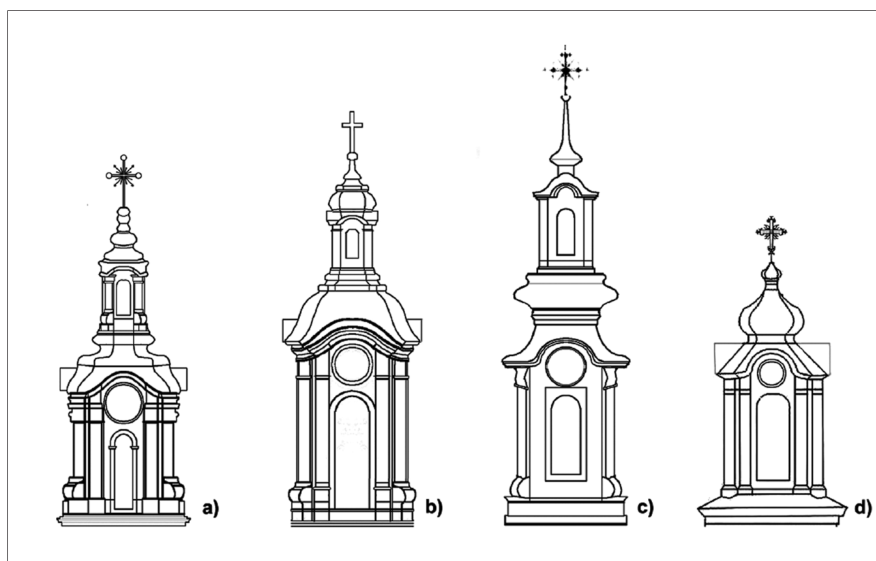

Фасады, праектаваныя Юзафам Фантанай:
a) Стваловічы, 1740 – 1746 (скончаны Янам Кшыштафам Глаўбіцам).
Фота Пятра Ямскага, b) Бялынічы, 1742 – 1749. Рэканстр. В. Баберскага,
c) Віцебск, базыльянская катэдра, 1745 – 1778. Рэпр. паводле Слюнькова, 2002,
d) Віцебск, фара Св. Тройцы, 1754 – 1762. Фота са збораў ЦРГКЛ



Фасад парафіяльнага касцёла ў Карчэве (фрагмент), 1728 – 1732.
Праект Carlo Antonio Bay (?). Фота В. Баберскага



Фасад касцёла бенедыкцінак у Драгічыне (фрагмент), 1734 – 1738.
Праект Якуба Фантаны. Фота В. Баберскага



Вежы віцебскіх святыняў: a) касцёл бернардзінцаў, каля 1775, b) базыльянская катэдра, 1775 – 1778, c) царква св. Пятра і св. Паўла, 1779 – 1787, d) царква базыльянак у гонар св. Духа, 1792 – 1793. Апрац. В. Баберскага

чатыры карынфскія калоны на дыяганальна пастаўленых цокалях неслі масіўныя бэлькі з мадульёнамі пад выдатным карнізам. Над ёю, на восях вонкавых калон, франтоны ў чвэрць круга выступалі перад завяршэннямі скляпенняў, пакрытыя па дыяганалі валютнымі абрамленнямі. Яны фланкіравалі глорыю, утвораную з аблокаў і промняў, якая была размешчана на вышыні акна ў сцяне апсіды. У сярэдзіне канструкцыі знаходзіўся абкружаны аўрай цудадзейнасці, намаляваны на дрэве, прыкрыты пазалочанай шатай і абвешаны па баках вотамі абраз патрона касцёла. Ён прадстаўляў стаячую постаць св. Антонія Падуанскага з дзіцяткам на руках. Знаходзіўся ён у ўпрыгожанай эдыкуле з дзвюх канеліраваных калон, якія падтрымлівалі франтон у форме паловы эліпса, перарваны пастаментам з крыжам. Архітэктанічная аправа выявы, якая ўзмацняла ўражанне глыбіні, быць можа, была той пазалочанай *фіглятурай*, пра якую згадвалася ў кантракце. З двух бакоў абраза, паміж калонамі, стаялі незвычайнай вышыні стукавыя статуі св. Хрысанта і св. Дар'і, малжонкаў-мучанікаў, якія пашыралі хрысціянства ў Рыме ў часы панавання цара Валенса, за што былі пахаваны жывымі. Цяжка назваць нагоду звароту менавіта да гэтых герояў агіяграфіі, якія рэдка згадваюцца ў мастацтве барока, але добра вядомы таксама ў традыцыі ўсходніх касцёлаў[106]. Фігуры вылучаліся зграбнымі прапорцыямі і тэатральнай жэстыкуляцыяй. Св. Дар'я ў вэлюме на галаве, апранутая ў доўгае адзенне з шырокімі, мякка заламанымі драпіроўкамі, скіроўвала далоні да сэрца. Яе муж быў прадстаўлены ва ўзбраенні, шлеме, увенчаным буйнымі пер'ямі, злёгку нахіляў галаву і правай рукою ўказваў на сэрца, у выцягнутай жа ўбок левай руцэ трымаў, відаць, харугву. Дзве пышныя стукавыя фігуры – Вера і Надзея – у свабодных позах сядзелі на сегментах разарванага франтона, прэзентуючы атрыбуты ўвасобленых цнот: крыж і якар.

Адзіны зафіксаваны ў іканаграфіі рэтабулюм "віцебскага" Фантаны пацвярджае яго вернасць рымска-варшаўскай мастацкай

[106] У пачатку XIX ст. візітатары касцёла знаходзілі толькі дзве рэліквіі, атрыманыя ў 1741 і 1743 гг. і змешчаныя ў срэбных рэлікварыях: св. Крыжа і св. Мучаніцы Верэкунды. Гл.: НГАБ, 1781 – 26 – 1411, с. 52 адв.

арыентацыі. Яго генезіс сягае да вядомых паводле гравюр прац Берніні, Бараміні і Карла Фантаны, а асабліва Себасціяна Цыпрыяні і Андрэя Поца, падхопленых над Віслай перад усім вучнем апошняга Карла Антоніа Баем (памёр у 1740)[107]. Бадай што самай блізкай варшаўскай аналогіяй канструкцыі бернардзінцаў быў (верагодней за ўсё, праектаваны Баем) галоўны алтар касцёла кармелітаў босых на Лешне, узведзены гетманам Юзафам Патоцкім у 1731 г.

Расцягнутая на ўсю шырыню прэзбітэрыя структура табернакля ў Віцебску, да канца не рэалізаваная, уяўляла сабой нізкую перагародку, якая аддзяляла неф ад манаскага хору і адначасова вылучала алтар у завяршэнні апсіды. У познебарочных касцёлах Вялікага Княства Літоўскага такая двухпланавая сцэнаграфія ўжывалася часта, можа быць, свядома прывязваючыся да правіла ізаляцыяі нефа ад *Sancta sanctorum*, якой прытрымліваліся ў царкоўных пабудовах суседзяў. Такую "ларэтанскую" аранжыроўку ўнутранай прасторы атрымаў, між іншым, санктуарый Марыі ў Бялынічах, узведзены Юзафам Фантанай для кармелітаў босых (фундаваны таксама ваяводам Марцыянам Агінскім)[108]. Найпрыгажэйшая перагародка – табернакль – упрыгожыла касцёл бернардзінцаў у Друі (1764 – 1767). Была яна, верагодна, працай архітэктара з роду Паракка і прадстаўляла тыповыя для "віленскага барока" формы.



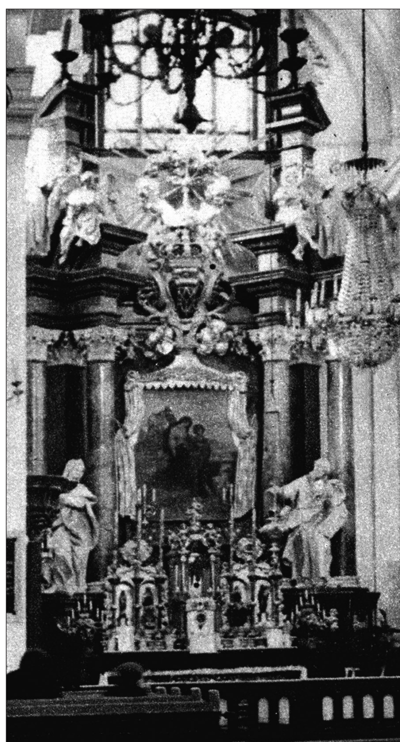
Вежы касцёла Св. Антонія ў Віцебску. Фота каля 1944 г.

Да таго самага стылю варта аднесці каплічныя алтары, якія трапілі на фотаздымак і былі выкананы Людвікам Яздоўскім у 1756 – 1758 гг., а таксама алтар Св. Францішка, што стаяў у канцы паўночнай лініі капліц і быў працай таямнічага Яна Азялевіча 1767 г. Першыя ўяўлялі сабой простыя структуры з больш-менш роўнымі ярусамі. Ніжні ярус ахоплівала пара наўскос стаячых калон з вычварнымі капітэлямі. Фундатараў услаўлялі пышныя гербавыя картушы, змешчаныя на простым антабленменце над абразамі. Стукавая бірузовая дэкарацыя канцэнтравалася ў завяршэнні, якое прадстаўляла фігуры ў глорыях (адпаведна Марыі і Хрыста). Ніжэй на карнізе знаходзіліся ўкленчаныя анёлы і стаялі дзве вялікія вазы. Каплічны алтар св. Францішка меў адзін ярус. Паўкруглую закрытую нішу з абразом патрона фланкіравалі дыяганальныя калоны, можа быць, па дзве з кожнага боку[109]. Узняты арачны карніз над абразом нёс трапецыявідны шчыт, які стукавымі дэкарацыямі даходзіў да скляпення.

Пакінуўшы касцёл Св. Антонія, некалькі слоў належыць прысвяціць іншым

[107] Пра генезіс і польскую рэцэпцыю гл.: *Jakub Sito.* Wielkie warsztaty rzeźbiarskie Warszawy doby saskiej. Modele kariery – formacja artystyczna – organizacja produkcji. Warszawa, 2013. S. 88 – 100; id. Nagrobek kardynała Michała Stefana Radziejowskiego (1645 – 1705). [W:] Serce miasta. Kościół Świętego Krzyża w Warszawie. Red. Kazimierz Sztarbałło i Michał Wardzyński. Warszawa, 2010. S. 222 – 225; *Jerzy Kowalczyk.* Rola Rzymu w późnobarokowej architekturze polskiej // Rocznik Historii Stuki. XX. 1994. S. 235 – 242.

[108] *Boberski W.* Maryjne sanktuarium… S. 117 – 118.



Варшава, алтар касцёла кармелітаў босых на Лешне, 1731. Праект Карла Антоніа Бая (?). Фота з архіва В. Баберскага

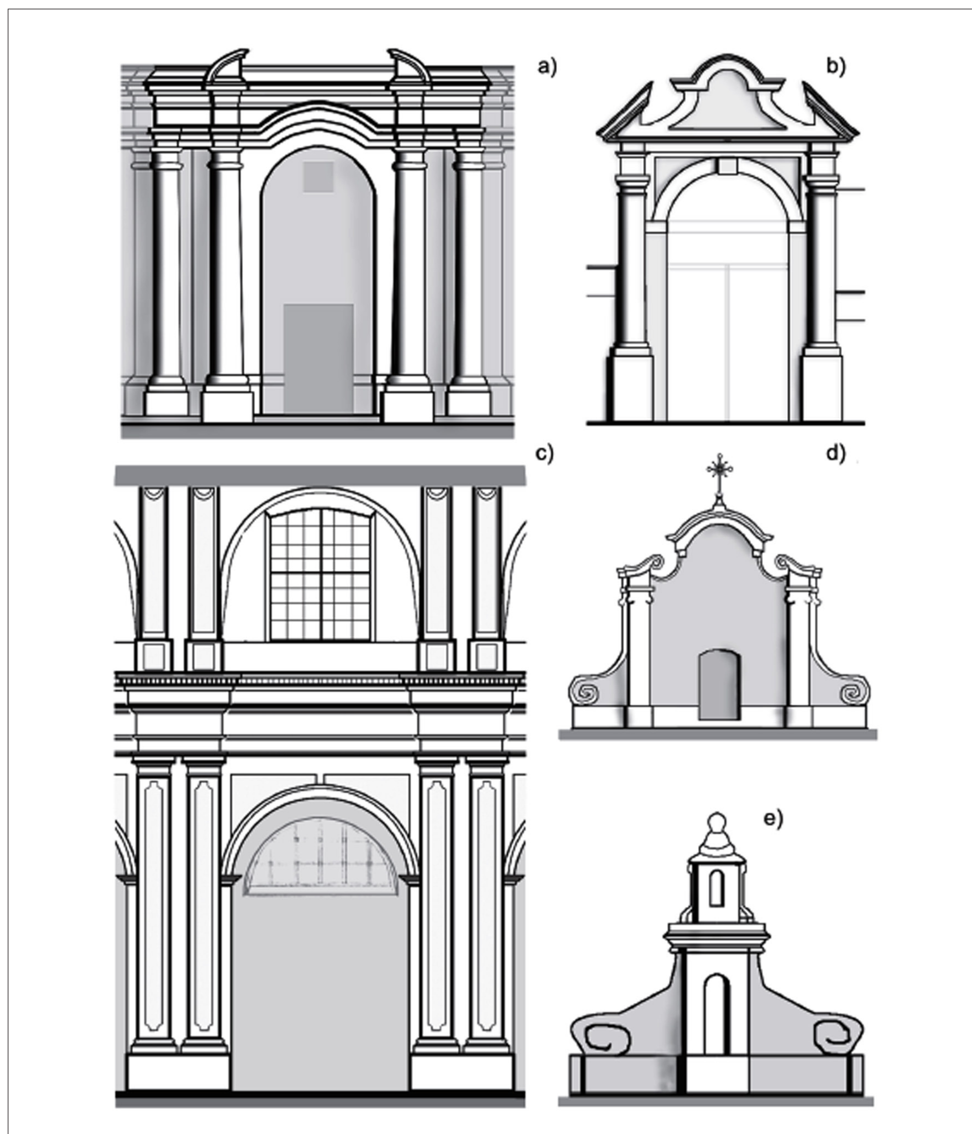
будынкам канвента. Першапачаткова вышэйшы дах двухпавярховага кляштара ледзьве дасягаў хрыбтом карніза першага яруса фасада святыні. Прылягаў ён да яе з поўдня і ахопліваў невялікае квадратнае падвор'е, на якое выходзілі вокны калідораў. Фасад ён меў суровы, пазбаўлены дэкору, з вокнамі, якія да сярэдзіны XIX ст. мелі форму прамавугольніка. Амаль увесь яго цокальны паверх выконваў гаспадарчыя функцыі. Пасля частковай нівеліроўкі грунту з боку рынкавай плошчы тут размясціліся дзевяць крам і кляштарная брама з ганкам перад ёю, адкуль лесвіца вяла ў келлі, размешчаныя на вышэйшых паверхах. Пяціваконная трапезная, накрытая люстраным скляпеннем і аздобленая партрэтамі фундатараў, знаходзілася на першым паверсе ва ўпрыгожанай рызалітамі паўднёва-ўсходняй вуглавой частцы. Верхні паверх усходняга крыла займалі пакоі для навіцыяту, скарбніца і бібліятэка. З боку фасада высокая мураваная брама з маляўнічым навершшам і фланкіраваным калонамі арачным праездам звязвала кляштарны будынак з аднапавярховым павільёнам, у якім знаходзіліся яшчэ шэсць крам, што належалі кляштару. Брама вяла на трапецападобны гаспадарчы дзядзінец, з поўдня замкнуты злучанымі парканам будынкамі стайні і вазоўні, з усходу ж – бровара і лазні. Над мураванымі пабудовамі ўзвышаўся драўляны свіран з двухпавярховай аркаднай галерэяй, відаць, ужо не той, што згадваўся ў фундушы ваяводы Храпавіцкага, але, быць можа, ён паўтараў яго формы, ідэнтычныя формам лямуса, які захаваўся да нашага часу ў сядзібе гродзенскіх брыгітак (каля 1630 ?). З поўначы дзядзінец быў абмежаваны драўляным плотам, за якім на вышыні прэзбітэрыя касцёла быў разбіты агарод і знаходзілася бернардзінская лядоўня. Некалькі кляштарных пакояў знаходзіліся з паўночнага боку касцёла, у завулку, утвораным *ядкамі, мураванымі ў квадрат*.

* * *

Згаданы вышэй чарговы твор Юзафа Фантаны "віцебскага" атрымаў ролю, адыграную ў стварэнні лакальнай архітэктурнай традыцыі і гарадскога кравіду, якую абяссмерцілі малюнкі Пешкі[110], палотны Шагала, дрэварыты Юдовіна, якая ў расіянах выклікала пачуццё адчужанасці і здзіўлення. Польскія аўтары пісалі пра Віцебск няшмат і без такіх эмоцый. Некалькі энцыклапедычных артыкулаў і нататак

[109] Чатырохкалоннымі былі два іншыя каплічныя збудаванні: брацкі алтар св. Ганны, які замыкаў паўднёвую лінію, а таксама алтар св. Казіміра ў сярэдняй капліцы той жа лініі. Гл. ЦРГКД (гарызантальная праекцыя касцёла 1946 г.).

[110] Камплект з 12 акварэляў з выявамі Віцебска, што захоўваюцца ў Львове, намаляваныя Юзафам Пешкай на пачатку XIX ст., складаюцца ў найлепшы, пластычна аднародны і амаль што поўны партрэт "барочнага горада" на крэсах Рэчы Паспалітай. Відділ мистецтва Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України (далей – LNBAN-WM), сігн. 215536 – 215548.



Віцебск, касцёл бернардзінцаў: a) цокальны паверх фасада, b) брама на гаспадарчы дзядзінец, c) пралёт нефа, d) шчыт паміж вежамі, e) шчыт над апсідай. Апрац. В. Баберскага

у прэсе не ўраўнаважваюць вялікіх прац рускіх і беларускіх гісторыкаў і краязнаўцаў. У масавай свядомасці "караняжаў" не надта прыемнае ўяўленне пра горад, што знаходзіцца на далёкай адлегласці, укараніў грубаваты пан Заглоба, які правакаваў віцебскага ваяводу, гетмана Паўла Сапегу, кпінамі: *Якая галава кепская – мусіць быць з Вітэбска*[111].

На фоне нешматлікіх тэкстаў, наогул скампіляваных з кірылічных публікацый, яскрава вылучаецца артыкул, змешчаны ў 1856 г. на старонках "Dziennika Warszawskiego" ананімным *Беларусам*, якога да Віцьбы прывялі гандлёвыя справы[112]. З літаратурным талентам і праніклівым пачуццём назіральніка ён ухапіў істотныя рысы мясцовай архітэктуры, а такса-

[111] *Henryk Sienkiewicz.* Potop. T. 2. Rozdz. 6.

[112] Гэтым ананімам хутчэй за ўсё быў паэт Арцём Вярыга-Дарэўскі. Гл.: *Хмяльніцкая Л.* Невядомая карэспандэнцыя Арцёма Вярыгі-Дарэўскага? // Віцебскі сшытак. № 5. 2017. С. 114 – 116 – *рэд.*

ма змены, якія яна перацярпела падчас расійскага панавання[113]:

"Вялікая розніца паміж гэтымі двума беларускімі гарадамі – Магілёвам і Віцебскам. Магілёў нядаўна цалкам як Фенікс з попелу адроджаны, элегантны, вытанчаны, свежанькі, як цацка забудаваны, падобны на фельетоны французскіх часопісаў, якія шмат і прыгожа гавораць, не распавядаючы нічога; Віцебск наадварот патыхае старым жыццём, кожную хвіліну сустракаеш у ім тут і там старыя, нязграбныя камяніцы з высокімі дахамі, няма на іх архітэктурнай аздобы, адны толькі тоўстыя без меры слупы выступаюць са сцен, беручы прыклад з пілястраў, а на фасадах не аднаго з тых дамiскаў спаткаеш надпіс: "Года госпадняга 1654 або 1735 (раней, пазней) на хвалу Богу, да маёй і бліжніх маіх выгады, Якуб Вансовіч" (ці хто іншы).

Горад досыць разлеглы, але нерэгулярна і дрэнна забудаваны – камяніца на некалькі паверхаў стаіць тут побач з напалову паваленай драўлянай яўрэйскай халупай, кантраст паўсюль надзвычайны. Аднак тут і там можна спаткаць будынкі, больш вартыя ўвагі. Але як гэта здараецца звычайна ў губернскіх гарадах, панове архітэктары не прывыклі трымацца аднаго стылю, ордэр карынфскі, дарычны, іянічны і візантыйскі змяшаныя разам; сапраўдны архітэктурны хаос. Аднак калоны, відаць, былі больш за ўсё мілыя мясцоваму архітэктару, таму ў большай частцы самыя значныя будынкі ўпрыгожаны калонамі, хоць, кажучы праўду, гэтыя калоны ніяк не вызначаюцца добрымі прапорцыямі, суадносіны падножжаў, капітэляў, карнізаў і іншых частак цалкам страчаны, злеплены яны чыста па-беларуску, толькі на вока. […]

Святынь у Віцебску, як у горадзе губернскім, дастаткова. Некаторыя з іх вельмі прыгожыя, а высокія вежы званніц ужо здалёк уражваюць падарожнікаў, што прыбываюць у горад з боку Магілёва. Шмат з гэтых святыняў вызначаюцца прыгажосцю стылю, які, як я ўжо казаў, у іншых будынках Віцебска па меншай меры не ўражвае, аднак што найперш здзіўляе ў шмат якіх святынях, дык гэта мешаніна стыляў у розных іх частках: касцёл у гусце чыста італьянскім ці гатычным нясе купал з візантыйскім смакам, што сведчыць пра не вельмі вялікія архітэктурныя здольнасці мясцовага будаўніка, бо пры ўсталяванні купала ні на адной з гэтых святынь ён не змог дастасавацца да цэлага, да дамінуючага стылю, так што гэтыя купалы здаюцца непатрэбнымі дадаткамі, без якіх касцёлы маглі б абысціся…"

ДАДАТКІ

Дадатак 1.
Кантракт з архітэктарам Юзафам Фантанай на заканчэнне будоўлі касцёла бернардзінцаў у Віцебску, 10 лютага 1742 г. у Вільні. АРВ, S-wit-1, s. 43.

У імя Бога года тысяча семсот сорак другога дня 10 лютага паміж мною, Тэкляю з Лярскіх Агінскай, [жонкай] віцебскага ваяводы, фундаторкай віцебскага канвента, і паміж намі, Тадэвушам Агінскім, пісарам В[ялікага] К[няства] Літ[оўскага], старастай перавальскім, Казімірам Гуркай, пісарам земскім віцебскім, як апекунамі Я[сна] В[яльможнай] ягамосці пані [жонкі] віцебскага ваяводы, і паміж намі, ксяндзамі бернардзінцамі віцебскага канвента, і ягамосцем панам Юзафам Фантанай,

[113] *P. A. W. Białorusin.* Korespondencja (opóźniona) z Witebska d. 24 sierpnia 1855 // Dziennik Warszawski. 1856. Nr. 12. S. 4.

архітэктарам Я[го] К[аралеўскай] М[ілас]ці, паўстаў кантракт, які абодва бакі абавязваюцца выконваць наступным чынам:

Што ягамосць пан Юзаф Фантана абавязуецца і дэкларуе касцёл наш віцебскі з усім [неабходным] скончыць паводле ім самім падрыхтаванага праекта, запрасіўшы муляраў, цесляроў, сталяроў, слесараў, кавалёў, шкляроў і ўсіх да будаўніцтва патрэбных рамеснікаў; і што з усім, як то замкамі, вокнамі, дзвярыма, дахамі і іншымі рэчамі, якія патрэбны для заканчэння касцёла, сакрысціі і скарбца, ягамосць пан архітэктар дасканала, фундаментальна, добра, моцна і грунтоўна пабудаваць абяцае і дэкларуе, а яснавяльможнай фундатарцы толькі ключы пасля заканчэння перадасць.

А мы павінны ўсе матэрыялы прадставіць, як то цэглу, вапну, жвір, ваду, дрэва, дахоўку, жалеза, па ўказанні ягамосці пана архітэктара. Абавязуемся [несці] як усе кошты, на сябе прынятыя па грунтоўнаму і фундаментальнаму будаўніцтву віцебскага касцёла, так і [пакрыць] цану турбот ягамосці пана архітэктара, дэкларуем даць памянёнаму ягамосці тры тысячы талераў бітых, і гэтыя грошы падзяляем на часткі, што значыць пры [заключэнні] кантракта тысячу талераў бітых, а іншыя пазней, прапарцыянальна працам, будзем даваць і выплочваць.

Калі б аказалася, што пасля заканчэння будоўлі выявіліся б дрэнна закладзеныя ягамосцем падмуркі, на якія ўказвалі б расколіны, тады ягамосць пан архітэктар сваім коштам павінен будзе зрабіць рамонт. У выпадку ж невыканання або, барані Божа, падману ў якім-небудзь пункце, або нестрымання слова кантракта вышэйпамянёны ягамосць пан архітэктар дазваляе правесці вольнае расследаванне яго асобы і маёмасці.

Каб гэта мела большае значэнне і сілу, я, архітэктар, падпісваюся маёю уласнаю рукою. Пісана ў Вільні дня і месяца, як згадана вышэй. Ю. Фантана.

Дадатак 2.

Кантракт з Юзафам Фантанай на пабудову кляштара бернардзінцаў у Віцебску, 20 сакавіка 1753 г. APB, S-wit-1, s. 63.

Юзаф Фантана паведамляе гэтым сваім гарантыйным запісам вяльможнаму ягамосцю пану Мікалаю Рэвуту, харужаму Віцебскага ваяводства, генеральнаму сіндыку, таксама вялебнаму ягамосцю ксяндзу Лукашу Дамброўскаму, гвардыяну віцебскаму, і ўсяму канвенту ордэна св. Францішка Antiquae Observantiae наступным тое, што я, запрошаны на ўзвядзенне новага мураванага кляштара тых жа ягамосцяў ксяндзоў бернардзінцаў, якое мае адбыцца ў цяперашнім 1753 годзе, павінен гэты кляштар паводле прадстаўленага мною абрысу за кошт кляштара ўзвесці, дагледзець, каб як найлепш праца была скончана да апошняга пункта, на ўсё, што як-небудзь адносіцца да будоўлі, заўсёды даваць распараджэнні і наглядаць [за іх выкананнем], за якую працу мушу атрымаць, згаварыўшыся з памянёным вяльможным ягамосцем панам сіндыкам, а таксама ягамосцем ксяндзом гвардыянам і ўсім таварыствам таго канвента, суму ў дзвесце талераў бітых, і гэтую суму, тут і зараз у рукі мае атрымаўшы, гарантую ўзвядзенне таго кляштара на працягу двух гадоў ад сённяшняй даты; у выпадку аддалення ад гэтай будоўлі павінен буду за ўласны кошт прыставіць такога субалтэрна, які б гэтую будоўлю мог дасканала скончыць, якому я, ніжэй падпісаны, вінен у адпаведнасці з рашэннем аддадную мне зараз суму ў

дзвесце талераў бітых, што, з другога боку, будзе забяспечана на ўсялякай маёмасці і сумах маіх, і яе без судовага разбіральніцтва вольна арыштоўваць дазваляю, і тым даў мой гэты гарантыйны запіс з подпісам маёй рукі ў [прысутнасці] ягамосцяў паноў сведкаў, вусна запрошаных мною.

Пісаны ў Віцебску тысяча семсот пяцьдзясят трэцяга года месяца сакавіка дваццатага дня. Юзаф Фантані;

[засведчылі:] запрошаныя вусна ад ягамосці пана Юзафа Фантаны: Я. Лупя і Ян Ануфры з Гежодаў Гежадовіч.

Дадатак 3.

Кантракт з Юзафам Фантанай на галоўны алтар і табернакль у касцёле бернардзінцаў у Віцебску, 6 жніўня 1749 г. у Марцыянаве. LVIA, 1177 - 1 - 3389.

Я, Марцыян Міхал з Казельска Агінскі, ваявода віцебскі, учыняю гэтым сваім кантрактам, дадзеным ягамосцю пану Юзафу Фантане, тое, што ў годзе, ніжэй напісаным, паводле добраахвотнай з абодвух бакоў папярэдняй дамоўленасці, дэкляраваў і пагадзіўся пан Фантана ў новым мураваным касцёле айцоў бернардзінцаў віцебскіх узвесці паводле пададзенага ад сябе плана, маёй рукой зацверджанага, і паводле прадстаўленага абрысу, таксама рукою маёю падпісанага, вялікі алтар на фронце касцёла ля сцяны і табернакль у прэзбітэрыі ў тым жа касцёле, які аддзяляе хор і другі неф касцёла. Абедзве мураваныя структуры павінны быць зроблены ягамосцем панам Фантанай грунтоўна, а падмурак мурам, а потым дзеля прыгажосці і велічы касцёла маюць быць гіпсам і гіпсатурамі ўпрыгожаны, калонамі, пілястрамі, статуямі, анёламі, гербамі, зробленымі ва ўсім у адпаведнасці з пададзеным абрысам. Каля алтара фестоны, капітэлі на калонах і пілястрах, пры гэтым фіглятуры каля абраза, таксама на паверхні гербы, кароны, мітры павінны быць пазалочаныя як на першым ярусе алтара, так і на другім. А каля табернакля такія ж павінны быць упрыгожанні, такая ж уся праз касцёл перагародка і менса, даразахавальніца і табернакль таксама калонамі, пілястрамі і добрай гіпсатурай, як вялікі алтар, упрыгожаны, з капітэлямі, гербамі і іншымі аздобамі, а статуі ў асобных частках пазалочаныя. Усе залачэнні павінны быць [зроблены] добрай пазалотай пад колер пазалочанай. Усё, у тым ліку матэрыялы, вапну, цэглу, гіпс, жалеза і ўсю астатнюю падрыхтоўку, наняць і прывезці рамесніка, ягамосць пан Фантана мае як найхутчэй, як толькі можа быць, тыя працы распачаць.

А я, ваявода, за абедзве структуры разам памянёнаму ягамосці пану Фантане даю гатоўкай сто талераў бітых, а потым, улічваючы патрэбу і паспешнасць працы, маю выплаціць часткамі і ажно да поўнай сумы ў шэсцьсот талераў бітых, якія ад мяне ягамосць пан Фантана за ўсю добра зробленую працу атрымае. І на гэта даўшы ягамосці гэты мой кантракт і ад ягамосці такі ж рэверсал ўзяўшы, яго ўласнаю рукою з пячаткаю падпісаў.

Нададзены ў Марцыянаве года тысяча семсот сорак дзевятага месяца жніўня шостага дня. Марцыян Агінскі, ваявода віцебскі.

Атрымаўшы такі ж кантракт ад яснавяльможнага ягамосці пана Агінскага, ваяводы віцебскага, у гэты рэверсал слова ў слова ўпісаны, уласнаю рукою падпісваю, Юзаф Фантана.

Дадатак 4.
Гарантыя я[гамосці] п[ана] Фантаны на заканчэнне вялікага алтара, 20 сакавіка 1753 г. APB, S-wit-1, s. 67 – 70.

Я, Юзаф Фантана, паведамляю гэтым маім гарантыйным запісам прывялебнаму ягамосцю ксяндзу Лукашу Дамброўскаму, гвардыяну, і ўсім ягамосцям ксяндзам бернардзінцам віцебскага канвента пра тое, што я, пазначаны Фантана, паводле кантракта з яснавяльможнай ягамосцю паняй Тэкляй з Лярскіх Агінскай, [жонкай] ваяводы віцебскага, на ўзвядзенне алтара святога Антонія ў касцёле тых жа ягамосцяў ксяндзоў бернардзінцаў заключанага на суму шэсцьсот талераў бітых, цалкам усё атрымаўшы і памянёны алтар часткова паспачаўшы, дагэтуль працу гэтую не завяршыў, таму такую структуру алтара ў цяперашнім, тысяча семсот пяцьдзясят трэцім, годзе да восені цалкам паводле вышэй памянёнага кантракта скончу, гэтым маім запісам гарантую, а ў выпадку невыканання яго дазваляю прывялебнаму ягамосцю ксяндзу гвардыяну ўсю суму ў шэсцьсот талераў бітых, мною ў яснавяльможнай ягамосці пані [жонкі] ваяводы віцебскага атрыманай, дабівацца вяртання ад мяне і з усёй маёмасці і сум з некаторых маіх паселішчаў, што прыносяць прыбытак, без усялякага юрыдычнага асуджэння арыштаваць і поўную для сябе сатысфакцыю зрабіць, за што я ніякіх судоў весці не буду, [знаходзячыся] пад аховай толькі аднаго, і ў гэтым даў гэты мой добраахвотны гарантыйны запіс з подпісам рукі маёй і рукі паной сведкаў [Ян Ануфры з Гежодаў Гежадовіч], вусна запрошаных мною. Пісаны ў Віцебску года 1753 месяца сакавіка дваццатага. Юзаф Фантані.

Дадатак 5.
Кантракт з Людвікам Яздоўскім, магістрам мулярскага мастацтва, на алтар Пана Езуса ў касцёле бернардзінцаў, 20 чэрвеня 1756 г. APB, S-wit-1, s. 71 – 73.

Паміж мною, Ігнаціем Качаноўскім, пісарам земскім віцебскім, і мною, Людвікам Яздоўскім, магістрам мулярскага мастацтва, паўстаў такі неадменны і непарушны кантракт, што я, Яздоўскі, павінен алтар гіпсавы са штучнага мармуру, з залачэннем і шліфоўкай, персонамі, статуямі, анёлкамі, з калонамі, пілястрамі, карнізамі, капітэлямі шліфаванымі і залочанымі на два ярусы, а калі не хопіць месца, то на адзін, з тынкаванымі наверсе аблокамі, гербамі, промнямі або [тым], што лепей будзе служыць да аздобы і прыналежнасці ў Віцебску ў касцёле вялебных айцоў бернардзінцаў, паставіць і збудаваць, пачынаючы працу ў цяперашнім 1756 годзе і, не перапыняючы яе ў цёплы час, працягваць ажно да поўнага заканчэння, з дапаўненнем, што алтарная менса павінна быць са штучнага мармуру і гіпсу, прыступкі ж павінны быць толькі мураванымі. Колер мармуру ва ўсім алтары павінен быць зялёны бірузовы з іншымі, толькі не чырвонымі фарбамі злучаны. Фарбы, а таксама белы гіпс коштам маім, Яздоўскага, будзе набыты, а па мармуры маю даць для аздобы залатыя жылкі, як ва ўсіх мармурах.

А я, Качаноўскі, пісар земскі віцебскі, павінен цэглу, вапну, жалеза, дрэва, як да рыштаванняў, так і дзе яшчэ [будзе] патрэба, і ўсялякія матэрыялы, апроч вышэй згаданых рэчаў, паставіць і надаць, а менавіта шэрага гіпсу колькі патрэбна, золата да залачэння і атрымання жылак, а таксама промняў і драўляных разьбяных рэчаў, дзе была б патрэба. Далей, абразы маім коштам маюць быць набытыя, а для ўзвядзення з цэглы ўсяго алтара я даю двух маіх памочнікаў, а пакуль праца будзе доўжыцца, мае быць стол для аднаго муляра ў айцоў бернардзінцаў маім коштам і адказнасцю. А пры пачатку

гіпсавання, мармуравання і шліфавання, ажно да заканчэння, стол пану Яздоўскаму тамсама замаўляю маім коштам. За ўсю працу я, пісар, маю заплаціць гатоўкай сто шэсцьдзясят талераў бітых і я, пісар, тры падводы і людзей да Вільні за гіпсам прадстаўляю. На чым абодва бакі пагадзіліся, так і гэты наш добраахвотны кантракт дзеля веры і годнасці ўласнымі рукамі падпісалі. Пісаны ў Віцебску года 1756 месяца чэрвеня 20 дня. Людвік Яздоўскі.

Дадатак 6.

Кантракт з архітэктарам Людвікам Яздоўскім на алтар Беззаганнага Зачацця Н[айсвяцейшай] П[анны] М[арыі] ў касцёле бернардзінцаў, 15 верасня 1757 г. АРВ, S-wit-1, s. 75.

Паміж мною, Станіславам Клотам, абозным браслаўскім, камісарам уладанняў яснавяльможнага ягамосці пана Салагуба, генерала артылерыі в[ойска] В[ялікага] К[няства] Л[ітоўскага], і мною, Людвікам Яздоўскім, архітэктарам, паўстаў гэты, з бясспрэчнай волі яснавяльможнага ягамосці пана Антонія Салагуба, генерала артылерыі войска ВКЛ, неадменны і непарушны кантракт, што я, Яздоўскі, павінен буду алтар гіпсавы са штучнага мармуру з залачэннем і шліфоўкай, персонамі, статуямі, анёлкамі, з калонамі, пілястрамі, карнізамі і залачонымі рэчамі на два ярусы, а калі не хопіць месца, то на адзін, з тынкоўкай, наверсе аблокамі, гербамі, промнямі або [тым], што лепей будзе служыць да аздобы і прыналежнасці ў Віцебску ў касцёле вялебных айцоў бернардзінцаў, паставіць і збудаваць, пачынаючы працу ў цяперашнім 1757 годзе і, не перапыняючы яе ў цёплы час, працягваць на будучы 1758 год ажно да поўнага заканчэння, з дапаўненнем, што алтарная менса павінна быць са штучнага мармуру і гіпсу, прыступкі ж павінны быць толькі мураванымі, колер мармуру ва ўсім алтары павінен быць зялёны бірузовы з іншымі, толькі не чырвонымі фарбамі злучаны, фарбы, а таксама белы гіпс коштам маім, Яздоўскага, будзе набыты, а па мармуры маю даць для аздобы залатыя жылкі, як ва ўсіх мармурах.

А я, Клот, абозны браслаўскі, за ўсю працу павінен заплаціць гатоўкай дзвесце шэсцьдзясят талераў бітых, а таксама даць жыта 10 бочак, ячменю 5 бочак, аўса 5 бочак і адну кадушку масла. На чым абодва бакі пагадзіліся, так і гэты наш добраахвотны кантракт дзеля веры і годнасці ўласнымі рукамі падпісалі.

Дадзены ў Гарадку года 1757 месяца верасня 15 дня. Ст. Клот, абозны браслаўскі; Людвік Яздоўскі.

Дадатак 7.

Кантракт з Янам Азялевічам на алтар св. Францішка, 6 лістапада 1766 г. АРВ, S-wit-1, s. 77 – 79.

Ян Азялевіч, Artis Architecoriae InVentor, ніжэй падпісаннем маёй уласнай рукі пазначаны, пад усе ніжэй згаданыя пункты і параграфы падлягаючы і прадстаўляючыся, абвяшчаю гэтым маім надзейным кантрактам і гарантыйным запісам з ягамосцем ксяндзом Лукашам Дамброўскім, дэфінітарам, і ўсімі вялебнымі ягамосцямі ксяндзамі бернардзінцамі ордэна святога Францішка віцебскага кляштара ў такі спо-

саб выкананым і зробленым, як ніжэй у гэтым кантракце слушным чынам будзе апісана, што я, Ян Азялевіч, Artis Architecoriae InVentor, сам добраахвотна, а не з якога людскога прымусу, згадзіўся і гэтым маім кантрактам запісаўся з памянёнымі вялебнымі ксяндзамі бернардзінцамі віцебскага кляштара алтар святога Францішка ў касцёле ягамосцяў вымураваць. З усімі сваімі матэрыяламі, гэта значыць цэглай, вапнай, гіпсам, [/] і фарбамі, а таксама сваімі рамеснікамі, гэта значыць мулярам, штукатарам, шліфоўшчыкам і памочнікам, за выключэннем […] золата, і за ўсю гэту маю працу айцы бернардзінцы павінны мне даць, за выключэннем мастака і золата, сто восемдзесят талераў старой польскай манетай … нічым не сапсаванай, прытым … на цэлы год стварыць для мяне ў гэтым жа кляштары паводле манаскай порцыі пансіён з паслугамі.

А я, ніжэй падпісаны, гэты алтар св. Францішка ў касцёле ягамосцяў павінен буду пачаць у, дасць Бог, наступным тысяча семсот шэсцьдзясят сёмым годзе пунктуальна і надзейна, на наступны дзень пасля св. Юр'і красавіка дваццаць чацвёртага дня (каб толькі надвор'е было цёплае) і ў тым жа годзе тысяча семсот шэсцьдзясят сёмым каля святога Міхала Арханёла надзейна скончыць […] і гэтага кантракта я павінен буду [/] прытрымлівацца ў найменшым пункце і параграфе, пры гэтым кантракце я ўзяў на закупку розных матэрыялаў сто [талераў] бітых, рэшту мне павінны аддаць і разлічыцца вялебныя ксяндзы бернардзінцы віцебскага кляштара восемдзесят [талераў] бітых у дзень Св. Пятра Рымскага надзейна і неадменна паводле новага календара ў, дасць Бог, наступным, тысяча семсот шэсцьдзесят сёмым годзе, а я, жадаючы ўсё пунктуальна і належным чынам зрабіць, пры запрошаных ягамосцях панах сведках [Раман з Яксаў Быкоўскі, вусна запрошаны ад ягамосці Яна Азялевіча, архітэктара] сам сваёю ўласнаю рукою падпісваюся. Дадзены ў Віцебску тысяча семсот шэсцьдзясят шостага года, лістапада шостага дня. Ян Азялевіч, архітэктар, гэты кантракт падпісваю

Boberski W. Z dziejów kościoła bernardynów w Witebsku // Biuletyn Historii Sztuki 75: 2013. Nr. 4. S. 793 – 838. Пераклад з польскай Людмілы Хмяльніцкай.

Максим МАКАРОВ

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «КНИГИ ПРИВИЛЕЕВ ВИТЕБСКА» И «ЛЕТОПИСИ ПАНЦЫРНОГО И АВЕРКИ»

В 1730-х – 1760-х гг. в Витебске было создано несколько произведений, которые свидетельствуют о возникновении в городе живого интереса к его истории. Это «Книга привилеев Витебска» и тесно связанная с ней так называемая «Летопись Панцырного и Аверки». Указанные памятники благодаря публикациям хорошо известны как профессиональным историкам, так и широкому кругу любителей прошлого. «Книга привилеев» в ее двух редакциях (первая – 1730-е гг., вторая – 1758 г.) легла в основу I тома археографического сборника «Витебская старина», подготовленного Алексеем Сапуновым (1883)[1]. «Летопись Панцырного и Аверки» вообще издавалась неоднократно – как на языке оригинала (польский), так и в переводе на русский и белорусский языки[2]. Однако об обстоятельствах создания этих произведений, а, следовательно, и о причинах зарождения в нестоличном городе исторической рефлексии до сих пор известно крайне мало. Попробуем в некоторой степени восполнить этот пробел в рамках данной статьи.

Поскольку катализатором возникновения интереса к источникам и истории как таковой в Витебске послужила борьба за власть, необходимо сначала охарактеризовать фон, на котором создавались интересующие нас памятники. Обратимся к истории.

17 марта 1597 г. король польский и великий князь литовский Жигимонт Ваза пожаловал Витебску Магдебургское право. Город был выведен из состава «земли» и превращен в самостоятельную административную единицу, его население освобождено из-под непосредственной власти местного воеводы и подчинено юрисдикции особого великокняжеского наместника – войта[3]. Эта должность, несомненно, была высокодоходной, поскольку именно в главном городе концентрировалась наиболее активная и платежеспособная часть населения повета.

Однако самостоятельное и неподконтрольное никому, кроме монарха, войтовство просуществовало в Витебске недолго. Оно практически сразу стало объектом гражданских правоотношений, и уже в феврале 1603 г. войт, а по совместительству королевский секретарь и староста велижский Александр Корвин-Гонсевский после заключения соответствующего договора «добровольно уступил» (следует понимать – продал) свою должность воеводе витебскому Яну Завише[4].

Так через неполных 6 лет после пожалования Витебску немецкого права войтовство оказалось в руках главы локальной земской администрации и стало переходить от одного воеводы к следующему. Причем установление такого порядка было спокойно воспринято витебской мещанской общиной. В XVI – XVII вв. ситуация, когда в городах на Магдебургском праве великокняжеские земские наместники (воеводы, старосты) выполняли первичные функции войтов на основании «персональной унии» должностей, была достаточно типичной для пограничных регионов Великого Княжества Литовского (Полоцк, Дисна, Орша и др.)[5].

После убийства 12 ноября 1623 г. витебскими мещанами Полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича в соответствии с распоряжением Жигимонта Вазы от 9 декабря 1623 г. и декретом комиссарского суда от 22 января 1624 г.

город был вообще лишен всех прав и Магдебургского права в частности[6]. Но, несмотря на это, войтовство, находившееся на тот момент в руках Николая Завиши, сына воеводы Яна Завиши, сохранилось[7]. Магдебургия в Витебске была воссоздана лишь осенью 1641 г.

28 сентября 1641 г., при повторном пожаловании Витебску немецкого права, король польский и великий князь литовский Владислав Ваза оставил войтовство «при вельможном Криштофе Кишке, воеводе витебском», пожизненно. В то же время королевским привилеем предусматривалось, что после его смерти порядок назначения войта будет изменен: мещане смогут выбирать четырех кандидатов шляхетского происхождения и представлять их королю, а монарх – утверждать одного из этой четверки на должности войта[8].

Однако после смерти в 1646 г. Криштофа Кишки мещане по неизвестным причинам не смогли воспользоваться данным им правом, и войтом стал новый воевода витебский Павел Сапега. Во второй половине XVII – начале XVIII в. войтовство всегда доставалось очередному витебскому воеводе и, в силу традиции, постепенно стало восприниматься как придаток к посту руководителя локальной земской администрации[9].

Отношения между войтом как ставленником верховной власти и мещанской общиной могут служить показателем того, в какой степени последней удалось реализовать свой коммунальный суверенитет. В случае Витебска говорить про успехи в этом направлении не приходится. Мещанская община так никогда и не смогла выкупить войтовство и поставить его под свой контроль. Вплоть до 1772 г. войт (практически всегда в лице воеводы) оставался единственной реально значимой фигурой в системе городских властей Витебска.

Первая попытка изменить сложившийся порядок и отделить войтовство от воеводства была предпринята в 1729 г. подстолием витебским Франтишком Антонием Булгаком. Этот человек при неустановленных обстоятельствах внимательно прочитал привилей Владислава Вазы от 28 сентября 1641 г. и получил представление о процедуре выборов войта, прописанной в подзабытом документе. И когда 10 июня 1728 г. воевода и войт витебский Казимир Александр Потей умер, а обе должности на некоторое время остались вакантными, Франтишек Булгак воспользовался ситуацией. Ему удалось щедрыми посулами привлечь на свою сторону верхушку мещанской общины, организовать процедуру выборов себя в качестве кандидата и в результате 7 сентября 1729 г. получить из рук короля польского и великого князя литовского Августа II заветный привилей[10].

Такое развитие событий вызвало бурю негодования у витебской шляхты, имевшей право выбирать воеводу и считавшей войтовство неотъемлемой частью воеводской должности. К королю были направлены послы, которые просили его пересмотреть недавнее решение, и Август II удовлетворил просьбу аристократии. 17 апреля 1730 г. он отменил действие привилея, пожалованного ранее Франтишку Булгаку, временно передал войтовские полномочия суррогатору гродскому Казимиру Саковичу, а также издал универсал о проведении в том же году «свободной элекции» воеводы, который и должен был стать следующим витебским войтом[11].

Франтишек Булгак пытался отстоять утраченные позиции. Вместе со своими сторонниками из числа мещан он ездил к королю в Гродно, но повлиять на ситуацию уже не мог. В конце 1730 г. воеводой и войтом витебским был утвержден избранник шляхты магнат Марциан Михал Огинский[12]. 7 февраля 1731 г. он торжественно «въехал на воеводство»[13] и принял обе должности из рук суррогатора.

Позже у Марциана Огинского возникла мысль передать войтовство своему сыну Станиславу Ежи Огинскому, на тот момент каштеляну мстиславскому. 30 марта 1739 г. он получил от короля письменное согласие на данное действие. Но в итоге, хорошо помня недавнюю историю с Булгаком и не желая разрывать войтовство с сенаторским креслом от Витебского воеводства, отец

временно воздержался от осуществления задуманного[14]. В документах витебского магистрата первой половины 1740-х гг. местным войтом всегда выступает именно он – Марциан Огинский[15]. К вопросу о передаче войтовства сыну, который уже стал каштеляном витебским, воевода планировал вернуться на сейме 1748 г. Однако 14 июня 1748 г. Станислав Огинский неожиданно умер в Варшаве, и с точки зрения верховных властей должность руководителя городской администрации оказалась вакантной.

Ситуацией воспользовался пятигорский полковник войск ВКЛ Юзеф Сосновский. Уже 22 июня 1748 г. он получил из рук короля польского и великого князя литовского Августа III привилей на витебское войтовство[16]. 3 июля 1748 г. Юзеф Сосновский принес соответствующую присягу перед канцлером и актами метрики ВКЛ, после чего в теории сделался полноправным войтом[17]. Марциан Огинский был в шоке от такого нежелательного развития событий, но уступать не собирался. Он попробовал договориться с оппонентом «по-хорошему» и первоначально был даже готов признать Сосновского войтом в случае согласия пожизненно оставить ему (Огинскому) в пользование фольварк Лукишки, который в XVIII в. являлся «приложением» к войтовству[18]. Но все усилия оказались тщетными.

20 июля 1748 г. в город на Двине прибыл товарищ хоругви Сосновского шляхтич Казимир Ляховецкий Чехович, которого пятигорский полковник назначил своим витебским наместником – лантвойтом. Его ждал крайне холодный прием. Улицы и Рыночная площадь патрулировались вооруженной стражей Огинского. Новоиспеченного лантвойта не пустили в ратушу. Под угрозой физической расправы он в тот же день уехал из города и отправился вносить жалобу на действия воеводы в гродские книги соседнего Оршанского повета[19].

Как Огинский, так и Сосновский обратились в суды. Однако через некоторое время обе стороны, хорошо осознавая ситуацию с исполнением судебных решений в Речи Посполитой, стали готовиться к силовому решению вопроса. Под конец лета 1749 г. Юзеф Сосновский смог собрать «партию», которая насчитывала около сотни хорошо вооруженных конных воинов. Кроме людей полковника в ее состав вошли «пахолки» подкомория смоленского Антония Храповицкого, солдаты Горы-Горецкого гарнизона графа Юзефа Сологуба, слуги городничего оршанского Богуслава Шкультецкого. Марциан Михал Огинский также подготовился основательно. Он стянул в Витебск свою «надворную» рейтарию, а также шляхту Борисовского староства и имения Микулин[20].

11 сентября 1749 г. в предрассветной мгле отряд Юзефа Сосновского вступил в Витебск и, не встретив сопротивления на предместьях, атаковал «войтовскую резиденцию» – ратушу. Сражение продолжалося около полутора часов, но, несмотря на значительные потери, нападающим так и не удалось овладеть сложенным из кирпича зданием. Сосновский был вынужден ретироваться из Витебска. Следует отметить, что город лишь чудом не сгорел, поскольку всю ночь перед штурмом лил дождь[21].

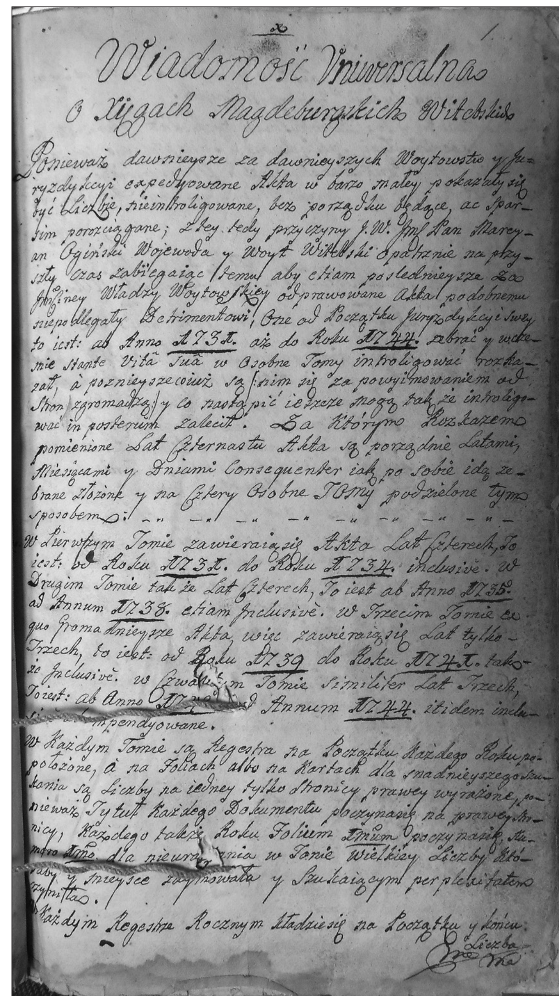
Поле боя осталось за воеводой, но его торжество было недолгим, поскольку 1 апреля 1750 г. сам Марциан Михал Огинский умер[22]. Для Юзефа Сосновского после ухода конкурента войтовство наконец-таки приобрело свойства ликвидного товара, и уже 28 мая 1750 г. он выпросил у Августа III согласие на «передачу» этой должности Юзефу Сологубу, на тот момент каштеляну витебскому. В соответствующем королевском документе было прямо прописано право Сологуба в будущем назначать витебских бурмистров по собственному усмотрению, что подчеркивает незначительность степени автономии мещанской общины[23].

В июле 1750 г. Юзеф Сосновский, еще будучи войтом, лично приехал в Витебск и принял присяги чиновников магистрата, а в следующем 1751 г. он действительно отказался от должности в пользу Юзефа

Сологуба[24]. Под контролем последнего (с 1752 г. – воеводы витебского) войтовство находилось вплоть до 1772 г.

Конфликты за власть, сотрясавшие город в 1729 – 1730 и 1748 – 1750 гг., чрезвычайно подогрели интерес к документальному наследию витебской магдебургии. Историей очень серьезно заинтересовался по крайней мере один из ключевых их участников – воевода и войт витебский Марциан Михал Огинский. Во время противостояния с Юзефом Сосновским с целью обоснования своей позиции в настоящем он неоднократно обращался к прошлому. Около 1749 г. для Марциана Огинского было составлено несколько основательных исторических справок, касающихся витебского войтовства. Одна из них имеет заглавие «Мемориал всего интереса витебского войтовства» и ныне хранится в Отделе рукописей Библиотеки Польской Академии Искусств и Польской Академии Наук (Краков)[25]; вторая – «Status causae … пана Марциана Михала Огинского…» – в фонде Огинских Литовского государственного исторического архива (Вильнюс)[26]. Обе справки содержат многочисленные ссылки на конкретные документы (королевские привилеи, приговоры судов, сеймовые конституции и т. д.) и, несомненно, являются результатом тщательных архивных изысканий. При этом, значительная часть использованых источников (но далеко не все) могла быть взята из «Книги привилеев Витебска».

По хронологическому охвату (до 180 лет) и степени аргументированности обе справки напоминают работы современных историков. Поскольку один из главных и наиболее объемных сюжетов в этих произведениях – обоснование незаконности действий Франтишка Булгака 20-летней давности, в результате которых был создан прецедент отрыва войтовства от воеводства[27], можно предположить, что воевода инициировал исследование вопроса о характере городских властей Витебска уже вскоре после 1731 г. с целью недопущения подобных ситуаций в будущем.


Wiadomość Uniwersalna
O Xięgach Magdeburskich Witebskich

Ponieważ dawnieysze za dawnieyszych Woytowstw y Juryzdykcyi expedyowane Akta w barzo małey pokazały się być Liczbie, nieintroligowane, bez porządku będące, ac sparsim porozciągane; z tey tedy przyczyny J. W. Jmć Pan Marcyan Ogiński Wojewoda y Woyt Witebski opatrznie na przyszły czas zabiegaiąc temu aby etiam posledniejsze za [illegible] Władzy Woytowskiey odprawowane Akta podobnemu nie podlegały Detrimentowi, One od Początku Juryzdykcyi swey to iest: ab Anno 1731. aż do Roku 1744. zebrać y wcześnie stante Vita Sua w Osobne Tomy introligować rozkazał, a poznieysze coiuż są, z nim się za powyimowaniem od Stron zgromadzą, y co nastąpić ieszcze mogą, tak że introligować in posterum zalecił. Za którym Rozkazem pomienione Lat Czternastu Akta są porządnie Latami, Miesiącami y Dniami Consequenter iak po sobie idą zebrane złożone y na Cztery Osobne Tomy podzielone tym sposobem:

W Pierwszym Tomie zawieraią się Akta Lat Czterech, To iest: od Roku 1731. do Roku 1734. inclusive. W Drugim Tomie także Lat Czterech, To iest ab Anno 1735. ad Annum 1738. etiam Inclusive. W Trzecim Tomie ex quo Gromadnieysze Akta, więc zawieraią się Lat tylko Trzech, to iest: od Roku 1739 do Roku 1741. także Inclusive. W Czwartym Tomie similiter Lat Trzech, To iest: ab Anno [illegible] ad Annum 1744. itidem inclusive [illegible] pendyowane.

W Każdym Tomie są Regestra na Początku Każdego Roku położone, a na Foliach albo na Kartach dla snadnieyszego szukania są Liczby na iedney tylko stronicy prawey wyrażone, ponieważ Tytuł Każdego Dokumentu poczyna się na prawey stronicy, Każdego także Roku Folium 1mum poczyna się, Numero 1mo dla nieuro[illegible]nia w Tomie wielkiey Liczby, które by y mieysce zaymowała y Szukaiącym perplexitatem czyniła.

W Każdym Regestrze Rocznym znaydzie się na Początku y końcu Liczba [illegible]

“Универсальное известие” о книгах витебского магистрата из городской актовой книги за 1742 – 1744 гг. [НИАБ, ф. 1805, оп. 1, д. 2, л. 1]

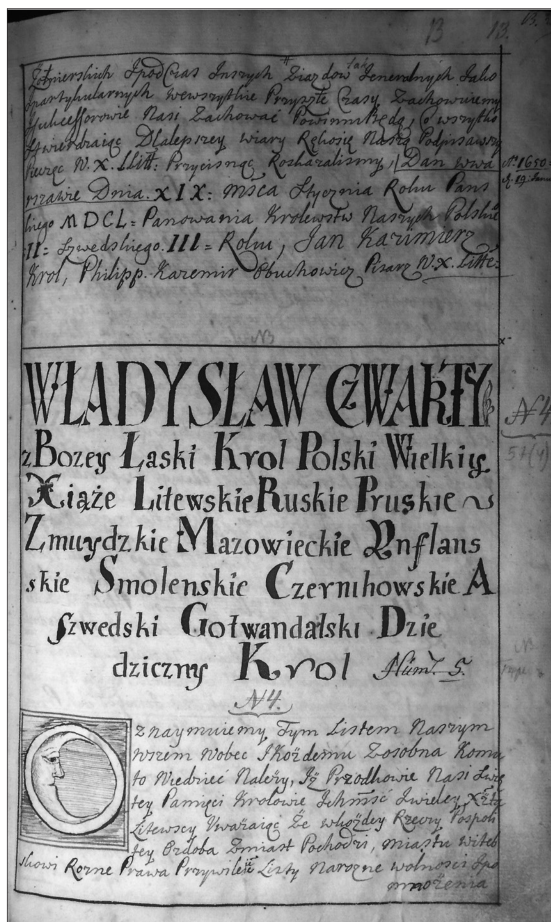
Вступив в должность войта и приняв дела под свой контроль, Марциан Огинский обнаружил, что документальное наследие его предшественников пребывает в плачевном состоянии: городских актов было вообще крайне мало, хранились они в полном беспорядке и не были переплетены[28]. Поэтому, находясь на посту главы городской администрации, он предпринимал серьезные меры по обеспечению сохранности собственной войтовской документации. В середине 1740-х гг. Марциан Огинский распорядился собрать все городские акты «от начала своей юрисдикции» и переплести их в несколько

особых томов. Поручение войта было исполнено витебским городским писарем Базылем Чарковским, причем один из созданных в рамках акции томов (за 1742 – 1744 гг.) сохранился до наших дней[29].

Теперь перейдем непосредственно к изложению обстоятельств появления интересующих нас памятников. К счастью, самая ранняя, созданная в 1730-х гг. «Книга привилеев Витебска» сохранилась до наших дней. Ныне она находится в фондах Витебского областного краеведческого музея[30].

Замысел собрать вместе все наличные документы, описывающие правовое положение мещанской общины Витебска, и поместить их копии под единый переплет возник вскоре после завершения «авантюры» Франтишка Булгака, когда недавний конфликт все еще вызывал острый интерес. Инициатива теоретически могла исходить как от убежденных сторонников свергнутого войта из среды мещанской верхушки, мечтавших о большей самостоятельности, так и от нового главы городской администрации Марциана Михала Огинского, в рамках упорядочивания делопроизводства. Причем вторая версия представляется более правдоподобной. Определенную роль могло также сыграть осознание катастрофических последствий пожара 11 июня (31 мая) 1733 г.[31]. Однако серьезные пожары случались и ранее, но никогда прежде не вызывали подобной рефлексии.

Оригиналы наиважнейших документов мещанской общины (королевских привилеев, «листов», «универсалов», судебных декретов, квитанций по уплате налогов и т. д.) в XVI – начале XVIII вв. хранились в особом ларце – «скрыне привилеев». За два столетия в нем скопилось большое число разнообразных бумаг, и даже городские чиновники представляли себе его содержимое далеко не в полной степени. 3 сентября 1733 г. комиссия витебского магистрата в составе бурмистров Якуба Лаппы и Григория Садоковича, радцы Яна Игольника, лавников Симеона Земковича и Екима Зафатая, а также некоторых других лиц произвела извлечение документов из



Первая Книга привилеев Витебска (1730-е гг.), почерк лавника С. Земковича [ВОКМ, КП 7261, л. 13]

указанного ларца, отбор актов правовой тематики, их систематизацию согласно материалу основы и хронологии. В итоге комиссия составила реестр 10 пергаментных и 36 бумажных (причем оба списка получили независимую нумерацию, а под номером 35 фигурировало сразу 5 актов) документов, отобранных для будущей книги, после чего поместила этот список в «скрыню привилеев» вместе с учтенными в нем делами[32].

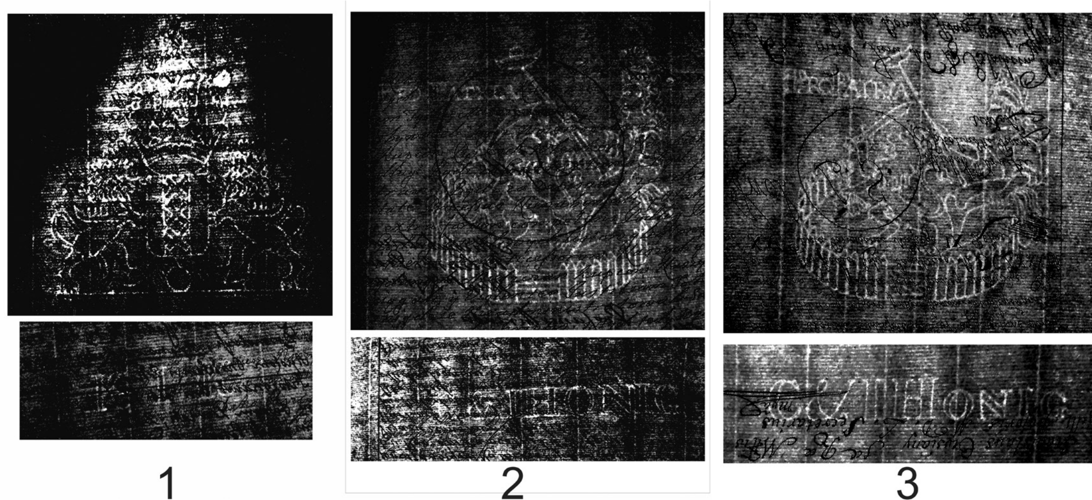
Точно не известно, когда витебский магистрат приступил собственно к созданию книги привилеев. Можно лишь предположить, что пауза после сентябрьской ревизии 1733 г. была непродолжительной. Работы по копированию документов проводились согласно единому плану (правда, фактический состав попавших в обработку актов несколько отличался

от наличного при составлении реестра). Они были поручены трем писцам. Первого из них (почерк 1) можно надежно идентифицировать. Это лавник Симеон Земкович, именно его рукой написан реестр книги[33]. Определить двух других не представляется возможным, поэтому мы будем условно называть их обладателями почерков 2 и 3.

Симеон Земкович должен был выполнить наиболее почетную часть работы – переписать 10 пергаментных привилеев. Менее престижный труд с бумажной частью актов магдебургии был примерно поровну поделен между двумя другими лицами. Номера 1 – 10 и 21 – 34 достались обладателю почерка 2; номера 11 – 20, а также 35 (несколько документов) и 36 (объемный инвентарь города 1641 г.) – обладателю почерка 3. Несмотря на централизованное планирование проекта, каждый из трех переписчиков должен был обеспечить себя материалом для письма самостоятельно. Во всех трех случаях он разный. Бумага, которую использовал Симеон Земкович, имеет водяной знак «Герб Амстердама» с контрмаркой «KIK»; обладатель почерка 2 – знак «Pro Patria» с контрмаркой «C & I HONIC»; обладатель почерка 3 – несколько отличающийся от предыдущего «Pro Patria» с вторичным водяным знаком «C & I Honic»[34].

Все три переписчика трудились автономно и приемов своей работы не унифицировали. Симеон Земкович (его часть на фоне двух остальных выделяется богатым художественным оформлением, которое включает в том числе перерисованный с оригинала привилея 1597 г. цветной герб Витебска[35]) документов не нумеровал и заглавия к ним не писал. Вероятно, имея доступ к составленному в сентябре 1733 г. при собственном участии реестру, он не считал нужным этого делать. Обладатель почерка 2 нумеровал доставшиеся ему акты (записи в форме «Num 1mo», «Num 2do» и т. д.) и самостоятельно составлял заглавия к ним (с представленными в реестре они по форме не совпадают). Начиная с документа 21, его заглавия зачастую становятся нарочито краткими и попросту примитивными (например, «Aprobacja libertaty Witebsku», «Uniwersał do miasta» и все)[36]. Обладатель почерка 3 не проводил нумерации актов. Он также самостоятельно составлял достаточно подробные заглавия к документам, но, как правило, размещал их не перед текстом, а писал мелкими буквами на полях.

Поскольку переписчики слабо координировали свои действия, неизбежно возникла проблема стыковки отдельных



Водяные знаки бумаги, использованной при создании первой Книги привилеев Витебска (1730-е гг.)

частей будущей книги в единое целое. В первом случае она прошла гладко: обладатель почерка 2 оставил в начале своей тетради чистую страницу, а Симеон Земкович аккуратно переписал на нее финальную часть 10-го «пергаментного» документа. Во втором случае стыковка получилась далеко не столь идеальной. Лицо с почерком 3 готовилось к ней и оставило в начале своей тетради (документы 11 – 20) целый чистый лист. Однако его коллега (почерк 2) умудрился записать обе части своих материалов («бумажные» документы 1 – 10 и 21 – 34) единым блоком без всякого перерыва, и составителям книги пришлось делать грубую механическую вставку. При этом финальная часть документа 10, отделенная от его начала вложенной тетрадью, была зачеркнута и переписана заново уже почерком 3 на первой странице этой тетради, а вторая и последняя страницы вкладки так и остались незаписанными. Характер стыковки позиций 35 и 36 (почерк 3) с предыдущей частью книги не совсем ясен, поскольку здесь, исходя из соотношения основных и вторичных водяных знаков, явно отсутствует несколько листов[37].

Финальным аккордом стало присоединение к блоку рукописи спереди реестра документов. Однако и здесь создатели книги сработали достаточно грубо. Они не позаботились о составлении перечня фактически попавших в сборник актов, а ограничились переписыванием (рука Симеона Земковича) реестра из «скрыни привилеев», бывшего результатом работы магистратской комиссии 3 сентября 1733 г.[38]. Попытки составителей согласовать реальное содержание только что написанной книги с этим реестром привели к серьезной дезорганизации ее внутренней структуры. Акты «пергаментной» части получили несколько беспорядочную нумерацию (4, 7, 5 и т. д.); некоторые номера из реестра как в «пергаментном», так и в «бумажном» секторах сборника по причине отсутствия соответствующих им документов были пропущены.

По всей видимости, замысел создателей первой «Книги привилеев Витебска» заключался в том, чтобы зафиксировать тексты законодательных актов, а потом при помощи инвентаря города 1641 г. очертить границы территории, на которую должно было распространяться их действие. В реестре 1733 г. последний документ имеет номер 36, и это именно упомянутый инвентарь. В самой книге после окончания текста документа 36 (все тот же инвентарь) крупными буквами было выведено слово «Конец», а оборот листа остался незаписанным[39]. Таким образом, первая «Книга привилеев» охватывает листы 1 – 79 об. рукописи, которая ныне хранится в Витебском областном краеведческом музее. Можно утверждать, что работы по ее созданию были завершены не позднее конца осени 1735 г., так как добавленный вскоре привилей Августа III от 27 ноября 1735 г. размещен уже после инвентаря и явно не вписывается в рамки первоначального плана[40].

Составленная между сентябрем 1733 г. и ноябрем 1735 г. первая «Книга привилеев Витебска» получилась весьма далекой от совершенства. И речь идет не про обыкновенные описки, которых в книге достаточно много. Во-первых, ее реальное содержание во многих случаях не соответствует приложенному реестру. Так, в «пергаментной» части сборника отсутствуют документы, упомянутые в реестре под номерами 1 (декрет короля Жигимонта Старого от 7 августа 1516 г.) и 2 (привилей короля Жигимонта Августа от 3 апреля 1558 г.). Под номером 3 «бумажной» части вместо заявленного в реестре «листа» короля Жигимонта Вазы к воеводе полоцкому Андрею Сапеге (1599 г.) вписан «лист» короля Жигимонта Августа к воеводе витебскому Стефану Збаражскому (6 июня 1561 г.). Указанный в реестре под номером 30 «бумажной» части «привилей по латыни писанный…» (1696 г.) в самой книге так и не появился. Видимо, латынь была трем витебским грамотеям не по зубам[41].

Во вторых, при переписке оригиналов документов составителями книги был допущен ряд серьезных, а иногда и попросту курьезных ошибок, связанных с

прочтением римских цифр. Так, привилей короля Яна Казимира от 15 января 1650 г. (бумажный, № 10) обладатели почерков 2 и 3 записали в книгу под 1602 (MDCII) годом, причем в реестре Симеона Земковича этот акт датирован правильно. Универсалы короля Яна Казимира с распоряжениями к жителям Витебска ремонтировать замковые укрепления (бумажный, № 11, 1667 г.) и к витебской шляхте, чтобы ее городские подданные выполняли повинности вместе с королевскими мещанами (бумажный, № 12, 1668 г.), как в реестре, так и в тексте книги ошибочно датированы соответственно 1663 (MDCLXIII) и 1664 (MDCLXIIII) годами[42]. Очевидно, что последние два универсала могли быть изданы только после заключения Андрусовского перемирия (1667 г.) и возвращения Витебска в состав Речи Посполитой. Тем не менее неточности получили путевку в жизнь, и даже в «Витебской старине» А.П. Сапунова указанные акты опубликованы под все теми же неправильными датами[43].

Указанные огрехи свидетельствуют о том, что создатели первой «Книги привилеев» явно не в полной мере обладали навыками и умениями, необходимыми для осуществления такого сложного предприятия. Возможно, в 1733 – 1735 гг. в поле зрения витебского магистрата вообще не было лиц с соответствующей поставленной задаче квалификацией. Здесь уместно вспомнить, что Марциан Огинский после «въезда» в 1731 г. на воеводство оценивал состояние дел витебской ратушной канцелярии как совершенно неудовлетворительное. Неизвестно даже, был ли на тот момент в Витебске городской писарь (первые упоминания о нахождении на этой должности Базыля Чарковского относятся лишь к началу 1740-х гг.[44]). В таком ключе вызывающее несовершенство первой «Книги привилеев» может служить указанием на вынужденный характер действий витебского магистрата по ее созданию. Городским властям пришлось заниматься делом, осуществить которое на приемлемом уровне они были не в состоянии. И наиболее вероятно, что причиной проведения работ было прямое указание к этому воеводы и войта Марциана Огинского.

Каким же образом первая «Книга привилеев Витебска» использовалась на практике? В первую очередь, она воспринималась магистратом как, хоть и не совсем обычная, но городская актовая книга. На ее основании оформлялись «выписы», имевшие статус официально заверенных копий документов. Так, 23 ноября 1747 г. городской писарь Базыль Чарковский выдал сразу несколько «выписов» из «Книги привилеев» витебскому лесничему Леону Бируле, о чем сделал на ее страницах соответствующие записи[45]. Кроме того систематизация массы разновременных актов в рамках одного сборника позволила лицам, имеющим к нему доступ, оперативно получать справочную информацию по тем или иным вопросам внутренней жизни Витебска. Именно на основании «Книги привилеев» был составлен «мемориал» о еврейском населении и шляхетских юрисдиках в городе, поданный магистратом 8 июля 1750 г. войту Юзефу Сосновскому[46]. Отметим, что указанный «мемориал» представляет собой достаточно подробную справку со 150-летним горизонтом видения темы. Следует также напомнить, что около 1749 г. было составлено несколько объемных исторических записок о природе витебского войтовства для воеводы и войта Марциана Огинского. По всей вероятности, и эти документы в значительной степени базируются на материалах книги. Можно даже сказать, что «Книга привилеев» вызвала к жизни целую «культуру» составления исторических справок по злободневным вопросам.

Во второй половине 1730-х – середине 1750 гг. к блоку первоначальной «Книги привилеев Витебска» было дописано несколько разнообразных по своему содержанию документов (листы 80 – 89 об). Интересно, что и здесь переписчики с различными почерками (не 1, 2, 3) продолжали использовать бумагу с водяным знаком «Pro Patria» и контрмарками «C & I HONIC» или «C & I Honic». В этот блок вошли упоминавшийся ранее привилей Августа III

витебским мещанам от 27 ноября 1735 г.; квитанция о возвращении магистратом долгов местному конвенту бернардинцев (1737 г.); извлеченная из книг Литовской метрики аттестация, выданная витебским мещанам Лаппам (1738 г.), и прилагавшаяся к ней выписка из сеймовой конституции 1667 г.; еще одна аттестация мещанам Лаппам (1748 г.); два документа 1748 г., касающиеся выплаты городом налога на содержание войска – «гиберны»[47]. Все эти документы позднее вошли в состав экземпляров «Книги привилеев Витебска», переписанных в 1758 гг. Михаилом Ставским и в 1767 – 1768 гг. Степаном Аверкой. Следует отметить, что в период между 1768 и 1837 гг. некоторые листы этой части сборника были утрачены. Так, аттестация 1738 г. в его составе не имеет конца, хотя у Аверки она представлена полностью[48]. Кроме того в 1740-х – 1750-х гг. на остававшиеся чистыми страницы был внесен ряд небольших по объему записей, часть которых (например, о «шинке братском ратушном», о долгах города) впоследствии также попала в книги Ставского и Аверки[49].

30 ноября 1837 г. комиссия по проверке актовых книг насчитала в первой «Книге привилеев Витебска» 89 листов, о чем на ее последней странице была сделана соответствующая запись. Вероятно, на тот момент сборник все еще имел вид стопки листов бумаги. В конце XIX в. его «собрал и привел в порядок действительный член Витебского губернского статистического комитета Алексей Сапунов»[50]. При этом книга получила переплет, под крышки которого (начиная с листа 90) оказался также подшит ряд оригинальных документов XVII – XVIII вв., которые ранее не имели к ней отношения. Последняя группа актов в данной статье не рассматривается.

Следующая редакция «Книги привилеев Витебска» связана с именем Михаила Ставского. Сама его книга до нашего времени не сохранилась (или ее местонахождение нам неизвество). Однако Степан Аверка на страницах изготовленных им экземпляров сборника многократно отметил, что всего лишь слово в слово переписывал свое произведение из книги, принадлежавшей руке Михаила Ставского (например: «Эту всю книгу привилеев городу Витебску служащих слово от слова копировал из книги, написанной его милостью паном Ставским … я, Стефан Гаврилович Аверко …»[51]; «Переписана эта книга из книги его милости пана Ставского Стефаном Гавриловичем Аверкой слово в слово»[52]; «Всю эту книгу привилеев из книги его милости пана Михаила Ставского переписал слово от слова я, Стефан Гаврилович Аверко, мещанин витебский, в Витебске»[53] и т. д.). Поэтому на основании изучения трех (а они практически идентичны) сохранившихся книг Аверки[54] можно получить достаточно подробное представление об их общем протографе.

Согласно записям, оставленным Степаном Аверкой на страницах рукописей, Михаил Ставский был «директором» (домашним учителем) у Якуба и Фердинанда Смыков – сыновей витебского радцы Николая Смыка[55]. Опять же согласно пометкам Аверки Ставский работал над своей книгой в 1758 г., причем объемные документы, размещенные ближе к концу сборника (например, 36, 45), он переписал в июле указанного года[56]. Можно предположить, что к концу лета 1758 г. вторая редакция «Книги привилеев Витебска» была полностью готова.

В состав книги Михаила Ставского вошли все документы первой «Книги привилеев» по состоянию на конец осени 1735 г. Они были механически переписаны в новый сборник в привычной компановке (практически в том же порядке, с обособлением «пергаментной» и «бумажной» частей, под старыми номерами) и обрамлении (с тем же набором курьезных ошибок, с сохранением изначальной формы реестра, маргинальных записей о выдаче в 1747 г. «выписов» витебскому лесничему Леону Бируле и др.). Правда, в ряде случаев Михаил Ставский, осознавая степень несовершенства протографа, попытался в процессе работы снять очевидные противоречия. Так, поскольку два первых упомянутых в реестре документа

«пергаментной» части в новой книге фактически отсутствовали, третий получил от ее составителя сложный номер в форме «1, 2, 3». Заголовок третьей «бумажной» позиции в реестре был заменен, после чего он наконец-то стал соответствовать реально входящему в состав сборника акту[57]. Следует также отметить, что в книге Ставского некоторые документы первой «Книги привилеев» получили значительно более подробные, чем ранее, заголовки. Эта новация коснулась главным образом актов, призванных регулировать такие актуальные для магистрата вопросы, как присутствие в городе крупной еврейской общины, наличие здесь же значительного числа шляхетских и духовных юрисдик, производство мещанами алкогольных напитков для собственного потребления[58].

Документы, дописанные к первой «Книге привилеев Витебска» во второй половине 1730-х – середине 1750-х гг., также были включены в состав сборника Михаила Ставского. Наиважнейший среди них, уже упоминавшийся ранее Привилей Августа III от 27 ноября 1735 г., в новой книге получил номер 38, но был помещен перед Инвентарем города 1641 г. (документ 36). Вместе с ним сюда же под номером 37 был вставлен новый акт – Привилей Августа III витебским мещанам на организацию купеческой гильдии от 12 декабря 1738 г. Такое перемещение вполне объяснимо. Вероятно, Ставский стремился не нарушить замысел создателей первой книги (сначала представить законодательные акты, потом очертить территорию, на которой они действуют) и одновременно сохранить за документом 36 его прежний номер. Но в результате вмешательства структурные единицы этой части книги получили следующий, несколько хаотичный порядок номеров: 35, 37, 38, 36, 39[59]. Все остальные документы 1730-х – 1750-х гг. (квитанция о возвращении долгов бернардинцам (1737 г.); аттестации, выданные витебским мещанам Лаппам (1738 и 1748 гг.); выписки из сеймовых конституций 1667 и 1677 гг.; два документа 1748 г. о выплате «гиберны») как менее важные были помещены Ставским единым блоком вообще без нумерации в самом конце книги[60].

Главное отличие «Книги привилеев» Михаила Ставского от предыдущей состоит в том, что в ней присутствует совершенно новый блок актов. В состав сборника редакции 1758 г. было впервые включено 5 (номера 39 – 43) документов XVII в., выданных еврейской общине города Витебска (привилеи Владислава Вазы и Яна III Собесского соответственно 1633 и 1679 гг., универсал великого гетмана Казимира Яна Сапеги 1688 г., аттестация об участии евреев в обороне города в 1654 г. и заявление о пропаже важных еврейских документов во время этой осады)[61]. Кроме того в книгу Ставского попали акт «Союза между собой всего магистрата и города Витебска» от 3 ноября 1757 г. (номер 44), а также приговор комиссарского суда по делу об убийстве витеблянами в 1623 г. униатского архиепископа Иосафата Кунцевича (номер 45)[62].

Принципиальным для понимания причин, вызвавших к жизни «Книгу привилеев Витебска» Михаила Ставского, является упомянутый выше акт «Союза магистрата и города». Как следует из этого документа, в середине XVIII в. отношения между городскими властями и еврейской общиной в Витебске были достаточно напряженными. Пользуясь своими, зачастую спорными, городскими привилегиями последняя отказывалась признавать авторитет магистрата в таких важных вопросах, как налогообложение и выполнение повинностей. Как следствие, дополнительные раскладки поборов тяжким бременем ложились на плечи королевских мещан. Поэтому 3 ноября 1757 г. чиновники магистрата и представители верхушки мещанской общины Витебска подписали совместную декларацию о том, что будут выступать против кагала единым фронтом и, не считаясь с издержками, бороться за свои права до победного конца. Кроме того «союзники» договорились избрать «директора» своей структуры, а также бережно хранить подлинники городских привилеев и в повседневной практике

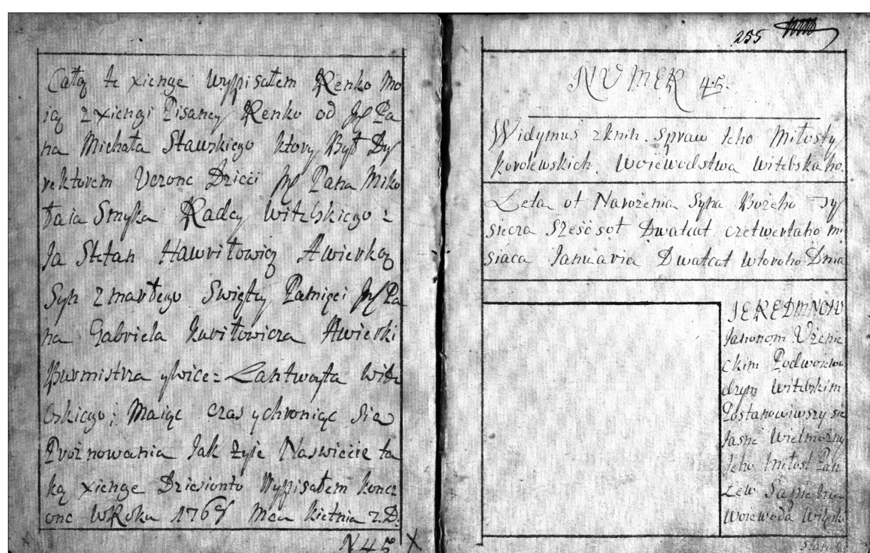
пользоваться только их копиями. Вероятно, именно поэтому им понадобилась новая «Книга привилеев». Существенно также, что «автентик» акта «Союза» находился у витебского радцы Николая Смыка[63].

Можно предположить, что оформленная менее чем за год после возникновения антисемитского «Союза магистрата и города» книга была призвана стать его идеологическим тараном. Все еврейские документы в ней снабжены обширными заглавиями уничижительного характера, которые изобилуют эпитетами типа: «как будто короля», «как будто на вольность», «фальшивый», «придуманный» и т. д. То есть смысл включения «еврейских привилеев» в книгу Ставского заключался в том, чтобы попытаться обосновать их правовую несостоятельность. Однако составитель сборника не остановился на этом, а, формулируя программу «Союза», перешел к прямым призывам выкинуть противника за пределы городского пространства. Например, в своем комментарии к универсалу 1688 г. Ставский написал о евреях следующее: «… и по этим причинам далее они в городе жить не должны, только, как из города, так и с предместья, как можно быстрей должны быть в соответствии с правом изгнаны, поскольку чем дольше в городе находиться будут, тем все большая и иная бесконечная злость их против христиан и мещан с ними укрепляться будет»[64]. В этих словах слышится голос идейного антисемита. Складывается впечатление, что составитель второй «Книги привилеев Витебска» Михаил Ставский занимал одновременно две «директорских» должности: скромного домашнего учителя детей радцы Николая Смыка и секретаря связанной с этим же человеком, экстремистской по сути организации.

Через десятилетие после создания «Книги привилеев» в редакции Ставского появилось несколько копий этого сборника, принадлежащих руке Степана Гавриловича Аверки. Имя последнего хорошо известно благодаря созданной им «Витебской летописи». О самом Степане Аверке, к сожалению, можно сказать лишь очень немногое. Он происходил из влиятельной и зажиточной витебской мещанской семьи. Его родителями были Гавриил Курилович Аверка, бурмистр и вице-лантвойт (умер в октябре 1759 г.), и Праксeда Аверкова из семьи Ольшаников. Родным братом будущего летописца был Люцид Аверка, который избрал духовную карьеру (как и отец, скончался осенью 1759 г.)[65]. Сам Степан Аверка магистратским чиновником не являлся. Несомненно также, что он получил достаточно хорошее для своего круга и времени образование (читал сочинения М. Кромера, М. Меховского, Я. Длугоша и других авторов)[66].

Интерес к прошлому родного города проявился у Степана Гавриловича Аверки задолго до начала работ над «Книгой привилеев» и «Витебской летописью». Еще в январе 1760 г. он собственноручно переписал взятую у витебского мещанина Михаила Панцырного тетрадь погодичных записей, касающихся в основном локальной истории[67]. Следует отметить, что Аверка и Панцырный были соседями по работе: их лавки на Рыночной площади стояли «стеной к стене»[68]. Не исключено также, что тягу к истории Степан Гаврилович унаследовал от отца. Известно, что в их доме хранилась тетрадь кратких заметок о событиях в регионе, которую Гавриил Курилович Аверка переписал «из книги пана Яна Чарновского и деда его» в октябре 1733 г., а потом дополнял в течение жизни[69].

К настоящему моменту известно 3 списка «Книги привилеев Витебска», выполненных рукой Степана Гавриловича Аверки. Первый из них хранится в Отделе рукописей Библиотеки Польской Академии Искусств и Польской Академии Наук в Кракове, второй и третий – в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы им. Врублевских в Вильнюсе[70]. Все три книги по внешним признакам (формат в четверть листа, оформление страниц, коричневый кожаный переплет) настолько напоминают друг друга, что хочется назвать их не списками, а «экземплярами» одного и того же издания.


Cały te xięge wypisałem Ręko mo
ią z xięgi Pisaney Ręko od JM Pa
na Michała Stawskiego ktory Był Dy
rektorem Uczonc Dzieci JM Pana Miko
łaia Smyka Radcy witebskiego z
Ja Stefan Hawriłowicz Awierka
Syn z martwego Swiętey Pamięci JM Pa
na Gabriela Hawriłowicza Awierki
Burmistrza y wice Łantwoyta wite
bskiego; Maiąc czas ychroniąc Się
Próżnowania Jak żyie Na świecie ta
ką xięge Dziesiontą Wypisałem konc
onc w Roku 1768 Mca Kwietnia 7 D.
N 45 X

255

NUMER 45.

Widymus z knih. Spraw Jeho Miłosty Korolewskich. Woiewodstwa witebskaho.

Leta ot Narożenia Syna Bożeho Tysiecza Sześć sot Dwatcat czetwertaho miesiaca Januaria Dwatcat wtoroho Dnia

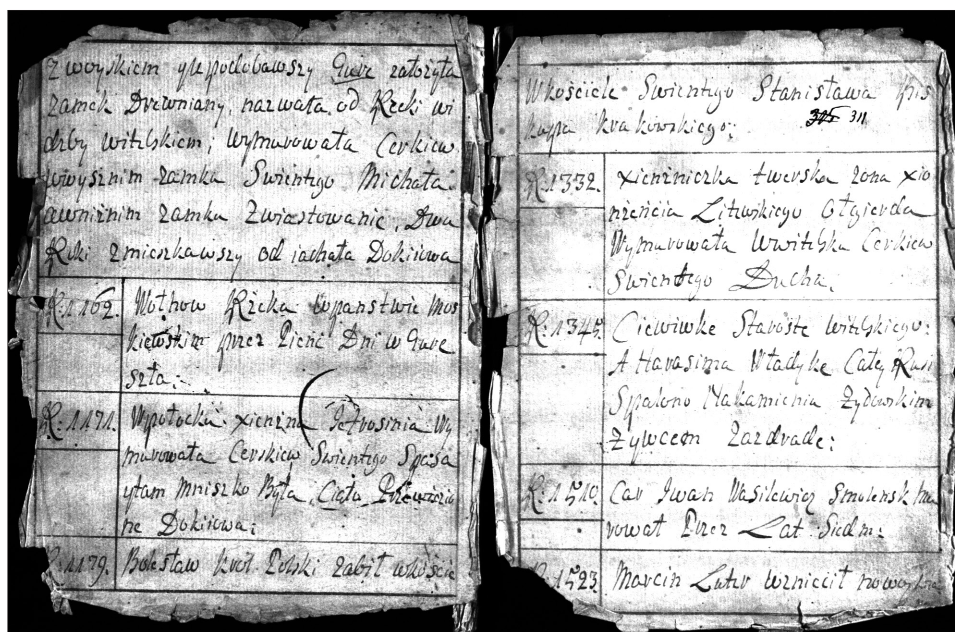
Jahonom Użenickim Podwoiewodzym witebskim Postanowiwszy się Jasnie Wielmożny Jeho Miłost Pan Lew Sapieha Woiewoda witebski

2-я виленская “Книга привилеев Витебска” С.Г. Аверки (весна 1768 г.), пояснительная записка и начало документа 45 [БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 254 об. – 255]

Благодаря записям, оставленным Степаном Гавриловичем Аверкой на страницах рукописей, можно достаточно точно определить время создания им каждой из трех упомянутых единиц. Так, «краковскую» книгу Аверка, по его же словам, переписывал «в 1767 и 1768 годах», «1 января 1768 года», «7 февраля 1768 года», «7 февраля 1768 года по русскому календарю»[71]; над «первой виленской» (с шифром F22–69) он трудился «в 1768 году», «7 марта 1768 года»[72], а «вторую виленскую» (с шифром F17–208) закончил копировать «7 апреля 1768 года»[73]. Перед нами серия из последовательно изготовленных копий, и имеются основания предполагать, что ныне известны далеко не все входившие в нее экземпляры. Сам Аверка в записи на странице «второй виленской» книги отметил следующее: «Как живу на свете, такую книгу десятую выписал»[74]. Вероятно, в 1767 – 1768 гг. он, подчиняясь какому-то плану, действительно создал не менее 10 списков книги Ставского.

Как уже было отмечено, Степан Аверка многократно заверял будущих читателей своей «Книги привилеев», что всего лишь слово в слово скопировал сборник Ставского. Особенно часто подобными фразами он снимал с себя ответственность, когда ощущал гнетущее несовершенство протографа (например, где нумерация документов не соответствовала порядку цифр)[75]. Однако в действительности абсолютно точных копий книги Ставского у него так и не получилось: все три списка, сделанные рукой Аверки, имеют существенные особенности в деталях. Так, если в «краковской» и «первой виленской» книгах документ 25 – подтверждение Августом II от 16 сентября 1697 г. рескрипта Яна III Собесского от 20 февраля 1695 г. – представлен полностью (как это, несомненно, было у Ставского), то во «второй виленской» вместо включенного акта дана отсылка к документу 24 – собственно, рескрипту Собесского[76]. В «первой виленской» книге отсутствуют два документа 1748 г. о выплате витебскими мещанами гиберны, и сам Аверка в реестре отметил, что первый из них «не вписан тут в той книге»[77]. По всей видимости, под конец Аверке просто надоело бесконечно переписывать идентичные фрагменты текста. Кроме того у него часто отличаются заголовки одного и того же документа в разных списках книги (присутствие / отсутствие, формулировка).

Зачем же Степану Гавриловичу Аверке потребовалось сразу 10 экземпляров



Z woyskiem ypodobawszy ... zatożyta
Zamek Drewniany, nazwata od Rzeki Wi
dzby Witebskiem; Wymurowata Cerkiew
w wyszniem Zamku Swientego Michata
a w niznim Zamku Zwiastowanie; Dwa
Rzeki zmierzawszy od iachata Do Kiiowa

R. 1162.	W Ołhow Rzeka w Panstwie Moskiewskim przez Pienć Dni w Gure szta;
R. 1171.	Wysotcka xiezna Eufrosinia Wymurowata Cerkiew Swientego Spasa y tam mniszka Byta. Ciato Przewiezione Do Kiiowa;
R. 1179.	Bolestaw Krol Polski zabit w kościele

W kosciele Swientego Stanistawa Biskupa krakowskiego; ~~305~~ 311

R. 1332.	xiezniczka twerska zona xiązecia Litewskiego Olgierda Wymurowata w Witebsku Cerkiew Swientego Ducha.
R. 1345.	Cielwiwke Starośte witebskiego: A Harasima Władyke Catey Rusi Spalono Na kamieniu Zydowskim Zywcem zazdrale;
R. 1510.	Car Iwan Wasilewicz Smolensk murowat Przez Lat Siedm:
R. 1523.	Marcin Luter wznieciet nowowyk...

2-я виленская “Книга привилеев Витебска” С.Г. Аверки (весна 1768 г.), фрагмент Витебской летописи [БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 310 об. – 311]

«Книги привилеев Витебска»? Что побудило его заняться таким трудозатратным делом, как многократное копирование объемного сборника? Ответы на эти вопросы, к счастью, можно найти в записях, оставленных самим переписчиком. В «краковской» книге, которая была создана в конце 1767 – феврале 1768 г., Аверка несколько раз откровенно отметил, что взялся за труд, желая извлечь материальную выгоду, то есть попросту заработать[78]. В дальнейшем он стал несколько более сдержанным в выражении мыслей и уже во «второй виленской» книге (апрель 1768 г.) дважды охарактеризовал мотивацию своих устремлений следующей нейтральной фразой: «Имея время и не желая расходовать его понапрасну»[79]. Очевидно, Аверка рассчитывал продать изготовленные им книги (что может свидетельствовать о наличии в Витебске спроса на подобную литературу). И в какой-то степени, хоть и не слишком быстро, ему удалось осуществить задуманное. Известно, например, что 19 августа 1777 г. «краковский» экземпляр был куплен у Аверки витебским радцей Теодором Запольским[80].

Можно предположить, что идея составить историю родного города появилась у Степана Аверки во время работ по копированию «Книги привилеев». К этому времени у него уже имелись определенные наработки в виде тетрадей кратких погодичных записей Михаила Панцырного и Гавриила Аверки, а также выписок из различных печатных изданий. К тому же многократное переписывание комплекса витебских документов XVI – XVIII вв. должно было укрепить в будущем летописце уверенность, что именно он является лучшим в своем окружении знатоком локальной истории.

Впервые Степан Аверка разместил некое подобие своей будущей летописи во «втором виленском» (самом позднем, апрельском) списке «Книги привилеев» непосредственно после входящих в него документов[81]. Благодаря такому дополнению этот том (с шифром F17–208) стал более известен как «Хроника Витебска»[82], хоть такое название и не слишком соответствует его основному содержанию. На не менее чем 6 листов (один из них, находившийся между современными листами 309 и 310, утрачен) Аверка поместил список лиц, избранных в состав витебского магистрата в 1597 г. (не соответствует действительности), список долгов города

Витебска (взят из «Книги привилеев»), а также ряд погодичных записей, происходивших, согласно пометкам Аверки, из тетради его отца Гавриила Куриловича и собственных выписок летописца. Все эти сведения (некоторые с редакторскими правками) позже были включены в состав «Витебской летописи». Правда, беря во внимание деление самой летописи на структурные части, следует отметить, что некоторые пункты (974 г., об основании Витебска; 1708 г., о сожжении города отрядом капитана Соловьева и др.) на самом деле можно было позаимствовать лишь из тетради Михаила Панцырного[83]. Вообще же подбор Аверкой «сведений, достойных чтения и интереса» для «второй виленской» книги следует признать случайным. После перечня городских долгов проставлена точная дата его вписания – 7 мая 1768 г.[84], и, вероятно, этим днем можно датировать всю «протолетопись».

Рукопись, известная под названием «Летопись Панцырного и Аверки» (или «Витебская летопись») хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (шифр Q.IV.105) и имеет вид небольшой книги (39 бумажных листов размером «в четверть»). Летопись имеет компилятивный характер. Она состоит из последовательно переписанных Степаном Гавриловичем Аверкой тетрадей Михаила Панцырного (наиболее интересный блок оригинальных сведений) и Гавриила Аверки, выписок самого летописца из различных печатных изданий, списков чиновников витебского магистрата 1597 г. и витебских воевод XVI – XVIII вв., перечня долгов города, сведений о датах смерти некоторых городских чиновников и витебских мещан[85]. Предположительно, вся эта масса была скопирована им за один день – 13 июля 1768 г. (дата четырежды указана в пометках о записи отдельных частей летописи)[86]. Трудно найти какую-то конкретную причину, побудившую Степана Аверку составить «Витебскую летопись». Возможно, после эпопеи с копированием «Книги привилеев» он не мог так сразу остановиться и писал по инерции. Однако хочется верить, что он действительно любил историю родного города и создал произведение, обеспечившее ему место в памяти потомков, служа музе Клио.

Таким образом, обращения витеблян к своей истории, связанные с созданием, редактированием и копированием «Книги привилеев», имели чисто практический смысл. В первом случае их причиной стала борьба за войтовство 1729 – 1730 гг. и стремление властей не допускать подобные ситуации в будущем, во втором – потребность магистрата в создании идеологического оружия для борьбы с еврейской общиной, в третьем – желание конкретного человека, Степана Гавриловича Аверки, заработать на продаже востребованной обществом информации. Вместе с тем сопутствовавшие решению практических задач накопление и систематизация знаний о прошлом привели к возникновению интереса к истории как таковой. И в результате под конец 1760-х гг. на берегах Двины было создано произведение («Летопись Панцырного и Аверки»), которое при всем своем несовершенстве может претендовать на роль первой истории города Витебска.

Исследование выполнено в рамках программы Министра науки и высшего образования (Польша) под названием «Национальная программа развития гуманистики» на 2014 – 2018 гг. Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе Юрию Гордееву (Краков), Александру Довнару (Минск), Томашу Кемпе (Торунь), Андрею Мацуку (Минск), Сергею Полехову (Москва), Валерию Шишанову (Витебск).

Литература и источники:

1. Витебская старина. Сост. и изд. А.П. Сапунов. Т. 1. Витебск, 1883. С. XXI – XXII.

2. Витебская старина. Т. 1. С. 455 – 475; Полное собрание русских летописей. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного (далее – ПСРЛ). Москва, 1975. Т. 32. С. 193 – 205; Беларускія летапісы і хронікі. Мінск, 1997. С. 257 – 280.

3. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ), ф. КМФ-18, оп. 1, д. 83, л. 218 об. – 224 об.

4. НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 85, л. 216 об.

5. Christophe von Werdt. Stadt und Gemeindebildung in Ruthenien: okzidentalisierung der Ukraine und Weißrusslands im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit. Wiesbaden, 2006. S. 226.

6. Витебская старина. Т. 1. С. 223 – 238.

7. *Макараў М.Дз.* Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. Мінск, 2008. С. 127 – 128.

8. НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 114, л. 108.

9. Библиотека Польской Академии Искусств и Польской Академии Наук в Кракове, ркп. 6093, л. 87 об.; Литовский государственный исторический архив, ф. 1177, оп. 1, д. 3380, л. 89.

10. Б ПАИ/ПАН, ркп. 6093, л. 87; ЛГИА, ф. 1177, оп. 1, д. 3380, л. 90; НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 166, лл. 223 – 224.

11. ЛГИА, ф. 1177, оп. 1, д. 3380, л. 90; Б ПАИ/ПАН, ркп. 6093, лл. 87 об. – 88; НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 162, лл. 508, 509 – 510.

12. ЛГИА, ф. 1177, оп. 1, д. 3380, л. 90 – 90 об.; Б ПАИ/ПАН, ркп. 6093, л. 88.

13. *Хмяльніцкая Л.* Род фундатараў і мецэнатаў // Віцебскі сшытак. 1995. № 1. С. 44 – 45.

14. ЛГИА, ф. 1177, оп. 1, д. 3380, л. 90 об.; Б ПАИ/ПАН, ркп. 6093, л. 88.

15. НИАБ, ф. 1805, оп. 1, д. 2, лл. 6, 35, 198, 234, 544.

16. НИАБ, ф. 1805, оп. 1, д. 3, лл. 84 – 84 об.; НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 176, лл. 79 – 80.

17. НИАБ, ф. 1805, оп. 1, д. 3, лл. 86 – 86 об.

18. Сохранился проект соответствующего «гарантийного письма» от 23 июня 1748 г., который, вероятно, был предложен Огинским Сосновскому (ЛГИА, ф. 1177, оп. 1, д. 3387, л. 1).

19. ЛГИА, ф. 1177, оп. 1, д. 3380, лл. 32 – 33.

20. ЛГИА, ф. 1177, оп. 1, д. 3380, лл. 46 об. – 48 об., 57 об., 59, 59 об., 72, 72 об., 91, 91 об.

21. *Макараў М.Дз.* Бітва пад гадзіннікам: штурм віцебскай ратушы 11 верасня 1749 года // Віцебскі край: матэрыялы III Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю беларускага кнігадрукавання, 23 лістапада 2017 г., Віцебск. Мінск, 2018. С. 94 – 99.

22. ПСРЛ. Т. 32. С. 204.

23. НИАБ, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 176, лл. 756 – 757.

24. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 18. 1888. С. 372 – 373, 389.

25. «Memoryał całego interesu wojtowstwa witebskiego» (Б ПАИ/ПАН, ркп. 6093, л. 87 – 88).

26. ЛГИА, ф. 1177, оп. 1, д. 3380, лл. 88 – 91 об.

27. ЛГИА, ф. 1177, оп. 1, д. 3380, лл. 90 – 90 об.; Б ПАИ/ПАН, ркп. 6093, л. 87 об. – 88.

28. «Dawniejsze za dawniejszych wojtowstw i juryzdykcji expedyowane akta w barzo małej pokazały się być liczbie, nieintroligowane, bez porządku będące» (НИАБ, ф. 1805, оп. 1, д. 2, л. 1). Можно предположить, что практически полное отсутствие документов витебского магистрата первых десятилетий XVIII в. в значительной степени является следствием

неудовлетворительной работы городской канцелярии в период Северной войны (1700 – 1721) и первые послевоенные годы.

29. НИАБ, ф. 1805, оп. 1, д. 2, л. 1 – 1 об.
30. Витебский областной краеведческий музей (далее – ВОКМ), КП 7261.
31. ПСРЛ. Т. 32. С. 200.
32. ВОКМ, КП 7261, л. 1 – 2 об.
33. ВОКМ, КП 7261, л. 2 об.
34. ВОКМ, КП 7261, лл. 3 – 22 (Земкович); лл. 23 – 31 и 40 – 63 (почерк 2); лл. 32 – 39 и 64 – 79 (почерк 3).
35. ВОКМ, КП 7261, л. 8 об.
36. ВОКМ, КП 7261, л. 43, 52.
37. ВОКМ, КП 7261, л. 23 (1-я); лл. 32 – 32 об., 39 об. – 40 (2-я); лл. 63 об. – 64 (3-я стыковки).
38. ВОКМ, КП 7261, л. 2 об.
39. ВОКМ, КП 7261, л. 79 – 79 об.
40. ВОКМ, КП 7261, л. 80 – 83 об.
41. ВОКМ, КП 7261, л. 1 – 2 об., 25 – 25 об., 53 – 55 об.
42. ВОКМ, КП 7261, л. 1 об., 31 об. – 32, 33 – 34, 40.
43. Витебская старина. Т. 1. С. 144 – 146.
44. НИАБ, ф. 1805, оп. 1, д. 1, л. 13 об.; д. 2, л. 164 об.
45. ВОКМ, КП 7261, л. 68, 77 об.
46. ВОКМ, КП 7261, л. 86 – 86 об.
47. ВОКМ, КП 7261, л. 80 – 85 об., 88 – 89.
48. ВОКМ, КП 7261, л. 85 об.; Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских, отдел рукописей, F17 – 208, л. 302 об. – 303.
49. ВОКМ, КП 7261, л. 63 об.; БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 161; БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 85 об., 146 об.
50. ВОКМ, КП 7261, л. 89 об., форзац.
51. «Te cało xienge przywileiow miastu Witebskiemu służoncych słowo od słowa kopiowałem z xięgi pisaney przez j(ego) m(ość) Pana Stawskiego … ja, Stefan Hawriłowicz Awierko …» (Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 182).
52. «Przepisywana ta xienga z xiengi JM pana Stawskiego przez Stefana Hawriłowicza Awierke słowo w słowo» (БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 255 об.).
53. «Cało te xienge przywileiow z xiengi j(ego) m(ości) pana Michała Stawskiego przepisałem słowo od słowa ja, Stefan Hawriłowicz Awierko, mieszczanin witebski, w Witebsku» (БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 194).
54. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141; БАНЛ ОР, F22 – 69; БАНЛ ОР, F17 – 208.
55. «Pana Stawskiego, ktory był dyrektorem uczonc dzieci j(ego) m(ości) pana Mikołaia Smyka, radnego sądow miasta ... Witebska» (Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 182); «Pana Stawskiego Michała, ktory był dyrektorem uczonc dzieci, Jakuba y Ferdynanda Smykow, u j(ego) m(ości) pana Mikołaia Smyka, radcy witebskiego» (БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 293 об.).
56. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 16 об., 159 об., 215 об.; БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 190 об.; БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 215 об.
57. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 7 об., 22; БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 10, 23.
58. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 11 – 11 об., 118; БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 108 об., 141 об.; БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 115 об., 155 об.
59. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 131 об. – 144 об.; БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 158 об. – 173 об.; БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 174 об. – 194 об.
60. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 216 – 226; БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 247 об. – 255 об.; БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 294 – 308 об.

61. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 166 – 182; БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 197 об. – 214 об.; БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 224 – 247.

62. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 182 об. – 215 об.; БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 215 – 247; БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 247 об. – 293 об.

63. БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 251 об. – 252 об., 254.

64. «… y z tych przyczyn dłużey im w mieście mieszkać nie należy, lecz tak z miasta, jako y przedmieścia jak nayprendzey powinni być prawnie wypędzeni, bo czym dłużey w mieśćie rezydować bendo, tym coraz wienksza y insza bezkońca złosć sie ich przećiw chrześćianom y mieszczanom z nimi wzmagać się będzie» (БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 204 – 204 об.).

65. БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 215 об., 254 об.; НИАБ, ф. 1805, оп. 1, д. 1, л. 171; ИЮМ. Т. 18. С. 301; ПСРЛ. Т. 32. С. 205.

66. ПСРЛ. Т. 32. С. 200 – 203.

67. ПСРЛ. Т. 32. С. 200.

68. НИАБ, ф. 1805, оп. 1, д. 2, л. 234 – 234 об.

69. ПСРЛ. Т. 32. С. 200.

70. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141; БАНЛ ОР, F22 – 69; БАНЛ ОР, F17 – 208.

71. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 16 об., 17 об., 60 об., 159 об., 182.

72. БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 20, 190 об., 197, 214 об., 247.

73. БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 254 об.

74. «Jak żyie na swiećie taką xienge dziesionto wypisałem» (БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 254 об.).

75. БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 145 об., 194.

76. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 101 – 103; БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 120 об. – 123; «Wyrażony ten reskrypt tu konfirmowany jest pod numerem 24. Koniec jego w taki sposob konczy sie tu» (БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 132 об.).

77. БАНЛ ОР, F22 – 69, л. 20.

78. «Szukaiąc z pisania tych przywileiow profitu», «strzegonc sie prożnowania i szukaiąc z pisania profitu» (Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 60 об., 182).

79. «Maiąc czas y chroniąc się prożnowania» (БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 254 об., 308 об.).

80. Б ПАИ/ПАН, ркп. 3141, л. 2 об.

81. БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 309 – 313.

82. Витебская старина. Т. 1. С. XXI.

83. БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 310 – 310 об., 312; ПСРЛ. Т. 32. С. 193, 199.

84. БАНЛ ОР, F17 – 208, л. 310.

85. ПСРЛ. Т. 32. С. 193 – 205.

86. ПСРЛ. Т. 32. С. 193, 200, 203.



Ад рэдакцыі

“Апантаны архітэктурай” – так ахарактарызаваў Юрыя Аляксандравіча Якімовіча ў сваім развітальным слове з выдатным даследчыкам віцебскі мастак Алесь Мемус.

Ю.А. Якімовіч (1946 – 1994) нарадзіўся ў Мінску. У 1969 г. скончыў архітэктурнае аддзяленне будаўнічага факультэта Беларускага політэхнічнага інстытута і пачаў працаваць у Інстытуце мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора Акадэміі навук БССР. У 1978 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю па тэме “Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся. XVII – XIX ст.” (у тым жа годзе яна была выдадзена асобнай кнігай). З 1980 па 1986 г. узначальваў рэдакцыю культуры і мастацтва выдавецтва “Беларуская Савецкая Энцыклапедыя”. Падрыхтаваў каля 500 артыкулаў для пяцітомнай “Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі” (1984 – 1987). У 1986 г. пераехаў у Віцебск, дзе працаваў на кафедры выяўленчага мастацтва Віцебскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута. У 1990 г. у Мінску выйшла яго брашура “Помнікі мураванага грамадзянскага дойлідства Віцебска XIX – пачатку XX ст.”, у 1991 г. – кніга “Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII в. Справочное пособие”. Юрый Аляксандравіч быў аўтарам глаў па гісторыі архітэктуры ў першых трох тамах шасцітомніка “Гісторыя беларускага мастацтва” (1987 – 1989). У Віцебску актыўна займаўся грамадскай працай: быў сябрам савета абласнога аддзялення Беларускага краязнаўчага таварыства, сябрам абласнога савета Таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры Беларусі, сябрам навукова-метадычнага савета па архітэктуры і горадабудаўніцтву пры Віцебскім гарвыканкаме, браў чынны ўдзел у працы грамадскага аб’яднання Віцебскага клуба аматараў даўніны “Узгор’е”.

“Пасяліўшыся ў 1986 г. у Віцебску, Юрый Аляксандравіч Якімовіч мо з першага дня арганічна ўпісаўся ў толькі што народжаны рух за абарону і адраджэнне гістарычнае спадчыны зруйнаванага 1000-гадовага горада, – пісаў А. Мемус. – У педагагічным інстытуце, на мастацка-графічным факультэце, дзе ён выкладаў гісторыю мастацтва, мо ўпершыню архітэктура набывае свайго сапраўднага «прапаведніка».

Асаністы, знешне спакойны і ўпэўнены ў сабе, з нейкім непаўторным знакам патомнае інтэлігентнасці і высакародства, Якімовіч хутка стаў арганічнаю часткаю культурнага жыцця горада. Засяроджанага ў сабе, стрыманага ў рухах і словах яго мог нечакана асвяціць нейкі па-дзіцячаму безабаронны агеньчык у цёмна-карых вачах, гэткая ж шчырая і мяккая ўсмешка. Часам малазнаёмага з ім чалавека мог на хвіліну нават шакіраваць са смакам і дарэчы кінуты ім анекдот. На хвіліну, бо праз імгненне воблік яго зноў набываў ранейшую цішыню і значнасць чалавека, што хавае ў сабе яшчэ самім неразгаданую тайну.

Да яго нешта вабіла. На сходах яго атуляла моладзь, маладыя жанчыны. І зусім нечаканым было з’яўленне ў ім, быццам бы акрэсленым, Якімовічу-вучоным,

даследчыку, лектару, аўтару шматлікіх публікацый, – мастака. Першая персанальная выстава жывапісу здзівіла і зачаравала. То была зноў архітэктура, знаёмыя да болю рысы роднае зямлі, але што ўражвала найперш – самавітая, арганічна Якімовіча шчодрасць. Нейкая асаблівая чысціня, празрыстасць паветра, што атуляе знаёмыя рысы архітэктурных формаў на яго палотнах, раскрывае яшчэ адзін дар гэтага самабытна прыгожага чалавека – дар удумлівага сузіральніка таго, што ў наступную хвіліну «прэпарыруе» яго розум даследчыка.

І яшчэ ўражвала ў ім знешняя ўраўнаважанасць з рысамі меланхоліі і зусім нечаканы дынамізм вучонага, які за два дзясяткі гадоў напісаў больш за паўтысячу навуковых артыкулаў, дзясяткі доследаў, прысвечаных аналізу мастацка-гістарычных рысаў дойлідства розных часоў, цэлы тузін кніг і буклетаў. (…) Усё зробленае ім разам з яго самавітым воблікам здавалася ўвасабленнем шаноўнага і шануемага доктара, прафесара. Але ў асяродку, дзе ён правёў апошнія гады жыцця, дзе працягні руку – і трапіш у дацэнта, у прафесара (такая «степенная» эпоха выпала на яго долю – эпоха псеўдадысертацый і метадычак), яму дастойнага звання не знайшлося…

У некралогу, што вісеў на стэндзе аб'яў педінстытута, яго «ўзвялі» да рангу «дацэнта», але і зарплату дацэнта за яго атрымалі іншыя" (Мемус А. Апантаны архітэктурай // Выбар. 1994. № 7. 17 – 23 лютага. С. 3).

Раптоўная смерць Юрыя Аляксандравіча на 48-м годзе жыцця перапыніла яго навуковыя даследаванні, пакінула незавершанымі новыя кнігі. Ніжэй мы друкуем тры матэрыялы, якія належаць пяру даследчыка і амаль невядомы шырокаму чытачу.

Першы з іх прысвечаны гісторыі палацава-паркавага ансамбля ў Лынтупах. Гэта комплекснае навукова-гістарычнае даследаванне, зробленае кандыдатам архітэктуры Ю.А. Якімовічам для праекта рэстаўрацыі комплексу, які ў 1991 г. выконвала малое навукова-вытворчае прадпрыемства "Праект–1". Яго былы дырэктар Міхаіл Вольфавіч Грынберг у 2012 г. перадаў машынапіс у рэдакцыю "Віцебскага сшытка", за што мы выказваем яму шчырую ўдзячнасць.

Два наступныя артыкулы Ю.А. Якімовіча былі ў свой час надрукаваны на старонках віцебскіх газет. Аднак па той праблематыцы, якая ў іх уздымаецца, яны заслугоўваюць уводу іх у шырокі навуковы ўжытак. Застаецца толькі пашкадаваць, што і праз тры дзесяцігоддзі даследчыкі віцебскай даўніны не апрацавалі знойдзены Юрыем Аляксандравічам у архіве невядомы інвентар Віцебска першай паловы XVII ст. А абгрунтавана пастаўленае ім пытанне пра існаванне ў XII ст. Віцебскай архітэктурнай школы і дагэтуль яшчэ не абмеркавана спецыялістамі.

Юрий ЯКИМОВИЧ

ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ АНСАМБЛЬ В ЛЫНТУПАХ

Впервые в исторических документах Лынтупы упоминаются под 1459 г. в связи со строительством здесь деревянного костела Св. Андрея, основанного магнатом Андреем Долгирдовичем. Вероятно, первоначально поселение не было местечком, а являлось феодальным двором с фольварком. К концу XVI в. Лынтупы приобретают характерные черты малого городского поселения, входившего в состав Ошмянского повета Великого Княжества Литовского. Инвентарь 1591 г. зафиксировал начальный этап развития местечка, принадлежавшего тогда магнатскому роду Гилзенов (или Хилзенов). В то время числилось 24 двора, составлявших застройку торговой площади и двух улиц. Рынок занимал в архитектурно-планировочной структуре поселения главное место, здесь проживала наиболее зажиточная часть населения: из 12 дворов 8 имели под застройку по целому плацу и 4 занимали двойные плацы. Плацем назывался нормативный земельный надел, принятый в застройке того или иного поселения. Каждому двору принадлежал участок пахотной земли размером в 1 или 0,5 волоки (соответственно 20 и 10 га).

Улицы, вероятно, еще только развивались. На них селилась преимущественно беднота. На улице, проводившей от рынка к мельнице на р. Полынтупке, было 8 дворов с огородами, но без пахотных участков. На улице, шедшей к селу Судилово, размещались 4 двора, причем только одному принадлежал полуволочный земельный надел, остальные хозяйства имели только огороды. Впрочем, в это время проводилась реорганизация землепользования с увеличением площадей пашни. Инвентарь свидетельствует, что к 1591 г. 10 волок земли было «новопринято» и еще подготовлено к принятию 17 волок, которые пока пустовали и были предназначены для новых поселенцев. Таким образом, местечко



Дворец в Лынтупах. Фото Ф. Краускопфа. 1915 – 1918 гг.

имело аграрный характер, сколько-нибудь значительного ремесленного производства или торговли не было.

Инвентарь описывает один из древнейших усадебных комплексов, который сформировался в середине, а возможно, и в первой половине XVI в. Усадьба делилась на двор, дворок и гумнище. Двор являлся магнатской резиденцией, был целиком застроен из дерева. Он имел двое ворот: главные въездные, крытые гонтом, и тыльные, ведшие к дворку. У въездных ворот находились погреб (пивница), крытый дранью, а также старый дом. Последний состоял из 6 помещений, образовывавших симметричную планировку. В центре находились сени с туалетом в тыльной части, по бокам – идентичные блоки, каждый из которых включал светлицу и жилую комнату. Каждая светлица освещалась 4 окнами, обогревалась кафельной печью и камином, имела дубовые и липовые столы, лавы, полки. Одна комната обогревалась камином, вторая была «холодной». В сенях находились два дымовых стояка от светличных печей и каминов, туалет соединялся с обеими комнатами. Дом завершался гонтовой крышей.

Напротив него строился новый господский дом. Он был решен в семь двухъярусных срубов («гмахов»), имел гонтовое покрытие. В большинстве помещений еще пока окон и печей не было, но на чердаке и в нижних покоях хранили заготовленные 38 оконных рам со вставленными стеклами («блоны шкляные работы столярской»), 10 столов и 18 лавок.

Кроме этих двух господских домов в состав двора входили два дома дворовой прислуги (двухкамерный со светлицей и сенями и трехкамерный со светлицей, сенями и клетью), а также ряд хозяйственных построек: пекарня, 4 крытых дранью свирна (служили для хранения зерна), кухня с крыльцом (ганком) перед входом, 3 конюшни (одна крыта дранью,



Лынтупы. Главный (юго-восточный) фасад дворца. Фото Ю. Якимовича. 1991 г.



Лынтупы. Северо-западный фасад дворца со стороны центрального пруда. Фото Ю. Якимовича. 1991 г.

остальные – соломой), бровар, солодильня, блокированная с сушилкой-озницей*, баня с сенями.

Дворок представлял собой небольшой фольварк, в состав которого входили двухкамерный челядный дом (гридня с сенями), клеть, сырница, обора с 4 бревенчатыми хлевами. Эти постройки размещались вдоль изгороди, центральная часть двора была свободной от застройки – здесь находился только колодец. Гумнище составляли стодола с двумя воротами, осеть, одрина, курятник и два озерода**.

Таким образом, инвентарь 1591 г. показывает, что первый этап развития усадьбы и местечка проходил традиционно и отразил особенности народного зодчества. Усадьба представляла собой небольшой компактный селитебно-производственный и хозяйственный комплекс, дифференцированный на жилую и производственную зоны. В дальнейшем такая дифференциация получает новое развитие, что приводит к созданию дворцово-паркового ансамбля и вынесению производства в территориально удаленные фольварки. В XVI в. наметилась тесная архитектурно-планировочная связь усадьбы и местечка. Такая связь определилась также и тем, что отдельного культового сооружения не было, поэтому костел Св. Андрея, стоявший на рынке, обслуживал как местечко, так и двор.

К сожалению, мы не знаем, как развивался усадебный комплекс в XVII – XVIII вв., поскольку инвентарей этого времени нами не выявлено. Есть лишь данные о том, что в первой половине XVII в.

---

* Озница – тип сушильни, в которой высушивали солод.

** Озерод – хозяйственное сооружение из столбов и жердей для воздушной сушки снопов.

в местечке существовал кальвинский збор. В 1700 г. деревянный костел, который к этому времени разрушился, был восстановлен по фундушу трокского воеводы Яна Бжостовского. Восстанавливался он и в 1870 г.

Достоверные данные по имению и местечку относятся только к середине XIX в., когда Лынтупы принадлежали шляхтичам Бучинским. Это был древний род, известный в Великом Княжестве Литовском с XVI в. Представители рода занимали важные государственные посты, являлись католическими священниками. В XVII в. известен Ян Бучинский – личный секретарь Лжедмитрия. Викентий Бучинский (1789 – 1853) – доктор теологии, преподаватель иезуитского коллегиума в Полоцке, автор многочисленных богословских трактатов. Бонастура Бучинский (1800 – 1872) был монахом-францисканцем, работал миссионером в Китае и Чили. Матильда Бучинская (1811 – 1867) являлась знаменитой виленской филантропкой, президентом братства имени Святых Петра и Павла в Вильне.

Первым владельцем Лынтуп из рода Бучинских был Даниэль – чашник Ошмянского повета и камергер последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского. Вероятно, он купил имение у прежних владельцев Гилзенов в конце XVIII в. и владел им совместно со своей женой Барбарой Сулистровской. После их смерти собственность перешла к их сыну Маврикию Бучинскому, председателю межевого апелляционного суда Свентянского повета, в который входили Лынтупы. Он сам же и управлял своим имением.

Согласно статистическому описанию 1847 г. имение включало двор (глав-ная резиденция), местечко, хутор Свирпилишки, 7 деревень (Казнодеишки,



Лынтупы. Юго-западный фасад дворца. Фото Ю. Якимовича. 1991 г.



Лынтупы. Въездная брама. Фото первой половины XX в.

Жаки, Бояришки, Шудовцы, Явнелишки, Подменка и Пешковцы), 3 фольварка (Глебишки, Богданишки и Дворчаны), 27 застенков (находились в аренде у вольных землепашцев). В господском дворе проживало 18 человек, в местечке – 224, в остальных поселениях – 1752 человека. Не все крестьяне находились в крепостной зависимости от владельца имения. Всего «тяглых» дворов значилось 87, остальные 149 пользовались теми или иными свободами, во многих случаях хозяева несли только чиншевую повинность. Крестьяне имели по 10 – 20 десятин земли, что давало возможность более или менее сносно обеспечить их существование. Таким образом, можно отметить, что в Лынтупском имении крепостничество не приняло крайне реакционной формы. Хозяйство велось интенсивно.

В 1847 г. центральным архитектурным элементом господского двора являлся 2-этажный каменный дом с колонным портиком, покрытый гонтом. Вероятно, он имел черты классицизма. Возле него находился каменный флигель. Значительным по масштабу сооружением являлась 2-этажная винокурня (возможно, она стояла на месте, где ныне расположен спиртзавод). Первый этаж был возведен из камня, второй – из брусьев. Покрытие гонтовое. Внутри находилась паровая машина, перерабатывавшая в сутки 45 пудов муки и картофеля на водку. Работала она непрерывно от 4 до 6 месяцев, затем делалась переналадка. В сутки изготавливали 186,25 ведер водки.

Вторым значительным производственным сооружением имения являлась суконная фабрика, построенная из брусьев на каменном фундаменте, под гонтовой крышей. В ней работали два сукновальных станка и другое оборудование, которое обслуживал 21 человек. Работники нанимались на год. В день выпускали 22 аршина сукна стоимостью по 40 копеек за аршин.

Кроме упомянутых выше зданий в усадьбе существовали деревянный жилой дом для фольварочной прислуги, крытый соломой, прачечная из сосновых кругляков под соломенным покрытием, два амбара (один из брусьев на каменном фундаменте, второй глинобитный, оштукатуренный снаружи, оба под соломенными стрехами), одрина для хранения сена (из дерева «в каменные столбы»), глинобитные

конюшня и каретная (все под соломенными покрытиями). Для обмолота снопов использовали два гумна. Одно из них имело стены глинобитной конструкции, второе построено из брусьев, запущенных в каменные шулы. Отдельно находился скотный двор с домом и хлевами для откорма волов и свиней – бревенчатые постройки, крытые соломой. Особо следует отметить «ледник из кирпича в фигуре круглой башни», покрытый гонтом. Можно его связать с современной башней-коптильней. Существовал и деревянный ледник с входом в виде 4-столбового ганка, крытый соломой.

Имению принадлежало несколько корчем, построенных из бревен и брусьев и покрытых соломой или дранью. Одна из них находилась в самом местечке на рыночной площади, вторая – по дороге из Лынтуп в Свентяны, остальные – в застенке Трабутишки и деревне Подъясенки. В Трабутишках на проточном пруде работала водяная мельница, имевшая три колеса, приводимые в движение водой. Два колеса вращали мукомольные жернова, третье приводило в движение оборудование сukновальни (волюшни).

Имение было достаточно прибыльным, годовой доход составлял 7898 рублей. Этому способствовало рациональное ведение хозяйства владельцем.

Как видно из приведенного выше описания, о закладке парка в Лынтупах конкретных исторических сведений нет. Дендролог А.Т. Федорук в своей монографии «Садово-парковое искусство Белоруссии» (Мн., 1989. С. 97 – 98) пишет, что парк начал формироваться с конца XVIII в. в имении Гилзенов. Но в это время усадьба принадлежала уже Бучинским. Поэтому наиболее вероятным основателем парка следует считать Даниэля Бучинского. Парк имел черты регулярного стиля, характерного для классицизма. Он занимал небольшую территорию перед главным фасадом современного дворца, построенного в начале XX в., состоял не менее чем из 8 боскетов. Позднее в боскетах были



Лынтупы. Центральная часть главного фасада дворца. Фото Ю. Якимовича. 1991 г.



Лынтупы. Центральная часть северо-западного фасада дворца. Фото Ю. Якимовича. 1991 г.

высажены небольшие древесные группы, а в начале XX в. – экзоты: клен остролистый Швелера, пихта сибирская, орех серый, клен серебристый и другие. От этого парка, через который проходил канал, открывалась перспектива на костел, находившийся на торговой площади местечка, примерно на одной оси с усадебным домом.

В 1863 г. лынтупское имение вместе с небольшим двором Болково, расположенным над озером Свирь, купил у Маврикия Бучинского богатый петербургский адвокат Ежи (Георгий) Бишевский, причем покупку этих имений финансировала его жена, происходившая из рода Горецких.

С этого времени начался новый этап развития усадьбы в Лынтупах. Род Бишевских известен с XV в., происходит из польского города Бышова (Сандомирский повет). Представители рода, имевшие в гербе изображение ястреба, занимали в Польше немалые государственные должности – являлись послами, воеводами. Однако к XIX в. этот род в значительной мере обеднел и утратил свое былое положение. Об этом свидетельствует тот факт, что Шимону Бишевскому в 1850 г. пришлось через суд доказывать свое дворянское происхождение, в результате чего он был восстановлен в списках шляхты Виленской губернии.

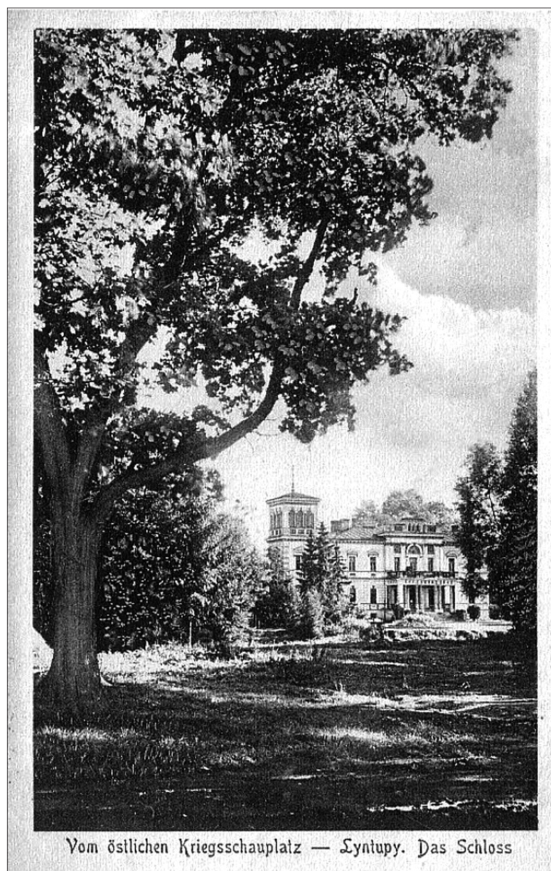
Ежи Бишевский умер вскоре после покупки Лынтуп и Болкова, наследство перешло к его сыновьям Юзефу и Эдварду. Между ними разгорелся спор о разделе недвижимости. Но преждевременная смерть Эдварда прекратила этот спор, и оба имения перешли к Юзефу Бишевскому.

Нет сведений о том, сохранилась ли к тому времени в Лынтупах старая резиденция Бучинских. Известно только, что основной резиденцией Бишевских была усадьба в Болкове, где находился небольшой каменный дом под красной черепичной крышей. В конце XIX в. Юзеф Бишевский перенес центр своих имений в Лынтупы, где начал строительство крупного дворцово-паркового ансамбля. Проект дворца выполнил известный в то

время архитектор Тадеуш Растворовский. Дворец в основном был завершен в 1907 г. Еще ранее, в 1897 г., вырыты пруды на р. Полынтупке и построена мельница. Владелец развернул интенсивное строительство. Являясь сам инженером и архитектором, он по своим проектам возвел ряд хозяйственных и производственных сооружений (винокурню, алейню, крахмальню и другие), реконструировал парк, возвел в нем павильоны. В 1908 г. по его проекту построен новый каменный костел в центре местечка, сохранившийся и в наше время.

Как свидетельствуют статистические данные за 1905 г., в это время через поселение проходила узкоколейная железная дорога Паневеж – Свентяны. В соответствии с этим возле местечка появилось поселение при железнодорожной станции с 24 жителями, занимавшее 0,5 десятины земли (0,55 га). В местечке, расположенном на 419 десятинах (около 460 га), числилось 646 жителей. Имение Ю. Бишевского включало 7408 десятин земли (8,15 тыс. га); в нем проживало 95 жителей. Кроме основного имения в состав вотчины входило 27 фольварков и застенков: Барсучина (4 жителя, 20 десятин), Богданишки (18 ж., 153 дес.), Болдун (9 ж., 20 дес.), Глебишки (22 ж., 134 дес.), Гумбяны (первые и вторые; 15 ж., 22 дес.), Давнютишки (8 ж., 20 дес.), Дамуци (4 ж., 1 дес.), Дворчаны (14 ж., 84 дес., мельница), Ежово (11 ж., 43 дес.), Казнодеишки (4 ж., 2 дес.), Концептово (7 ж., 20 дес.), Колдутишки (8 ж., 25 дес.), Луги (8 ж., 62 дес.), Масленики (6 ж., 1 дес.), Мотылины (10 ж., 60 дес.), Подгай (10 ж., 18 дес.), Подсвирплишки (10 ж., 2 дес.), Подъясенка (53 ж., 100 дес.), Рудзишки (8 ж., 40 дес.), Свирплишки (19 ж., 133 дес.), Свищеполе (5 ж., 1 дес.), Сеньнишки (12 ж., 41 дес.), Томишки (13 ж., 43 дес., мельница), Трабутишки (34 ж., 47 дес.), Третьяки (5 ж., 3 дес.), Ундришки (9 ж., 40 дес.), Цагельня (5 ж., 3 дес.).

Однако дальнейшее развитие усадебного ансамбля прервала Первая мировая война, во время которой дворец был разграблен, а в 1919 г. почти целиком сожжен. После войны Бишевский предпринял деятельные попытки возродить свою резиденцию.



Дворец и парк в Лынтупах.
Фото Ф. Краускопфа. Не позднее 1917 г.

Ему даже удалось получить для этой цели в виленском банке заем в 2 млн. злотых. В 1920 г. был восстановлен дворец. По описанию польского исследователя Р. Афтанази, он имел черты неоренессансного стиля и напоминал итальянскую виллу. Представлял собой прямоугольное в плане 2-этажное 9-осевое сооружение на высоком цоколе. Центр главного фасада выделял псевдоризалит с широким портиком, который создавали два 4-гранных рустованных столба и 10 каннелированных колонн. Две пары колонн фланкировали главную поперечную ось дворца, две колонны стояли в торцах, четыре – в средней части портика. Антаблемент поддерживал балкон, оформленный балюстрадой. Внутрь портика вела широкая каменная лестница. Богато была украшена и верхняя часть ризалита. Ее декорировали 6 полуколонн, спаренных по бокам и одинарных посредине. Между средними полуколоннами над балконными дверями

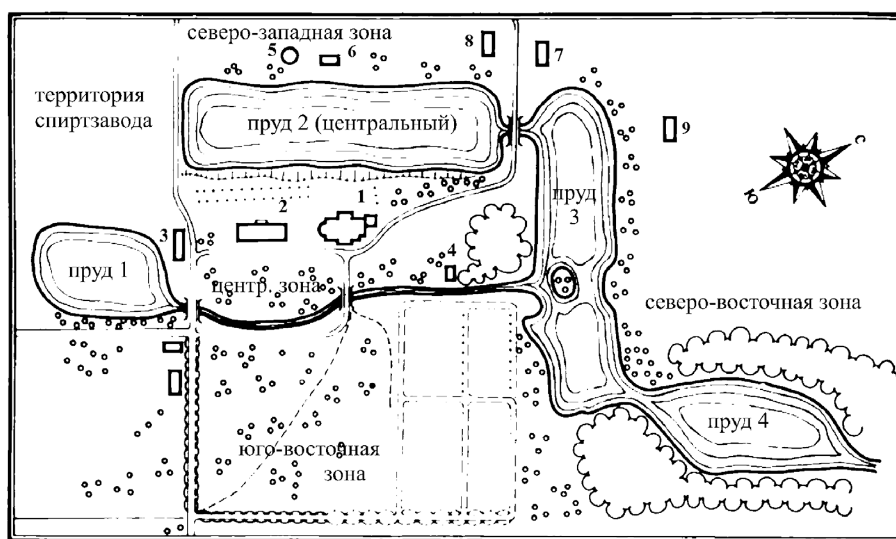


Схема парка в Лынтупах: 1 – дворец; 2 – школьный корпус; 3 – флигель; 4 – павильон (часовня?); 5 – башня-коптильня; 6 – музыкальный павильон; 7 – первая конюшня; 8 – вторая конюшня; 9 – обора.

находилась конха*, а над окнами – две скульптуры типа бюстов. Завершал ризалит богатый по пластике аттик. Такой же вид имел и противоположный фасад. Основным высотным архитектурным элементом являлся торцовый ризалит, выполненный в виде башни. В противоположном торце



Лынтупы. Башня-коптильня в северо-западной зоне ансамбля. Фото Ю. Якимовича. 1991 г.

находился 5-гранный ризалит с балконом, оформленный снаружи пилястрами. В декоре преобладали рустика, завершения окон различной формы.

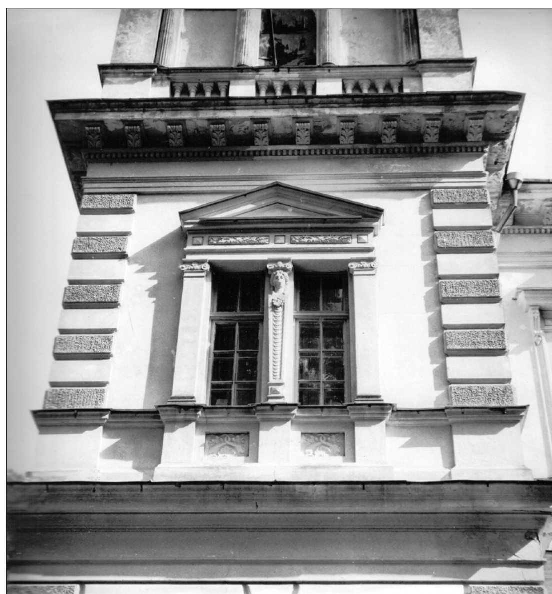
Если само здание было в 1920 г. строено, то оформление интерьера продолжалось до 1939 г. Однако сведений о нем мало. Известно только, что в парадном зале существовал камин, фланкированный по бокам двумя человеческими статуями; в одном из салонов находился мебельный гарнитур в стиле Людовика XV. Первоначальную планировку в настоящее время можно реконструировать только в общих чертах. В центре первого этажа находился вестибюль с парадной лестницей. Над ними во втором этаже размещался парадный зал, выходивший на балкон со стороны пруда. Еще один зал выходил на балкон главного фасада. Планировка, вероятно, была коридорная, торцы замыкали ризалиты.

На рубеже XIX и XX вв. Ю. Бишевский коренным образом реконструировал парк. Если о парке конца XVIII – XIX вв. можно, в основном, говорить как о небольшом регулярном массиве перед парадным

* Конха – полукупол, служащий для перекрытия полуцилиндрических частей зданий.

подъездом нового дворца (местоположение старого жилого дома установить не удалось), то в результате перепланировки парк получил черты модного в конце XIX – начале XX в. пейзажного стиля.

Основу планировочной структуры нового ансамбля составили четыре пруда, образованные на р. Полынтупке. Они имели разные размеры и формы, соединялись между собой каналами. Центральный пруд (230 х 50 м) фактически стал основным композиционным элементом всего паркового ландшафта. Оба его противоположных берега получили доминанты: дворец и башню-коптильню, рядом с которой на холме построен музыкальный павильон. В результате этого создалась дополнительная ось, перпендикулярная оси течения реки, что придало ансамблю глубинно-пространственный характер. Созданы



Лынтупы. Оформление среднего яруса башни дворца. Фото Ю. Якимовича. 1991 г.



Лынтупы. Фрагмент северо-западного портика дворца. Фото Ю. Якимовича. 1991 г.

видовые перспективы, раскрывающиеся на водоем, уровень воды в котором был поднят специальной плотиной. Центральная часть берега со стороны дворца решена в виде облицованной каменными плитами набережной типа террасы, усыпанной песком. Длина этой террасы превышала длину корпуса дворца. Набережная была ограждена каменной балюстрадой. К воде спускалась широкая лестница, расположенная на поперечной оси дворца напротив входного портика. У подножья лестницы находился причал, к которому швартовались красиво оформленные прогулочные лодки. До Первой мировой войны сооружена только половина террасы с балюстрадой и лестница, а также построен трехпролетный арочный мост в конце пруда. Остальная часть террасы достроена в 1920 г. Вдоль берега установлены на высоких постаментах каменные статуи. Такие же статуи имелись и с противоположной стороны дворца.

Поперечная ось центральной части ансамбля акцентировалась легким подвесным мостом через водоем, который начинался с балкона второго этажа дворца и шел на противоположный берег. Правда, существование этого моста, отмеченного в некоторых литературных источниках,

нам представляется спорным, так как указанный мост не зафиксирован на известных фотографиях 1914 – 1939 гг. На противоположном берегу водоема возле башни-коптильни построен павильон, предназначенный для оркестра. Он был решен в классической ордерной системе, представлял собой открытое прямоугольное в плане сооружение, основу которого составляли два ряда из 12 колонн каждый. Колонны несли балки перекрытия и крышу. На одной из балок была вырезана дата: «15.V.1935». Недалеко от этого павильона стоял второй небольшой павильон с 2-колонным портиком и полукруглой стенкой с нишей или проемом. К сожалению, эти павильоны не сохранились.

Возле описанных павильонов образованы парковые поляны, предназначенные для массовых гуляний. В связи с этим данная часть парка получила ярко выраженный пейзажный характер. Доминировала здесь высокая стройная по пропорциям башня, использовавшаяся как коптильня. Она была решена в неороманском стиле, напоминала средневековые оборонительные башни-донжоны, завершалась конусообразным гонтовым покрытием.

Парадная часть парка перед главным фасадом дворца подверглась незначительной реконструкции и в основном сохранила прежний вид. Она представляла собой прямоугольный в плане участок, ориентированный с юго-запада на северо-восток, с партером в центре и несколькими аллеями, проходившими параллельно и перпендикулярно продольной оси дворца. Въездная аллея начиналась в юго-восточной



Лынтупы. Вид на третий пруд в месте его соединения с центральным прудом. Фото Ю. Якимовича. 1991 г.

части, от южного водоема, проходила в северо-западном направлении, затем за арочным мостом через канал соединялась с аллеей, шедшей на северо-восток вдоль главного фасада дворца. На въезде со стороны местечка стояла каменная брама, решенная в необарочном стиле, которая отделяла регулярный парк от проезжей дороги. Она состояла из двух одинаковых симметрично размещенных пилонов, в стенках которых находились невысокие арочные входы, оформленные пилястрами, архивольтами и сандриками. Со стороны проезда пилоны фланкировали высокие столбы, увенчанные сложными слоистыми карнизами и куполками, над которыми возвышались вазы, увитые цветочными гирляндами. Металлические полотна ворот представляли собой ажурные кованые решетки сложной формы, выполненные в стиле «модерн». Вероятно, такой же характер имело и ограждение регулярного парка.

С юго-запада от дворца находился каменный одноэтажный флигель, частично сохранившийся и поныне. Р. Афтанази считает его самой старой постройкой всего ансамбля, существовавшего еще до строительства дворца. Известно, что здесь жил сам Ю. Бишевский до 1920 г., руководивший возведением своей резиденции. Р. Афтанази высказал предположение, что флигель являлся старым усадебным домом прежних владельцев имения. Он был построен в стиле классицизма, представлял собой вытянутое по продольной оси здание, завершенное 2-скатным покрытием. Центральную часть с главным входом выделял 4-колонный портик, завершенный 3-угольным фронтоном. В настоящее время в этом флигеле



Лынтупы. Здание спиртзавода. Конец XIX – начало XX вв. Фрагмент главного фасада. Фото Ю. Якимовича. 1991 г.



Лынтупы. Павильон в стиле неоклассицизма с шестиколонным портиком. Фото до 1939 г.

находятся школьные мастерские и котельная.

В противоположной части регулярного парка Ю. Бишевский построил сооружение в необарочном стиле, хорошо сохранившееся до наших дней. Вероятно, это часовня, предназначавшаяся для захоронения владельцев. Она декорирована спаренными пилястрами, филенками и другими элементами. Главный фасад оформлен двухколонным портиком с полукруглым фронтоном и аттиком.

Существовал в парке еще один павильон, местоположение которого выявить не удалось. Он был решен в стиле неоклассицизма, представлял собой прямоугольный в плане объем под двухскатным покрытием. Стены расчленяли пилястры. Главный фасад оформлял 6-колонный портик с 3-угольным фронтоном, тимпан которого украшала штукатурная лепнина с растительными мотивами.

Таким образом, основная парковая зона фиксируется на противоположных берегах центрального пруда. Она состоит из более старой регулярной части перед дворцом и новой пейзажной. Обе эти части архитектурно объединены дворцовым зданием.

Северо-восточная часть парка имела, скорее всего, нерегулярный характер, подчиненный ландшафту местности. Здесь была романтическая интимная зона, основу которой формировали два пруда и прилегающие к ним группы деревьев, чередовавшихся с открытыми или полузакрытыми полянами. Пруд, ориентированный с северо-запада на юго-восток, как бы замыкал продольную перспективу основной части парка. Конец оси, образованный руслом р. Полынтупки, фиксировал остров. Наконец, четвертый пруд, расположенный на северо-востоке всего ансамбля, соприкасался уже с естественным природным ландшафтом-гаем. Таким образом, постепенная смена парковых ландшафтов (парадный регулярный парк, пейзажный, природный) создавала определенный ритм и сменяющийся зрительный ряд, что привело к разнообразию и неповторимости этого уникального памятника садово-паркового искусства.

С 1939 г. начался упадок ансамбля. В связи с включением Западной Белоруссии в состав БССР владелец имения Ю. Бишевский был вынужден уехать в Вильнюс, где и умер в 1944 г. Дворец и другие постройки

разрушены во время Великой Отечественной войны. В 1946 – 1948 гг. дворец перестроен под школу-интернат, при этом нарушена первоначальная планировка. Постепенно парк с прудами пришел в запустение и зарос, захламлен, многие деревья погибли. Нарушена его первоначальная планировка вследствие строительства чужеродных по архитектуре зданий и сооружений (жилой корпус школы-интерната, современные дома, сараи, гаражи, конторское здание и т. д.).

Тем не менее сохранившиеся элементы дворцово-паркового ансамбля создают возможность его воссоздания почти в первоначальном виде*.

1991 г.

Архивные и литературные источники:

1. Инвентарь имения Лынтупы 1591 г. (на польском языке) – Отдел рукописей Научной библиотеки Вильнюсского государственного университета. Ф. 4. Д. 39742а. Л. 2 – 4.

2. Статистическое описание имения Лынтупы 1847 г. – ЦГИА Литовской Республики. Ф. 394. Оп. 6. Д. 210. Л. 1 – 5 об.

3. *Антипов В.Г.* Парки Белоруссии. Мн., 1975. С. 89 – 91.

4. *Федорук А.Т.* Садово-парковое искусство Белоруссии. Мн., 1989. С. 97 – 98.

5. *Гошкевич И.И.* Виленская губерния. Полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении. Вильна, 1905. С. 291 – 293.

6. *Якімовіч Ю.* Лынтупы і Старое Саколіна // Віцебскі рабочы. 17.07.1991.

7. *Rouba N.* Przewodnik po Litwie i Białorusi. Wilno, 1919. S. 117.

8. Polski słownik biograficzny. T. 3. Kraków, 1937. S. 87 – 90, 181.

9. *Baliński M., Lipiński T.* Starożytna Polska. T. 3. Warszawa, 1850. S. 245.

10. Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 5. Warszawa, 1884. S. 851.

11. *Aftanazy R.* Materiały do dziejów rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. T. IV a. Dawne województwo Wileńskie. Warszawa, 1987. S. 239 – 242.

---

* В переработанном виде этот материал был опубликован: *Якімовіч Ю.* Архітэктурны ансамбль у Лынтупах // Віцебскі рабочы. 1992. 25 і 27 сакавіка.

Юрый ЯКІМОВІЧ

ДАЙШОЎ ПРАЗ СТАГОДДЗІ

У пачатку [19]80-х гадоў пры падрыхтоўцы артыкулаў для “Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі” мне давялося шмат папрацаваць у архівах краіны. І вось аднойчы, праглядаючы дакументы нясвіжскай калекцыі Радзівілаў у Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве ў Мінску*, зусім выпадкова натрапіў на адзін старажытны рукапіс**. На папцы, у якой ён захоўваўся, быў надпіс: “Апісанне замка, горада Віцебска, фальваркаў і двароў”. Рукапіс быў складзены на польскай мове і даволі неразборліва (давялося некалькі дзён патраціць на яго расшыфроўку), а галоўнае – у ім не было пачатковага аркуша з датай складання гэтага дакумента. Параўноўваючы яго з апублікаванымі яшчэ А.П. Сапуновым матэрыяламі па Віцебску, паступова прыйшоў да вываду, што напісаны ён напярэдадні руска-польскай вайны (1654 – 1667 гг.).

Пачынаецца апісанне горада з яго найстаражытнейшай часткі – Верхняга замка, размешчанага ў сутоцы Дзвіны і Віцьбы. Раней яго назва адпавядала рэчаіснасці. Замак, або Замкавая гара, як гэта месца называлі ў старажытнасці, уяўляў сабой высокі пагорак (вышынёй з сучасны пяціпавярховы дом), які дамінаваў над усёй прылеглай мясцовасцю. Роўная пляцоўка наверсе гары (300 х 150 м) выкарыстана ў XIV стагоддзі для будаўніцтва мураванага замка князя Альгерда, які размясціўся на месцы былога віцебскага дзядзінца Х стагоддзя.

Чытаючы апісанне замка, не пазбаўляешся ад думкі пра жудасную карціну разбурэнняў, якія прынеслі яму (як і ўсяму гораду) шматлікія войны. Можна зразумець, што ў той час меркавалася замест разбураных каменных умацаванняў пабудаваць драўляныя сцены і вежы. Частка абарончых збудаванняў была ўжо пастаўлена, у тым ліку дазорная вежа над Дзвіной, сцены-гародні, завершаныя “ізбіцамі” для вядзення агню па непрыяцелю. Аднак такое будаўніцтва нагадвала хутчэй за ўсё “латанне дзірак”, а не новае планамернае ўзвядзенне замкавых умацаванняў. Гэта, відаць, тлумачылася спешнасцю правядзення аднаўленчых работ у прадчуванні новай ваеннай пагрозы.

На тэрыторыі Верхняга замка размяшчаўся жылы пасад, дзе было 47 двароў шляхты і мяшчан. Цікава, што жытлы шляхты названы ў інвентары “дамамі”, у той час як рамеснікі мелі “хаты” і нават “халупы”. Каля жылых збудаванняў стаялі клеці, свірны, пуні, стайні ваяводы, драўляны замкавы арсенал, дзе захоўвалі зброю, кулі і порах. Каля яго сяліліся замкавыя пушкары.

Ніжні замак размяшчаўся на поўдзень і ўсход ад Верхняга на берагах Дзвіны і Замкавага ручая. Сама яго назва сведчыць аб тым, што ён меў больш нізкі рэльеф, чым Замкавая гара. Месца гэта было заселена ўжо ў Х стагоддзі, а ў XIV узнік замак, які, у адрозненне ад мураванага Верхняга замка, быў цалкам драўляным. Інвентар паказвае тут жылы пасад з 96 мяшчанскімі і шляхецкімі дварамі, мураваную Благавешчанскую царкву з драўлянай званіцай каля яе, царкву Параскевы Пятніцы, рэфарматарскі храм, некалькі пунь і іншыя збудаванні.

З Ніжняга замка праз браму і драўляны мост, перакінуты цераз рэчку Віцьбу, траплялі ў трэці гарадскі раён, добра вядомы віцябчанам і зараз. Гэта Узгор’е, куды паступова перамяшчаўся цэнтр дзелавога жыцця Віцебска.

Засяляцца Узгор’е пачало з канца Х – пачатку XI стагоддзя, аднак да другой паловы XVI стагоддзя з’яўлялася звычайным слаба

---

* Зараз Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі – *рэд.*

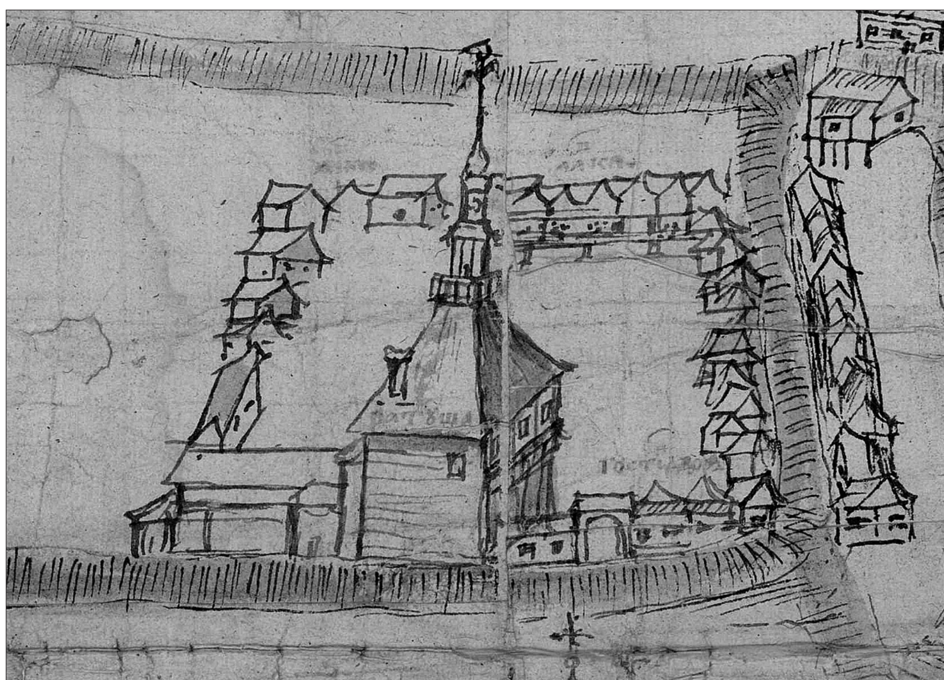
** НГАБ, ф. 694, воп. 2, спр. 1228 – *рэд.*

ўмацаваным гарадскім пасадам. У 1597 г. горад атрымаў Магдэбургскае права, для будаўніцтва грамадскага комплексу было выбрана Узгор'е, бо Верхні і Ніжні замкі да таго часу ўжо не мелі такой вялікай свабоднай тэрыторыі. Відаць, да гэтага тут існавала ўжо гандлёвая плошча на беразе Віцьбы, таму яе і выкарысталі для далейшай забудовы.

Як выглядала першая драўляная ратуша ў Віцебску, мы не ведаем, бо ніякіх дакументальных крыніц па ёй не захавалася. 14 чэрвеня 1623 г. (па старому стылю) набатны звон ратушы заклікаў гараджан Віцебска на паўстанне. Яму адказалі званы цэркваў. Дакумент тых часоў так апісвае падзею: каля тысячы віцябчан уварваліся ў двор уніяцкага архіепіскапа Іасафата Кунцэвіча, які знаходзіўся каля Прачысценскай царквы, выцягнулі яго з дому і забілі, а потым скінулі яго цела "з гары Прачысценскай, якая досыць над ракой Дзвіною ёсць высокая і прыкрая, над якой і двор яго міласці стаіць…". Потым паклалі труп у човен, адвезлі на сярэдзіну ракі і, добра навязаўшы на шыю камянёў, утапілі. За такое святатацтва каралеўскім указам горад быў пазбаўлены самакіравання, ратуша разбурана, яе звон і званы з усіх цэркваў (акрамя Прачысценскай) пераліты "на памяткі з надпісам аб гэтым злачынстве". "А замест ратушы гасцінны дом, які перад тым быў, меці дазваляем", – так заканчваўся грозны каралеўскі загад.

Гэты гасцінны двор і апісвае інвентар. Гандлёвая плошча была па перыметры акружана крамамі, "паўкрамамі" і каморамі, якіх налічвалася 90. У двух процілеглых баках забудовы крамы і каморы ўтваралі своеасаблівыя гандлёвыя вуліцы. Крамы былі розныя: саляныя, мясныя, "рухлядныя" (гандлявалі球 рознымі гаспадарчымі таварамі) і іншыя. Паўкрамы ад крам адрозніваліся, відаць, тым, што займалі не ўвесь будынак, а толькі яго палову і мелі адзін, а не два ўваходы.

З плошчы вялікія вароты вялі да гасціннага двара, які таксама, як і гандлёвыя рады, уяўляў сабой замкнёны прамавугольны ў плане комплекс. Над варотамі размяшчалася надбудова тыпу мезаніна, над якой узвышалася вежа з гарадскім гадзіннікам. Злева ад варот знаходзілася важніца, дзе захоўваліся гарадскія эталоны вагі, якімі купцы перамервалі прывезенае на продаж збожжа. Каля важніцы збудавана сем



Ратуша і гасцінны двор на "Чарцяжы" Віцебска 1664 г.

камор для купецкіх тавараў. Процілеглую ад варот лінію забудовы складалі дзве “чорныя” (г. зн. курныя) хаты, у якіх прыезжыя “госці” (так называлі ў той час іншаземных купцоў) начавалі і праводзілі свой вольны час. Тут жа мясцілася збудаванне, дзе адбываліся пасяджэнні магдэбургскага суда. Астатнія часткі забудовы гасціннага двара займалі стайня і вялікая “гасцінная” камора.

Далейшы лёс гэтага комплексу нам невядомы. На “Чарцяжы” Віцебска 1664 г. мы бачым выяву драўлянай ратушы. З’явілася яна пасля 1641 г., калі гораду вярнулі Магдэбургскае права. Верагодна, пры ўзвядзенні ратушы выкарысталі будынкі гасціннага двара, прычым сам двор паспяхова працягваў функцыяніраваць. Такое меркаванне тлумачыцца дзвюма акалічнасцямі. Па-першае, другога гасціннага двара не было пабудавана, а такі буйны горад, як Віцебск, не мог абысціся без гэтага комплексу. Па-другое, функцыянальна гасцінны двор добра “сумяшчаўся” з ратушай. Таму, калі гораду вярнулі права на самакіраванне, новага ратушнага комплексу, відаць, не будавалі.

У адной з апошніх публікацый пра віцебскую ратушу XVII стагоддзя сцвярджаецца, што яе ніжні ярус быў мураваны*. Аднак такая думка ўспрымаецца не больш, як гіпотэза. На жаль, мы не маем пакуль што ніводнага больш-менш дакладнага апісання ратушы тых часоў. А выява будынка на “Чарцяжы” настолькі ўмоўная, што цяжка здагадацца, з якога матэрыялу ён быў узведзены. Калі не было магчымасці нават адрадзіць мураваныя замкавыя ўмацаванні, то наўрад ці маглі знайсціся сродкі на мураваную ратушу. Безумоўна, гэта пытанне патрабуе сур’ёзнага і ўсебаковага даследавання.

Праз увесь Узгорскі пасад праходзіла вялікая галоўная вуліца, якая вяла ад моста праз Віцьбу і гандлёвай плошчы да брамы ў сцяне, што стаяла на беразе Дзвіны. Ад яе ў розныя бакі адыходзілі “вулачкі” і завулкі (адзін з іх меў назву Іванскага). Тэрыторыю Узгор’я перасякаў ручай (дарэчы, не паказаны на “Чарцяжы”), названы ў інвентары Слізкім. У пасадзе знаходзіліся 332 двары, пераважна рамесніцкія (кавалі, пушкары, цесляры і інш.), драўляныя цэрквы.

Акрамя гэтых частак горада інвентар згадвае яшчэ чатыры пасады: Задунайскі, Заручаўскі, Слабадскі і Рускі. Задунайскі (або Задунаўскі) пасад размяшчаўся на ўсход ад Ніжняга замка, за ручаём Дунай. На яго тэрыторыі існавалі 61 мяшчанскі двор і гумнішча. У Заручаўскім пасадзе (за Замкавым, або Пілатавым, ручаём, які агінаў Ніжні замак з поўдня) размяшчалася 158 двароў і мураваная царква Св. Духа. У пасад вяла Заручаўская брама, каля якой стаяла царкоўная багадзельня (“шпітальная халупа”). Слабадскі і Рускі пасады ўтваралі раён, вядомы пад назвай Задзвінне. Яны ўключалі адпаведна 165 і 207 двароў, на беразе Дзвіны ў Рускім пасадзе стаяла драўляная царква Св. Пятра.

Вось такі выгляд меў горад Віцебск у першай палове XVII стагоддзя. Нягледзячы на вялікія і частыя разбурэнні, ён усё ж развіваўся як адзін з буйнейшых беларускіх гарадоў, важны эканамічны і рэлігійны цэнтр. Сфарміравалася складаная архітэктурная планіровачная структура, якая ўключала сем планіровачных утварэнняў (два замкі і пасады). Вялікую ролю ў ёй адыгрывалі абарончыя збудаванні. Аднак ужо вызначыўся і іншы перспектыўны кірунак развіцця грамадскага цэнтра, які перамясціўся на Узгор’е. Менавіта гэты раён у далейшым склаў аснову фарміравання архітэктурнага цэнтра горада ў XVIII – XIX стагоддзях.

Віцебскі рабочы. 1987. 24 снежня. С. 4.

* Гл.: *Чарняўскі І., Цішкін І.* Віцебская ратуша // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1987. № 2. С. 17 – 20 – *рэд.*

Юрый ЯКІМОВІЧ

ВІЦЕБСКІЯ ШКОЛЫ ДОЙЛІДСТВА

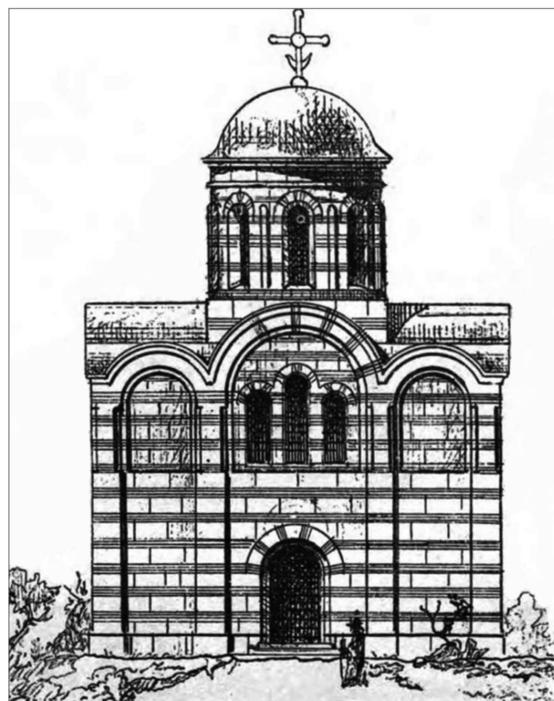
Пад школай дойлідства мы разумеем кола майстроў, аб’яднаных вакол пэўнага архітэктурна-мастацкага цэнтра, творчасці якіх уласцівы адметныя асаблівасці, невядомыя ў іншых аналагічных цэнтрах. Таму стварэнне архітэктурна-мастацкай школы сведчыць пра пэўную сталасць горада, яго высокае палітычнае і мастацкае значэнне сярод іншых гарадоў таго ж узроўню. Далёка не ўсім, нават і буйным гарадам, удалося сфарміраваць сваю асобную школу ў галіне архітэктуры і выяўленчага мастацтва. У XII ст. такія школы мелі толькі Полацк і Гародня. Іх помнікі добра даследаваны вучонымі, даўно ўвайшлі ў “залаты фонд” нашай культурнай спадчыны. Віцебск жа ў навуковых працах па гісторыі архітэктуры заўсёды стаяў недзе ў баку, то дапасоўваючыся да Полацкай школы, то адыходзячы ад яе. Але ніколі ніводзін з даследчыкаў не дапускаў нават думкі пра тое, што Віцебск таксама стварыў сваю самастойную школу, прычым не меней арыгінальную за Полацкую.

Адным з унікальных помнікаў гэтай школы з’яўлялася царква Дабравешчання Прасвятой Багародзіцы. Яе руіны і цяпер стаяць на беразе Дзвіны, на тэрыторыі колішняга Ніжняга замка*. Пабудавана яна ў XII ст., але мясцовы летапіс, складзены М. Панцырным, прыпісвае заснаванне храма кіеўскай княгіне Вользе ў X ст. Легенда гэтая, відаць, віцяблянам вельмі падабалася, таму і ўтрымлівалася на працягу некалькіх стагоддзяў.

Царква з’яўлялася саборнай, у ёй захоўваліся каралеўскія граматы і гарадскія кнігі. У XIV ст. храм быў у значнай меры папсаваны. Таму тагачасны віцебскі князь Альгерд аднавіў будынак, прычым, верагодна, толькі яго верхнюю частку разам са скляпеннямі і дахам. Гэтая перабудова гісторыкам XVI ст. М. Стрыйкоўскім успрынята як пабудова новага храму, таму ён у сваёй “Хроніцы” прыпісаў будаўніцтва царквы Альгерду.

Першапачаткова Дабравешчанская царква мела ўсе адзнакі візантыйскай архітэктуры. Можна нават вызначыць раёны, адкуль прыйшоў такі архітэктурны стыль у Віцебск. Відаць, гэта былі Грэцыя або Балгарыя, дзе ў першай палове XII ст. пашырылася будаўнічая тэхніка, аналагічная тэхніцы муроўкі Дабравешчанскай царквы.

Усе сцэны і слупы ўнутры храма ўпрыгожвалі дзівосныя фрэскі. Ім была ўласцівая свабодная жывапісная манера пісьма, празрыстая каларыстычная гама, правільныя прапорцыі малюнка. Такімі рысамі валодала ў канцы XI – пачатку XII ст. Кіеўская жывапісная школа, цесна звязаная з візантыйскім мастацтвам. Разам



Рэканструкцыя першапачатковага выгляду Дабравешчанскай царквы А.М. Паўлінава

* Дабравешчанская царква была адноўлена ў 1993 – 1998 гг. – *рэд.*



Дабравешчанская царква.
Выява з “Чарцяжа” Віцебска 1664 г.

з тым у фрэсках прасочвалася імкненне да яркіх колеравых спалучэнняў, што характарызавала новы напрамак у развіцці манументальнага жывапісу старажытнай Русі другой паловы XII – пачатку XIII ст. Відаць, разам з візантыйскімі майстрамі ў размалёўцы Дабравешчанскай царквы прымалі ўдзел і полацкія мастакі. Такая выснова зроблена ў выніку даследавання структуры фрэскавай грунтоўкі.

Дабравешчанская царква неаднаразова перабудоўвалася і паступова страціла свае візантыйскія архітэктурныя формы. Так, у 1619 г. яе перабудавалі пад уніяцкую царкву. На “Чарцяжы” Віцебска 1664 г. ёсць схематычная выява будынка, завершанага не ранейшымі паўцыліндрычнымі скляпеннямі, а звычайнымі двухсхільнымі дахамі, з купалам у цэнтры. Каля царквы стаяла драўляная двух’ярусная званіца, завершаная шатром і купалкам. Яна згарэла пры пажары 1698 г. Відаць, ад гэтага пажару пацярпеў і сам храм, бо ў 1714 г. віцебскі ваявода і войт Казімір Аляксандр Пацэй далучыў да парафіі мясцовыя рамесніцкія цэхі з тым, каб рамеснікі сваім коштам капітальна адрамантавалі святыню і набылі для яе новыя алтары. У 1759 г. Хрысціна Глушынская, жонка ваўкавыскага падстольніка, ахвяравала на рамонт храма 500 злотых. У выніку перабудовы храм набыў барочныя формы, яго галоўны фасад завяршылі дзве ярусныя вежы.

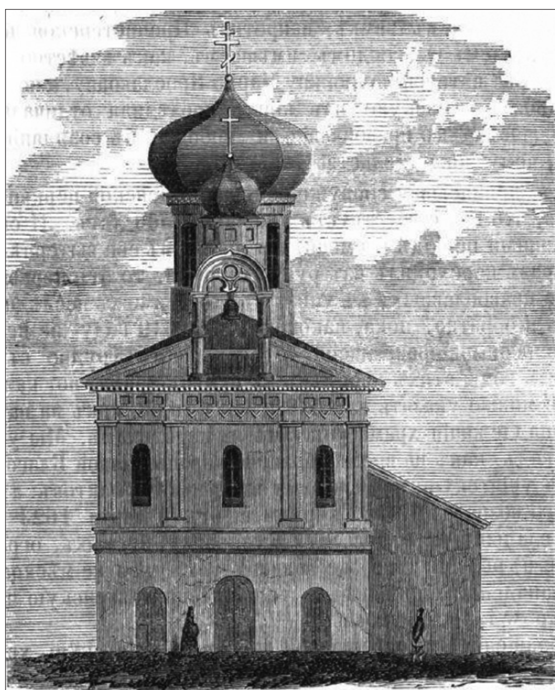
У 1831 г. царква вернута праваслаўным, а ў 1849 г. у ёй абсталявалася абшчына адзінаверцаў. У 1862 г. завяршылася чарговая капітальная перабудова помніка, у выніку якой на галоўным фасадзе замест вуглавых барочных вежаў XVIII ст. з’явілася званіца над прытворам, а над цэнтральнай часткай храма ўзвялі даволі груваскі драўляны купал на барабане.

Восем доўгіх стагоддзяў прастаяла Дабравешчанская царква на беразе Дзвіны. Перажыла яна шмат войнаў, у тым ліку і апошнюю – Вялікую Айчынную. Нават фашысты абмінулі яе, але не абмінулі сучасныя “атэісты”. 20 снежня 1961 г. Савет Міністраў БССР па прапанове Міністэрства культуры, Дзяржбуда і Акадэміі навук выключыў царкву са спісу ахоўваемых помнікаў гісторыі і культуры. І неўзабаве царква была знішчана.

Доўгі час Дабравешчанская царква лічылася адзіным помнікам такога тыпу на Беларусі. Але выявілася, што ў XII ст. у аналагічнай тэхніцы ў Віцебску пабудаваны яшчэ два храмы. Адзін з іх размяшчаўся на тэрыторыі Верхняга замка і вядомы ў гісторыі



Дабравешчанская царква.
Выява на акварэлі Ю. Пешкі. 1800-я гг.



Дабравешчанская царква.
Гравюра 1865 г.

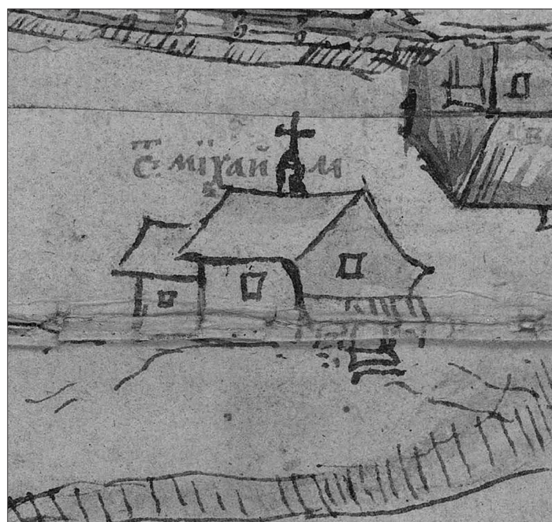
як царква Св. Міхаіла. Рэшткі збудавання былі знойдзены ў 1894 – 1895 гг. вядомым віцебскім краязнаўцам і гісторыкам А.П. Са-пуновым, які раскапаў падмуркі, лесвіцу і падлогу, выкладзеную керамічнай пліткай. У 60-я – 80-я гг. XX стагоддзя знойдзены фрагменты муроўкі з плінфы і вапняковых блокаў, керамічныя пліткі падлогі, смальта, аконнае шкло, фрагменты купальнага пакрыцця. Даследчыкамі ўстаноўлена, што шкло прывезена з Германіі, а смальта – з Візантыі.

На аснове аналізу рэштак храма і іншых археалагічных знаходак можна ў агульных рысах рэканструяваць гэтае цікавае збудаванне. Безумоўна, царква Св. Міхаіла ўяўляла сабой традыцыйны для старажытнарускага дойлідства крыжова-купальны храм з адным цэнтральным купалам, накрытым лістамі са сплаву волава і свінца. Своеасаблівa была вырашана падлога царквы, якую пакрывалі жоўтыя і зялёныя пліткі разнастайных формаў, галоўным чынам прамавугольных і трохвугольных. Алтарная частка дэкаравана пазалочанай мазаікай. Інтэр’ер асвятлялі невялікія круглыя акенцы з зеленаватага шкла, якія афарбоўвалі струмені сонечнага святла і пэўным чынам вызначалі колер светлавых блікаў і рэфлексаў на сценах і падлозе.

Храм прастаяў на сваім месцы ўсяго каля двух стагоддзяў. Ён знішчаны ў часы пажара Віцебска 1335 г. або пры аблозе горада войскам князя Вітаўта ў 1396 г., калі гарматы скрушылі амаль дашчэнту многія пабудовы Верхняга замка. Пазней царкву адбудавалі, але ўжо не з цэглы і каменя, а з дрэва. Вядома, што ў ёй знаходзіліся партрэты князя Альгерда і яго жонкі Ульяны – адны з першых твораў партрэтнага мастацтва на Беларусі. У пачатку XVII ст. гэты храм згарэў, на яго месцы пабудавалі новую драўляную царкву, але і яна загінула пры пажары 1708 г., калі Пётр І загадаў свайму капітану Салаўёву выпаліць Віцебск.

Трэці храм аналагічнай пабудовы знаходзіўся на ўсход ад Міхайлаўскай царквы ў раёне сучаснай плошчы Свабоды. Гэта царква Параскевы Пятніцы, пабудаваная ў першай палове XII ст. Колькі часу яна прастаяла – невядома. У XVII ст. на гэтым месцы знаходзілася ўжо драўляная царква, якая ў 1640 г. перабудавана пад езуіцкі касцёл. Падмуркі муравaнай царквы знойдзены падчас археалагічных раскопак.

Такім чынам, у Віцебску ў XII ст. узведзены тры царквы аналагічнай архітэктуры, якія вызначылі дзве асноўныя кампазіцыйныя восі ўздоўж Дзвіны і Віцьбы. Падобныя адна на адну, яны



Царква Св. Міхаіла.
Выява з “Чарцяжа” Віцебска 1664 г.



Увядзенская царква.
Выява з "Чарцяжа" Віцебска 1664 г.

стварылі адзіны ансамбль, надаўшы ўсяму гораду абагульнены і арыгінальны вобраз. Такі прыём у старажытнарускім дойлідстве сустракаўся нячаста, на тэрыторыі Беларусі ён ужыты толькі ў Полацку і Гародні. Віцебск у гэтым сэнсе стаў трэцім горадам.

Чаму Віцебск не пайшоў услед за Полацкам, не пераняў яго архітэктурны стыль?

Тлумачыцца гэта чыста палітычнымі прычынамі. У 1101 г. памёр славуты полацкі князь Усяслаў Чарадзей, у выніку чаго ў Віцебску пачаў княжыць яго сын Святаслаў. Новы віцебскі князь імкнуўся да незалежнасці ад Полацка. Таму ён не мог будаваць так, як будавалі палачане, бо гэта б прынізіла значэнне Віцебска ў вачах сучаснікаў. Таму князь запрашае майстроў з Грэцыі або Балгарыі (Усяславічы былі пароднены з візантыйскім імператарам), якія ўзвялі храм Міхаіла. Потым узніклі Дабравешчанская і Пятніцкая цэрквы. У выніку гэтага будаўніцтва ў Віцебску склалася мясцовая арцель, якая карысталася вядомасцю і за межамі княства. Так, віцебскія майстры ў XII ст. змуравалі Барысаглебскую царкву ў Навагрудку, а ён у тыя часы ўсё больш набываў значэнне самага магутнага горада ва ўсёй Заходняй Русі, сталіцы будучага Вялікага Княства Літоўскага. Улічваючы гэта, можна з упэўненасцю сказаць, што ў Віцебску ў XII ст. склалася трэцяя на тэрыторыі Беларусі архітэктурная школа. Яна пакуль што ў навуцы невядомая, але выспеў час паставіць і станоўча вырашыць гэтае пытанне.

У XVI – першай палове XVII ст. у Віцебску фарміруецца другая архітэктурная школа, на гэты раз у галіне драўлянага будаўніцтва. Фарміраванню рысаў гэтай школы садзейнічала будаўніцтва віцебскіх замкаў (Верхняга, Ніжняга і Узгорскага) і асабліва забудова Ратушнай плошчы на Узгор'і. Замкавыя вежы ўяўлялі сабой высокія манументальныя збудаванні, нярэдка ярусной кампазіцыі. Таму і іншыя будынкі дойліды імкнуліся зрабіць такімі ж, надаць ім вертыкальны характар. У гэтым і выявіліся асноўныя рысы другой архітэктурнай школы Віцебска.

Галоўным кампазіцыйным цэнтрам Узгор'я з канца XVI ст., калі ў 1597 г. віцябляне атрымалі Магдэбургскае права, стала драўляная ратуша. Праўда, яе ў 1624 г. разабралі – так адпомсціў урад Рэчы Паспалітай за забойства біскупа Іязафата Кунцэвіча.

На "Чарцяжы" 1664 г. паказана новая віцебская ратуша – перабудаваны гасцінны двор. Яна была вырашана кампактным квадратным у плане двухпавярховым аб'ёмам, завершаным высокім шатровым дахам, гранёным двух'ярусным бельведэрам і купалком са шпілем і гербам. Вышынны аб'ём ратушы ўдала пераклікаўся з замкавымі вежамі, якія выдатна спалучаліся з выразным узгорыстым рэльефам Віцебска.

На поўнач ад гасціннага двара і ратушы стаяла драўляная Увядзенская царква, пабудаваная пасля 1618 г. Яна захоўвалася яшчэ ў канцы XVIII ст. у квартале, які непасрэдна прылягаў да ратушы з поўначы. Тут калісьці размяшчаліся старажытныя могілкі. Царква ўяўляла сабой традыцыйнае трохзрубавае збудаванне ярусна-восевай кампазіцыі. Яе цэнтральным элементам



Уваскрасенская (Рынкавая) царква.
Выява з “Чарцяжа” Віцебска 1664 г.

з’яўляўся сярэдні чацверыковы аб’ём, які складаўся з дзвюх частак: больш шырокай ніжняй і вузейшай верхняй, што падзяляліся паміж сабой прычолкамі. Над верхняй часткай узвышаўся шатровы дах, увянчаны купалам на светлавым барабане. Прыкладна такі ж характар меў і алтарны аб’ём, хаця ён не дасягаў такіх памераў, як папярэдні. З захаду стаяла высокая чацверыковая вежа-званіца з аналагічным дахавым завяршэннем. Яна ў верхняй частцы мела “ізбіцу” – спецыяльнае абарончае памяшканне з кансольна навісаючымі над ніжняй часткай зруба сценамі, з абламамі і байніцамі. Як паказана на “Чарцяжы” 1664 г., званіца стаяла не па восі храма, а прылягала да яго паўночна-заходняга кута. У выніку стварылася надзвычай выразная вертыкальна-ярусная кампазіцыя, у якой кожны аб’ём трактаваўся самастойнай вежай. Безумоўна, такія архітэктурныя формы прыйшлі з абарончага будаўніцтва.

Заканамерна ўзнікае пытанне: ці быў віцебскі архітэктурны стыль цалкам арыгінальны, ці сустракаліся недзе аналагічныя формы? Калі пагартаць старонкі гісторыі сусветнай архітэктуры, то можна прызнаць, што найбольш блізка да віцебскіх стаялі храмы карпацкіх бойкаў, якія лічацца надзвычай старажытнымі па паходжанні. Але такія формы не былі непасрэдна занесены ў Віцебск з Карпатаў – яны тут з’явіліся ў выніку самастойнага развіцця. Асіметрычная пастаноўка званіцы адносна асноўнага корпуса храма не сустракалася ў карпацкай архітэктуры. Відаць, віцебскія дойліды ўяўлялі сабе званіцу як нейкі самастойны аб’ём, які павінен быў існаваць аўтаномна ад храма. Верагодна, гэта звязана з тым, што званіцы выконвалі нейкія асобныя функцыі, не ўласцівыя ў цэлым культаваму збудаванню. Напрыклад, званіца магла выкарыстоўвацца ў якасці дазорнага і абарончага збудавання, у ёй маглі захоўвацца тыя рэчы, якія нельга было змяшчаць у храме.

Формы, адзначаныя ва Увядзенскай царкве, атрымалі яшчэ больш яскравае развіццё ў архітэктуры Уваскрасенскай (Рынкавай) царквы. Яе будаўніцтва прыпадае на другую палову XVI або пачатак XVII ст. Стаяла святыня на паўднёвы захад ад ратушы. У інвентары маёмасці Полацкай епархіі 1618 г. яна лічылася ўніяцкай.

Цэнтральны аб’ём Уваскрасенскай царквы вырашаны такім жа чынам, што і Увядзенскай, толькі з тым адрозненнем, што завяршэнне яе больш масіўнае, дах набыў выгіб, гнуткія лініі, як у тагачасных гатычных саборах. Алтарны зруб вырашаўся высокай манументальнай вежай. Званіца, у адрозненне ад Увядзенскай царквы, больш арганічна злучалася з асноўным аб’ёмам, хаця і не пастаўлена яшчэ строга па падоўжанай восі. У ёй цікава адзначыць размежаванне функцый ніжняга і верхніх ярусаў. Ніжні ярус з’яўляўся тамбурам або паперцю, праз яго ўваходзілі ў храм, прычым уваходныя дзверы зроблены не ў пярэдняй, а ў бакавой сцяне. Вышэйшыя ярусы не злучаліся з ніжнім знутры, на іх вяла адкрытая лесвіца ўздоўж дзвюх сумежных сцен будынка. У самым версе вежы размяшчалася званіца. У яе шатровым пакрыцці існавалі спецыяльныя “галаснікі” – праёмы, якія адчыняліся пры набажэнствах, калі гучалі царкоўныя званы. А вось два ярусы паміж званіцай і паперцю хутчэй за

ўсё з’яўляліся абарончымі, бо расчляняліся вузкімі праёмамі тыпу байніц.

На захад ад Уваскрасенскай стаяла Спаса-Праабражэнская царква. Яна згадваецца ў дакуменце 1552 г. як існуючая з нагоды надання ёй зямлі віцебскім мешчанінам Фёдарам Якаўлевічам. У пачатку XVII ст. царква разбурана, таму і не трапіла ў інвентар валоданняў Полацкай епархіі 1618 г. Але ў наступным 1619 г. кароль Жыгімонт III даў грамату, паводле якой ён “мещаном тамошним витебским кормником благословил направить церков опалую заложеня Преображения Господня и з пределом что у Николая за рекою Витьбою на посаде Узгорском у пирожном ряду и мет склады звыклые на праздник светого архистратига Михаила и светого Семиона на опатрене церковных справ и на выховане (ўтрыманне) священника при той церкви, дьякона и дьяков, не мней теж и убогих в шпиталю”. З гэтага дакумента бачна, што царква ў той час была ўніяцкай (“в едностью с церковью Рымской”), пры ёй заснавана брацтва. Пасля адраджэння храм набыў формы заходняй готыка-рэнесансавай архітэктуры.

На “Чарцяжы” 1664 г. прадстаўлены будынак падоўжана-восевай кампазіцыі, які складаўся з размешчаных на падоўжанай восі чацверыковых зрубаў званіцы, нефа і алтара. Высокія стройныя зрубы нефа і алтара накрыты двухсхільнымі дахамі, вокны размешчаны высока, амаль што пад карнізам. Паколькі алтарны зруб вузейшы за неф, то і дах над ім меў меншую вышыню. Вільчак даху над нефам у месцы прымыкання яго да даху над алтаром быў завершаны двух’ярусным купалам на высокім барабане. Званіца мела трох’ярусную кампазіцыю і складалася з двух ніжніх чацверыкоў і верхняга васьмерыка. Апошні расчляняўся высокімі арачнымі вокнамі і завяршаўся складаным купальным пакрыццём. Трэба адзначыць, што ў гэтым храме асіметрыя ў пастаноўцы званіцы, што назіралася ва Увядзенскай і Уваскрасенскай цэрквах, была пераадолена як архаічны прыём, у выніку



Спаса-Праабражэнская царква.
Выява з “Чарцяжа” Віцебска 1664 г.

чаго архітэктурныя формы храма сталі больш абагульненымі і адзінымі. Але, на наш погляд, пры гэтым Спаса-Праабражэнская царква страціла нейкую выразнасць, мясцовы каларыт, яе архітэктура стала больш схематычнай, наблізілася да аналагічных мураваных рэфармацкіх і каталіцкіх храмаў.

Такім чынам, Віцебск на працягу сваёй шматвяковай гісторыі з’яўляўся выдатным архітэктурна-мастацкім цэнтрам, адным з буйнейшых на Беларусі. Наяўнасцю не адной, а дзвюх архітэктурных школ не можа “пахваліцца” ніводзін з беларускіх гарадоў. Гэта падкрэслівае ўнікальнае значэнне Віцебска ў гісторыі беларускага дойлідства. На вялікі жаль, горад даўно страціў свае традыцыі і ператварыўся ў звычайны абласны цэнтр, са звычайнымі дамамі, вуліцамі і мікрараёнамі. То, мабыць, трэба ўспомніць былую славутасць і, пры магчымасці, адрадзіць яе?

Выбар (Віцебск). 1993. № 26. 11 – 17 жніўня. С. 4 – 5.

Фёдар ШКІРАНДА

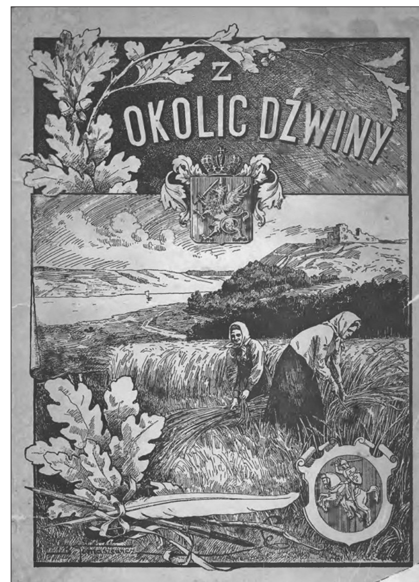
ЗБОРНІК “Z OKOLIC DŹWINY” (“З ВАКОЛІЦ ДЗВІНЫ”) 1912 ГОДА І ЯГО АЎТАРЫ

Прадстаўнікі многіх нацыянальнасцей упісалі не адну яркую старонку ў гісторыю Прыдзвінскага краю. Былі сярод іх і палякі з мясцовай шляхты. Аб гэтым пераканаўча сведчыць выдадзены ў 1912 г. ў губернскім Віцебску калектыўны літаратурна-краязнаўчы зборнік пад назвай “Z okolic Dźwiny” (“З ваколіц Дзвіны”). Вялікага фармату і добра ілюстраваная кніга аб’ёмам 275 старонак была, па сутнасці, альманахам тых аўтараў, якія нарадзіліся або жылі на тэрыторыі Віцебскай губерні і пісалі на польскай мове. Як адзначана на вокладцы, альманах быў падрыхтаваны да друку праўленнем гарадскога каталіцкага дабрачыннага таварыства. Паколькі ў губернскай друкарні ў адпаведнасці з царскай палітыкай дэпаланізацыі Паўночна-Заходняга краю Расійскай імперыі забаранялася мець польскі лацінскі шрыфт, выданне ўбачыла свет у друкарні Юзафа Завадскага ў Вільні.

Царскім уладам не спадабаўся свабодалюбівы тон многіх матэрыялаў зборніка. Адразу пасля яго выхаду пачаліся канфіскацыі. У наш час “З ваколіц Дзвіны” – бібліяграфічная рэдкасць. Адзін экземпляр кнігі захоўваецца ў Нацыянальнай бібліятэцы Расійскай Федэрацыі (да 1992 г. – Публічная бібліятэка імя Салтыкова-Шчадрына) ў Санкт-Пецярбургу. Ні ў адной з беларускіх бібліятэк гэтага выдання няма. Таму не трэба здзіўляцца, што пра яго няма і аналітычных публікацый у навуковай літаратуры. Невялікі агляд зборніка зрабілі толькі Адам Мальдзіс у далёкім ужо 1964 г. на старонках “Літаратуры і мастацтва” і аўтар гэтага артыкула ў інтэрв’ю газеце “Витебские вести” у 2015 г.[1] У фондзе рэдкіх кніг навуковай бібліятэкі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава ёсць ксеракопія гэтага выдання. Падараваў яе ўніверсітэцкай бібліятэцы прафесар Варшаўскага ўніверсітэта Аляксандр Баршчэўскі, які неаднаразова прыязджаў на краязнаўчыя чытанні, прысвечаныя творчасці Яна Баршчэўскага.

З прапановай выдаць кнігу выступіў вядомы ў Віцебску краязнавец і калекцыянер Вацлаў Пятровіч Федаровіч. Нарадзіўся ён у 1848 г. ў Магілёве, у 1872 г. закончыў юрыдычны факультэт Маскоўскага ўніверсітэта. З 1884 г. працаваў у Віцебску адвакатам у акруговым судзе. Быў намеснікам старшыні Віцебскай вучонай архіўнай камісіі, членам-карэспандэнтам таварыства краязнаўцаў у Варшаве. Па яго ініцыятыве было заснавана каталіцкае дабрачыннае таварыства ў Віцебску.

Вацлаў Федаровіч калекцыяніраваў старую зброю, археалагічныя, сфрагістычныя і этнаграфічныя матэрыялы. У



Вокладка альманаха “Z okolic Dźwiny” (“З ваколіц Дзвіны”). 1912 г.



Вацлаў Федаровіч

1904 г. у яго бібліятэцы было каля тысячы кніг па гісторыі і культуры Беларусі і Літвы, беларускія, польскія, літоўскія выданні XVII – XIX стст., старадрукі на рускай і іншых мовах, а таксама граматы і рукапісы XVI – XVIII стст.[2] У 1920 г. на базе яго калекцый быў створаны своеасаблівы музей старажытнасцей, які ў 1924 г. стаў часткай Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.

Яшчэ ў 1909 г. В. Федаровіч звярнуўся да многіх асоб польскага паходжання, якія нарадзіліся або жылі на віцебскай зямлі, з просьбай прысланць для будучай кнігі свае матэрыялы. На гэты заклік адгукнулася больш за сорак чалавек. Сярод іх былі літаратары, кампазітары, мастакі, вучоныя, грамадскія дзеячы і простыя прадстаўнікі мясцовай шляхты – патрыёты сваёй малой радзімы.

Як адзначае К. Тарасаў[3], шляхту беларускіх рэгіёнаў, што размаўляла і пісала па-польску, нельга назваць "польскай" у поўным значэнні гэтага слова. Яна мела мясцовыя карані, ніколі не з'яўлялася акупацыйнай сілай у адносінах да народа, удзельнічала ва ўсіх падзеях мясцовай гісторыі, вякамі абараняла гэтую зямлю – сваю айчыну – ад знешняга ворага, трымалася мясцовых звычаяў, карысталася мясцовым фальклорам.

Убачыць выдадзеную кнігу В.П. Федаровічу не давялося. Ён памёр нечакана ў 1911 г. і быў пахаваны на могілках віцебскага каталіцкага касцёла святой Варвары. Многія падрабязнасці жыцця і дзейнасці В.П. Федаровіча ўдалося ўстанавіць толькі ў 2014 г. польскаму даследчыку Конраду Аеўскаму[4].

Укладальнікам і аўтарам прадмовы альманаха "З ваколіц Дзвіны" стаў віленскі гісторык, журналіст, калекцыянер і выдавец Ян Конрад Обст (Jan Konrad Obst, 1876 – 1954). І гэта зусім невыпадкова. У 1910 – 1911 гг. ён выдаваў у Пецярбургу на польскай мове гісторыка-краязнаўчы і этнаграфічны часопіс "Kwartalnik Litewski". Часопіс змяшчаў матэрыялы па гісторыі, краязнаўству, матэрыяльнай і духоўнай культуры беларускага, польскага, літоўскага і латышскага народаў, біяграфічныя звесткі. У 1912 – 1913 гг. часопіс выдаваўся ў Вільні пад назвай "Litwa i Ruś". У перадваенны перыяд Я.-К. Обст быў сакратаром таварыства сяброў навукі ў Вільні. У 1912 – 1937 гг. выдаў некалькі брашур і кніг па гісторыі Віленшчыны. У 1940 г. былі нацыяналізаваны яго маёнтак, бібліятэка і ўсе калекцыі ў вёсцы Рубна (зараз называецца Кірцімай) побач з Вільняй. Памёр у 1954 г. і быў пахаваны на мясцовых могілках побач з маткай Марыяй Сакалоўскай і жонкай Розай Мілошавіч. Месца яго пахавання доўгі час знаходзілася ў занядбаным стане. Толькі ў 2008 г. намаганнямі мясцовай польскай грамадскасці на магілах Яна Конрада Обста і яго сям'і былі ўзведзены помнікі[5]. Пра многія падрабязнасці яго жыцця і



Ян Обст

творчасці можна даведацца з кніг літоўскай даследчыцы Ліліяны Нарковіч[6].

Пранікнёныя ўспаміны пра В.П. Федаровіча даслалі для зборніка паэт Мар'ян Шадурскі (1877 – ?)[7] і адвакат Станіслаў Лапацінскі (1851 – 1933).

Альманах складаецца з некалькіх раздзелаў: літаратурнага, нотнага, ілюстрацый, картаў і планаў. У літаратурным раздзеле надрукаваны не толькі мастацкія, але і навуковыя і мемуарныя тэксты. Складальнікі ўключылі ў выданне і некалькі прац аўтараў, якіх на той час ужо не было ў жывых.

У адрозненні ад сённяшняй практыкі ніякіх біяграфічных звестак пра аўтараў няма. Знайсці іх зараз даволі складана. Пра некаторых, праўда, ёсць невялікая інфармацыя ў расійскіх, польскіх, беларускіх, літоўскіх і латвійскіх энцыклапедыях і навуковых публікацыях, у інтэрнэце. У зборніку часам пададзены толькі год і месца напісання матэрыяла. Мастацкія творы мяжуюцца з навуковымі і мемуарнымі. Цікава прасачыць, кім жа былі аўтары гэтага выдання і як склаўся іх далейшы лёс.

Спынімся на некаторых паэтычных тэкстах. Вершы Янкі Купалы, які, дарэчы, пачынаў пісаць на польскай мове, супрацоўнічаў з польскай прэсай, а потым перайшоў на беларускую, чытала не толькі беларускамоўная, але і польскамоўная інтэлігенцыя таго часу. Таму невыпадкова ў зборніку надрукаваны ў перакладзе на польскую мову два яго вершы: "З песні аб нашай зямлі" і "А хто там ідзе". Устанавіць аўтара перакладаў, які схаваўся пад азначэннем "m.w.s.", сёння ўжо не ўяўляецца магчымым.

Мастацкая літаратура на працягу ўсяго XIX ст. на беларускіх землях існавала галоўным чынам на польскай мове. На ёй тады пісалі ўсе аўтары мясцовага паходжання. І чытацкую аўдыторыю яны мелі дастатковую, бо адукаванае гарадское і вясковае насельніцтва вучылася чытаць у першую чаргу па-польску. З-за жорсткіх цэнзурных перашкод, што ўводзіў царызм на шляху друкаванага беларускага слова, асветы і адукацыі, са шляхты беларускіх земляў у XIX ст. выйшлі лічаныя літаратары,



Ян Баршчэўскі

якія карысталіся роднай мовай. У польскай літаратуры нават утварылася так званая "беларуская школа" празаікаў і паэтаў, якія пісалі на тэмы і сюжэты з беларускага жыцця. У розных энцыклапедыях і даведніках яны называюцца то польска-беларускімі, то беларуска-польскімі пісьменнікамі (Ян Баршчэўскі, Янка Лучына, Рамуальд Падбярэзскі, Аляксандр Рыпінскі, Уладзіслаў Сыракомля, Ян Чачот і інш.).

Паколькі Ян Баршчэўскі (1790? – 1851) нарадзіўся ў вёсцы Мурагі Полацкага павета (зараз Расонскі раён), у зборніку надрукаваны тры яго вершы: "Паўночная зара", "Духі нябесныя", "Родная зямля". Як адзначаецца ў невялікай інфармацыйнай даведцы, падпісанай ініцыяламі "Wit. F.", сучаснікі называлі яго львом беларускай літаратуры. Мяркуем, што аўтарам нататкі мог быць Вітальд Федаровіч (Witold Fedorowicz), сын В.П. Федаровіча. Ён, як і бацька, захапляўся музейнай справай і меў добрую гуманітарную падрыхтоўку. Гэта была, дарэчы, першая публікацыя твораў Я. Баршчэўскага на радзіме, бо раней яны выдаваліся толькі ў Пецярбургу і Кіеве.

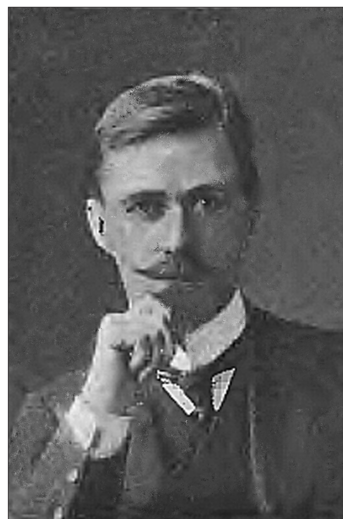
Сёння на Беларусі перакладаюцца і выдаюцца творы Я. Баршчэўскага, праводзяцца міжнародныя навуковыя канферэнцыі, здымаюцца мастацкія кінастужкі, ствараюцца тэатральныя спектаклі ў яго гонар. Грамадскасць Віцебшчыны патроху вяртае памяць аб гэтым выдатным пісьменніку, песняру

нашага краю. У ВДУ імя П.М. Машэрава адбылося некалькі міжнародных чытанняў, прысвечаных творчасці Я. Баршчэўскага. У 2004 г. універсітэцкае выдавецтва выдала лісты пісьменніка, якія ён адрасаваў у 1837 – 1844 гг. Юліі Шапялевіч-Корсак, сваёй сяброўцы і каханай, з сінхронным тэкстам на польскай і беларускай мовах. Лісты гэтыя былі ў калекцыі В.П. Федаровіча. Зараз яны захоўваюцца ў фондах Віцебскага абласнога краязнаўчага музея і ніколі не друкаваліся раней на мове арыгінала. Вершы і балады Я. Баршчэўскага пераклаў на беларускую мову віцебскі паэт Анатоль Канапелька[8]. У 1997 г. у вёсцы Мурагі Расонскага раёна, на радзіме пісьменніка, устаноўлены помнік. Аднак нельга сцвярджаць, што творчая спадчына Яна Баршчэўскага вывучана цалкам. Патрабуецца пэўны час, каб вучоныя больш дэталёва пранікліся ў вобразны лад, жанравы склад шматлікіх твораў пісьменніка, паўней вызначылі мастацкую спецыфіку яго апавяданняў, больш грунтоўна маглі ацаніць яго ўклад у беларускую фалькларыстыку.

У творчасці Янкі Лучыны (І.Л. Неслухоўскага) (1851 – 1898) адлюстравана станаўленне асноўных жанраў беларускай літаратуры XIX – XX стст.: лірычнай і эпічнай паэмы, драматургіі, публіцыстыкі, яе творчыя сувязі з традыцыямі польскай літаратуры[9].

Многія беларускія паэты XIX ст. акрамя беларускай мовы выкарыстоўвалі і польскую. Я. Лучына пісаў на рускай, беларускай і польскай мовах. Перакладаў на польскую мову вершы рускай паэткі з Ноўгарада Вольгі Чумінай (1858 – 1909). З 1887 да 1889 г. супрацоўнічаў з варшаўскім "Życiem", сябраваў з яго рэдактарам Зянонам Пшэсмыцкім. Друкаваўся на старонках "Przyjaciela Dziatek", "Przeglądu Literackiego", "Kraju", "Prawdy", "Kalendarza Powszechnego". Многія яго творы засталіся ў рукапісах і лістах да Аляксандра Валіцкага, літаратурнага крытыка і кнігавыдаўца[10], і Зянона Пшэсмыцкага.

Творы на рускай і беларускай мовах Я. Лучына пачаў друкаваць на старонках газеты "Минский листок" у 1886 г., у календарах, супрацоўнічаў з часопісам "Вестник



Станіслаў Гласко

Европы", газетай "Наша ніва". Пераклаў на беларускую мову вершы У. Сыракомлі, на рускую – А. Асныка, М. Канапніцкай, З. Пшэсмыцкага, Е. Вяжбіцкага, А. Ланге. Яго творы прасякнуты каларытам радзімы – Беларусі. Гэта бачна ў вершах, напісаных на рускай ("Родной Беларуси") і беларускай ("Роднай старонцы") мовах. У іх паэт выразна падкрэслівае, што яго айчынай, якой ён хоча служыць, з'яўляецца Беларусь, бедная краіна, якая не цешыць вока чароўнай прыгажосцю, зямля лясоў і балот, пясчаная, неўраджайная, але, як піша Я. Лучына, гэта маці-зямля. Вось гэты верш пад назвай "Сваёй зямлі" ў перакладзе на польскую "m.w.s." і быў надрукаваны ў зборніку "З ваколіц Дзвіны" (с. 186). Трэба адзначыць, што складальнікі чамусьці не паказалі яго ў змесце.

Станіслаў Гласко (Stanisław Hłasko, 1868 – 1940) прыслаў у альманах сваю паэму "Карнавал", прасякнутую матывамі барацьбы за свабоду народаў (с. 63 – 74). Ён быў юрыстам, публіцыстам і літаратарам. Нарадзіўся ў маёнтку Губіна Лепельскага павета. Вучыўся ў Віцебскай гімназіі[11]. Скончыў юрыдычны факультэт Пецярбургскага ўніверсітэта і філасофскі факультэт Кракаўскага ўніверсітэта. Пражываючы ў Варшаве, пісаў для "Athenaeuma", "Kuriera Niedzielnego", "Ogniwa", "Słowa", "Wędrowca". Дасылаў таксама артыкулы для кракаўскага "Przeglądu Polskiego" і пецярбургскага "Kraju". Вярнуўшыся ў Пецярбург, стаў сябрам

рэдакцыі гэтай газеты. Працаваў у сталіцы імперыі і як адвакат. У 1906 г. выдаў кнігу “Польскія партыі ў адносінах да Думы 1906 г.”

Пасля пачатку Першай сусветнай вайны С. Гласко зноў у Варшаве, ён прымае актыўны ўдзел у працы Лігі польскай дзяржаўнасці. У міжваенны перыяд, да выхаду на пенсію, займаў пасаду старшага саветніка Генеральнай пракуратуры Польскай Рэспублікі. Выбіраўся ў кіруючыя органы Таварыства літаратараў і журналістаў. Памёр 24.03.1940 г.

Толькі невялікая частка яго артыкулаў на палітычныя і сацыяльныя тэмы ўвайшла ў кнігу “Публіцыстычныя даследаванні” (Пецярбург, 1906. 232 с.). У прэсе да Першай сусветнай вайны часта можна было ўбачыць яго прозвішча ў якасці літаратурнага аглядальніка. Ён інфармаваў не толькі пра новыя польскія выданні, але і пра італьянскія, венгерскія і амерыканскія, пісаў рэпартажы з Умані і Віцебска. Акрамя зборніка вершаў “Паэзія” (Варшава, 1900. 139 с.) у 1906 г. С. Гласко выдаў “Геній без крылаў. Грамадскія навелы”, а ў 1917 г. – яшчэ адну паэтычную кнігу “Паэмы”. Займаўся таксама перакладамі з лацінскай мовы[12].

Ядвіга Скруткоўская (Jadwiga Skrutkowska) на падставе латышскіх паданняў напісала сваю казку “Праклён” (с. 180 – 183). Звестак пра яе пакуль адшукаць не ўдалося. Хутчэй за ўсё, паходзіла яна з Рэжыцы (зараз Рэзекнэ ў Латвіі), бо прозвішча Скруткоўскіх у канцы XIX ст. тут сустракаецца часта.

Зыгмунт Ярскі (Zygmunt Jarski) даслаў для зборніка пранікнёны “Урывак з запавету” (с. 100 – 101). Сваім нашчадкам і сябрам ён жадае, каб яны верылі ў светлую будучыню, каб нішто іх ніколі не палохала. “Будзьце заўсёды там, дзе ёсць хворая душа, будзьце як чыстыя крыніцы; да іх імкнецца кожны жадаючы напіцца, будзьце як сонечныя промні, якія ўсё абуджаюць да жыцця”, – заклікае ён. На жаль, знайсці падрабязныя звесткі пра аўтара пакуль што не ўдалося. У альманаху няма і яго партрэта, не пазначаны дата і месца напісання твора. Вядома толькі, што прозвішча Ярскіх у канцы XIX ст. сустракаецца ў Дзвінскім, Рэжыцкім і Люцынскім паветах.

Барон Мар’ян Мантойфель (Marjan Manteuffel) з вядомага латгальскага роду змясціў апавяданне “У кузні амура” (с. 87 – 90). Яго герой пытаецца ў бога кахання, чаму чалавек часта пакутуе, чаму не высыхае мора слёз і вяртаецца смутак. Амур адказвае, што ёсць сардэчныя раны, якія лечыць час, ёсць такія, якія лечыць новае каханне. Але бываюць і такія раны, для якіх няма лякарства. У другой частцы апавядання мы даведваемся, што такія раны ў чалавека пакідае вайна і да чаго яна яго даводзіць.

Гелена Дыноўская (Helena Dynowska) даслала эмацыянальную вершаваную “Казку” пра арла-сірату (с. 192 – 195). Пазначана, што напісана яна была 7 сакавіка 1909 г. у маёнтку Істаль. Г. Дыноўская з Сакалоўскіх нарадзілася недалёка ад Люцына (зараз Лудза ў Латвіі) ў радавым маёнтку Істальсно (часам назва яго пісалася скарочана як Істаль). Была маткай вядомай польскай пісьменніцы Ванды Дыноўскай (1888 – 1971). У 1918 г. Г. Дыноўская прадала частку маёнтка Альберту Лінеўскаму і пераехала ў Польшчу[13].

Пісьменніца, журналістка, настаўніца Ванда Гізберт-Студніцкая (Wanda Gizbert-Studnicka, 1876 – 1924) нарадзілася ў Дзвінску. Вучылася ў Львоўскім універсітэце (гісторыя і польская літаратура). Дапамагала брату Уладзіславу Студніцкаму выдаваць газету “Naród a Państwo” ў Варшаве, а потым у Пецярбургу пад назвай “Votum Separatum”. Тут захварэла на сэрца. Прымала ўдзел у руху за незалежнасць Польшчы. У 1918 г. вярнулася ў Польшчу, працягвала працаваць настаўніцай і пісаць кнігі. Мела ўсебаковы пісьменніцкі талент. Поспехам карысталіся яе кнігі “Польскія дзеці”, “Край дзяцінства”, “Умеем кахаць”, “Польскія замалёўкі”, “Адкуль узяліся палякі на Русі”. Напісала некалькі папулярных кніг па гісторыі Польшчы. Перыядычна друкавалася ў віленскім часопісе “Słowo”[14]. Для зборніка (с. 190 – 191) напісала эсэ “Некалькі заўваг аб ідэі Бога ў «Імправізацыі»” (маецца на ўвазе твор А. Міцкевіча).

Паэтэса, навелістка і перакладчыца Станіслава Шадурская (Stanisława Szadurska, 1880 – 1918), якая нарадзілася ў Рэжыцкім павеце, надрукавала ў альманаху паэму

"Ліліт" і верш "Дарога маёй зямлі" (с. 129 – 143). Пачынаючы з 1906 г. у многіх польскіх часопісах таго часу ("Kurier Litewski", "Dziennik Wileński", "Krytyka", "Bluszcz", "Sfinks") друкаваліся яе вершы, навелы, дарожныя нарысы пра паездкі ў Кіеў, Кракаў, Венецыю, Вену, літаратурныя агляды і рэцэнзіі. У 1912 г. С. Шадурская ўзначальвала аддзел паэзіі ў "Echu Literacko-Artystycznym". Асобнымі выданнямі выйшлі зборнікі яе лірычных вершаў "Хвалі" (1906), "У поўдзень" (1909), паэма "Каін" (1907), том навел "Тыя, якія кахалі" (1914), аповесць "Не да жыцця" (1916). Часам яна пісала пад псеўданімам S. Stamar[15].

Казіміра Іллаковіч (Kazimiera Iłłakowiczówna, 1888 – 1983), якая пазней стала вядомай польскай паэтэсай[16], прыслала напісаную ў Жэневе ў 1908 г. сентыментальную "Песню пра лес". У ёй яна ўспамінае свае дзіцячыя гады, якія прайшлі ў Латгаліі (на той час Віцебская губерня), Уладзіслава Сыракомлю, які апяваў гэты край. Ёсць тут і яе невялікія вершы "Восень", "Смутак", "Гэта я", "На змярканні" (с. 118 – 124).

Паэт Мар'ян Шадурскі (Marjan Szadurski, 1877 – ?), аўтар трох вершаў (с. 173 – 175), быў прадстаўніком вядомага дваранскага роду з Асвеі. Яго бацькі Уладзіслаў і Стэфанія Шадурскія ў XIX ст. былі шырока вядомы сваёй дабрачыннай дзейнасцю сярод мясцовага насельніцтва[17].

Эдвард Слонскі (Edward Słoński, 1872 – 1926) нарадзіўся ў фальварку Запасішкі на Віцебшчыне. Скончыў Казанскі ўніверсітэт, па адукацыі быў зубным урачом. Адначасова пісаў вершы і прозу. Выпусціў шмат паэтычных зборнікаў і кніг для дзяцей. Першы ў Польшчы напісаў паэму пра авіяцыю. У 1924 – 1925 гг. быў сябрам праўлення Саюза літаратараў Польшчы. Працаваў журналістам і выдаўцом[18]. Асаблівай папулярнасцю да гэтага часу карыстаецца яго верш "Тая, што не загінула", напісаны ў 1914 г. адразу пасля пачатку Першай сусветнай вайны, калі палякі вымушаны былі змагацца ў радах трох армій: рускай, германскай і аўстрыйскай. Неўзабаве да верша была напісана музыка, і ён стаў песняй[19]. У вершы Э. Слонскага "Я



Мар'ян Шадурскі

ведаю гэты край", змешчаным у зборніку, адчуваецца сыноўская любоў да родных мясцін, дзе "плешчыцца старая Дзвіна і бацька рэк, стары Нёман, цячэ" (с. 108 – 109).

Надрукаваны ў альманаху і вершы сям'і Корсакаў – Пятра (1810 – 1855), Браніслава (1850 – 1914) і Багдана (1875 – 1961) – з маёнтка Анінск Себежскага павета. Усе трое не былі прафесійнымі літаратарамі, але, як многія дваране, захапляліся паэзіяй. Пётр Корсак быў себежскім павятовым маршалкам, а яго ўнук Багдан Корсак – юрыстам, які ў незалежнай Польшчы стаў суддзёй Вярхоўнага суда[20].

Віленскі журналіст, калекцыянер і выдавец Ян Обст акрамя прадмовы з'яўляецца аўтарам эмацыянальнай "Легенды" пра размову дзвюх крынічных русалак: Волгі і Дзвіны, а таксама артыкула "Лячэбныя сродкі нашага люду". Гэта, напэўна, невялікая частка з аднайменнай яго кнігі, якая выйшла ў Пецярбургу ў 1910 г.

Як мы ўжо адзначалі, у зборніку маецца шэраг навуковых публікацый. Вядучае месца сярод іх належыць Леону (Льву) Іосіфавічу Петражыцкаму (Leon Pietrażycki, 1867 – 1931). Нарадзіўся ён у радавым маёнтку Калантаева каля Віцебска. Пасля заканчэння з сярэбраным медалём Віцебскай гімназіі паступіў на юрыдычны факультэт Кіеўскага ўніверсітэта, дзе адразу заўважылі высокі ўзровень яго падрыхтоўкі. Яшчэ студэнтам ён пераклаў з латыні на рускую мову "Пандэкты" –



Леон (Леў) Петражыцкі

працы старажытнарымскіх юрыстаў па пытаннях прыватнага права. Атрымаўшы ўрадавую стыпендыю, Л. Петражыцкі працягнуў юрыдычную адукацыю ў Берліне, Гейдэльбергу і Парыжы.

Пасля вяртання ў Расію Л. Петражыцкі апублікаваў шэраг юрыдычных і сацыялагічных прац, за якія ў 1897 г. атрымаў вучонае званне дацэнта. У 1898 г. ён становіцца прафесарам і загадчыкам кафедры энцыклапедыі і філасофіі права Пецярбургскага ўніверсітэта, якую ўзначальваў на працягу дваццаці гадоў.

Л. Петражыцкі стаў стваральнікам новай дысцыпліны – працоўнага права і грамадзянскай палітыкі. Займаўся псіхалагічнымі і сацыялагічнымі аспектамі права, што стварыла яму рэпутацыю на Захадзе. На выбарах у І Дзяржаўную Думу Леў Іосіфавіч быў абраны дэпутатам ад Пецярбурга. У гэтым першым парламенце Расійскай імперыі ён удзельнічаў у працы трох камісій: прававой, аграрнай і абароны дэпутацкага імунітэту. З думскай трыбуны выступаў як абаронца жанчын, патрабуючы для іх раўнапраўя, а таксама пасіўнага і актыўнага выбарчага права. Чытаў лекцыі на Бястужаўскіх жаночых курсах. Для публікацыі ў зборніку "З ваколіц Дзвіны" даслаў матэрыялы свайго даклада "Прынцыпы развіцця права і прававое становішча жанчыны" (с. 125 – 128), з якім ён выступаў на першым з'ездзе жанчын Пецярбурга.

У 1918 г. Л. Петражыцкі пакінуў Расію. Яго запрашалі на працу вядучыя еўрапейскія ўніверсітэты. Ён прыняў запрашэнне Варшаўскага ўніверсітэта і ў 1919 г. узначаліў спецыяльна для яго створаную на юрыдычным факультэце першую ў Польшчы кафедру сацыялогіі права, на якой працаваў да дня сваёй смерці 15 мая 1931 г.[21] Падрабязныя артыкулы, прысвечаныя яго дзейнасці і працам, можна знайсці ў многіх беларускіх і расійскіх энцыклапедыях і даведніках[22].

Публікацыя гісторыка, архівіста і крыніцазнаўца Рычарда Мяніцкага (Ryszard Mienicki, 1886 – 1956) прысвечана аднаму з аспектаў гісторыі Рэчы Паспалітай XVII ст. (с. 144 – 153). Як сведчаць польскія і беларускія крыніцы, дзяцінства і юнацтва Р. Мяніцкі правёў у радавым фальварку Селігоры на Лепельшчыне. У 1904 г., пасля заканчэння гімназіі ў Рызе, ён паступіў на гістарычны факультэт Пецярбургскага ўніверсітэта. З 1906 па 1910 г. вывучаў гісторыю ў Кракаўскім універсітэце. У 1910 г. абараніў там кандыдацкую дысертацыю на тэму "Іеранім Радзеёўскі – падканцлер каронны", напісаную на падставе архіўных крыніц. Некаторы час жыў у Віцебску (1910 – 1911). Потым была праца ў архівах Варшавы.

У 1918 г. Р. Мяніцкі пераехаў у Вільню. У 1921 – 1939 гг. працаваў у Дзяржаўным архіве Вільні (супрацоўнікам, намеснікам дырэктара, дырэктарам) і адначасова вёў заняткі па архівазнаўству і гісторыі Рэчы Паспалітай у Віленскім універсітэце. У 1923 г. ва ўзросце 37 гадоў абараніў доктарскую дысертацыю, распрацаваў курс лекцый па архівазнаўству для ўстаноў вышэйшай адукацыі. У 1938 г. Р. Мяніцкаму было прысвоена званне прафесара.

Асноўныя працы Р. Мяніцкага прысвечаны архівам Вялікага Княства Літоўскага. Сярод яго шматлікіх артыкулаў і манаграфій, напісаных у віленскі перыяд, адна была прысвечана Архіву старажытных актаў у Віцебску (Цэнтральны архіў старажытных актавых кніг Віцебскай і Магілёўскай губерняў, 1862 – 1902). У 1931 г. ён апублікаваў тры дакументы XV ст. па гісторыі Полаччыны,

а пазней планаваў выдаць манаграфію, прысвечаную Полацкаму ваяводству. Пасля Другой сусветнай вайны пераехаў у Польшчу і ўзначальваў кафедру архівістыкі і дапаможных гістарычных дысцыплін гуманітарнага факультэта Торуньскага ўніверсітэта імя Мікалая Каперніка. Памёр 29 студзеня 1956 г.

Частка найбольш каштоўных дакументаў з радавога архіва, якую Р. Мяніцкі захоўваў у сейфе ў сваім кабінеце ў будынку Дзяржаўнага архіва ў Вільні, ацалела. Зараз гэтыя дакументы захоўваюцца ў Літоўскім гістарычным архіве ў фондзе 599 і складаюць 318 спраў за 1493 – 1939 гг. Як сведчаць польскія вучоныя з Торуні В. Харанжычэўскі і Р. Дэген, якія вывучалі гэты фонд, тут захаваліся дакументы па гісторыі Стараселля, Кубліч, Ворані, Выдрэі, Дварца, Крупніцы, Мосара, Сар’і, Начы і іншых маёнткаў Віцебскай губерні. Ёсць тут і радавыя архівы Дабашынскіх, Бжастоўскіх, Візгірдаў, Місевічаў[23].

Доктар медыцыны, прафесар, афтальмолаг Казімір Наішэўскі (Kazimierz Noiszewski, 1859 – 1930) даслаў для зборніка артыкул “Узнікненне і размеркаванне зрокавых уяўленняў” (с. 162 – 172). У 1883 г. ён з адзнакай скончыў медыцынскі факультэт Маскоўскага ўніверсітэта. Потым на працягу двух гадоў стажыраваўся як урач-афтальмолаг у клініках Кракава, Парыжа і Вены. З 1886 г. працаваў у Дзвінску, дзе адкрыў сваю клініку на 30 ложкаў. Дзякуючы навуковым публікацыям у замежных часопісах і гэтай клініцы, К. Наішэўскі стаў вядомым афтальмолагам не толькі ў Расіі, але і ў Еўропе. У 1900 г. абараніў доктарскую дысертацыю ў Ваенна-медыцынскай акадэміі ў Пецярбургу. З 1908 па 1918 г. выкладаў тут фізіялогію і паталогію вока на пасадзе прыват-дацэнта кафедры афтальмалогіі.

Трыццаць гадоў К. Наішэўскі жыў у Дзвінску, дзе ў 1913 г. узначаліў гарадскую думу. А ў Пецярбургу бываў рэгулярна толькі ў сувязі з працай выкладчыка Ваенна-медыцынскай акадэміі. Пастаянна пасяліўся ў сталіцы імперыі толькі падчас Першай сусветнай вайны. У 1916 г. непрацяглы час працаваў у Дзвінску і Віцебску.



Аляксандр Асяндоўскі

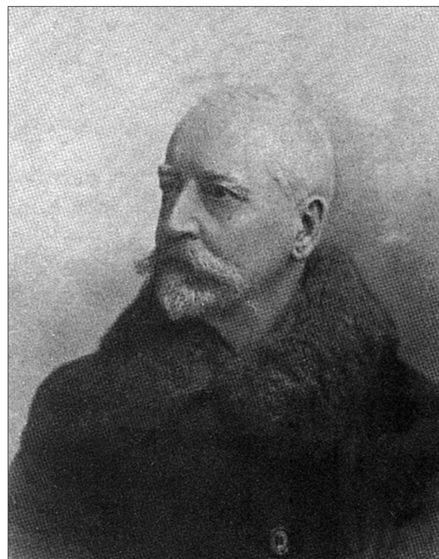
У канцы 1918 г. К. Наішэўскі пераехаў у Польшчу. Працаваў там у Міністэрстве аховы здароўя. У 1919 г. уваходзіў у склад камісіі па адраджэнні Віленскага ўніверсітэта і ўзначаліў потым у ім кафедру вочных хвароб. У 1921 г. атрымаў пасаду прафесара Варшаўскага ўніверсітэта, стварыў там кафедру афтальмалогіі і стаў яе загадчыкам. К. Наішэўскі з’яўляецца адным з заснавальнікаў Польскага навуковага таварыства афтальмолагаў (1921 г.) У 1923 г. заснаваў першы польскі афтальмалагічны часопіс “Вочныя хваробы” і быў яго галоўным рэдактарам да сваёй смерці ў 1930 г. Быў ганаровым сябрам многіх таварыстваў урачоў, у прыватнасці, французскага таварыства афтальмолагаў. З’яўляецца аўтарам 180 навуковых прац на рускай, нямецкай, французскай і польскай мовах, якія ахопліваюць розныя вобласці афтальмалогіі і неўралогіі[24].

Паходзіў з Віцебшчыны і доктар медыцыны Аляксандр Асяндоўскі (Aleksander Ossendowski, 1860 – 1927). Ён скончыў Пецярбургскі ўніверсітэт і з залатым медалём Ваенна-медыцынскую акадэмію. Быў ардынатарам клінікі ўнутраных хвароб прафесара С. Боткіна. Дзевятнаццаць гадоў праслужыў земскім урачом Пецярбургскага павета[25]. Таму невыпадкова

ён падрыхтаваў для віцебскага выдання артыкул “Арганізацыя ўрачэбнай дапамогі ў Віцебскім земстве”. У артыкуле ён дае канкрэтныя парады, як лепш арганізаваць сістэму аховы здароўя ў існаваўшых тады адзінаццаці паветах Віцебскай губерні пасля таго, як увойдзе ў сілу “Палажэнне аб земскіх установах у заходніх губернях” ад 14 сакавіка 1911 г.

Гістарычны нарыс барона Густава Мантойфеля (Gustaw Manteuffel, 1832 – 1916), скончаны 18 снежня 1908 г. у Рызе, прысвечаны Інфлянцкім княству і ваяводству ў XVII – XIX стст. (с. 1 – 41) (латышскае Прыдзвінне, якое ўключала заходнія землі Віцебшчыны). Аўтар прыводзіць цікавыя звесткі пра такіх сваіх вядомых землякоў, як Эмілія Плятэр, князь Міхал Борх, рэдактар часопіса “Rubon” Казімір Буйніцкі і яго аўтары: Адам Плятэр з Краславы, Юзаф Плятэр, Ігнат Храпавіцкі з Каханавіч, Юзаф Геральд-Выжыцкі з Росіцы, Аляксандр Гроза. Як зазначае ў сваім нарысе Г. Мантойфель, пасля ўтварэння ў 1802 г. Віцебскай губерні губернскімі маршалкамі з Інфлянт з 1805 па 1863 г. выбіраліся Юзаф Борх, Юзаф Шадурскі, Рамуальд Багамолец, Мар’ян Карніцкі, Ігнат Шадурскі, Караль Борх, Мікалай Грабніцкі, Міхал Борх, Ян Ліпскі (с. 37).

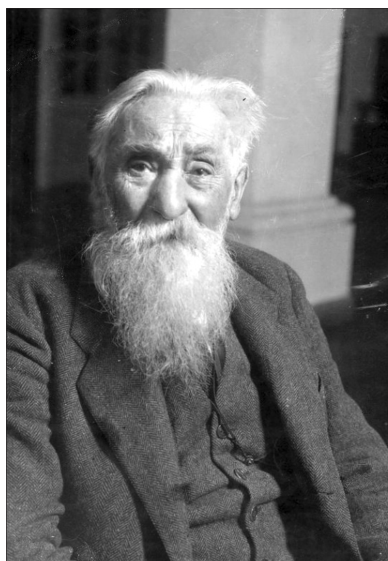
Выпускнік Дэрпцкага (Тартускага) ўніверсітэта Г. Мантойфель вядомы як гісторык, этнограф, фальклярыст, краязнавец і выдавец. Ён займаўся даследаваннем латгальскага фальклору і народных традыцый. З 1862 па 1871 г. выдаваў на латгальскай мове каляндар для сялян. У свой час вядомасць атрымалі яго гістарычныя працы “Краслава” (1901), “Даведнік пра Рыгу і яе ваколіцы” (1906), “З гісторыі Дэрпта і Дэрпцкага ўніверсітэта” (1911). Працы Г. Мантойфеля высока цаніліся ў навуковых колах і ў 80-я г. XIX ст. публікаваліся ў праслаўленым Ягелонскім універсітэце ў Кракаве. Ён з’яўляецца аўтарам трохсот прац пра Латгалію, якія выдаваліся і былі напісаны на нямецкай і польскай мовах[26].



Густаў Мантойфель

Публіцыст, гісторык і сацыёлаг Баляслаў Ліманоўскі (Bolesław Limanowski, 1835 – 1935) нарадзіўся каля Дзвінска ў шляхецкай сям’і. Вучыўся ў Маскве, Дэрпце, Парыжы і Львове, дзе ў 1875 г. атрымаў ступень доктара філасофіі. Дэбютаваў “Лістамі з Інфлянт” (1860), надрукаванымі ў Парыжы. У 1892 г. быў старшынёй арганізацыйнага з’езда Польскай сацыялістычнай партыі. З гэтай партыяй потым быў звязаны ўвесь час. У 1907 г. пераехаў у Галіцыю. Быў прыхільнікам незалежнасці польскай дзяржавы. У 1922 – 1935 гг. сенатар ад Польскай сацыялістычнай партыі. Пасля 1926 г. выступіў супраць парушэння дэмакратычных правоў санацыйным урадам Польшчы. Памёр 1 лютага 1935 г. у Варшаве[27]. У зборніку надрукаваны ўрывак з рукапісу яго працы пра польскага сацыяліста-ўтапіста Станіслава Ворцэля “Чым з’яўляецца радзіма (с. 91 – 92). У 1957 – 1961 гг. у Варшаве выйшлі ўспаміны Б. Ліманоўскага ў трох тамах.

Інфармацыйны артыкул пра Б. Ліманоўскага напісаў Уладзіслаў Студніцкі-Гізберт (Władysław Studnicki-Gizbert, 1867 – 1953) з Дзвінска, вядомы ў той час палітык і публіцыст. За палітычную дзейнасць ён быў сасланы ў Сібір. У час Першай сусветнай вайны і ў 1930-я гг. быў прыхільнікам супрацоўніцтва з Германіяй. У 1916 г. заснаваў клуб польскіх дзяржаўнікаў. У 1917 г. увайшоў у склад часовага дзяржаўнага савета. З 1945 г. жыў у эміграцыі ў Англіі. У



Баляслаў Ліманоўскі

2000 – 2009 гг. у Торуні выдадзена чатыры тамы выбраных прац У. Студніцкага-Гізберта[28].

Гісторык і архівіст Вацлаў Студніцкі-Гізберт (Wacław Studnicki-Gizbert, 1874 – 1962) на падставе Дынабургскага гарадского архіва за 1794 г. прыводзіць цікавыя лічбы і спіс шляхты ўсяго павета (с. 187 – 189). Нарадзіўся ён у Дзвінску. З 1906 г. жыў у Вільні, працаваў у газеце “Dziennik Wileński”. З 1910 г. разам з Фердынандам Рушчыцам рэдагаваў часопіс “Tygodnik Wileński”. У 1919 – 1939 гг. быў дырэктарам Дзяржаўнага архіва ў Вільні. У яго дамашняй бібліятэцы было шмат кніг, прысвечаных розным бакам жыцця Вільні і Віленшчыны. Другую сусветную вайну пераЖыў у Вільні. З 1944 г. жыў у Германіі, потым у ЗША. Заснаваў там саюз сяброў Вільні, быў сябрам Польскага навуковага інстытута ў Амерыцы. З яго выбраных твораў можна назваць наступныя: “Вільня: даведнік пра горад і яго ваколіцы з планам горада і дадаткамі” (1910), “Вільня: даведнік пра горад і ваколіцы” (1919), “Вільня” (1936), “Фердынанд Рушчыц: жыццё і дзейнасць” (1939), “Міцкевіч і яго краіна” (Чыкага, 1955)[29].

Дэпутат першай Дзяржаўнай Думы (1906) ад агульнага складу выбаршчыкаў Віцебскага губернскага выбарчага сходу Багдан Браніслававіч Шахно (Bohdan Szachno, 1868 – 1955) родам з Дзвінскага павета (маёнтак Юзэфова, зараз Наўенэ). Ён прысвяціў сваю публікацыю падрабязнай гісторыі Дынабургскага замка (с. 42 – 45). Скончыў юрыдычны факультэт Дэрпцкага ўніверсітэта са ступенню кандыдата навук. З 1903 г. з’яўляўся земскім гласным Дзвінскага павета, з 1904 г. – ганаровым сябрам Віцебскага таварыства сельскіх гаспадароў. Карыстаўся вялікім аўтарытэтам у галіне аграноміі. Неаднаразова атрымліваў вышэйшыя ўзнагароды на сельскагаспадарчых выставах. У 1919 – 1939 гг. жыў у Вільні. Да 1939 г. – віцэ-старшыня Віленскага кола філістраў, віцэ-прэзідэнт Віленскага земскага банка. Падчас вайны напісаў у Вільні ўспаміны пра Дэрпт. Пасля вайны жыў у Лодзі (Польшча)[30].

Віленскі біскуп Эдвард фон Роп (Edward Ropp, 1851 – 1939) у сваёй публікацыі ў зборніку, датаванай 30 лістапада 1909 г., звяртае ўвагу на тое, што ў перыяд узмацнення барацьбы царскіх улад з каталіцкім касцёлам вельмі важнай з’яўляецца духоўная самаадукацыя грамадзян. Вялікую ролю ў гэтым, на яго думку, могуць адыграць кнігі, не толькі свецкія, але і царкоўныя рознага зместу і напісаныя на розных мовах (с. 85 – 86).

Нарадзіўся Эдвард Роп у маёнтку Ліксна Дзвінскага павета. Па бацьку паходзіў з прыбалтыйскага нямецкага баронскага роду, па маці – з роду Плятэраў. Скончыў Пецярбургскі ўніверсітэт. Спрыяў увядзенню літоўскай і беларускай моў у царкоўнае жыццё. Восенню 1905 г. загадаў



Багдан Шахно



Эдвард фон Роп

выкладаць у межах дыяцэзіі каталіцкі Закон Божы для дзяцей беларусаў па-беларуску. Ініцыятар і заснавальнік Канстытуцыйна-каталіцкай партыі Літвы і Беларусі (1906). Дэпутат першай Дзяржаўнай Думы (1906). У кастрычніку 1907 г. загадам міністра ўнутраных спраў адхілены ад кіравання дыяцэзіяй, каля 10 гадоў пражыў у маёнтку Нішча Віцебскай губерні пад наглядам паліцыі. З 1919 г. жыў у Польшчы. Да 1931 г. фармальна лічыўся арцыбіскупам магілёўскім[31].

Ёсць у кнізе і мемуары. Станіслава Студніцкая-Гізберт (Stanisława Studnicka-Gizbert, 1865 – 1944) даслала свае ўспаміны пра дзіцячыя гады ў Дынабургу (с. 177 – 179). Яна была настаўніцай і літаратарам, пераклала некалькі кніг з англійскай мовы, якія былі выдадзены ў Варшаве і Вільні. Напісала падручнік па нямецкай мове і кнігу вершаў для дзяцей[32].

Густаў Рэвут (Gustaw Reutt, 1842 – 1902) дзеліцца ў альманаху сваімі ўспамінамі пра ўдзел у паўстанні 1863 – 1864 гг. (с. 198 – 209). Ён – адзіны аўтар, пра якога ў зборніку змешчаны біяграфічныя звесткі. З іх мы даведваемся, што нарадзіўся Г. Рэвут у Мосары Віцебскай губерні. З адзнакай скончыў Віцебскую гімназію. Вучыўся на матэматычным факультэце Маскоўскага ўніверсітэта. Падчас паўстання быў паранены. Пасля выздараўлення ў 1865 г. паступіў у ваеннае вучылішча ў г. Метц (Францыя). У 1868 г. вярнуўся на радзіму. Працаваў інжынерам у Кракаве, потым у Львове. Пасля цяжкай хваробы памёр 8 лютага 1902 г. у Львове[33].

М. Газдава (M. Gozdawa) прысвяціў свае ўспаміны настаўніцы Вандзе Рэвут, якая нарадзілася на Віцебшчыне. Пасля смерці маці яна дваццаць гадоў настаўнічала ў Львове і памерла там падчас заняткаў (с. 219 – 220). Устанавіць асобу аўтара ўспамінаў дапамог даведнік польскіх псеўданімаў, выдадзены ў Вільні ў 1922 г.[34] Аказваецца, пад гэтым псеўданімам пісаў свае матэрыялы Ян Марэк Гіжыцкі (Jan Marek Giżycki, 1844 – 1925). Нарадзіўся ён на Валыні ў мястэчку Міхноўка Старыканстанцінаўскага павета ў сям'і збяднелых нашчадкаў магнацкага роду Газдава. Пасля заканчэння гімназіі паступіў на юрыдычны факультэт Новарасійскага ўніверсітэта (Адэса), але праз год пераехаў у Дэрпт (Тарту) і стаў вывучаць параўнальнае мовазнаўства. У 1870 г. атрымаў ступень кандыдата філалагічных навук і быў накіраваны на працу ў мясцовую гімназію. Пасля сямі гадоў працы ў Дэрпце пераехаў у Мітаву (Елгаву), дзе працягваў настаўнічаць. У 1895 г. выйшаў у адстаўку і перасяліўся з сям'ёй у Кракаў. Часта бываў на Валыні, у Львове, даследаваў сямейныя архівы мясцовай шляхты[35]. Вось адкуль ён ведаў пра віцебскую настаўніцу Ванду Рэвут.

Ян Марэк Гіжыцкі быў хіба адзіным даследчыкам, які прысвяціў свае веды і сілы аналізу гісторыі манастыроў і манастырскіх школ, якія былі калісьці на былых землях Вялікага Княства Літоўскага. З яго прац, прысвечаных Віцебшчыне, можна назваць "Нататкі пра акадэмію і школы езуітаў у Полацку", "Успаміны пра віцебскіх піяраў"[36], "Польскія школы ў Полацкім ваяводстве ў XVIII ст.". Найбольшую цікавасць з пункту гледжання краязнаўства Віцебшчыны выклікае праца Я.М. Гіжыцкага "Матэрыялы па гісторыі Полацкай акадэміі і залежных ад яе школ" (Кракаў, 1905). Даследчык меў актыўную перапіску з вядомым віцебскім гісторыкам А.П. Сапуновым, у якой паведамляў шмат інфармацыі з польскіх і нямецкіх крыніц пра Дзвіну, а яго прасіў

прыслаць дадзеныя пра базыльянаў з Ушач. Дванаццаць яго лістоў да А.П. Сапунова захоўваюцца ў фондах Віцебскага абласнога краязнаўчага музея[37].

Ва ўрыўку з нарыса "Абарваны крык" (с. 97 – 99) пісьменнік, падарожнік, аўтар навуковых кніг па хіміі і геаграфіі Антоній Асяндоўскі (Antoni Ossendowski, 1878 – 1945) расказвае пра сваё падарожжа ў Шанхай. Нарадзіўся ён у Люцыне (зараз Лудза) ў сям'і ўрача. Вывучаў геаграфію ў Пецярбургскім універсітэце, хімію і фізіку – у Сарбоне (Парыж). Прымаў удзел у навуковых экспедыцыях на Каўказ, Алтай, Енісей і Байкал. Працаваў дацэнтам у вышэйшых расійскіх навучальных установах, друкаваў свае артыкулы ў розных пецярбургскіх газетах. Падчас Грамадзянскай вайны быў дарадцам арміі адмірала А. Калчака, пасля яе ліквідацыі перабраўся ў Манголію.

У 1922 г. прыехаў у Польшчу, выкладаў эканамічную і палітычную геаграфію ў варшаўскіх вучэльнях, пісаў кнігі. Яго польскім дэбютам стала кніга "Праз край людзей, звяроў і багоў" (1923). З 1935 г. быў старшынёй таварыства літаратараў і журналістаў, рэдактарам "Wiadomości Warszawskich" (1937) і іншых выданняў. Апублікаваў некалькі дзясяткаў навел, апавяданняў і аповесцей. Творы А. Асяндоўскага перакладзены на 28 моў. У 1920-я гг. у Лондане і Нью-Ёрку яго кнігі ў перакладзе на англійскую мову выходзілі раней, чым у Польшчы. Акрамя фантастычных і прыгодніцкіх твораў пісаў кнігі для моладзі, аўтар пацыфісцкай аповесці "Пяць хвілін да апоўначы" (1928), геаграфічных кніг з выдавецкай серыі "Цуды Польшчы"[38].

Гісторык, краязнавец, грамадскі дзеяч, уладальнік маёнтка Бачэйкава Лепельскага павета Уладзіслаў Цеханавецкі (Władysław Ciechanowiecki, 1860 – 1910) у жніўні 1909 г. прааналізаваў для зборніка рукапісную кнігу мемуараў Полацкага маршалка Ірэнія Васілеўскага (1812 – 1872) "Historia Domestica" (с. 210 – 218). А прадаставіў яму гэтую кнігу ўнук аўтара доктар Станіслаў Васілеўскі. Тут ёсць многа цікавых фактаў з гісторыі Віцебска, яго грамадскага і канфесійнага жыцця[39].



Уладзіслаў Цеханавецкі

Уладзіслаў Паўлавіч Цеханавецкі атрымаў дамашнюю адукацыю ў Францыі. Добраахвотнікам паступіў на вайсковую службу. Дзесяць гадоў (1880 – 1890) служыў у 18-м Клясціцкім гусарскім палку. Падчас службы захапіўся гісторыяй, напісаў гісторыю свайго палка. Пасля выхаду ў адстаўку асеў у радавым маёнтку Бачэйкава. Заняўся гаспадарскай, грамадскай дзейнасцю, пісьменніцкай і навуковай працай. Карыстаўся павагай і аўтарытэтам сярод мясцовага насельніцтва. Напісаў гісторыю маёнтка Бачэйкава, якая была выдадзена ў 1905 г. у Віцебску. Быў знаўцам мастацтва, калекцыяніраваў старое польскае шкло, мініяцюры і фарфор. Яго нашчадкі жывуць зараз у Англіі[40].

Надрукаваны у альманаху і ўрывак з успамінаў пісьменніка, публіцыста і краязнаўца Казіміра Андрэевіча Буйніцкага (Kazimierz Bujnicki, 1788 – 1878) (с. 46 – 58) пра многія падрабязнасці паўстання 1863 г. у Дагдзе, Краславе і Дынабургу. Нарадзіўся аўтар у Дагдзе. Друкаваўся ў перыядычных выданнях "Tygodnik Petersburski", "Athenaeum", быў сябрам Віленскай археалагічнай камісіі і ганаровым куратарам школ Віленскай губерні. У 1842 – 1849 гг. выдаваў часопіс "Rubon". Садзейнічаў адкрыццю Віленскага музея старажытнасцей, якому перадаў сваю калекцыю знаходак з Падзвіння і матэрыялы апісання Заходняй

Дзвіны. Шмат вандраваў па Падзвінні, апісаў значную колькасць населеных пунктаў краю. Пастаянна займаўся самаадукацыяй, свабодна валодаў англійскай, французскай, нямецкай, лацінскай, рускай, польскай і латышскай мовамі. Ведаў ён і латгальскую мову. Неаднаразова выбіраўся маршалкам Дынабургскага і Рэжыцкага паветаў. Выдаў шэраг кніг, у тым ліку "Вандроўкі па малых дарогах" (т. 1 – 2, 1841), "Сястра Гертруда" (1842), "Камедыі" (1851), "Новая вандроўка па малых дарогах" (т. 1 – 2, 1852), "Старая паненка" (1855). Пераклаў у вершаванай форме "Псалмы Давіда" (1878)[41].

Граф Яўген Плятэр (Eugen Broel-Plater, 1826 – 1916) прысвяціў свае ўспаміны паўстанню 1863 – 1864 гг. у Дынабургскім павеце, ролі ў ім свайго брата Леона Плятэра, які быў расстраляны ў Дынабургу 27 мая 1863 г. у 27-гадовым узросце (с. 102 – 107). Тут ёсць шмат цікавых падрабязнасцей пра гэта паўстанне на Віцебшчыне. Яўген Плятэр быў сынам буйнога памешчыка, агранома і пісьменніка Юзафа Казіміра Плятэра (1796 – 1852) і Антаніны Перасвет-Солтан. Вядомы як пісьменнік і мемуарыст. Пахаваны ў крыпце Краслаўскага рымска-каталіцкага касцёла св. Людвіка[42].

Адвакат Станіслаў Лапацінскі (Stanisław Łopaciński, 1851 – 1933) з Сар'і Дрысенскага павета ў сваім невялікім палемічным эсэ (с. 59 – 62) спрабуе абвергнуць словы пана Заглобы з вядомага твора Генрыка Сенкевіча "Патоп": "Глова кепска, відаць, з Вітэбска". Для пацвярджэння таго, што жыхарам нашай губерні няма падстаў саромецца, ён прыводзіць некалькі канкрэтных прыкладаў. Ужо ў XVIII ст. у Віцебску былі заснаваныя піярамі школы, якія існавалі да 1830 г., і навучанне ў іх было бясплатным.

У першай палове XIX ст. у многіх рэгіёнах Расійскай імперыі пачалі стварацца сельскагаспадарчыя таварыствы, якія ўдзялялі шмат увагі павышэнню культуры земляробства. У нашым рэгіёне яшчэ ў 1825 г. было створана Беларускае вольна-эканамічнае таварыства, якое праіснавала, праўда, нядоўга. У 1877 г. унукі заснавальнікаў гэтага аб'яднання вырашылі стварыць Віцебскае сельскагаспадарчае



Станіслаў Лапацінскі

таварыства і адкрыць сельскагаспадарчую школу. Губернскія ўлады, хоць і не адразу, падтрымалі гэту ініцыятыву, і таварыства набыло маёнтак у Лужасна, дзе ў 1909 г. і была адкрыта сельскагаспадарчая школа на 90 чалавек з трохгадовым тэрмінам навучання. Сёння традыцыі гэтай школы працягвае Лужаснянскі сельскагаспадарчы каледж.

"Шмат у нас і маляўнічых месц, – зазначае С. Лапацінскі. – Калі б яны былі за мяжой, то людзі ездзілі б паглядзець на іх і высылалі б адтуль паштоўкі з іх краявідамі". А тым, хто хоча пераканацца ў гэтым, аўтар раіць пабываць у Краславе, на Асвейскіх, Лепельскіх і Расонскіх азёрах.

Станіслаў Лапацінскі паходзіў са знатнага шляхецкага роду Лапацінскіх гербу Любіч. У 1872 г. ён скончыў юрыдычны факультэт Варшаўскага ўніверсітэта са ступенню кандыдата права. Спачатку быў памочнікам адваката В.Д. Спасовіча ў Пецярбургу. Праз пяць гадоў стаў адвакатам Пецярбургскай судовай акругі. Некаторы час працаваў адвакатам у Бярдзічаве і Кіеве. У 1884 г. пасля смерці бацькі пакінуў адвакацкую практыку і пераехаў у маёнтак Сар'я, дзе заняўся сельскай гаспадаркай і грамадскай дзейнасцю.

З 1901 па 1905 г. С. Лапацінскі быў старшынёй губернскага сельскагаспадарчага таварыства, з 1903 па 1911 г. – гласным Дрысенскага павятовага земскага сходу і

сябрам павятовай земскай управы. У 1906 – 1916 гг. – ганаровым міравым суддзёй Дрысенскага павета. У 1906 – 1910 гг. стаў сябрам Дзяржаўнага савета Расійскай імперыі ад Віцебскай губерні. У 1913 г. – сябрам савета па справах мясцовай гаспадаркі пры Міністэрстве ўнутраных спраў. Выступаў за пашырэнне правоў нацыянальных меншасцей на ўскраінах Расійскай імперыі. Пасля аднаўлення суверэнітэту Польшчы 11 лістапада 1918 г. С. Лапацінскі жыў у Вільні ва ўласным палацы і дапамагаў наладжваць судовую сістэму рэспублікі. Быў суддзёй Віленскага акруговага суда, потым апеляцыйнага суда. Памёр 23 лістапада 1933 г.[43]

У Сар'і ў 1852 – 1857 гг. бацька Станіслава Ігнат Лапацінскі пабудаваў велічны неагатычны касцёл у якасці радавой пахавальні. Аўтарам праекта касцёла і караўнікам будаўнічых работ быў архітэктар Густаў Шахт. Сар'янскаму храму ўжо больш за 150 гадоў. Ён унесены ў дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь як помнік сакральнага дойлідства рэспубліканскай значнасці. Гэта адзін з самых выразных узораў неаготыкі на Беларусі. Сёння гэта праваслаўная царква. Як і калісьці, яна імкліва ўзносіць у неба свае вежы і шпілі, выклікаючы захапленне смелай задумкай архітэктара і віртуозным майстэрствам мясцовых муршчыкаў[44].



Былы касцёл у Сар'і.
Фота з альманаха “Z okolic Dźwiny”

Юзаф Гласко (Józef Hłasko, 1856 – 1934) – дзеяч народніцкага і польскага грамадска-палітычнага руху, журналіст. Нарадзіўся ў маёнтку Пераселянцы Полацкага павета. З 1876 г. вучыўся ў Медыка-хірургічнай акадэміі ў Пецярбургу. У 1878 – 1879 гг. за ўдзел у студэнцкіх выступленнях і паездкі да рэвалюцыянераў быў арыштаваны. У 1881 г. арыштаваны і высланы на пяць гадоў у Енісейск. У 1888 – 1893 гг. у Варшаве, супрацоўнік штотыднёвіка “Głos”. Далучыўся да нацыянальных дэмакратаў (эндэкаў). У 1894 г. асуджаны па справе “Лігі нарадовай”, высланы на пяць гадоў у Валагодскую губерню. З 1897 г. у Смаленску, Пераселянцах, Львове. З 1906 г. у Вільні рэдагаваў часопіс “Dziennik Wileński”. З 1915 г. у Пецярбургу выдаваў разам з лідарамі эндэцыі штотыднёвік “Sprawa polska”, пазней у Маскве заснаваў штотыднёвік “Gazeta polska”. З 1918 г. у Варшаве[45]. У зборніку “З ваколіц Дзвіны” Юзаф Гласко дзеліцца сваімі ўспамінамі пра экскурсію ў Познань і чэшскую Прагу летам 1908 г. (с. 110 – 117).

Наступны аўтар – Фларыян Гласко (Florian Hłasko, 1865 – 1921), нарадзіўся ў Губіне Лепельскага павета. У 1886 г. скончыў Віцебскую гімназію і пачаў навучанне на матэматычна-прыродазнаўчым аддзяленні ў Пецярбургскім універсітэце. Там у 1891 г. атрымаў ступень магістра і перайшоў у Ваенна-медыцынскую акадэмію, якую скончыў у 1895 г. Стажыраваўся ў Празе і Парыжы. Сем гадоў служыў урачом Ціхаакіянскай эскадры. У 1902 г. вярнуўся ў Пецярбург, абараніў у акадэміі дысертацыю і працягваў працу начальнікам марскога лазарэта і галоўным урачом крэпасці Порт-Артур. Удзельнічаў у руска-японскай вайне, перажыў асаду Порт-Артура. Тры месяцы знаходзіўся ў японскім палоне. Пасля вызвалення дабраўся морам



Стэфанія Уляноўская

да Пецярбурга. З ліпеня 1905 г. працягваў службу на Балтыйскім флоце. Быў урачом у Кранштаце, штогод хадзіў з курсантамі ў Атлантыку і Міжземнае мора на караблі "Багатыр". Падчас аднаго з вучэбных рэйсаў 28 снежня 1908 г. доктар стаў сведкай землетрасення і выбуху вулкана Этна на Сіцыліі, калі за 25 секунд загінулі 150 тысяч жыхароў Месіны. Ф. Гласко ўдзельнічаў у ратаванні ахвяр, няспынна рабіў аперацыі некалькі дзён. За гэта італьянскія ўлады ўзнагародзілі яго камандорскім крыжам ордэна святых Маўрыкія і Лазара і сярэбраным медалём.

З 1911 па 1916 г. Ф. Гласко служыў на расійскім ваенна-марскім флоце на розных кіруючых пасадах і даслужыўся да ступені генерал-маёра. Быў узнагароджаны ордэнамі св. Станіслава III класа (1904), св. Ганны III класа з мячамі (1904), св. Станіслава IV класа (1915), мячамі да ордэна св. Ганны (1916). З 1918 г. служыў на флоце незалежнай Польшчы. Займаўся арганізацыяй першай марской школы ў Тчэве. З'яўляецца аўтарам кнігі "Па марах – да Польшчы: з дзённіка марака" (Варшава, 1922). Для віцебскага зборніка даслаў свае нататкі "З дзённіка марака" пра вайну з Кітаем (1900) і Японіяй (1904), а таксама пра землетрасенне ў Месіне на Сіцыліі (1908) (с. 78 – 81)[46].

Успаміны Стэфаніі Уляноўскай "Гісторыя дзевяці з паловай душ" (с. 82 – 84) прысвечаны прыгонніцкай мінуўшчыне, калі сялян прайгравалі ў карты, разлучалі з сем'ямі, а дзяцей лічылі за палову душы. Пісьменніца са шчырым спачуваннем расказала пра трагедыю сялянкі Ганулі і яе сына.

Стэфанія Уляноўская (Stefania Ulanowska, 1839 – каля 1912) вядома як пісьменніца, фальклярыстка, этнограф. Да 1891 г. жыла ў вёсцы Віляны Рэжыцкага павета (зараз Рэзекненскі раён Латвіі). Вывучала мясцовыя звычаі, народныя песні, паданні, легенды. Яе калекцыя казак на мясцовых дыялектах дае ўнікальную базу не толькі для фальклярыстаў, але і для моўных даследаванняў. Яе праца ў трох частках "Латышы польскіх Інфлянтаў" (1891, 1892, 1895) выклікае цікавасць у сучасных маладых даследчыкаў. Так, напрыклад, Тэрэза Рончка ў артыкуле "Некалькі слоў пра Стэфанію Уляноўскую і яе спадчыну ў сувязі з рэпрынтам «Латышы польскіх Інфлянтаў»" цытуе шмат яе твораў, у тым ліку і артыкул "Гісторыя дзевяці з паловай душ" са зборніка "З ваколіц Дзвіны". Анджэй Ратай з Беластока прысвяціў С. Уляноўскай сваю манаграфію, якая выйшла ў 2016 г.[47] З мастацкіх твораў С. Уляноўскай можна назваць зборнік вершаў "Вясенняя сімволіка" (1884), камедыю "Абы не старая дзева" (1886), "Аповесці і навелы" (т. 1 – 1888; т. 2 – 1890). Разам з Альфрэдам Шчэпанскім (1840 – 1909) С. Уляноўская напісала драму ў пяці актах "На радзіме" (1889), якая атрымала ўзнагароду на конкурсе ў Варшаве.

Упершыню на тэрыторыі Беларусі ў зборніку "З ваколіц Дзвіны" быў надрукаваны невялікі ўрывак з дыярыуша (дзённіка) дзяржаўнага дзеяча, актыўнага ўдзельніка палітычнага жыцця Рэчы Паспалітай Яна Антонія Храпавіцкага (1612 – 1685), які нарадзіўся ў вёсцы Падбярэззе пад Віцебскам. У 1669 – 1685 гг. ён быў віцебскім ваяводай і апісвае ў дыярыушы цырымонію свайго ўезду ў горад (афіцыйнага ўступлення на пасаду), як яго сустракалі гараджане і як ён святкаваў гэтую падзею. Праўда, складальнікі пераблыталі дату: пададзена 5 лютага 1761 г. замест 5 лютага 1671 г. Ёсць у зборніку і партрэт ваяводы, і рэпрадукцыя карціны А. Валеўскага, на якой

адлюстравана цырымонія ўезду (с. 175 – 176).

Ян Антоні Храпавіцкі (Jan Antoni Chrapowicki) вучыўся ў калегіуме Навадворскага ў Кракаве, потым працягваў навучанне ў Лондане і Падуі. У красавіку 1639 г. быў абраны дэпутатам на сейм ад Віцебскага ваяводства. Прымаў удзел у працы 24-х сеймаў. Выбіраўся маршалкам сеймаў (1665 і 1668 гг.), уваходзіў у розныя сеймавыя камісіі. У верасні 1669 г. Ян Антоні Храпавіцкі атрымаў пасаду ваяводы віцебскага. У 1676 г. пабудаваў у Віцебску манастыр бернардзінцаў разам з касцёлам св. Антонія Падуанскага. 3 лістапада 1685 г. памёр у сваім палацы ў Лукішках пад Віцебскам (некаторыя інтэрнэт-рэсурсы і друкаваныя крыніцы годам яго смерці падаюць 1686). Пакінуў дзённік за 1656 – 1685 гг., у якім ёсць звесткі пра палітычнае жыццё Рэчы Паспалітай, сеймы, паўсядзённае жыццё шляхты, яе звычаі і норавы[48].

У нотным раздзеле зборніка прадстаўлены ўрывак з музычнай камедыі “Тарас на Парнасе” – танец “Лявоніха”. Яго аўтарам з’яўляецца Юзаф Шадурскі (Józef Szadurski, 1845 – ?) з Асвеі. Своеасаблівая аўтарская версія традыцыйнага беларускага танца ўяўляе сабой новы крок у трактоўцы народных танцаў. На жаль, нікому з навукоўцаў пакуль не ўдалося ўстанавіць, які лёс напаткаў рукапіс гэтай аперэты і яе аўтара[49].

Наступны музычны твор – “Журба” – напісаў Мар’ян Храпавіцкі (Marjan Antoni Andrzej Chrapowicki, 1864 – 1930). Нарадзіўся ён у Каханавічах Дрысенскага павета, памёр 2 чэрвеня 1930 г. у Польшчы. Быў сынам Ігната Храпавіцкага – паэта, фалькларыста і грамадскага дзеяча[50].

Надрукаваны ў зборніку таксама ноты вальса і серэнады княгіні Ядвігі Хлюдзінскай. Яна паходзіць з заможнага шляхецкага роду лескавічскіх Хлюдзінскіх, была дачкой аднаго з уладальнікаў Лескавічаў Алаіза Хлюдзінскага і Марыі Солтан. Нарадзілася ў 1860 г. Выйшла замуж за італьянскага князя Фердынанда Альфонса de Liquori di Presicce. Жыла з ім у Венецыі, у 1895 г. нарадзіла дачку Марыю Асунту. Паколькі муж аказаўся сямейным тыранам, збегла ад яго з Венецыі ў свой маёнтак на Беларусі. З 1918 г. жыла з дачкой у Варшаве на вуліцы Мазавецкай. Памерла 26 ліпеня 1938 г. Яе дачка Марыя Асунта выйшла замуж за вядомага польскага мастака Антонія Уняхоўскага. У 1929 г. у іх нарадзілася дачка Крысціна, унучка Ядвігі – будучая пісьменніца. У 2004 г. у Варшаве ў выдавецтве “Czytelnik” выйшла кніга К. Уняхоўскай “Венецыянскі апокрыф”, у якой падрабязна апісваецца гісторыя жыцця яе бабулі і маці[51].



Канстанцін Змігродзкі

Ёсць у зборніку і невялікія інфармацыйныя нататкі пра мастакоў Прыдзвіння, а таксама рэпрадукцыі іх прац. Адным з самых актыўных і living...

Інфармацыя пра К.А. Змігродзкага ёсць у многіх беларускіх энцыклапедыях і кнігах



К. Змігродзкі. Голад. Скульптура.
Фота з альманаха “Z okolic Dźwiny”

па мастацтвазнаўству. Таму мы пералічым толькі асноўныя моманты з яго багатай біяграфіі. Нарадзіўся мастак у Рызе 2 сакавіка 1876 г. З ранняга дзяцінства выявіў вялікія здольнасці ў разьбе па дрэве. Пасля заканчэння Рыжскай гімназіі Канстанцін паступае ў мастацкае вучылішча барона Штыгліца ў Пецярбургу. Потым працягвае вучобу ў Кракаўскай акадэміі мастацтваў. Вучань знакамітага прафесара К. Ляшчкі, ён за тры гады вучобы зрабіў шэраг удалых прац – “Дзявяты вал”, “Казка”, “Станчык” і іншыя, якія прынеслі аўтару шырокую папулярнасць.

Скончыўшы акадэмію, Канстанцін Антонавіч некаторы час жыў у Парыжы, дзе наведваў майстэрні вядомых скульптараў Радэна і Бушэ. Пасля вяртання ў Пецярбург К. Змігродзкі адкрывае прыватную студыю, але справы ў ёй пайшлі дрэнна. У 1906 г. ён пераязджае ў Віцебск і займае пасаду настаўніка малявання і чарчэння ў камерцыйным вучылішчы Грэкава. Арганізуе пры сваёй майстэрні мастацкую школу.

Жывучы ў Віцебску, К. Змігродзкі займаўся краязнаўствам. Ён быў найбольш актыўным сябрам Віцебскай вучонай архіўнай камісіі (ВВАК), захавальнікам яе музея, куды перадаў калекцыю ўзораў кафлі. У 1911 г. падрыхтаваў “Каталог манет і медалёў Віцебскай вучонай архіўнай камісіі”, а праз год – “Каталог музея і архіва ВВАК”, вокладку якога сам аформіў. На адным з пасяджэнняў камісіі К. Змігродзкі выступіў з публічнай лекцыяй “Польскі ваенны флот”, тэкст якой у 1911 г. быў выдадзены асобнай брашурай.

Ва ўсіх беларускіх крыніцах сцвярджаецца, што мастак працаваў у Віцебску да 1914 г. У адным з польскіх перыядычных выданняў (“Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne” за 1913 г.) у раздзеле “Хроніка” ёсць паведамленне аб тым, што ў жніўні 1913 г. К. Змігродзкі зацверджаны дырэктарам Польскага нацыянальнага музея ў Раперсвілі (Швейцарыя). Таму мы лічым, што мастак мог працаваць у Віцебску толькі да жніўня 1913 г.

У Раперсвілі К. Змігродзкі захапляецца новым для сябе відам мастацтва – медальерным. У 1917 – 1926 гг. ён вырабляе некалькі дзясяткаў медалёў у гонар Т. Касцюшкі, Я. Дамброўскага, Г. Сенкевіча, У. Рэйманта, У. Плятэра, 50-годдзя музея, у якім працаваў. К. Змігродзкі рабіў таксама медалі, прысвечаныя медыцынскім з’ездам, кангрэсам, сімпозіумам. У 1927 г. разам з музеем мастак вяртаецца ў Польшчу і працягвае працаваць у музеях[52].

Прадстаўлены ў зборніку інфармацыйная нататка і тры рэпрадукцыі прац яшчэ аднаго скульптара і кераміста – Вацлава Бубноўскага (1865 – 1945). Ён атрымаў вядомасць як майстар вытанчанай салоннай скульптуры, што ў свой час упрыгожвала асабнякі і палацы. Нарадзіўся Вацлаў Бубноўскі (Wacław Bębnowski) ў маёнтку Дубянец Полацкага павета (зараз Расонскі раён). У розных публікацыях сустракаюцца розныя варыянты яго прозвішча: Вацлаў Аляксандравіч Бубноўскі (бел.), Вацлаў Бэмбноўскі (бел.), Вацлаў Бямбноўскі (бел.), Вацлав Бебновский (рус.). Вучобу пачаў у Маскоўскім вучылішчы жывапісу, скульптуры і дойлідства. У 1888 г. з’ехаў у Кракаў у акадэмію мастацтва. З 1893 г. – у акадэміі мастацтваў у Мюнхене,



Баляслаў Тамашэвіч. Аўтапартрэт

потым стажыраваўся ў Парыжы ў акадэміі Каларосі.

У 1898 г. В. Бубноўскі на некаторы час пасяліўся ў Варшаве, дзе працаваў галоўным чынам над афармленнем касцёлаў. Вярнуўшыся на пачатку ХХ ст. у родныя мясціны, ён удзельнічаў у афармленні цэркваў і касцёлаў у Віцебску і Сянно. Тут ім было створана некалькі скульптур, у тым ліку скульптура Аляксандра Неўскага для Сенненскага сабора, а таксама некалькі арнаментальна-дэкаратыўных скульптур для цэркваў у Сенненскім павеце. Францысканскі касцёл у Сянно, які дзейнічаў да 1937 г., упрыгожвалі насценныя роспісы, зробленыя В. Бубноўскім.

У 1903 г. скульптар перабіраецца ў вёску Служава, што знаходзіцца на поўначы Польшчы ў Куяўскім ваяводстве, і працуе над аздабленнем касцёлаў. У 1905 г. В. Бубноўскі набывае зямельны надзел з садам і дом у Аляксандраве Куяўскім. У гэтым доме ён будзе жыць да канца свайго жыцця. Тут ён адкрыў сваю скульптурна-керамічную майстэрню і пачаў выпуск дэкаратыўных ваз і статуэтак у стылі мадэрн, бюстаў, фігурак звяроў, скульптур на літаратурныя тэмы для продажу. Яны разыходзіліся далёка, трапляючы нават у Берлін і Лондан. Мастак распрацоўвае ўласны спосаб паціравання керамікі і шырока карыстаецца ім. Ён выконвае шэраг партрэтаў у рэалістычнай манеры. У 1922 – 1930 гг. В. Бубноўскі працуе настаўнікам малявання ў Аляксандраўскай гуманітарнай гімназіі і ў сваёй майстэрні да пачатку Другой сусветнай вайны. Памёр мастак 26 мая 1945 г. і пахаваны на мясцовых парафіяльных могілках. Сёння самая шматлікая і разнастайная калекцыя яго прац знаходзіцца ў музеі Куяўскай і Добжынскай зямлі ў Влацлавеку, у прыватных калекцыянераў і сям’і мастака. У 2009 г. вышэй названы музей выдаў каталог прац В. Бубноўскага, у якім прадстаўлена 139 скульптурных форм, 40 карцін і малюнкаў, 55 шырокафарматных фотаздымкаў. Ёсць яго творы ў Нацыянальных музеях у Варшаве і Познані[53].

Жывапісец і ілюстратар Баляслаў Тамашэвіч (Bolesław Tomaszewicz, 1863 – 1918) нарадзіўся ў маёнтку Колунь (зараз Калупэ) Дзвінскага павета ў беднай сям’і. Дзяцінства і юнацтва будучага жывапісца прайшлі ў маёнтку Арэндоль ля Дзвінска. Нягледзячы на цяжкасці, ён усё ж скончыў Дзвінскае рэальнае вучылішча і ў 1883 г. паступіў вольным слухачом у Пецярбургскую акадэмію мастацтваў[54].

У пачатку 1890-х гг., ужо маючы званне мастака, ён вярнуўся ў маёнтак Арэндоль, стаў землеўласнікам і працягваў займацца мастацтвам. У складзе археалагічнай камісіі падарожнічаў па Беларусі і Украіне, неаднаразова бываў у Віцебску. Рабіў замалёўкі народнага побыту і адзення беларусаў. Малюнкі і акварэлі Б. Тамашэвіча змяшчаліся ў расійскіх і польскіх ілюстраваных часопісах, што выдаваліся ў Вільні і Пецярбургу. У часопісе “Край” ён, дарэчы, працаваў некаторы час у аддзеле ілюстрацый. Прымаў удзел у шматлікіх мастацкіх конкурсах. У 1896 г. пабываў у Крэве, у выніку чаго з’явілася серыя малюнкаў з адлюстраваннем замка і самога мястэчка. Якраз у гэты час рыхтавалася да выхаду кніга Чэслава Янкоўскага “Ашмянскі павет”. Малюнкі Б. Тамашэвіча былі ўзяты ў якасці ілюстрацый да кнігі.

Аднолькава паспяхова Б. Тамашэвіч працаваў у жанры пейзажа, пісаў партрэты і побытавыя кампазіцыі. Вялікае месца ў творах мастака займае адлюстраванне быту так званага “сярэдняга саслоўя” –



Б. Тамашэвіч. Выміраючы тып.
Рэпрадукцыя з альманаха “Z okolic Dźwiny”

заможных сялян, багатых рамеснікаў і гандляроў. Сярод яго вядомых твораў, якія называюцца ў энцыклапедыях і іншых крыніцах, “Сустрэча”, “Паляванне на качак”, “На канікулах”, “Не пушчу”, “Пасля абедні”, “Свавольнікі”, “Беларуска ў нацыянальным касцюме”[55]. У зборніку “З ваколіц Дзвіны” Б. Тамашэвіч аформіў тытульную вокладку, зрабіў партрэты віленскага біскупа Эдварда фон Ропа і кампазітара Ігнація Падэрэўскага. Ёсць тут кароткая нататка пра яго творчасць і аўтапартрэт 1909 г.

Цікавым графікам, майстрам станковага партрэта і гістарычных кампазіцый быў Тадэвуш (па расійскаму пашпарту Фадзей) Дмахоўскі (Tadeusz Dmochowski, 1856 – 1930). Нарадзіўся ён у Пінскім павеце Мінскай губерні. За ўдзел у паўстанні 1863 г. яго бацька быў сасланы ў Сібір. Неўзабаве памерла маці. Хлопец выхоўваўся ў бабулі ў Дзвінску. Пачатковую мастацкую адукацыю атрымаў у Варшаўскай малявальнай школе. Затым у 1873 – 1877 гг. вучыўся ў Пецярбургскай акадэміі мастацтваў. У Пецярбургу Т. Дмахоўскі выявіў вялікія здольнасці ў гістарычным і пейзажным жывапісе. З 1880 г. працягваў вучобу ў Кракаве, дзе блізка пазнаёміўся з колам Матэйкі і Герымскага, працаваў у тэхніцы вітража. Для касцёла св. Марыі ў Кракаве выканаў дзве вялікія кампазіцыі. Займаўся Т. Дмахоўскі і педагагічнай дзейнасцю. У 1907 г. выкла-даў арнаментыку ў Вышэйшай школе заахвочвання мастацтваў у Пецярбургу. Некаторы час працаваў выкладчыкам жывапісу і гісторыі мастацтваў у гімназіях Віцебска і іншых беларускіх гарадоў. З 1920 г. – выкладчык факультэта мастацтваў Віленскага ўніверсітэта.

Як піша ў нарысе пра мастака Ян Обст, Т. Дмахоўскі дасканала ведаў не толькі мастацтва, яго гісторыю, але практычна ўсе гуманітарныя навукі. Яго эрудыцыя была дзівоснай, прынцыпы непарушныя, а сэрца перапоўнена любоўю да роднага краю.

Пад уплывам Я. Матэйкі Т. Дмахоўскі захапіўся геральдыкай. Яму належыць серыя малюнкаў гербаў Полацка, Віцебска, Веліжа і іншых гарадоў для “Гербоўніка літоўскага”, якія публікаваліся ў пачатку XX ст. у віленскіх часопісах “Kwartalnik Litewski”, “Litwa i Ruś”. У зборніку “З ваколіц Дзвіны” мы можам бачыць зробленыя ім малюнкі гербаў і пячатак Віцебска, Полацка, Веліжа і некалькі рэпрадукцый іншых яго твораў.

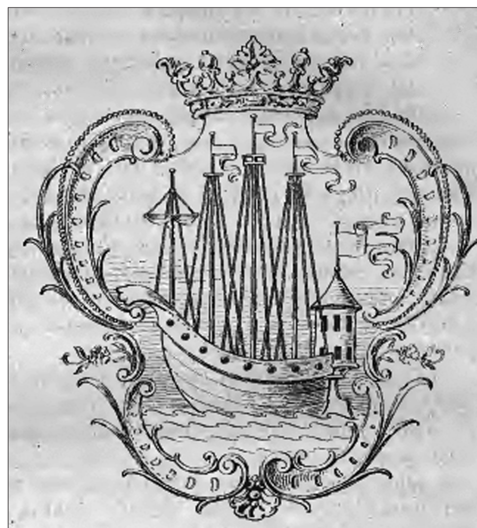
Графічных твораў Т. Дмахоўскага захавалася няшмат. Акрамя малюнкаў гербаў у бібліятэцы Акадэміі навук Літвы знаходзяцца літаграфскія партрэты беларуска-літоўскіх князёў. Іх кампазіцыйная будова і малюнак дазваляюць меркаваць, што яны з’яўляюцца падрыхтоўчым матэрыялам для вялікіх гістарычных палотнаў. Па завершанасці і мастацкай выразнасці гэта, аднак, цалкам скончаныя мастацкія творы[56].

Гаворачы пра ілюстрацыі ў зборніку, неабходна адзначыць, што акрамя прац мастакоў тут былі змешчаны фотаздымкі амаль усіх яго аўтараў і некаторых іх герояў, былога Дынабургскага замка, манет крыжакоў, касцёлаў у Дагдзе і Сар’і. У раздзеле “Карты і планы” знаходзяцца шэсць планаў гарадскіх фартыфікацый часоў Стэфана Баторыя, план асады Полацка ў 1579 г., а таксама карта Полацкага ваяводства XVI ст.

Усё вышэй сказанае сведчыць аб тым, што надрукаваны больш за сотню гадоў таму на польскай мове зборнік “З ваколіц Дзвіны” раскрывае многія забытыя або



Т. Дмахоўскі. Герб Віцебска



Т. Дмахоўскі. Герб Полацка

малавядомыя старонкі нашай гісторыі і ўяўляе безумоўную цікавасць не толькі для прафесійных гісторыкаў і мастацтвазнаўцаў, але і шматлікіх краязнаўцаў Прыдзвінскага краю і прыгранічных раёнаў Латвіі. Усе аўтары зборніка хоць і ідэнтыфікавалі сябе з польскай нацыянальнасцю, пісалі пра гісторыю сваёй малой радзімы, дзяліліся сваімі мастацкімі і навуковымі напрацоўкамі. Гэтым самым яны ўносілі свой уклад у навуку і мастацкую культуру суверэнных зараз краін: Беларусі, Расіі, Польшчы, Літвы і Латвіі[57]. Таму няма нічога дзіўнага ў тым, што імёны многіх з іх можна сёння знайсці ў беларускіх, расійскіх, польскіх , літоўскіх і латвійскіх энцыклапедыях і навуковых публікацыях.

Літаратура і крыніцы:

1. *Мальдзіс А.* Галасы мінулага // Літаратура і мастацтва.1964. № 63. 7 жніўня. С. 4; *Матеюн А.* Листая страницы старого сборника: Интервью с исследователем сборника "Z okolic Dźwiny" Ф.И. Шкирандо // Витебские вести. 2015. № 99. 29 августа. С. 11.

2. *Параделов М.Я.* Адресная книга русских библиофилов и собирателей гравюр, литографий, лубков и прочих произведений печати. М., 1904. С. 124, 147.

3. *Тарасаў К.* Памяць пра легенды: Постаці беларускай мінуўшчыны. Мн., 1994. С. 219.

4. *Ajewski K.* Wacław Fedorowicz – zapomniany kolekcjoner z Witebska // Muzealnictwo. 2014. Nr. 55. S. 118 – 130.

5. Эл. рэсурс: Соколовские герба Корбут // www.forum.vgd.ru/1985/68844. Час доступу 12.03.2018.

6. *Narkowicz L.* Życie i spuścizna Jana Obsta.Wilno, 2001; *Narkowicz L.* Jan Konrad Obst – publicysta, wydawca, historyk (1876 – 1954). Bydgoszcz, 2004.

7. Федаровіч Вацлаў Пятровіч // *Півавар М.В.* Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г.: Даведнік. Віцебск, 2006. С. 126 – 127; Асветнікі зямлі беларускай: X – пачатак XX ст.: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 2006. С. 446; Пусть память останется…: Сборник некрологов о жителях и уроженцах Витебска / сост. и вступ. статья А.М. Подлипского. Витебск, 2015. С. 14 – 16.

8. *Баршчэўскі Я.* Лісты. Пер. М. Хаўстовіч // *Баршчэўскі Я.* Выбраныя творы. Мн., 1998. С. 405 – 432; *Баршчэўскі Я.* Лісты да Юліі: Вершы, балады // У перакладзе А. Канапелькі. Віцебск, 2003. 34 с.; *Баршчэўскі Я.* Лісты да Юліі: Пісьмы, вершы, балады / Укладанне, пераклад з польскай мовы В.У. Таранеўскага. Літаратурная апрацоўка вершаў і балад А.М. Канапелькі. Віцебск, 2004. 111 с.; *Нікалаеў М.В.* Беларускі Пецярбург. СПб., 2009. С. 107 – 111.

9. *Мархель У.І.* Лучына Янка // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5 т. Т. 3. Мн., 1986. С. 308 – 309; Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік у 6 тамах. Т. 4. Мн., 1994. С. 113 – 114; Энциклопедия Республики Беларусь. Т. 4. Мн., 2007. С. 571.

10. *Шкирандо Ф.* Далеко уходят корни…(о творческой дружбе и переписке Я. Лучины с О. Чюминой) // Новгородская правда. 1984. № 110. 13 мая. С. 3; *Ziemkiewicz T.* Jan Niesłuchowski (Janka Łuczyna) i jego związki z Polską // W kręgu literatury białoruskiej. Olsztyn, 1994. S. 19; *Лыч Л., Навіцкі У.* Гісторыя культуры Беларусі. 2-е выд. дап. Мн., 1997, С. 192; Papiery różne ze zbiorów Aleksandra Walickiego z lat 1869 – 1892 // Biblioteka Narodowa w Warszawie, rękopis nr. 2981, k. 3 – 11.

11. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. Ф. 733. Воп. 165. Спр. 201.

12. Эл. рэсурс: www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/stanislaw-hlasko. Час доступу 12.04.2018; Polski Słownik Biograficzny. T. 9. S. 549.

13. Эл. рэсурс: www.forum.vgd.ru/post/1985/6888/p2353189/htm. Час доступу 17.04.2018.

14. Wanda Gizbert-Studnicka (nekrolog) // Nowiny Bialostockie. 30 marca 1924 r. Nr. 6; эл. рэсурс: www.mojecmentarze.blogpost.com.by/2016/03/wanda-studnicka-gizbert.html. Час доступу 18.04.2018.

15. Polski Słownik Biogragiczny. Z. 190. T. 46/3. Warszawa, 2010. S. 387; эл. рэсурс: www.eduteka.pl/doc/szadurska-stanislawa-pseud-s-stamar. Час доступу 19.06.2014; www.ryga.msz.gov.pl/pl/wspolpraca_dwustronna/kultura/literatura. Час доступу 19.06.2014.

16. Падрабязней пра К. Іллаковіч гл.: Віцебскі сшытак. 2017. № 5. С. 147 – 179.

17. Эл. рэсурс: www.sejm-wielki.pl/b/sw.3759. Час доступу 24.03.2018.

18. Encyklopedia Polski. T. 3. Kraków, 1996. S. 621.

19. *Слонский Э.* Та, что не погибла. Пер. А. Базилевского // Новая Польша. 2014. № 7 – 8. С. 64 – 65.

20. *Boniecki A.* Herbarz Polski. T. XI. Warszawa, 1907. S. 187; эл. рэсурс: www.baza.vgdru.com/1/16786. Час доступу 14.03.2018; *Aftanazy R.* Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. T. 1. Województwa mińskie, połockie, witebskie. Warszawa - Kraków, 1991. S. 199 – 200.

21. *Дзевановский М.К.* Польский профессор из Петербурга // Новая Польша. 2004. № 10. С. 33 – 35; *Motyka K.* Uznany lecz nie znany. 50-lecie śmierci Leona Pietrażyckiego //Kultura. 1981. 24 maja. S. 6.

22. *Петражицкий Л.И.* // Социологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.Н. Данилова. Мн., 2003. С. 529; Социология: Энциклопедия. Мн., 2003. С. 721; Асветнікі зямлі беларускай: X – пачатак XX ст. С. 327 – 328; Большая энциклопедия: В 62 томах. Т. 36. М., 2006. С. 309; *Нікалаеў М.В.* Беларускі Пецярбург. С. 186; Большая Российская энциклопедия. Т. 26. М., 2014. С. 90 і інш.

23. *Gieysztor A.* Dziejopisarstwo w Wilnie międzywojennym // Lithuania. 1994. Nr. 4. S. 59; *Tomczak A.* Mienicki Ryszard // Polski Słownik Biograficzny . T. 20. S. 801; *Каханоўскі Г.* Мяніцкі Р.В. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 тамах. Т. 5. Мн., 1999. С. 249; Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т. 11. Мн., 2000. С. 73; *Півавар М.В.* Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г. С. 88 – 89; *Хоронжичевский В.* Рышард Меницкий – исследователь белорусских архивов // *Хоронжичевский В., Деген Р.* Историческое наследие Беларуси: выявление, сохранение и изучение: материалы международной конференции (17 – 18 мая 2012 г.). В 2 ч. Ч. 2. Мн., 2013. С. 161 – 173.

24. *Melanowski W.H.* Profesor dr. med. Kazimierz Noiszewski //Medycyna Warszawska. R. 4. 1930. S. 471 – 473; *Ostrowska T.* Noiszewski Kazimierz // Polski Słownik Biograficzny. T. 23. S. 171 – 172; Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917 – 1997: В 6 томах / Сост. В.Н. Чуваков и др. Т. 5. М., 2004. С. 165; *Волков В.В. и др.* К.И. Ноишевский и его вклад в офтальмоневрологию // Офтальмологические ведомости. 2009. Т. 2. № 3. С. 81 – 86.

25. Ś. p. Dr. Aleksander Ossendowski // Nowiny Lekarskie. 40 (1). 1928. S. 32.

26. *Літвіновіч А.* Мантойфель Г. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 тамах. Т. 5. Мн., 1999. С. 70; Manteuffel Hustaw // Polski Słownik Biograficzny . T. 19. S. 491 – 493; Мантойфель Густаў // *Півавар М.В.* Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г. С. 80 – 81; эл. рэсурс: www.wiki-org.ru/Мантейфель_Густав_фон. Час доступу 27.04.2018.

27. *Garlicki A.* Historia 1815 – 1939. Polska i świat. Warszawa, 1998. S. 160 – 162.

28. Władysław Studnicki // Encyklopedia Polski. T. 3. Kraków, 1996. S. 650; Polski Słownik Biograficzny. T. 45. S. 125.

29. Wacław Studnicki // Polski Słownik Biograficzny. T. 45. S. 121 – 125; эл. рэсурс: https://pl.wikipedia.org/wiki/wiki/Waclaw_Studnicki. Час доступу 28.04.2018.

30. *Биович М.М.* Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Первый созыв. М., 1906. С. 28; эл. рэсурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шахно_Богдан_Брониславович. Час доступу 30.04.2018; www.grani.lv/daugavpils/54944-udiwitelnoe-ryadom.html. Час доступу 25.03.2018.

31. *Смалянчук А.Ф.* Роп (Ropp) Эдвард фон // Рэлігія і царква на Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. Мн., 2001. С. 278.

32. Stanisława Studnicka // эл. рэсурс: www.isni.org/isni/0000000116498964. Час доступу 20.04.2018.

33. Gustaw Reutt // Polski Slownik Biograficzny. T. 31. S. 159; Z okolic Dźwiny. Wilno, 1912. S. 198.

34. *Czarkowski L.* Pseudonimy i kryptonimy polskie. Wilno, 1922.

35. Гіжыцкі Ян Марэк Антоній // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т. 5. Мн., 1997. С. 241; *Півавар М.В.* Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г. С. 42; Polski Słownik Biograficzny. T. 8. S. 22 – 23; *Domalewska D.* Jan Marek Giżycki zapomniany dziejopis // Czasopismo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Zesz. 17. 2006. S. 65 – 77.

36. Артыкул Я.М. Гіжыцкага (М. Газдавы) "Успаміны пра віцебскіх піяраў" у перакладзе на беларускую мову быў надрукаваны ў № 3 (1997 г.) "Віцебскага сшытка" (с. 71 – 85).

37. *Мякишев В.П.* Корреспонденция Я.М. Гижицкого с А.П. Сапуновым как отражение связей в научном сообществе конца XIX века // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковай канферэнцыі, Віцебск, 23 – 24 кастрычніка 2014 г. Віцебск, 2017. С. 124 – 144.

38. *Чертков Л.Н.* Оссендовский Антон Мартынович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968. С. 485; *Eustachiewicz L.* Dwudziestolecie. 1919 – 1939. Warszawa, 1982. S. 130; Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny. T. II. Warszawa, 1985. S. 116; Encyklopedia Polski. T. 2. Kraków, 1996. S. 475; *Старцев В.И.* Ненаписанный роман Оссендовского. М., 2005.

39. Гл.: Віцебскі сшытак. 2017. № 5. С. 5 – 25.

40. *Цехановецкий В.П.* Хроника одного поместья: Бочейково. Витебск, 1905; Цеханавецкі У.П. // *Півавар М.В.* Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г. С. 130; *Думін С.* Цеханавецкія // Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах. Т. 17. Мн., 2003, С. 108; эл. рэсурс: www.нашкрай.бел/2017/08/11/цехановецкий-владислав-павлович-1860-1910. Час доступу 9.05.2018.

41. *Каханоўскі Г.А.* Буйніцкі Казімір Андрэевіч // Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Т. 3. Мн., 1996. С. 322; *Samborska-Kukuć D.* Polski inflantczyk: Kazimierz Bujnicki (1788 – 1878), pisarz i wydawca. Kraków, 2008. 536 s.; Культура Беларусі: энцыклапедыя. Т. 2. Мн., 2011. С. 111.

42. *Вяроўкін-Шэлюта У.* Плятэры // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 5. Мн., 1999. С. 515 – 516; *Матвейчык Д.* Успаміны Яўгена Плятэра пра паўстанне 1863 – 1864 гадоў у Дынабургскім павеце // Асоба і час: Беларускі біяграфічны альманах. 2016. Вып. 6. С. 48 – 52; Яўген граф Броэль-Плятэр. Успаміны за 1863 год // Тамсама. С. 53 – 66.

43. *Хмяльніцкая Л.У.* На Белай Русі ў Сар'і: (нарыс з гісторыі маёнтка і роду Лапацінскіх). СПб-Мн., 2001. 104 с.; эл. рэсурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лопацинский_Станислав_Игнатьевич. Час доступу 17.05.2018.

44. Сар'янскі касцёл // Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Т. 14. Мн., 2002. С. 189; *Ярошевич К.* Тайны поместья Сарья // Белорусская нива. 24.11.2011.

45. *Чарапіца В.М.* Гласко Восіп (Юзаф) //Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Т. 5. Мн., 1997. С. 286.

46. Расійскі дзяржаўны архіў ваенна-марскога флоту ў Санкт-Пецярбургу. Ф. 873. Воп. 4. Спр. 173; Ф. 406. Воп. 12. Спр. 427; Ф. 406. Воп. 7. Спр. 538; *Hłasko F.* Morzami ku Polsce. Z pamiętnika marynarza. Warszawa, 1922; *Pertek J.* Hłasko Florian // Polski Słownik Biograficzny. T. 9. S. 546 – 549; Гласко Фларыян // *Нікалаеў М.В.* Беларускі Пецярбург. С. 34; эл. рэсурс: www.polskipetersburg.pl/hasla/hlasko-antoni-florian. Час доступу 12.04.2018.

47. *Rataj A.* Stefania Ulanowska: Tajemniczy życiorys, niepublikowane fragmenty twórczości. Białystok, 2016. 218 s.; Zapiski Historyczne Poswięcone Historii Pomorza i Krajów Bałtyckich. Rocznik 2013. T. 78. Nr. 4 (artykuł T. Rączki); *Rembiszewska D.* XIX-wieczne badania ludoznawcze na obszarze Łotwy w świetle korespondencji Stefanii Ulanowskiej do Jana Karłowicza // Acta Baltico-Slavica. 2014. S. 98 – 107.

48. Храпавіцкі Ян Антоні // Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Т. 17. Мн., 2003. С. 58; *Таранеўскі В.У.* Ян Антоні Храпавіцкі і яго "Дыярыуш" // Польскамоўныя мемуары Беларусі XVII стагоддзя: Дапаможнік. Віцебск, 2005. С. 21 – 26; *Пазднякоў В.* Храпавіцкі Ян Антоні // Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя. У 3 т. Т. 2. Мн., 2006, С. 717; *Півавар М.В.* Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г. С. 129.

49. Юзаф Шадурскі // www.sejm-wielki.pl/b/3.146.36. Час доступу 3.05.2018; www.dancesport.by/content/tantcy-raskryvayushchie-kharakter-naroda. Час доступу 4.05.2018.

50. Сядзібна-паркавы ансамбль Храпавіцкіх. Каханавічы // https://www.radzima/org/be/object/7743.html. Час доступу 4.05.2018; https://www.myheritage.com/person-68501633_411658131/marian-antoni-andrzej-chrapowicki?lang=RU. Час доступу 4.05.2018.

51. *Uniechowska-Dembińska K.* Apokryf wenecki. Warszawa, 2004. 286 s.; *Minakowski M.J.* Elita kresowa i smoleńska. Krakow, 2011; эл. рэсурсы: Jadwiga Chludzińska z Chludni h. Cholewa // www.sejm-wielki.pl/b/2.1012.427. Час доступу 8.05.2018; https://pl.wikipedia.org/wiki/Leskawiczy. Час доступу 8.05.2018; Spis zmarłych. Nazwiska z zakresu Lex-lipiec // www.nekrologi-baza.pl/zlista/223. Час доступу 4.05.2018; www.wtg-gniazdo.org/forum. Час доступу 4.05.2018.

52. Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. 1913. Nr. 9. S. 141–142; *Кацер М.С.* Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода: очерки. Мн., 1969. С. 183, 192; *Падлінскі А.* Дарогі ляжалі праз Віцебск // Віцебскі рабочы. 1991. 21 сакавіка; Змігродзкі Канстанцін Антонавіч // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі ў 5 тамах. Т. 2. Мн., 1985. С. 534; Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. Мн., 1996. С. 452; Беларуская энцыклапедыя ў18 т. Т. 7. Мн., 1998. С. 97; *Півавар М.В.* Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г. С. 56.

53. Гісторыя беларускага мастацтва: У 6 т. Т. 3: канец XVIII – пачатак XX ст. Мн., 1989. С. 383 – 384; *Лявонава А.К.* Бубноўскі Вацлаў Аляксандравіч // Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Т. 2. Мн., 1996. С. 304; *Kotula K.* Wacław Bębnowski (1865 – 1945). Katalog dzieł ze zbiorów Muzeum Ziemi Kujawskiej i Dobrzyńskiej we Włocławku. Włocławek, 2009. 112 s.; *Баўтовіч М.* Вацлаў Бубноўскі – вучань Івана Хруцкага // Іван Хруцкі: мастацтва ў дыялогу культур: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 200-годдзю з дня нараджэння вядомага беларускага жывапісца Івана Фаміча Хруцкага (5 верасня 2010 г., г. Полацк). Мн., 2010. С. 77 – 83.

54. Асабовая справа Б. Тамашэвіча (Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. Ф. 789. Воп. 11. Спр. 106).

55. Тамашэвіч Баляслаў Цітавіч // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі ў 5 т. Т. 5. Мн., 1987. С. 234; Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Т. 15. Мн., 1998. С. 412; *Русецкий А.В., Русецкий Ю.А.* Художественная культура Витебщины: Поозерье, Подвинье, Верхнее Поднепровье (в контексте восточнославянских и западноевропейских процессов). Витебск, 2008. С. 597.

56. *Дробаў Л.Н.* Графіка Беларусі XIX – пачатку XX ст. Мн., 2000. С. 40 – 41; Дмахоўскі Фадзей Уладзіслававіч // Асветнікі зямлі беларускай: X – пачатак XX ст.: энцыкл. даведнік. Мн., 2006. С. 143; Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Т. 6. С. 168; Культура Беларусі: Энцыклапедыя. Т. 3. Мн., 2012. С. 451 – 452; эл. рэсурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дмоховский_Тадеуш_Владиславович. Час доступу 5.06.2018.

57. *Ширшов И.Е., Баландин К.И.* Роль белорусско-польской шляхты в белорусском возрождении XIX – начала XX в. // Ельскія чытанні: матэрыялы канферэнцыі "Шляхецкая культура Беларусі XIX – пачатку XX ст." (Дудуткі, 27 красавіка 2013 года). Мн., 2013. С. 124 – 141.

L a t g a l e

Алесь СУША, Байба ИВАНЕ-КРОНБЕРГА

БЕЛОРУССКИЕ КОРНИ ЛАТГАЛЬСКОГО БУКВАРЯ

Беларусь и Латвия – страны-соседи. И при этом, как ни странно, достаточно мало знающие друг о друге. Для белорусов Латвия остается наименее знакомой из всех сопредельных государств. Точно так же и у латышей знаний о Беларуси, ее истории и культуре совершенно недостаточно для развития нормальных добрососедских отношений. Для большинства граждан наших стран совершенно не известны многочисленные страницы нашей общей истории, примеры продуктивного и конструктивного сотворчества. Это вызывает тревогу, поскольку наработанный столетиями потенциал сотрудничества и взаимовлияния не всегда оказывается востребован в наши дни.

В действительности культуры Беларуси и Латвии столь тесно переплетены на протяжении исторического пути развития наших народов, что иногда становится крайне сложно «разделить» отдельные достижения, памятники культуры, «развести» по отдельным странам имена значимых творцов. Слишком много общего мы имеем (хотя, безусловно, отличий также немало). Начиная с древнейших народных традиций и фольклора, языкового взаимовлияния на протяжении многих веков и доходя до современного, весьма плодотворного сотрудничества.

Таким образом, Беларусь и Латвия – это не просто соседи, имеющие общую границу. Это две страны, имеющие много общего уже с древнейших времен. Изучение подобной общности и близости может стать основой для развития взаимных отношений на современном этапе. Ведь знание действительно имевших место точек соприкосновения наших народов, близость и даже родственность наших культур позволяет опираться на них в выстраивании совместных отношений сегодня.

Одной из подобных страниц в истории культурного взаимодействия наших народов является процесс создания и издания первых латгальских Букварей. В нем слились воедино языковые, педагогические, научные, издательские традиции обеих стран. Латгалия, которая с древнейших времен находится на пограничье с белорусскими этническими землями, изначально была местом межкультурного диалога и взаимовлияния. Что интересно, зарождение латгальской литературы и просвещения тесно связано с Беларусью. В отношении же первых латгальских Букварей и книг для начального обучения и религиозного просвещения можно уверенно говорить о ключевом влиянии не только латышских изданий из Лифляндии и Курляндии, но и традиций Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) и непосредственно белорусской культуры.

Пример первых латгальских Букварей позволяет не только найти общее в исторических путях культур Беларуси и Латвии, но и обратить внимание на их характерные особенности, отличительные черты, позволяющие говорить об особом и самобытном духовном облике наших народов. В некотором плане благодаря этому примеру можно говорить и об определенных тенденциях в формировании национальной идентичности белорусов и латышей, поскольку книгопечатание (тем более учебной литературы, закладывающей основы ценностных ориентаций населения) оказывало существенное влияние на эти процессы.

Целью данной статьи является стремление проследить процесс зарождения

латгальского учебного книгоиздания и оценить в нем роль белорусского фактора. При этом особое внимание следует уделить роли в этом процессе выходцев из Беларуси, духовных и светских административных структур (Виленской и Могилевской епархий, Витебской губернии, Виленского генерал-губернаторства и др.), учреждений образования (Виленской и Полоцкой академий, Краславской семинарии и др.), белорусско-литовских типографий (в Вильне, Полоцке, Могилеве).

История латгальского книгопечатания нашла уже достаточно широкое отражение в трудах латвийских, немецких и польских ученых. В этом ключе сегодня вполне понятна и осознана роль Курляндии, Лифляндии, Пруссии и Польши в данном процессе. К сожалению, тема белорусского влияния на просвещение в Латгалии и в частности на возникновение латгальского Букваря является практически неисследованной. В белорусской историографии вопрос латгальского книгопечатания и учебной литературы для населения Латгалии практически не изучался. Отдельные упоминания данной темы у нескольких современных исследователей носят несистемный характер. В то же время источниковедческой базой для данного исследования стали труды ученых из Латвии, посвященные истории книги и просвещения.

Среди них следует особо упомянуть наиболее современный и полный, действительно фундаментальный каталог «Seniespiedumi latviešu valodā, 1525 – 1855»[1] и замечания к нему в части латгальских изданий Скайдрите Калване[2]. Большую пользу оказали труды по истории начального этапа латгальского книгопечатания, в первую очередь «Evangelia toto anno… (1753)» un latgaliešu rakstu valodas gaita», составленное Анной Стафецкой[3]. Непосредственно история латгальского Букваря наиболее глубоко рассмотрена исследователями и коллекционерами этих изданий в Латвии, среди которых следует отметить труды Валерий Сейле[4], Ливии Лабренце[5], Людмилы Тимощенко[6] и Юриса Цибульса[7].

Одним из основных источников для написания данной работы стали сами Буквари и книги для начального обучения, изданные на латгальском языке в XVIII – XIX вв. Нами были проанализированы многочисленные издания, хранящиеся в библиотеках Беларуси, Латвии, Литвы, Польши и России, а также в частных собраниях. Со многими из них мы работали непосредственно de visu, с иными знакомились благодаря цифровым копиям, любезно предоставленным нашими коллегами из других библиотек.

Зарождение латгальской книжности

Латгалия – это один из исторических регионов на востоке Латвии, который выделяется рядом культурных особенностей. Во все времена латгальцы сохраняли тесную связь с латышами и сыграли важную роль в формировании

[1] Seniespiedumi latviešu valodā, 1525 – 1855 : kopkatalogs = Die älteren Drucke in lettischer Sprache 1525 – 1855 : Gesamtkatalog / izstrādājis aut. kol. Silvijas Šiško vadībā ; zin. red. Aleksejs Apīnis ; [māksl. Valdis Villerušs] ; Latvijas Nacionālā bibliotēka. Rīga : Latvijas Nacionālā bibliotēka, 1999. 840 lpp.

[2] *Kalvāne, S.* Dažas piezīmes par latgaliešu grāmatām kopkatalogā «Seniespiedumi latviešu valodā 1525 – 1855» (1999) / Skaidrīte Kalvāne // Via Latgalica. 2012. № 4. 6 –13 lpp.

[3] Evangelia toto anno 1753 : pirmā latgaliešu grāmata / Latvijas Universitātes Latviešu valodas institūts; [indeksa sastādītāja, apcerējuma autore un atb. redaktore, Anna Stafecka]. Rīga : LU Latviešu valodas institūts, 2004. 354 lpp.

[4] *Seile, V.* Grāmatas Latgales latviešiem : latgaliešu dialektā izdoto grāmatu chronoloģiskais, sistēmatiskais autoru un izdevēju rādītājs : (1585 – 1936) / V. Seiļ. Rīga : Valters un Rapa, 1936. 600 lpp.

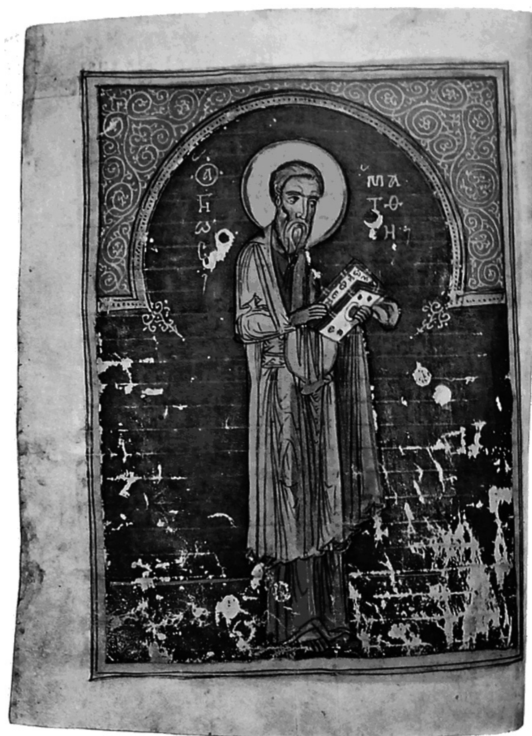
[5] *Labrence, L.* Latviešu ābece / Līvija Labrence. Rīga: Zvaigzne, 1988. 125 lpp.

[6] Букварь – начало всех начал / Даугавпилс. пед. ин-т ; сост. Л. Н. Тимошенко. Даугавпилс : ДПИ, 1991. 68 с.

[7] *Cibuļs, J.* Latgaliešu ābeces, 1768 – 2008 / Juris Cibuļs. Rīgā : Zinātne, 2009. 169 lpp.

современной Латвии. Однако исторически этот край был очень тесно связан не только со странами Балтийского региона, но и с белорусскими землями.

С древнейших времен район вдоль Двины (Daugava) в религиозном отношении входил в сферу влияния Полоцкого княжества. Двина, протекающая через земли латгалов, была главным торговым путем для полоцких купцов, что составляло фундамент для взаимодействия наших народов. В определенные периоды полочане собирали дань с местных племен латгалов, а Западным форпостом Полоцкого княжества являлись подчиненные ему латгальские княжества-фактории Герцике и Кукейнос[8]. До возникновения Рижской католической епархии Полоцкая епархия являлась духовным центром для местных христиан. В этой связи весьма показательно, что древнейшим книжным памятником, который создан на территории Латгалии и всей Латвии и сохранился до наших дней, является Ерсикское Евангелие («Евангелие Лотыша» 1270 г.), которое представляет традицию полоцкой книгописной школы.



Ерсикское Евангелие 1270 г. Миниатюра с изображением евангелиста Матфея

Межкультурное взаимодействие на балто-славянском пограничье имело место уже в первом тысячелетии нашей эры. И даже значительно позднее, когда у жителей Беларуси и Латгалии окончательно оформились письменность и книгопечатание, творческое взаимодействие наших народов продолжалось[9]. Белорусский язык и народные традиции были восприняты и оказали влияние на жителей Латгалии. Точно так же и наоборот: белорусское население восприняло многие черты культуры своих северо-западных соседей, а воздействие языка и народных традиций Латгалии было весьма ощутимо и значительно для Беларуси. С древнейших времен имели место миграционные процессы и смешение населения в сопредельных землях: жители Латгалии селились в Беларуси и наоборот. Даже сегодня белорусы составляют значительное количество населения Латгалии, а в некоторых волостях (например, в Индрской, Пиедруйской и Робежниекской волостях Краславского района) даже составляют большинство жителей[10].

Что интересно, историческое формирование Латгалии как особого этнокультурного региона Латвии припадает как раз на время очень тесных контактов

[8] *Апине, И.* Особенности развития латышского и белорусского этносов: исторические параллели / Илга Апине // Латвія – Беларусь: дыялог двух культур : матэрыялы I Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 4 снежня 2004 года / [склад.: В. А. Піскунова, Т. Ф. Бучэль, Л. Р. Шакавец]. Рыга, [2005]. С. 9.

[9] *Apine, I.* Baltkrievi Latvijā / Ilga Apine ; Latvijas Zinātņu akadēmijas Filozofijas un socioloģijas institūta Etnisko pētījumu centrs. Rīga : Latvijas Zinātņu akadēmijas Filozofijas un socioloģijas institūts, 1995. 16, 17 lpp.

[10] *Melluma, A.* Latvijas pierobeža. Kāda tā ir / Aija Melluma // Latvijas Vēstnesis. 2003. 13.03. – https://www.vestnesis.lv/ta/id/72382.



Инфлянтское (сверху), Полоцкое и Виленское воеводства в составе Речи Посполитой на карте из атласа Джованни Антонио Рицци-Заннони 1772 г. Экземпляр Национальной библиотеки Беларуси

латгальцев и белорусов. На протяжении нескольких веков Латгалия развивалась в особых условиях по сравнению с остальной территорией современной Латвии. Начиная с 1561 г. Латгалия входила в состав белорусско-литовского государства – ВКЛ. Когда в 1569 г. была провозглашена уния (союз) ВКЛ и Польши и образовалась конфедеративная Речь Посполитая, то Латгалия также вошла в это государство в составе Инфлянтского воеводства (в то же время западные территории Латвии отошли в состав Шведской Лифляндии и Курляндского герцогства)[11]. В итоге несколько столетий белорусы и латгальцы жили в одном государстве и имели между собой самые тесные связи, общий контекст развития культуры. Все XIX и начало XX ст. Латгалия была частью Витебской губернии, что также значительно способствовало сближению региона с Беларусью. Лишь в 1917 г. на Конгрессе в Резекне (Rēzekne) представители Латгалии приняли решение об объединении своего края с остальными областями Латвии.

К этому следует добавить еще и религиозную близость. В то время как на западных территориях Латвии (Лифляндия и Курляндское герцогство) повсеместное распространение получил протестантизм (лютеранство), то в Латгалии доминировало католичество. Отсутствие собственной католической латгальской иерархии вынуждало жителей и духовенство Латгалии к самому тесному взаимодействию с соседними белорусско-литовскими землями ВКЛ, где также доминировало католичество и униатство. В смысле церковно-административного деления территория Латгалии относилась к Виленской католической епархии, основу которой составляли белорусские земли. С 1773 г. Латгалия вошла в сферу подчинения Белорусской епархии с центром в Могилеве,

[11] *Грыцкевіч, А.* Інфлянцкае ваяводства і Беларусь / Анатоль Грыцкевіч // Латвія – Беларусь: дыялог двух культур : матэрыялы I Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 4 снежня 2004 года / [склад.: В. А. Піскунова, Т. Ф. Бучэль, Л. Р. Шакавец]. Рыга, [2005]. С. 15.

а с 1783 г. – Могилевской католической архиепархии[12].

В Латгалии, как и в Беларуси, существовало достаточно терпимое отношение к представителям иных христианских и нехристианских конфессий. В отличие от достаточно монолитных в религиозном плане католических Литвы и Польши, протестантских Курляндии и Лифляндии, а также православной России, Латгалия (равно как и Беларусь) стала местом мирного проживания не только католиков, но и многочисленных православных, униатов, староверов и, конечно, иудеев.

Таким образом, несколько веков латгальцы были границей отделены от иных районов Латвии, а с другой стороны оказались близко связаны с белорусами и литовцами, а через них ощущали и польское влияние. Такой общественно-политический контекст определял формирование Латгалии как особой этнокультурной общности.

Именно в этот период происходило формирование латгальской письменности и книгопечатания, активно развивалось просвещение. Поэтому хорошо понятно, почему в деле издания первых латгальских учебников Беларусь также сыграла столь важную роль. Как оказывается, первые из них были выпущены отечественными типографиями – виленскими и полоцкими иезуитами и базилианами, а позже – и другими типографиями[13]. Следует отметить, что в это же время Буквари на латышском языке издавались в Риге (Rīga) и Елгаве (Jelgava, нем. Mitau), однако по языковым и религиозным причинам они имели слабое распространение в Латгалии.

Символично, что латгальское книгопечатание началось в столице белорусско-литовского государства – Вильне. Первым известным по литературным источникам латгальским изданием является «**Katoliszska Dzismiu gromota Diwam wyssywarygam por gudu un Latwiszim por izmociejszonu, sarakstita un izdrukowota Wilnie pi Baznickungu Jezuitu 1730 goda**»[14] («Католическая книга песен в честь всевышнего Бога и для обучения латышей, изданная в Вильне ксендзами иезуитами в 1730 году»). К сожалению, сегодня не известен ни один сохранившийся экземпляр первого издания этой книги[15].

Еще в 1935 г. в своей «Истории латгальской литературы» Меикулс Апельс (Meikuls Apeļs) писал, что ее издали виленские иезуиты. Второе издание книги вышло также в Вильне в 1733 г., третье – в 1765 г.[16] В некоторых источниках упоминается, что до 1871 г. «Katoliszska Dzismiu gromota…» переиздавалась 15 (!) раз, и высказывается предположение, что количество изданий могло быть даже большим, поскольку после запрета на выпуск латышских и латгальских книг латинским шрифтом во второй половине XIX в. это издание могло нелегально выходить под ложными (более ранними) выходными данными[17]. Однако эти сведения пока не находят документального подтверждения, и данная информация может оказаться существенно преувеличенной либо вовсе неточной[18].

В данном контексте важно отметить, что зарождение латгальской письменности и книгопечатания происходило в иезуитской среде[19]. Это выглядит совершенно естест-

---

[12] Рымска-каталіцкая царква ў ВКЛ // Вялікае Княства Літоўскае : ВКЛ : энцыклапедыя : у 2 т. 2-е выд. Т. 1 : А – К. Мінск, 2007. С. 114.

[13] Букварь – начало всех начал… С. 9.

[14] Seniespiedumi latviešu valodā… 87 lpp.

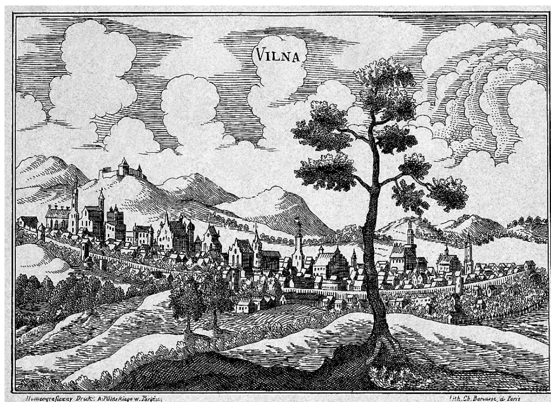
[15] *Breidaks, A.* Vērtīgs pētījums latviešu valodas vēsturē // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1979. № 1. 153 – 156 lpp.

[16] Seniespiedumi latviešu valodā… 87. lpp.

[17] *Apeļs, M.* Latgalīšu literaturas vēsture / Meikuls Apeļs. Rēzekne : Latgolas Kulturas centra izdevniecība, 2007. 13 lpp.

[18] *Kalvāne, S.* Dažas piezīmes par latgaliešu grāmatām kopkatalogā… 7 –8 lpp.

[19] *Runce, I.* Jezuītu ordenis un renesanses laikmetaidejas un to ienākšana Baltijā / Inese Runce // Reliģiski-filozofiski raksti / Latvijas Universitātes, Filozofijas un socioloģijas institūts ; galvenā redaktore: Solveiga Krūmiņa-Koņkova. Rīga : Latvijas Universitātes, 2016. 21 [sēj.] – 180 lpp.



Панорама Вильни. Гравюра XVII в.

венным, если понимать характер и методы деятельности этого католического ордена. Его нередко и совершенно незаслуженно упрекали в чрезмерной консервативности, связях с инквизицией и навязыванием латинской культуры и языка жителям разных стран. В действительности все обстояло совершенно противоположным образом. Общество Иисуса (орден иезуитов) был создан в 1534 г. для противостояния протестантскому движению в Европе и сразу же стал одним из самых активных и прогрессивных католических орденов. Именно ему принадлежит заслуга создания огромного количества учреждений образования – коллегиумов и академий – по всему миру, но прежде всего в Европе (в том числе Виленской и Полоцкой академий, а также многочисленных коллегиумов в Беларуси, Литве и Латгалии). Они же стали авторами многочисленных словарей, справочников и учебников по различным дисциплинам, оказали огромное влияние на развитие мировой науки.

Еще одна очень важная особенность – иезуиты активно обращались к изучению национальных языков, и это давало прекрасные результаты в их миссионерской деятельности. Ведь возможность общения с разными народами на их родных языках – это ключ к взаимопониманию и свидетельство уважения к их культуре. В результате именно иезуиты больше, чем любая иная организация в XVI – XVIII вв., сделали для изучения и развития многих национальных языков: от близких нам литовского, латышского и латгальского до далеких и многочисленных языков Азии и Америки.

В конце XVI – начале XVII в. в Латгалию приезжают первые миссионеры-иезуиты не только из собственно ВКЛ, но и из многих европейских стран. После изгнания иезуитов из Шведской Лифляндии (где повсеместную поддержку получили протестанты) многие иезуиты переехали из западных регионов Риги (Rīga) и Цесиса (Cēsis) в Двинск (Dvinska, сегодня Даугавпилс, Daugavpils) и Илуксту (Ilūkste). И все же именно ВКЛ оставалось основным духовным центром для иезуитов: оттуда приезжали многие миссионеры, там были созданы условия для развития образования, науки, книгоиздания и т. д.

Таким образом, именно монахи Общества Иисуса внесли важнейший вклад в возникновение латгальской литературы и книжности. Точное имя автора или авторов «Katoliszska Dzismiu gromota…» нам сегодня установить достаточно сложно. В научной литературе упоминаются различные версии, так или иначе связанные с историей ордена иезуитов того времени. Одна из первых возникших гипотез относительно авторства связана с личностью известного в XVII в. иезуита **Георгия Элгера** (Georgs Elgers, 1585 – 1672). В качестве вероятного высказывалось предположение, что эта книга была адаптацией или переизданием его публикации духовных песен «Cantiones Spirituales» (Вильно, 1673)[20]. Однако, как показывает сопоставление содержания и стиля духовных песен Г. Элгера с более поздними латгальскими изданиями, связи между ними не прослеживается вовсе. Вероятно, такое предположение родилось на основе общности тематики, аналогичного

[20] *Manteuffel, G.* Bibliographische Notiz über lettische Schriften welche von 1604 bis 1871 in der hochlettischen oder der sog. oberländischen resp. polnisch-livländischen Mundart veröffentlicht worden sind, in rein chronologischer Ordnung zsgest / Gustaw Baron Manteuffel. [Mitau : s.n., 1885]. S. 4; Seniespiedumi latviešu valodā… 87 lpp.

объема (178 с.) при недостаточной изученности истории просвещения в Латгалии[21].

Еще одно предположение связано с именем иезуита **Григория Шаблинского** (Gregors Šabļinskis, 1702 – 1744), который, по сведениям М. Букшса, хорошо владел языком местных жителей, часто бывал в крестьянских домах и ел с ними за одним столом[22]. Что важно, во время предполагаемого издания «Katoliszska Dzismiu gromota…» Г. Шаблинский находился в Беларуси, а точнее – изучал философию в Полоцком коллегиуме, до 1730 г. он по большей части находился в Вильне и Могилеве, а в ливонскую миссию попал лишь около 1737 г.[23] В каталоге «Seniespiedumi latviešu valodā» наряду с Г. Шаблинским также называется имя **Георгия Шпунгянского** (Georgs Špungjanskis)[24].

Однако наиболее вероятна версия, что автором первой латгальской книги был **Ян Лукашевич**[25] (латыш. Jānis Lukaševičs, польск. Jan Łukaszewicz; 1699 – 1779). В исторических источниках его называют литвином или уроженцем ВКЛ[26]. Следует отметить, что фамилия Лукашевич с давних времен и до наших дней чрезвычайно широко распространена в Беларуси. Свое образование он получил в Виленской иезуитской академии, где изучал философию и теологию. В 1716 г. он вступил в орден иезуитов в Вильне, после чего проходил обучение в Ковне, Полоцке, Вильне, Пошавше, Несвиже и др.[27] После вступления в сан (стал священником в 1728 г.) он работал в различных населенных пунктах Латгалии – Двинске, Вараклянах (Varakļāni), Прейлях (Preiļi), Извалте (Izvalta), Дубне (Dubna), Пуше (Puša), Баркаве (Barkava)[28]. Здесь он пользовался поддержкой инфлянтского подкомория и воеводы Яна фон Борха (нем. Johann von der Borch; 1713 – 1780), который содействовал католической церкви.

Миссионерская деятельность требовала от Я. Лукашевича знакомства с языком местного населения. Именно на его основе им были составлены первые латгальские книги. Несколько настораживает то, что около 1730 г., когда вышла «Katoliszska Dzismiu gromota…», Я. Лукашевич только лишь попал в Двинскую резиденцию и начал свое служение в Латгалии[29]. Так или иначе, первая книга была подготовлена монахами иезуитами и ими же издана в Вильно. Об этом можно говорить весьма уверенно.

Более точные предположения можно высказать относительно авторства следующего издания, которое правильно будет назвать первой латгальской книгой, которая сохранилась до наших дней. Речь идет о так называемом Евангелии для всего года «**Evangelia toto anno…**» (Вильно, 1753). На титульном листе этой книги написано, что Евангелие переведено несколькими ливонскими священниками («ex clero Livonico») на более широко распространенный тип речи латышского языка. В данном случае имеется в виду именно язык католического населения Латгалии.

---

[21] *Kalvāne, S.* Dažas piezīmes par latgaliešu grāmatām kopkatalogā… 7 lpp.

[22] *Bukšs, M.* Vacōkī rakstnīceibas pīminekli / Miķelis Bukšs. – [Feldafing] : Vl. Lōča izdevnīceiba, 1952. 79 lpp.

[23] *Kalvāne, S.* Dažas piezīmes par latgaliešu grāmatām kopkatalogā… 8.lpp.

[24] Seniespiedumi latviešu valodā… 87 lpp.

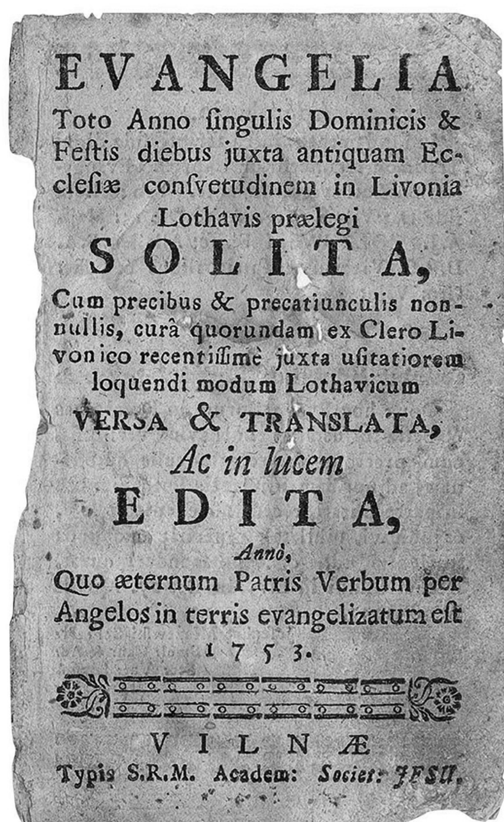
[25] *Apeļs, M.* Latgalīšu literaturas vēsture… 13 lpp.

[26] *Kleijntjenss, J.* Latvijas vēstures avoti jezuitu ordeņa archivos = Fontes historiae Latviae societatis Jesu / sakārtojis J. Kleijntjenss. Rīgā : Latvijas vēstures institūta apgādiens, 1940. 1. sēj. 459 lpp.

[27] *Kolbuszewski, S. F.* Łukaszewicz Jan / Stanisław Franciszek Kolbuszewski // Polski słownik biograficzny / Polska Akademia Nauk, Instytut Historii. T. 18. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1973. S. 540.

[28] *O'Neill, Ch. E.* Diccionario histórico de la Compañía de Jesús : biográfico-temático / Charles E. O'Neill, Joaquín María Domínguez. Vol. 3. Roma : Institutum Historicum ; Madrid : Univ. Pontificia de Comillas, 2001. P. 2441.

[29] *Kleijntjenss, J.* Latvijas vēstures avoti jezuitu ordeņa archivos / Dr. J. Kleijntjenss ; Latvijas Vēstures Institūts. II daļa. Rīga : Apgāds Latvju Grāmata, 1941. 431 lpp.



EVANGELIA
Toto Anno ſingulis Dominicis &
Feſtis diebus juxta antiquam Ec-
cleſiæ conſvetudinem in Livonia
Lothavis prælegi
SOLITA,
Cum precibus & precatiunculis non-
nullis, curâ quorundam ex Clero Li-
vonico recentiſſimè juxta uſitatiorem
loquendi modum Lothavicum
VERSA & TRANSLATA,
Ac in lucem
EDITA,
Annô,
Quo æternum Patris Verbum per
Angelos in terris evangelizatum eſt
1753.
VILNÆ
Typis S.R.M. Academ: Societ: JESU.

Титульный лист самой ранней сохранившейся книги на латгальском языке «Evangelia toto anno…» (Вильно, 1753). Экземпляр Национальной библиотеки Латвии

Составителем и переводчиком этого издания 1753 г. большинство исследователей считает того же иезуита Я. Лукашевича. Безусловной уверенности в авторстве нет, и некоторые современные ученые полагают, что фраза «ex clero Livonico» («из клера Ливонского») недостаточно точно определяет связь с орденом иезуитов и может отсылать к белому (приходскому) духовенству[30]. И все же мы практически не сомневаемся, что речь идет именно о иезуитах Ливонской провинции. Тем более, что многие из ранних исследователей истории Ливонии и библиографов, таких, как Фридрих Конрад Гадебуш, Иоганн Фридрих фон Рекке, Карл Эдуард Напиерский, в качестве автора издания прямо называют Я. Лукашевича и двух других неназванных священников[31].

В 1749 г., то есть примерно во время создания «Evangelia toto anno…», Я. Лукашевич был связан с Двинской резиденцией, где в те годы числилось еще 12 священников с хорошим знанием латышского (латгальского) языка[32]. Таким образом, можно предположить, что Лукашевич мог быть руководителем группы по подготовке издания, главным редактором или ответственным за составление, но в работе могли принимать участие и другие иезуитские миссионеры.

«Evangelia toto anno…» – небольшая книга, которая включает переводы Евангелий и несколько молитв. Она была напечатана латиницей, но не принятой в западной Латвии готикой, а распространенной в ВКЛ антиквой – более простым и современным шрифтом. Это сразу же делало книгу похожей на иные белорусско-литовско-польские издания того времени. В основе языка этой книги диалект южной Латгалии, то есть граничащих с Беларусью территорий. И хотя язык того времени еще не устоялся и не были закреплены основные правила грамматики, но орфография этого первого издания уже достаточно точная (имеется даже раздел с указанием замеченных ошибок). Вероятно, составители подошли к работе с достаточной усердностью.

Данное издание стало важнейшим событием в истории латгальской литературы, которое определило ее дальнейшее развитие на годы и даже столетия вперед, сохраняя значительное влияние на современную латгальскую письменность[33]. Язык (латгальский), религия (католичество), место издания (Вильно), составители и

---

[30] Evangelia toto anno 1753… 228 lpp.

[31] *O'Neill, Ch. E.* Diccionario histórico de la Compañía de Jesús… P. 2441.

[32] *Johansons, A.* Latvijas kultūras vēsture, 1710 – 1800 / Andrejs Johansons. Rīga : Jumava, [2011]. 470 lpp.

[33] Evangelia toto anno 1753… 232 lpp.

издатели (иезуиты) – все это еще долго оставалось актуальным и характерным для учебного книгоиздания населения Латгалии.

Как предполагается, книга имела успех. Для местных крестьян родной диалект был значительно понятнее, чем латышский, используемый в книгах, напечатанных в Лифляндии и Курляндии[34]. Это было замечено католической церковью как важный успех и перспектива для миссионерской работы. В результате вскоре последовали и иные книги на латгальском языке.

Первый латгальский Букварь

Исходя из сказанного выше, становится очевидным скорое появление первого латгальского Букваря, который вышел в свет опять же в Вильне, в иезуитской типографии в 1768 г.[35] В библиографических источниках он проходит под разными названиями, но чаще под польским «**Elementarz łotewski z katechizmem Eissa mociba i modlitewkami Eissas łyngszonas**»[36] и латышским «**Latviešu ābece ar alfabētu, īsu katehismu “Eisa mōcība” un īsām lūgsnām “Eisas lyugšonas”**»[37]. По-русски это можно перевести как «Латвийский Букварь с Катехизисом “Eissa mociba” и молитвенником “Eissas łyngszonas”».

Мы сегодня точно не знаем название книги, которое дается не совсем точно и отличается в различных библиографических изданиях и трудах по истории книгопечатания. Подобная ситуация объясняется отсутствием у книги титульного листа. Текст на первой странице начинается последовательностью букв алфавита. За ним следуют комментарии на латгальском письменном языке – название частей учебника.

Наиболее вероятным автором издания считается **Михаил Рот** (Michał Roth; 1721 – 1785) – латгальский иезуит, миссионер и писатель. Он родился в Илуксте около Двинска, недалеко от границы с современной Беларусью и Литвой. Хотя его семья имела немецкое происхождение, но после вступления в орден иезуитов в 1737 г. его судьба оказалась тесно связанной с многими коллегиумами ордена в Беларуси и Литве. Он учился в Вильне, Слуцке и Несвиже, преподавал и служил в Двинске, Каунате (Kaunata) и Дагде (Dagda), где провел большую часть своей жизни[38].

Система образования в ВКЛ, основу которого составляли белорусские и литовские земли, основывалась на активном использовании учебной литературы. Возможно, знакомство с реалиями образования в ВКЛ позволило М. Роту подготовить соответствующий учебник для латгальского населения. Да и само это издание было опубликовано в столице ВКЛ, а не на территории Латвии.

Учебник имел, безусловно, религиозный характер, тексты для чтения в нем состояли из духовных песен (гимнов) и молитв. Именно эти тексты отличают книгу от всех остальных известных нам латгальских Букварей, где приложение составляет лишь Катехизис, без песен и молитв. Эта особенность также указывает на авторство М. Рота, который считал, что знание основ религии детям лучше постигать в форме поэзии[39]. Следует отметить, что в белорусских Букварях XVII – XVIII вв. основной объем составляли также молитвы, духовные гимны, христианские поучения, хотя зачастую включался и краткий Катехизис.

Во второй половине XVIII в. в связи с распространением идей Просвещения в ВКЛ

[34] *O'Neill, Ch. E.* Diccionario histórico de la Compañía de Jesús… P. 2441.

[35] *Cibuļs, J.* Latgaliešu ābeces… 27 lpp.

[36] *Estreicher, K.* Bibliografia Polska / Estreicher. Cz. 2. T. 2 (9) : Stólecie XVIII. i dopełnienia do wieku XV – XVII. Kraków : wydanie Akademii Umiejętności, 1888. S. 373.

[37] Seniespiedumi latviešu valodā… 124 lpp.

[38] *Johansons, A.* Latvijas kultūras vēsture… 473 lpp.

[39] *Cibuļs, J.* Latgaliešu ābeces… 27 lpp.

все большее значение приобретали идеи народности и обращения к национальным языкам. Безусловно, М. Рот прекрасно владел латинским и латышским языками, вероятно, также польским, литовским и белорусским. С другой стороны, он около 30 лет занимался педагогической деятельностью для сельского населения, для мальчиков и девочек, учил их читать и петь, а самых способных – также и писать. В обучении он использовал распространенную в иезуитских школах методику поощрения: дарил самым успешным ученикам одежду, сладости и пр.[40] Стремление к изучению и использованию живого народного языка, а также значительные заслуги в продвижении народного образования сделали его первым автором латгальской светской поэзии и самой яркой личностью в старейшем периоде латгальской письменности[41]. Самоотверженное служение, забота о здоровье и достатке жителей, а также просветительская деятельность М. Рота привели к тому, что он заслужил славу "Апостола Латвии"[42].

Латгальское учебное книгоиздание в Вильне и Могилеве после изгнания иезуитов из ВКЛ

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. восточная Беларусь (с Полоцком, Витебском, Могилевом и др.) и Латгалия были присоединены к Российской империи. Это, с одной стороны, создавало определенные ограничения для миссионерской деятельности католической церкви в православном государстве. С другой же стороны, отделение этих территорий от Речи Посполитой позволило сохраниться и даже получить новый импульс в развитии ордену иезуитов.

Дело в том, что в 1773 г. деятельность ордена иезуитов была запрещена соответствующим решением Папы Римского. Все учреждения ордена, в том числе коллегиумы, академии, типографии в Речи Посполитой, были закрыты и частично национализированы. Виленская иезуитская академия, которая до того момента была главным центром католического просвещения и книгоиздания для населения Беларуси и Латгалии, была закрыта. На ее основе была сформирована Главная школа ВКЛ (позднее – Виленский университет).

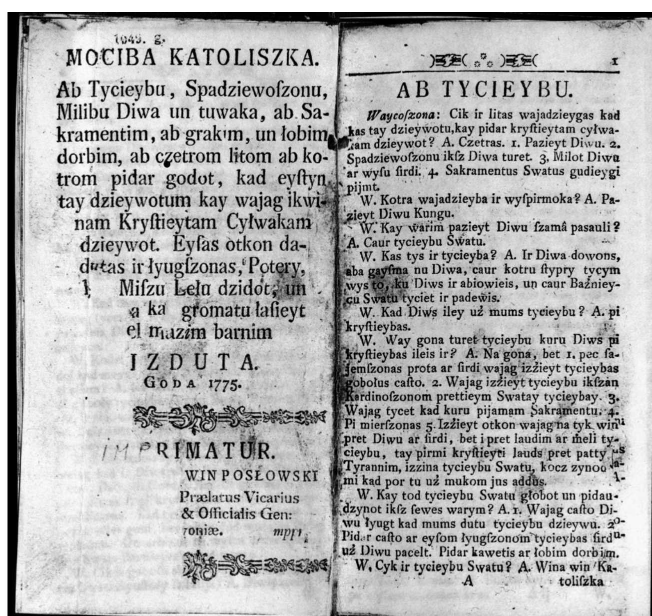
Казалось бы, никаких перспектив у иезуитского просвещения не осталось, ведь их деятельность должна была прекратиться по всему миру. Однако вопреки решению папского престола, как это нередко бывало, российская императрица Екатерина II разрешила деятельность ордена в своей империи. В результате именно Беларусь и отчасти Латгалия остались единственным местом, где Орден Иисуса продолжил свою миссионерскую работу.

В частности, в Дагде продолжил свое служение М. Рот, который подготовил к изданию свою новую учебную книгу. Однако на первых порах издать подобную книгу в Российской империи не представлялось возможным, потому она вышла в 1775 г. в типографии виленской Главной школы (хотя на книге она по старинке была названа типографией Виленской королевской академии). Это был учебный Катехизис, который имел длинное, но очень информативное название «**Nauka Chrzescianska łotewskim językiem wyrazona. O Wierze, nadziei, miłości Boga i bliźniego, o Sakramentach, o grzechach i cnotach, o cztерech śrzodkach sposobiących człowieka do życia prawdziwie Chrześciańskiego wiedzenia, z przydaniem Aktow, Pacierza, Mszy Swiętey śpiewania, i nauki czytania pisma, dla małych dziatek…**» («Христианская наука на латышском языке. О вере, надежде, любви к Богу и ближнему, о таинствах, о грехах и добродетелях, о четырех средствах, которые дают человеку истинно христианское знание, с добавлением Деяний, Молитв,

[40] *Johansons, A.* Latvijas kultūras vēsture… 181 lpp.

[41] Там же. 473 lpp.

[42] *Grzebień, L.* Michał Roth / Ludwik Grzebień // Polski słownik biograficzny / Polska Akademia Nauk. T. 32. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990. S. 292.



MOCIBA KATOLISZKA.

Ab Tycieybu, Spadziewoſzonu, Milibu Diwa un tuwaka, ab Sakramentim, ab grakim, un łobim dorbim, ab czetrom litom ab kotrom pidar godot, kad eyſtyn tay dzieywotum kay wajag ikwinam Kryſtieytam Cyłwakam dzieywot. Eyſas otkon dadutas ir łyugſzonas, Potery, Miſzu Lełu dzidot, un a ka gromatu łaſieyt el mazim barnim

IZDUTA.

GODA 1775.

IMPRIMATUR.

WIN POSŁOWSKI

Prælatus Vicarius & Officialis Gen: roniæ. mppr

1

AB TYCIEYBU.

Waycoſzona: Cik ir litas wajadzieygas kad kas tay dzieywotu, kay pidar kryſtieytam cyłwakam dzieywot? A. Czetras. 1. Pazieyt Diwu. 2. Spadziewoſzonu ikſz Diwa turet. 3. Milot Diwu ar wyſu ſirdi. 4. Sakramentus Swatus gudieygi pijmt.

W. Kotra wajadzieyba ir wyſpirmoka? A. Pazieyt Diwu Kungu.

W. Kay warim pazieyt Diwu ſzamâ pasauli? A. Caur tycieybu Swatu.

W. Kas tys ir tycieyba? A. Ir Diwa dowons, aba gayſma nu Diwa, caur kotru ſtypry tycym wys to, ku Diws ir abiowieis, un caur Baźnieycu Swatu tyciet ir padewis.

W. Kad Diws iley uż mums tycieybu? A. pi kryſtieybas.

W. Way gona turet tycieybu kuru Diws pi kryſtieybas ileis ir? A. Na gona, bet 1. pec ſajemſzonas prota ar ſirdi wajag izżieyt tycieybas gobołus caſto. 2. Wajag izżieyt tycieybu ikſzan Kardinoſzonom prettieym Swatay tycieybay. 3. Wajag tycet kad kuru pijamam Sakramentu. 4. Pi mierſzonas 5. Izżieyt otkon wajag na tyk win pret Diwu ar ſirdi, bet i pret laudim ar meli tycieybu, tay pirmi kryſtieyti lauds pret patty Tyrannim, izzina tycieybu Swatu, kocz zynoo mi kad por tu uż mukom jus addus.

W. Kay tod tycieybu Swatu głobot un pidaudzynot ikſz ſewes warym? A. 1. Wajag caſto Diwu łyugt kad mums dutu tycieybu dzieywu. 2. Pidar caſto ar eyſom łyugſzonom tycieybas ſird uż Diwu pacelt. Pidar kawetis ar łobim dorbim.

W. Cyk ir tycieybu Swatu? A. Wina win Katoliſzka

A

Первые страницы книги «Nauka Chrzescianska łotewskim językiem wyrazona…» с параллельным названием на латгальском языке (Вильно, 1775). Экземпляр Национальной библиотеки Латвии

пения Святой Мессы и науки чтения писаний для маленьких детей…»)

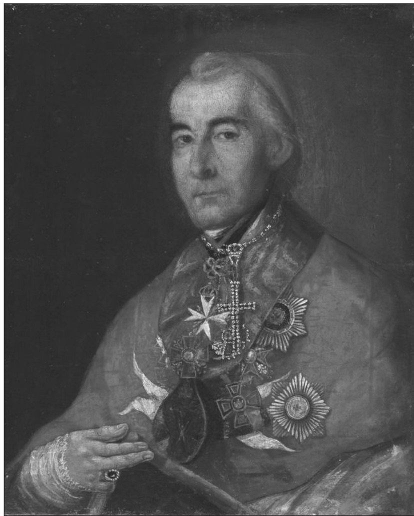
Как видно из самого названия, книга предназначалась не только для катехизации и религиозного воспитания, но также и для начального обучения грамоте маленьких детей. Исследователи отмечают, что совершенно естественным явлением для ранних латгальских Букварей было то, что их основу составлял именно Катехизис, а сами эти учебники иногда называют Букварями-Катехизисами, или учебными Катехизисами[43]. Содержание учебника 1775 г. существенно напоминало содержание белорусских Букварей, основу которых также составляли Катехизис, молитвы, перечни таинств, грехов, добродетелей, цитаты из Священного Писания, а собственно азбучная часть была совершенно небольшой. Аналогии с белорусскими Букварями можно сделать и в форме: небольшой, характерный для белорусских Букварей формат книги (в восьмую долю печатного листа) и традиционно не очень большой объем (80 страниц).

Как можно отметить, имя автора в учебнике прямо не названо. Сказано лишь, что книга «…wydana przez jednego x. missioniarza dagdzinskiego S. J. z pozwoleniem zwierzchności kościelney» («…издана одним священником-миссионером дагдским Общества Иисуса с разрешения церковных властей»). Как упомянуто, именно М. Рот продолжал свое миссионерское служение в Дагде.

И все же возможность издавать свою литературу в Вильне белорусские и латгальские иезуиты постепенно утрачивали. С одной стороны, их отделяла с каждым годом все более определенная государственная граница. С другой стороны, деятельность иезуитов не поддерживалась ни католической церковью, ни светской властью в ВКЛ. К тому же иезуитское образование и миссионерство шли вразрез с реформами Эдукационной комиссии в Речи Посполитой.

Таким образом, католической церкви в восточной Беларуси и Латгалии необходимо было искать новые возможности для кни-

[43] *Cibuļs, J.* Latgaliešu ābeces… 11 lpp.



Белорусский митрополит С. Богуш-Сестренцевич

гоиздания в рамках границ Российской империи. На некоторое время главным таким центром стал белорусский Могилев. Поскольку после первого раздела Речи Посполитой в составе империи впервые оказалось настолько огромное количество католиков, то царская власть в 1773 г. пошла на создание крупной Белорусской епархии (с 1782 г. – Могилевское архиепископство), административным центром которой стал Могилев. Город на Днепре сразу же стал католической столицей Российской империи. Руководителем епархии был назначен белорусский священник Станислав Богуш-Сестренцевич (1731 – 1826), который перед тем работал настоятелем в Гомеле и Бобруйске, каноником и епископом-суфраганом в Вильне.

В 1774 г. при Белорусской епархии была открыта собственная крупная типография, которая издавала не только духовную, но и светскую литературу. Среди прочего, именно в этой типографии вышли книги пересказов из Нового и Ветхого Заветов – **«Eysa salasieyszona Historyas Swatas»**[44] («Краткий справочник Священной Истории»).

Год издания этой книги точно не известен, однако на ее титульном листе можно видеть точное название типографии: «w Mohilewie w Drukarni J[aśnie] W[ielmożnego] J[egomości] X[iędza] Biskupa Bialorussk[iego] Lacinskiego» («в Могилеве, в типографии ясновельможного ксендза епископа Белорусского латинского»). Указание на католическую Белорусскую епархию позволяет довольно точно определить хронологию выхода книги между 1774 г., когда началось могилевское католическое книгопечатание, и 1782 г., когда Белорусская епархия была переименована в Могилевскую архиепархию (митрополию). Существующее мнение, что «Eysa sałasieyszona Historyas Swatas» вышла после 1782 г. по причине якобы бездеятельности Белорусской епархии и ее типографии[45], является ошибочным. В действительности Белорусская епархия, несмотря на отсутствие одобрения Рима, начала свою деятельность при поддержке Екатерины II, а могилевская католическая типография выпустила в 1774 – 1782 гг. немало изданий, которые сохранились до наших дней[46]. Интересно, что эта латгальская книга по содержанию очень похожа на польский «Maly Katechizm historyczny» («Малый исторический Катехизис»), вышедший во Вроцлаве в 1819 г. В нем наряду с польским текстом встречаются отдельные латгальские слова и фразы, что еще точнее позволяет говорить об источнике[47]. В научной литературе наиболее вероятным автором «Eysa salasieyszona Historys Swatas» называется все тот же М. Рот. На титульном листе имя автора не указано, однако написано: «ar meli latvisku nu wina baznickunga sarakstieyta» («на языке латышском одним священником написана»). В этом контексте «написана» вполне могло означать «переведена», так как в этом случае совпадение текста весьма близко[48].

[44] Seniespiedumi latviešu valodā… 137 lpp.

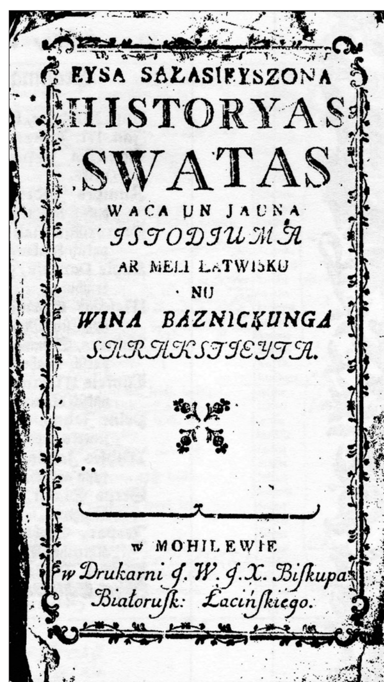
[45] *Kalvāne, S.* Dažas piezīmes par latgaliešu grāmatām kopkatalogā… 9 lpp.

[46] Спірыдон Собаль і вытокі магілёўскага кнігадруку = Spirydon Sobal and the origins of Mahilioŭ book-printing / [складальнік А. А. Суша ; рэдкалегія: У. У. Андрыевіч (галоўны рэдактар) і інш.]. Мінск : Беларуская Энцыклапедыя ім. П. Броўкі, 2016. С. 16 – 18.

[47] *Kalvāne, S.* Dažas piezīmes par latgaliešu grāmatām kopkatalogā… 10 lpp.

Так или иначе, могилевское издание не только указывает на роль и значение М. Рота в истории латгальской книжности и просвещения, но также в очередной раз подчеркивает их самую тесную связь с Беларусью.

Могилевская католическая типография просуществовала до 1844 г., однако наиболее активным и плодотворным этапом ее деятельности были первые 25 лет ее работы. После отъезда архиепископа С. Богуша-Сестренцевича в Санкт-Петербург в конце 1797 г. деятельность типографии стала менее интенсивной и была направлена преимущественно на собственные нужды архиепархии[49].


EYSA SAŁASIEYSZONA
HISTORYAS
SWATAS
WACA UN JAUNA
ISTODIUMA
AR MELI LATWISKU
NU
WINA BAZNICKUNGA
SARAKSTIEYTA.
w MOHILEWIE
w Drukarni J. W. J. X. Biskupa
Białorusk: Łacinskiego.

Титульная страница книги «Eysa sałasieyszona Historyas Swatas» (Могилев, 1774 – 1782). Экземпляр Национальной библиотеки Латвии

Полоцк – центр латгальского просвещения в конце XVIII – начале XIX в.

Начиная с 1770-х гг. все большую роль в книгоиздании католической церкви в Беларуси и Латгалии начала играть Полоцкая иезуитская коллегия (с 1812 г. – академия). Ее развитие подкреплялось не столько финансовыми возможностями ордена иезуитов, но, в первую очередь, их богатейшим интеллектуальным потенциалом.

Для Латгалии Полоцк был гораздо ближе географически, чем Могилев. По Двине из Полоцка в Латгалию шли торговые пути. К тому же они были связаны административно: с 1777 г. латгальские земли стали частью Полоцкого наместничества, затем Белорусской губернии, а в 1802 – 1918 гг. входили вместе с Полоцком в состав Витебской губернии. Данные политико-административные изменения существенно повлияли на еще большее укрепление связей Латгалии с Беларусью.

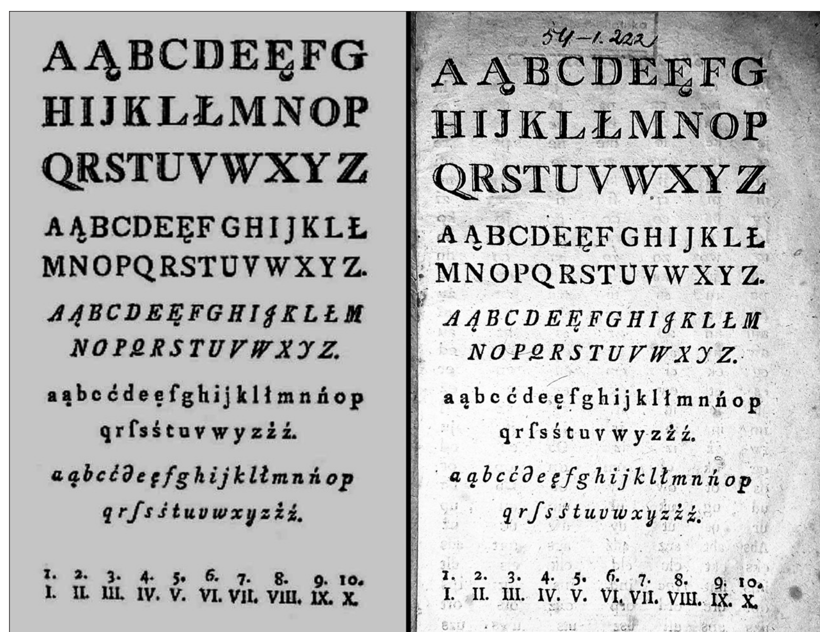
После запрета Папой Римским в 1773 г. деятельности ордена иезуитов по всему миру (кроме Российской империи) Полоцк стал его мировой столицей. Сюда стекались в поисках убежища и места для деятельности иезуиты из разных стран. Именно здесь действовала и главная типография ордена.

В Полоцке книгопечатание на латгальском языке началось не позднее чем в 1790 г., когда в типографии иезуитского коллегиума вышла книга «**Nabożeństwo ku czci i chwale Boga w Troycy S. Jedynego, Niepokalanie Poczętey Maryi Panny, y Swiętych Patronów z Piosenkami i krótka Nauka Chrzesciańska na łotewski język z polskiego przetłumaczone**» («Богослужение к чести и славе Господа в Святой Троице единого, непорочно зачатой Девы Марии и святых покровителей с песнями и кратким христианским учением, переведенные на латышский язык с польского»).

Постепенное перетекание латгальского книгопечатания, которое держалось во многом на инициативе иезуитов, из Вильно в Полоцк хорошо заметно на примере

[48] Там же.

[49] *Суша, А. А.* Магілёўскія першадрукі – нацыянальны скарб і здабытак / А.А. Суша // Спірыдон Собаль і вытокі магілёўскага кнігадруку = Spirydon Sobal and the origins of Mahilioŭ book-printing / [складальнік А. А. Суша ; рэдкалегія: У. У. Андрыевіч (галоўны рэдактар) і інш.]. Мінск, 2016. С. 11.



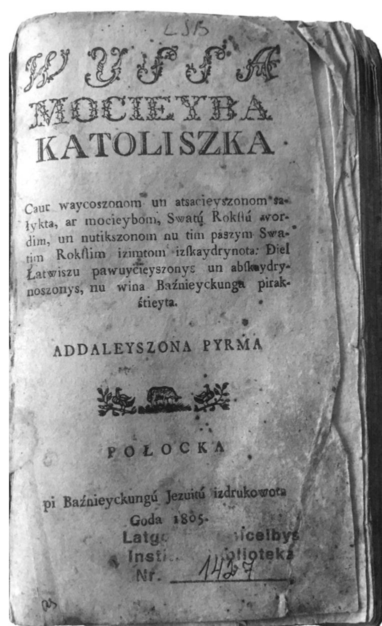
Титульные листы Букваря М. Рота (Полоцк, 1801, 1808).
Экземпляры Национальной библиотеки Латвии

латгальских Букварей, автором которых считается М. Рот. Если в отношении виленского издания 1768 г. вопрос авторства вызывает вопросы, то с высокой степенью вероятности можно говорить, что именно М. Рот был автором **Букваря, изданного примерно в 1772 – 1778 гг**.[50] В самой книге не указано место издания, и сегодня достаточно сложно говорить о содержании, поскольку до наших дней также не сохранилось ни одного экземпляра Букваря (в 1930-х гг. один экземпляр хранился в коллекции Яниса Зеверса (Jānis Zēvers)). По описаниям, как и самый первый латгальский Букварь, второе издание не имело титульного листа, а на первой странице располагалась азбука – перечень прописных и строчных букв алфавита. Первая строчка текста в учебнике выглядела следующим образом: «A Ą B C D E F G H I». На страницах 2 – 4 в соответствии с логикой, вместе с правилами буквослагательного метода находились примеры слогов («Składanie Syllab»). Основной объем книги (страницы 5 – 24) составляли католические тексты на латгальском письменном языке (антиквой) песен и молитв. Именно эти тексты отличали данный Букварь от других учебных изданий того времени, основу которых составлял Катехизис.

Также без указания места издания вышел **Букварь 1788 г**., который по своему содержанию очень напоминал издание 1768 г.: также был написан на латгальском языке с польскими названиями разделов, также включал азбуку, слоги и католические тексты (Катехизис, молитвы и др.). Место издания и на этой книге не указано, а сегодня установить его крайне сложно: книга также до наших дней не сохранилась (хотя в конце XIX в. хранилась в Рижской городской библиотеке)[51]. Эти книги могли быть изданы как в Вильне или Могилеве, так и в Полоцке, где в те годы уже активно работала иезуитская типография.

На последнюю версию указывает **издание в 1801 и 1808 гг.** в Полоцкой иезуитской типографии Букваря, который, судя по описаниям, очень напоминал названные выше учебники. Он также имел небольшие размер (в двенадцатую долю листа) и объем (16 страниц), и у него не было титульного листа (первая строка начинала азбуку «A Ą

[50] Seniespiedumi latviešu valodā… 124., 135 lpp.
[51] Там же. 174 lpp.



WYSSA
MOCIEYBA
KATOLISZKA

Caur waycoszonom un atsacieyszonom sałykta, ar mocieybom, Swatú Rokſtú wordim, un nutikszonom nu tim paszym Swatim Rokſtim izimtom izſkaydrynota: Diel Łatwiszu pawuycieyszonys un abſkaydrynoszonys, nu wina Baźnieyckunga pirakstieyta.

ADDALEYSZONA PYRMA

POŁOCKA

pi Baźnieyckungú Jezuitú izdrukowota Goda 1805.

Титульный лист издания «Wyssa Mocieyba Katoliszka…» (Полоцк, 1805). Экземпляр из частного собрания

B C D E Ę F G»). Книга состояла из алфавита, слогов, краткого Катехизиса, молитв[52]. Буквослагательный метод обучения, язык (латгальский с польскими заголовками), шрифт (антиква) и многое другое – все это соответствовало устоявшейся традиции. В дальнейшем этот Букварь неоднократно переиздавался иными типографиями – в 1821, 1835, 1839, 1849, 1855, а возможно, и в 1828 или 1829 гг.[53]

В 1805 г. типография Полоцкой иезуитской коллегии выпустила латгальский учебный Катехизис для начального религиозного образования. Книга называлась «**Wyssa Mocieyba Katoliszka Caur waycoszonom un atsacieyszonom sałykta, ar mocieybom, Swatú Rokstú wordim un nutikszonom, nu tim paszym Swatim Rokstim izimtom, izskaydrynota**» («Вся католическая наука, составленная в вопросах и ответах, с поучениями, со словами из Священного Писания и событиями, тем же Священным Писанием объясненная»). Издание имело большой объем, состояло из двух довольно больших частей по 195 и 160 страниц соответственно[54].

Название книги в целом весьма точно описывает ее содержание. Авторская концепция раскрывается в пространном предисловии «Muny Mili łatwiszy» («Мои дорогие латыши»). В нем автор пишет: «Здесь для вас, крестьян, поучения, чтобы вы могли обдумать как следует, какая роль наставлений Господа в вашей жизни. Давно ли были те времена, когда вы жили в кромешной ночи и не знали ничего из того, что необходимо для спасения души и как честно прожить нашу жизнь?». Автор довольно поэтично обыгрывает эту тему: «Не так давно ушли времена, когда вы все еще верили в сказки старых частушек, а не в поучения Иисуса […] но уже, слава Богу, постепенно исчезает эта тьма…». А в конце предисловия автор сообщает, как построена эта книга: «Вот вам новая книга, в которой все о вере нашей написано. Разделена эта книга на две части […] Но одно я вам говорю в самом начале книги – читайте, если хотите быть просвещенными […] читайте внимательно и обдумывая; и если вам из-за ежедневных забот не хватает времени для чтения, то читайте хотя бы по воскресеньям, зимними вечерами и всегда, когда у вас появляется немного свободного времени […] и вы постепенно узнаете так много важных вещей, о которых до сих пор даже не слышали […] там вы узнаете, как служить Богу и как вечное спасение заработать»[55].

Вслед за этим предисловием следует традиционный учебный Катехизис, где в форме вопросов и ответов повествуется о важнейших вопросах веры. Однако уже из приведенных цитат совершенно очевидно,

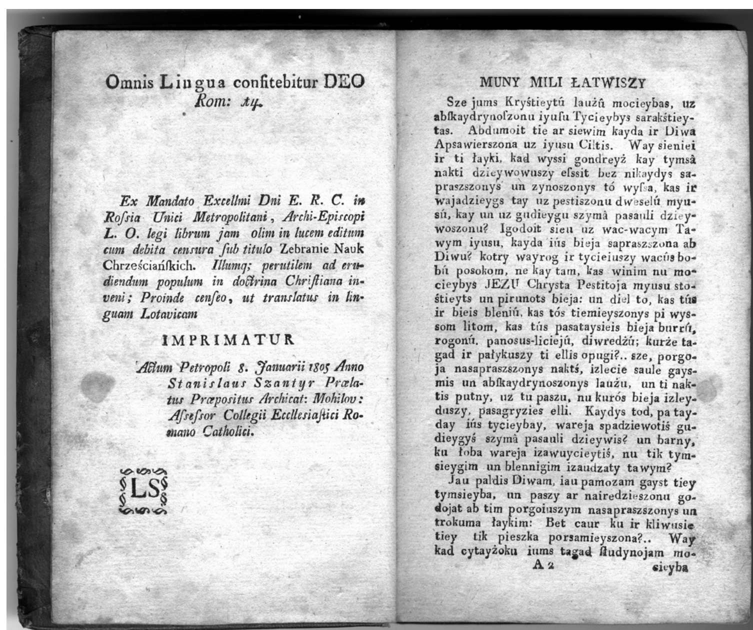
---

52 Кнігадрук у Полацку (1774 – 1829) : Бібліяграфічнае выданне / укладальнік М. Баўтовіч. Полацк: Грэка-каталіцкая парафія Святапакутніка Язафата, 2015. С. 66.

53 Seniespiedumi latviešu valodā… 230 lpp.

54 Там же. 246 lpp.

55 Wyssa Mociba, katoliszka caur waycoszonom un atsacieyszonom salykta, ar mocibam, Swatu Rokstu wardim un nutykszonom nu tim paszym Swatim Rokstim izimtom izskaydrynota… Połocka, 1805. 3 –7 lpp.



Omnis Lingua confitebitur DEO
Rom: 14.

Ex Mandato Excellmi Dni E. R. C. in Rossia Unici Metropolitani, Archi-Episcopi L. O. legi librum jam olim in lucem editum cum debita censura sub titulo Zebranie Nauk Chrześciańskich. *Illumq; perutilem ad erudiendum populum in doctrina Christiana inveni; Proinde censeo, ut translatus in linguam Lotavicam*

IMPRIMATUR

Actum Petropoli 8. Januarii 1805 Anno Stanislaus Szantyr Prælatus Præpositus Archicat: Mohilov: Assessor Collegii Ecclesiastici Romano Catholici.

LS

MUNY MILI ŁATWISZY

Sze jums Kryśtieytú laużú mocieybas, uz abskaydrynoszonu iyusu Tycieybys sarakśtieytas. Abdumoit tie ar siewim kayda ir Diwa Apsawierszona uz iyusu Ciltis. Way sieniei ir ti łayki, kad wyssi gondreyż kay tymsâ nakti dzieywowuszy essit bez nikaydys sapraszszonys un zynoszonys tó wyssa, kas ir wajadzieygs tay uz pestiszonu dweselú myusú, kay un uz gudieygu szymâ pasauli dzieywoszonu? Igodoit sieu uz wac-wacym Tawym iyusu, kayda iús bieja sapraszszona ab Diwu? kotry wayrog ir tycieiuszy wacús bobú posokom, ne kay tam, kas winim nu mocieybys JEZU Chrysta Pestitoja myusu stośtieyts un pirunots bieja: un diel to, kas tús ir bieis bleniú, kas tós tiemieyszonys pi wyssom litom, kas tús pasataysieis bieja burrú, rogonú, panosus-liciejú, diwredżú; kurże tagad ir pałykuszy ti ellis opugi?.. sze, porgoja nasapraszszonys naktś, izlecie saule gaysmis un abskaydrynoszonys laużu, un ti naktis putny, uz tu paszu, nu kurós bieja izleyduszy, pasagryzies elli. Kaydys tod, pa tayday iús tycieybay, wareja spadziewotiś gudieygyś szymâ pasauli dzieywis? un barny, ku łoba wareja izawuycieytiś, nu tik tymsieygim un blennigim izaudzaty tawym?

Jau paldis Diwam, iau pamozam gayst tiey tymsieyba, un paszy ar nairedzieszonu godojat ab tim porgoiuszym nasapraszszonys un trokuma łaykim: Bet caur ku ir kliwusie tiey tik pieszka porsamieyszona?.. Way kad cytayżoku iums tagad śludynojam mo-

A 2 cieyba

Начало предисловия «Muny Mili łatwiszy» из книги «Wyssa Mocieyba Katoliszka…» (Полоцк, 1805). Экземпляр Национальной библиотеки Латвии (коллекция редких книг и рукописей, RL2, 663)

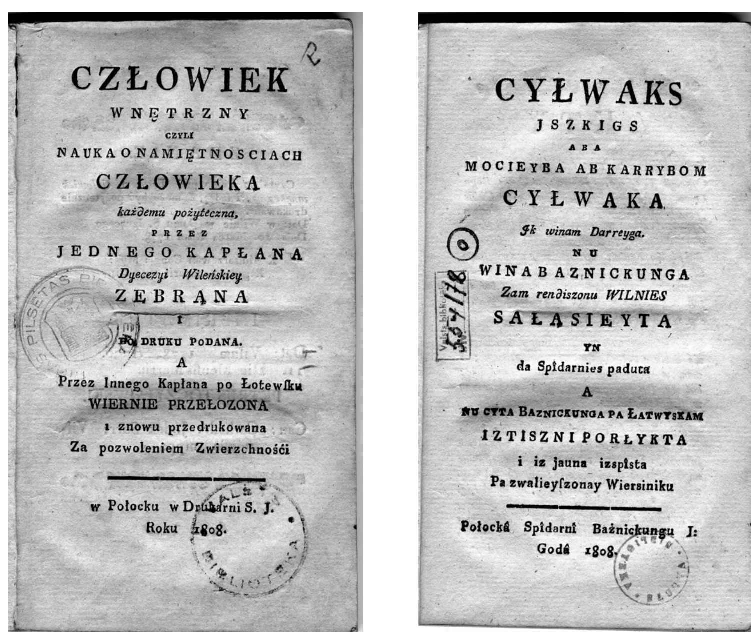
что книга составлена неординарным религиозным деятелем, знающим предмет и желающим донести «христианское учение» до широкой публики.

Автором книги был, вероятно, **Тадеуш Кучинский** (Tadeušs Kučiņskis; 1769 – 1856) – миссионер-иезуит белорусского происхождения[56]. Иногда в литературе сообщается, что автором книги был все тот же М. Рот[57], однако эта информация представляется нам неточной. Дело в том, что М. Рот уже давно умер на момент выхода этого издания. К тому же оно значительно отличается от книг М. Рота похожей тематики, которые он написал и издал еще при жизни[58].

Т. Кучинский родился в аристократической семье (возможно, прусского происхождения) на белорусских землях Речи Посполитой. Перед вступлением в орден иезуитов учился в Полоцком коллегиуме, где закончил курс философии и теологии. Затем он был послан в миссию в Латвию и работал в Двинске, Извалте, Пуше, Аулее (Auleja), Дагде. Когда он в 1806 – 1807 гг. переехал в Ригу, то стал одним из первых католических священников для латышей в городе со времен изгнания католиков в результате захвата Риги шведским королем Густавом II Адольфом в 1621 г. После запрета деятельности иезуитов в Российской империи в 1820 г. он переехал в Италию, а затем Грецию, где работал до конца своей жизни[59].

Но еще в Латгальский период своей деятельности он подготовил несколько книг, которые были анонимно изданы в Полоцке. Об этом сегодня известно благодаря библиографической работе Иосифа Брауна, который знал Т. Кучинского лично[60]. Изначально в 1801 г. в Полоцке был напечатан его молитвенник «Dziesmes Swatas» («Святые песни»). В 1805 г., как упоминалось, вышла двухтомная «Wyssa Mocieyba Katoliszka…».

[56] *O'Neill, Ch. E.* Diccionario histórico de la Compañía de Jesús… P. 2232.
[57] *Grzebień, L.* Michał Roth… S. 292.
[58] Seniespiedumi latviešu valodā… 247 lpp.
[59] *O'Neill, Ch. E.* Diccionario histórico de la Compañía de Jesús… P. 2232.
[60] Там же.


CZŁOWIEK
WNĘTRZNY
CZYLI
NAUKA O NAMIĘTNOSCIACH
CZŁOWIEKA
każdemu pożyteczna,
PRZEZ
JEDNEGO KAPŁANA
Dyecezyi Wileńskiey
ZEBRANA
I
DO DRUKU PODANA.
A
Przez Innego Kapłana po Łotewsku
WIERNIE PRZEŁOZONA
i znowu przedrukowana
Za pozwoleniem Zwierzchności
w Połocku w Drukarni S. J.
Roku 1808.

CYŁWAKS
JSZKIGS
ABA
MOCIEYBA AB KARRYBOM
CYŁWAKA
Jk winam Darreyga.
NU
WINABAZNICKUNGA
Zam rendiszonu WILNIES
SAŁASIEYTA
YN
da Spîdarnies paduta
A
NU CYTA BAZNICKUNGA PA ŁATWYSKAM
IZTISZNI PORŁYKTA
i iz jauna izspîsta
Pa zwalieyſzonay Wiersiniku
Połockâ Spidarnî Baźnickungu J:
Godâ 1808.

Польский и латгальский титульные листы издания «Cyływaks jkszkigs…» (Полоцк, 1808). Экземпляр Национальной библиотеки Латвии (коллекция редких книг и рукописей, RL2, 84)

С точки зрения языка эта книга является одной из наилучших работ в раннем периоде латгальской письменности[61].

Еще один латгальский учебник, написанный Т. Кучинским[62] и включающий правила религиозной морали и поведения для католиков[63], вышел в Полоцке в 1808 г. – «**Cyływaks jkszkigs aba mocieyba ab korrybom cyływaka jk winam Darreyga**». Книга имеет параллельный титульный лист на польском языке – «Człowiek wnętrzny czyli Nauka o namiętnościach człowieka każdemu pożyteczna» («Внутренний мир человека, или полезная наука о страстях человека, годна любому»). Это издание, как свидетельствует титульный лист, изначально «было составлено одним священником (капланом) из Виленской епархии, а другим священником было точно переведено на латышский язык и снова издано». Таким образом, Т. Кучинский был не автором, а лишь переводчиком данной книги, чем сделал ее доступной для жителей Латгалии. К слову, оригинальное издание на польском языке с таким же названием изначально выпустили виленские пиары в 1778 г., а затем виленские базилиане в 1796 г.[64] (в обоих случаях без указания авторства).

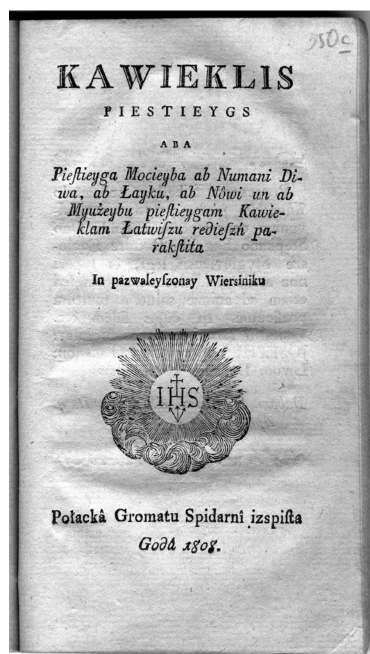
Что интересно, одновременно с учебником «Cyływaks jkszkigs…» полоцкими иезуитами была выпущена еще одна латгальская книга – также учебник «**Kawieklis Piestieygs aba Piestieyga Mocieyba ab Numani Diwa, ab Łayku, ab Nòwi un ab Myużeybu, Piestieygam Kawieklam Łatwiszu redieszń parakstita in pazwaleyszonay Wiersiniku**» («Духовные строки, или Духовное учение о Слове Божьем, о времени, о смерти и о вечности, подписанные латышским редактором, изданные с разрешения церковных властей»). В нескольких известных нам экземплярах эти две книги переплетены вместе

[61] Evangelia toto anno 1753… 233 lpp.; Grzebień, L. Michał Roth… S. 292.

[62] *O'Neill, Ch. E.* Diccionario histórico de la Compañía de Jesús… P. 2232.

[63] Seniespiedumi latviešu valodā… 263 lpp.

[64] *Getka, J.* Polskojęzyczne druki bazyliańskie (XVIII wiek) / Joanna Getka. Warszawa : BEL Studio, 2013. S. 269.



KAWIEKLIS
PIESTIEYGS
ABA
Pieſtieyga Mocieyba ab Numani Diwa, ab Łayku, ab Nôwi un ab Myużeybu pieſtieygam Kawieklam Łatwiſzu rediesźń parakſtita
In pazwaleyſzonay Wiersiniku
Połackâ Gromatu Spidarnî izspiſta
Godâ 1808.

Титульный лист издания «Kawieklis Piestieygs…» (Полоцк, 1808). Экземпляр Национальной библиотеки Латвии (коллекция редких книг и рукописей, RL2, 84)

(вероятно, это был издательский конволют). Как следует из разрешения цензора на печать (на обороте титульного листа), книга была написана настоятелем Стиглавской церкви **Стефаном Багинским** (Stefans Bagiņskis). Эта книга принесла ему известность и благодаря ей он считается основателем религиозно-философской поэзии рефлексии в латгальской литературе[65]. По содержанию «Kawieklis Piestygs» состоит из духовных стихов для католиков в четырех частях, а также приложения с духовными песнями.

Таким образом, виленские и полоцкие иезуитские типографии да и сами монахи-иезуиты сыграли огромную роль в зарождении латгальской учебной литературы и латгальского книгопечатания в целом. Многие из этих монахов Общества Иисуса имели самую тесную связь с Беларусью: по происхождению, образованию, монашескому служению, литературной и издательской деятельности.

Базилиане, миссионеры и пиары – продолжатели латгальского просвещения

В результате многочисленных интриг в 1820 г. иезуиты были изгнаны из Российской империи. Они были вынуждены быстро покинуть пределы страны, оставив значительную часть своего имущества. Некоторое время латгальские учебные и религиозные книги продолжали издавать монахи иных орденов – униатского базилианского, а также католических пиарского и миссионерского. Что характерно, даже в «послеиезуитский» период латгальское книгопечатание было продолжено на территории бывшего белорусско-литовского государства, а не в самой Латвии.

Первыми продолжателями дела иезуитов стали базилиане – монахи единственного униатского монашеского ордена в ВКЛ и Российской империи. Они имели несколько типографий, издававших литературу на многих европейских языках (например, в XVIII в. лишь они продолжали книгоиздание на белорусском языке).

Самой крупной из базилианских типографий была действовавшая при Виленском Троицком монастыре, которая была создана еще в начале XVII в. на основе знаменитой типографии Мамоничей. Именно эта типография в 1820 – 1821 гг. издала крупную партию латгальских книг – около десяти изданий. Такой массовый выпуск может быть связан со специальным заказом, который необходимо было оперативно выполнить после изгнания иезуитов. Следует отметить, что базилиане, принадлежащие к униатской религиозной традиции, с большой готовностью брались за исполнение заказов на выпуск книг как для прибывших с востока староверов, так и для западных христиан-католиков.

Одним из изданий Виленской Троицкой типографии стал Букварь, вышедший в 1820 г. под названием «**Mociba Łasiszonas gramatu Kurzemisku prieksz maziem berniem ar wissadu Diwa Ługszonu un isu**

---

[65] Evangelia toto anno 1753… 237 lpp.

Mocibu Katolu salikta un per paweliszonu gaļwu dweseliszku izdrukota» («Учебник для чтения маленьких детей Курляндии с разными Божьими молитвами и кратким католическим поучением, составленный и изданный по указанию благодетелей»).

Учебник имел небольшой размер: 18 ненумерованных страниц малого формата (в восьмую долю листа). Он состоял из азбуки, или изучения алфавита буквослагательным методом (страницы 1 – 4), краткого Катехизиса «Eisa mōcība» (страницы 5 – 10) и молитвенника «Lyugšonas eisas» (страницы 11 – 18). Названия частей указывают на то, что в основе этого издания лежал самый первый латгальский Букварь 1768 г., который в данном случае был адаптирован для использования в Курляндии[66].

На примере этого издания интересно наблюдать, как много этнических и лингвокультурных влияний сочеталось в латгальских Букварях: латгальский язык с очевидным влиянием польского, белорусско-литовская книжно-издательская традиция, автор – уроженец ВКЛ, адаптация для читателей из Курляндии… Подобное сочетание различных традиций было отмечено почти сразу после выхода книги. Например, в известном труде по истории латвийской литературы Карла Эдварда Напиерского в 1831 г. отмечалось, что книга написана «на литовско-латышском диалекте польским стилем»[67] (имеется в виду, что она напечатана на латгальском языке антиквой, а не готикой, которая использовалась в Курляндии).

В **1821 г.** виленские базилиане практически без изменений переиздали **Букварь**, который в 1801 и 1808 гг. был напечатан в типографии полоцких иезуитов[68]. Таким образом, базилиане легко подхватили традицию выпуска латгальских Букварей, что, вероятно, было для них дополнительным источником дохода, но и направлением миссионерской деятельности.

Инициативу базилиан переняли иные монашеские ордены, чьи типографии находились в столичном городе бывшего ВКЛ. Одной из таких типографий стала типография монахов-миссионеров, которая начала свою деятельность в 1799 г. на основе привезенного из Гродно оборудования Королевской типографии и издавала преимущественно религиозную литературу. В частности, в 1808 г. здесь вышел латгальский Катехизис «**Pawinnastes Kristigas aba Katechizms kurs moca, ku ikkurs kristigs cyłwaks pawinns irr tycet, zinnot, un dareyt, kad warratu byut ispestits**» («Христианские обязанности, или Катехизис, который учит, во что каждый христианин должен верить, знать и делать, чтобы быть спасенным»).

Через четыре года после запрещения деятельности иезуитов, то есть в 1824 г., виленские миссионеры издали очередной латгальский Букварь «**Mocieyba lasiejsonas prieksz mozim barnim**» («Учебник чтения для маленьких детей»). Это издание продолжало выработанные ранее принципы католических Букварей. Оно включало азбуку с обучением по буквослагательному методу, краткий Катехизис, тексты релизиозно-нравственного характера и перечень «цифр церковных и арабских». Учебник был составлен на латгальском языке и издан антиквой, что было характерно для белорусско-литовско-польского книгоиздания, но отличало от собственно латышского.

В 1830-х гг. типография миссионеров действовала как диацезиальная типография Виленской католической епархии. Именно в ней в 1835 и 1839 гг. еще дважды издавался учебник «**Eysa mociba del masu bernu**» (в издании 1839 г. – «Eysa mociba del mozu bernu», «Краткое учение для маленьких детей»)[69]. Это было небольшое издание форматом в восьмую долю листа

---

[66] Seniespiedumi latviešu valodā… 311 lpp.

[67] *Napiersky, C. E.* Chronologischer Conspect der Lettischen Litteratur von 1587 bis 1830 / C. E. Napiersky. Mitau : Steffensagen, 1831. S. 200.

[68] Seniespiedumi latviešu valodā… 230., 316 lpp.

[69] Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literärischen Gesellschaft. B. 7. Riga, 1844. S. 70.



Виленская Публичная
БИБЛІОТЕКА.

PAWINNASTES
KRISTIGAS
ABA
KATECHIZMS
KURS MOCA
Ku ikkurs Kristigs cylwaks pawinns irr tycet, zinnot, un dareyt, kad warratu byut izpestits.
AR DALYKSZONU DAUDZ KORTIGU WEHL DZISMIU.

WILNA
Tà Gromatu Drikkê Diecezalna
pi Baznyckungim Missyonorim
1808. godà

Титульный лист издания «Pawinnastes Kristigas…» (Вильно, 1808). Экземпляр Библиотеки Вильнюсского университета

(традиционно маленький карманный формат), насчитывающее 24 страницы текста. По своему содержанию оно было повторением полоцкого Букваря 1801 г. Тираж первого из этих изданий достигал 20 тысяч экземпляров[70]. Вероятно, похожим либо еще большим был и тираж второго выпуска 1839 г. Таким образом, это было достаточно массовое издание, которое очень широко распространялось по всей Латгалии. Сегодня экземпляры этого издания можно видеть в нескольких библиотеках Латвии, Литвы и России.

Еще одним католическим орденом, который продолжал выпускать латгальские учебники, стал орден пиаров. В своей деятельности он уделял огромное внимание именно вопросам образования. В связи с этим, в частности, именно пиарам было передано имущество закрытой в 1820 г. Полоцкой иезуитской академии и ее типографии. Пиары открыли на их базе собственную крупную школу и организовали книгоиздание.

Все это поясняет, почему в 1828 или 1829 гг. в Полоцкой пиарской типографии вышло еще одно (третье по счету) издание маленького **Букваря**, который в 1801 и 1808 гг. уже выпускали полоцкие иезуиты. По сути, это было то же издание, включавшее алфавит, слоги, краткий Катехизис, молитвы и не имевшее титульного листа. Оно также было издано антиквой на латгальском языке с обозначением названий нескольких глав на польском[71]. Изначально эта книга была заказана для своего деканата в Резекне Иосифом Керкилло (латыш. Juzefs Kerkillo, польс. Jozef Kierkiłło), который в качестве цензора от Могилевской епархии еще в далеком 1807 г. давал разрешение на печать полоцкой книги «Kawieklis Piestieygs…» С. Багинского. Однако в циркуляре от 24 октября 1824 г. католическая администрация призывала также других деканов заказать это издание, чтобы увеличить его тираж[72].

---

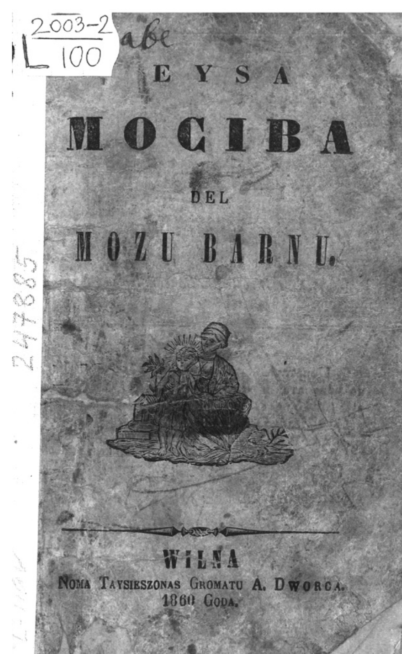
[70] Seniespiedumi latviešu valodā… 394, 438 lpp.
[71] Кнігадрук у Полацку… С. 66.
[72] Seniespiedumi latviešu valodā… 656 lpp.

Латгальские Буквари из частных типографий «Северо-Западного края»

После восстания 1830 г. против российского царизма, которое произошло на землях бывшей Речи Посполитой, последовала жесткая реакция. Российские власти особое внимание уделяли борьбе с униатской и католической церквями, которые не только отличали жителей западных губерний, но и консолидировали население, мешали ассимиляции и русификации. В результате после восстания были закрыты многие католические монастыри. Именно такая судьба постигла все монастыри, которые издавали латгальские Буквари: в Полоцке пиаров (как и их предшественников иезуитов) изгнали, а в монастыре открыли кадетский корпус; виленский монастырь миссионеров также закрыли, сначала храм святого Казимира после некоторой перестройки стал православным кафедральным храмом, а затем власти закрыли и сам монастырь миссионеров с костелом Вознесения Господня. Начались гонения и на базилиан, а в 1839 г. их деятельность была вовсе запрещена после ликвидации Брестской унии.

После таких «реформ» латгальское книгоиздание, существовавшее до того преимущественно благодаря интересу и поддержке католической церкви, могла постичь горькая судьба, оно могло навсегда исчезнуть. Однако традицию поддержали частные издатели.

Одним из них стал виленский издатель Антоний Мартиновский (1781 – 1855). Он в 1849 г. переиздал Букварь «**Eysa mociba del mozu barnu**», который ранее выпускали полоцкие иезуиты и виленские миссионеры. Что интересно, А. Мартиновский является уроженцем белорусского местечка Радошковичи, расположенного недалеко от Минска. В 1817 г. в Вильно он основал свою типографию, в которой было напечатано около 400 изданий по сельскому хозяйству, истории, астрономии, философии, этнографии и др. Именно он был издателем



Одно из поздних изданий Букваря «Eysa mociba del mozu barnu» из типографии А. Дворца (Вильно, 1860). Экземпляр Национальной библиотеки Латвии

самых замечательных трудов своего времени. Среди них газета «Kurier Litewski», журнал «Dziennik Wileński», последнее за время официального использования издание Статута ВКЛ (1819), а также знаменитый «Latopisiec Litwy i Kronika Ruska» («Летописец Литвы и русинская хроника»). А. Мартиновский интересовался вопросами педагогики и был автором работ в этой сфере. Потому выпуск латгальского Букваря в этой типографии был совершенно ожидаемым.

В 1855 г. этот же Букварь «**Eysa mociba del mozu barnu**» впервые был издан (переиздан) собственно в Латгалии, а точнее в Двинской типографии М.Б. Неймана[73]. Книга сохранила и внешний вид, и содержание, которые были выработаны в первой половине XIX в. полоцкими и виленскими типографами.

Подобные издания содействовали формированию национальной идентичности латгальских латышей, а с другой

[73] Seniespiedumi latviešu valodā… 631 lpp.

стороны, они укрепляли католическую веру. В результате вера стала важной частью идентичности латгальцев, и отказ от нее был совершенно неприемлем. Жители Латгалии нередко готовы были записать себя при опросах и переписях поляками, лишь бы не было соблазна перевести их в православие, как нередко происходило с белорусами в той же Витебской губернии. Деление на «русскую веру» и «польскую веру» также было хорошо знакомо латгальцам. Как и для жителей Беларуси, оно было гораздо более понятно, чем деление по национальному или политическому принципу. И если стоял выбор, то «польская вера» была населению Латгалии значительно ближе, в том числе и потому, что лишь в католических храмах звучал латгальский язык[74].

В XIX в. на латгальском языке начали выходить светские издания. Появление некоторых из них связано с деятельностью выпускников Краславской духовной семинарии. Следует отметить, что Краслава (Krāslava) – населенный пункт в южной Латгалии на границе с Беларусью, который играет важную роль в белорусско-латгальских контактах. До наших дней значительную долю населения Краславского края (а в некоторых местах и большинство) составляют белорусы.

Духовная семинария в Краславе была открыта еще в 1757 г. благодаря поддержке Мстиславского воеводы Константина Людовика Плятера. Он заключил брак с представительницей не менее известного в Беларуси и Литве рода Августой Огинской и унаследовал огромное состояние своего отца. Это позволяло ему надеяться на реализацию грандиозных планов: он вознамерился сделать приобретенную им Краславу духовным центром Латгалии, а сам край – процветающей Латгальской Швейцарией, куда планировал перенести все административные учреждения из Двинска. Для роста экономического благосостояния Плятеры выписали из Варшавы и Германии умелых мастеров, под руководством которых уже в середине XVIII в. Краслава славилась великолепными коврами, бархатными, шелковыми, шерстяными и хлопчатобумажными тканями и изделиями, надежным и богато украшенным искусными орнаментами холодным и огнестрельным оружием, золотыми и серебряными ювелирными изделиями и игральными картами. При Плятерах город вырос, в нем появились важнейшие архитектурные доминанты: ратуша и торговая площадь, крупный каменный костел Святого Людовика (место пребывания епископа Инфлянт), родовой дворец Плятеров с парками, садами, оранжереями, прудами и др.

Одной из главных инициатив Константина Людовика была духовная католическая семинария, которую сегодня часто называют первым в Латвии высшим учебным заведением (в 2006 г. в Краславе даже прошла конференция с таким названием[75]). Как ни странно, в католической Латгалии не было ни одного среднего или высшего учебного заведения, в котором могла бы осуществляться подготовка священников или просто можно было бы получить хорошее образование. До того момента будущих священников, которые впоследствии направлялись в Латгалию, готовили преимущественно в академиях в Вильне и Полоцке, а также многочисленных коллегиумах и семинариях ВКЛ.

Краславская семинария давала учащимся очень высокий уровень образования. Так, например, они обязаны были владеть большим количеством языков: государственным польским, национальными латышским (латгальским), белорусским и литовским, иностранными немецким, российским и французским, а также языком европейской науки –

[74] Evangelia toto anno 1753… 224, 225 lpp.

[75] *Калвиша, Г.* Краславская духовная семинария – первый вуз Латвии / Геновефа Калвиша // Эзерземе. 2006. 17 октября. http://www.ezerzeme.lv/ru/novosti/duhovnost/9841/kraslavskaya-dukhovnaya-seminariya-pervyy-vuz-latvii.

Составление слогов в Букваре «Eysa mociba del mozu barnu» (Вильно, 1860). Экземпляр Национальной библиотеки Латвии

латинским. Большинство учащихся составляли белорусы, латгальцы и литовцы, многие из которых были достаточно сильно полонизированы и считали себя поляками. Тем не менее, для всех преподавался и латгальский язык, чтобы окончившие семинарию священники могли успешно служить в приходах Латгалии. В результате большинство пастырей латгальских приходов XIX в. были выпускниками Краславской семинарии. Во многом они составляли самый просвещенный слой общества, потому понятно их значение для развития культурной жизни и образования Латгалии.

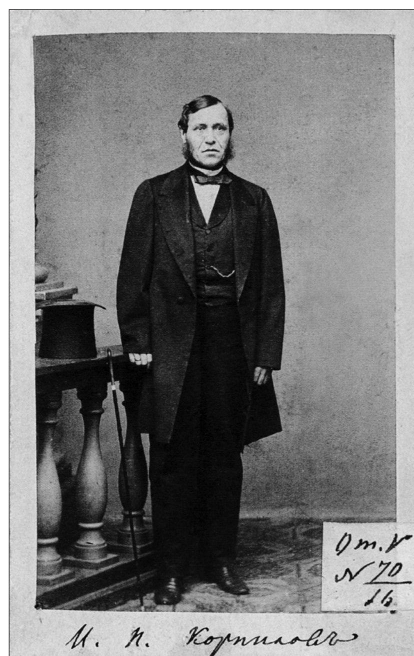
Перу выпускников семинарии принадлежат первая латгальская научно-популярная книга по пчеловодству Е. Акелевича (1832), «Поучения» по разным отраслям сельского хозяйства и домашнего быта Е. Мацилевича (1850), а также словари и учебники Ю. Курмина. В 1858 г. снова в Вильно как столице «Северо-западного края» вышел «**Słownik polsko-łacinsko-łotewski, ułozony i napisany przez xiędza Jana Kurmina**» («Словарь польско-латинско-латышский, составленный и написанный священником Яном Курмином»), а годом позднее там же – «**Jaunas mocibas uz abskaydrynoszonas lauźu sprostu ab ticeybu swatu un irodumim… caur baznieyckungu Joni Kurminu… parakstitas**» («Новые проповеди для просвещения простых людей о святой вере и обрядах… написанные священником Яном Курмином…»).

Деятельность католических священников и Краславской духовной семинарии была яркой страницей на начальном этапе развития латгальского просвещения. Однако эпоха относительно свободного национального и религиозного образования подходила к завершению. В 1843 г. была закрыта Краславская семинария и практически утратили возможность миссионерского служения монахи большинства католических орденов. Этот этап в истории латгальских Букварей завершает переиздание в Вильне в 1863 г. нескольких уже знакомых нам учебников, в том числе учебного Катехизиса «**Wyssa mocieyba katoliszka**» («Всё католическое

учение») и очередной выпуск «**Eisa mōcība dēļ mozu bārnu**» («Краткое учение для маленьких детей»).

Кириллический «Латышский Букварь» для латгальцев

С Вильно связана еще одна необычная инициатива – издание латышского Букваря с использованием кириллического алфавита. Это издание стало результатом попытки русификации латышей (преимущественно в Витебской губернии), приближения их к российской культуре, перевода в православие. Соответствующую задачу поставил печально известный Виленский генерал-губернатор Михаил Муравьев, прозванный в народе «вешателем» за жестокое подавление восстания 1863 г. в Беларуси и Литве. С целью предотвращения появления антироссийских сил в дальнейшем он стремился к уничтожению любых локальных особенностей местного населения, в том числе в его языке и культуре. Перед М. Муравьевым стояла очень сложная задача – сломать огромную культурную традицию, которая препятствовала делу обрусения «Северо-Западного края»[76]. Для решения поставленных задач в 1864 г. был создан Виленский учебный округ, руководителем которого из Петербурга был прислан Иван Корнилов.



Иван Корнилов, попечитель Виленского учебного округа. Фото 1860-х гг. из фондов Литовского государственного исторического архива

Начиная с 1864 и до 1905 г. на территории округа было запрещено использование латинского алфавита – для белорусов, латгальцев, латышей, литовцев… для всех[77]. Было прервано издание белорусских книг латиницей (например, изданий В. Дунина-Мартинкевича), репрессиям подверглись и издатели белорусского Букваря, вышедшего латиницей в 1862 г. под названием «Elementarz dla dobrych dzietok katolikou». Началось преследование литовского книгоиздания и литовских учебников.

Однако для разных народов условия развития просвещения отличались. Для белорусов единственно возможный путь просвещения власти видели в использовании российского языка, потому для них в принципе не издавалось книг на национальном языке, а вся учебная литература была исключительно российской. Одной из первых инициатив И. Корнилова стало издание «Книги для чтения в народных училищах Виленского учебного округа». Однако если белорусы, пусть и не без труда, но могли понять российские учебники, то для литовцев и латгальцев они были мало понятны и полезны. В результате для них делались некоторые уступки.

[76] *Бабук, В. А.* Выдавецкая дзейнасць Віленскай навучальнай акругі па матэрыялах Аддзелу рукапісаў Расійскай нацыянальнай бібліятэкі / В. А. Бабук // Белорусский сборник / Рос. нац. библиотека, С.-Петербургская ассоциация белорусистов ; [отв. сост. Н. В. Николаев]. Вып. 1. СПб., 1998. С. 127.

[77] *Cibuļs, J.* Latgaliešu ābeces… 130 lpp.



Титульный лист «Жемойтско-литовского Букваря» (Вильно, 1864). Экземпляр Государственной публичной исторической библиотеки России

В 1864 г. кириллицей был издан Букварь для литовского населения («Жемойтско-литовский Букварь»). Филолог С. Микуцкий в «Записке по поводу замечаний на жемайтийско-литовский Букварь и программы предполагаемой Книги для чтения в народных литовских училищах» (1864 г.) писал: «Умиротворителю и устроителю Северо-Западного края [М. Муравьеву – *А.С., Б.И.К.*] угодно было вникнуть в положение и нужды литовского народонаселения, обратить внимание на его язык и быт, позаботиться о нравственном и умственном образовании сего доброго и во многих отношениях замечательного народа»[78]. Главной целью этих инициатив было приблизить местное население западных губерний к россиянам по языку, вере и культуре, а также ограждение их от западного влияния.

В этом же году в славянофильской газете «День» была опубликована статья латыша, православного семинариста Григория Паситиса (Grigorijs Pasītis, 1837 – 1908), в которой провозглашалось, что латгальцы родственны славянам и для сближения народов необходимо подготовить и выпустить для них некоторые издания кириллицей[79]. Эта статья поощряла М. Муравьева к соответствующим действиям в подконтрольной ему Латгалии[80]. Интересно, что положительную «экспертную» оценку о возможности использования кириллицы для латышского языка дал Александр Гильфердинг[81], известный славист, который, однако, не знал ни латышского, ни латгальского.

В результате началась работа по созданию Букваря для жителей Латгалии. Целью М. Муравьева и его соратников

[78] *Бабук, В. А.* Выдавецкая дзейнасць Віленскай навучальнай акругі па матэрыялах Аддзелу рукапісаў Расійскай нацыянальнай бібліятэкі… С. 132.

[79] *Zeile, P.* Latgales kultūras vēsture : no akmens laikmeta līdz mūsdienām / Pēteris Zeile. Rēzekne : Latgales Kultūras centra izdevniecība, 2006. 312 lpp.

[80] *Bērziņš, J.* Mēģinājums ievest krievu burtus leišu un latviešu rakstos / J. Bērziņš // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. 1930. Nr. 4. 407 lpp.

[81] *Valdemārs, K.* Lietišķā un privātā sarakste : divos sējumos / Krišjānis Valdemārs ; [izdevumu sagatavojušas Mārīte Jakovļeva … [u.c.] ; zinātniskā redaktore Vita Zelče ; priekšvārda autore Valda Pētersone]. Rīga: Latvijas Valsts vēstures arhīvs, 2007. 2 sēj. 793 lpp.

Обложка «Латышского Букваря» (Вильно, 1864). Экземпляр Государственной публичной исторической библиотеки России

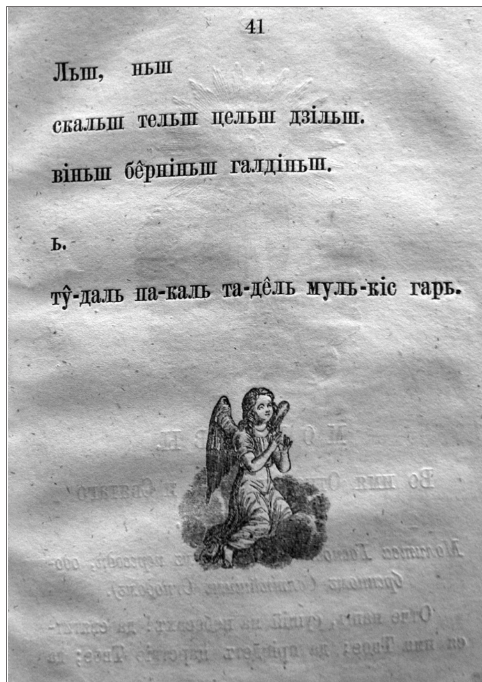
было ввести кириллицу во всех Букварях и религиозных книгах и таким образом постепенно вытеснить латинский алфавит из употребления.

Задача подготовки соответствующего Букваря была поручена сыну православного священника из Лиепаи **Николаю Соколову** (Nikolajs Sokolovs). Он некоторое время учился в православной Санкт-Петербургской духовной академии, однако не сумел ее окончить, поскольку был исключен за участие в студенческих волнениях и бунтах 1861 г. В дальнейшем он пытался продолжить обучение в Петербурге в области филологии, принимал участие в сборе и издании латышского фольклора[82]. После неудач с получением церковного образования в столице Н. Соколова пригласил для работы в Вильну попечитель Виленского учебного округа Иван Корнилов.

В Вильне Н. Соколов, желая искупить свои студенческие грехи перед церковью и государством, активно включился в работу по подготовке нового Букваря для своих соотечественников. Он попытался адаптировать кириллический алфавит к нормам латышского языка. В результате его работы в 1864 г. в Виленской типографии А. Сыркина был издан «**Латвѣшу Бôкверіс**» (с параллельным заглавием на русском языке «**Латышский Букварь**»).

В нем для передачи на письме латышских текстов были использованы следующие буквы кириллицы: А а, Б б, В в, Г г, Д д, Е е, Ж ж, З з, І і, К к, Л л, М м, Н н, О о, П п, Р р, С с, Т т, У у, Ц ц, Ч ч, Ш ш, Щ щ, Ь ь, Ѣ ѣ, Э э, Ю ю, Я я, ІО іо. Также в учебнике для

Русский и латышский кириллические алфавиты в «Латышском Букваре» (Вильно, 1864). Экземпляр Библиотеки Вильнюсского университета



41

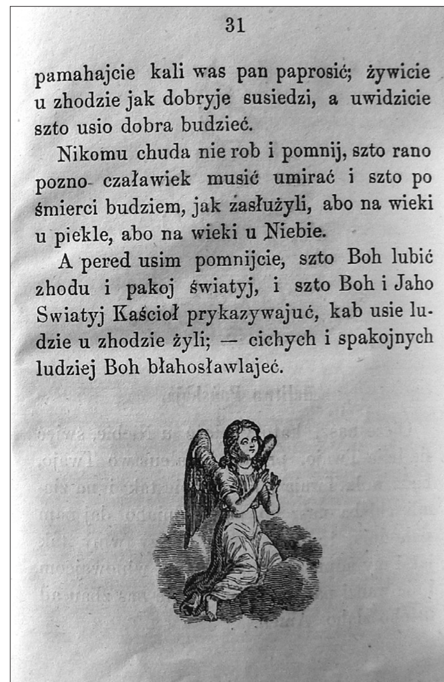
Льш, ньш

скальш тельш цельш дзільш.

віньш бêрніньш галдіньш.

ь.

тŷ-даль па-каль та-дêль муль-кіс гарь.



31

pamahajcie kali was pan paprosić; żywicie u zhodzie jak dobryje susiedzi, a uwidzicie szto usio dobra budzieć.

Nikomu chuda nie rob i pomnij, szto rano pozno czaławiek musić umirać i szto po śmierci budziem, jak zasłużyli, abo na wieki u piekle, abo na wieki u Niebie.

A pered usim pomnijcie, szto Boh lubić zhodu i pakoj świątyj, i szto Boh i Jaho Swiatyj Kaściół prykazywajuć, kab usie ludzie u zhodzie żyli; — cichych i spakojnych ludziej Boh błahosławlajeć.

Одна и та же гравюра на страницах «Латышского Букваря» (1864) и белорусского «Elementarza dla dobrych dzietok katolikou» (1862)

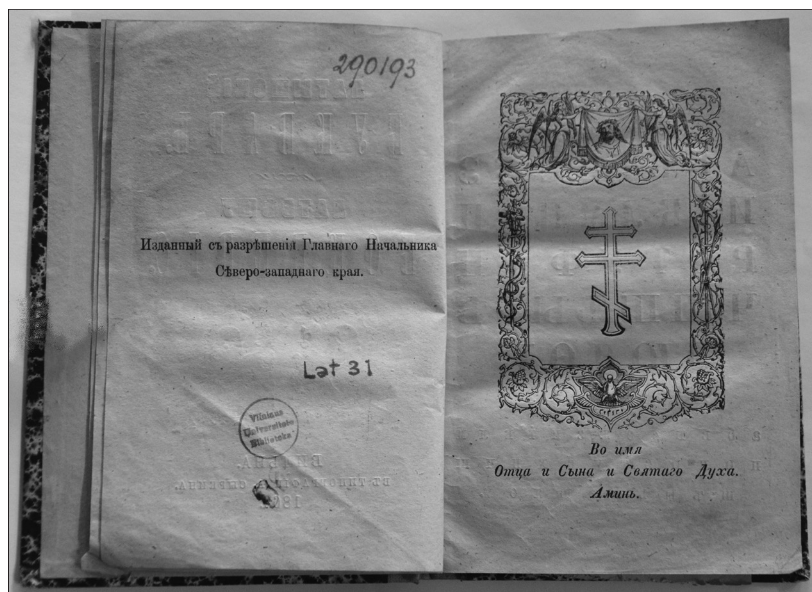
отражения собственно латышских звуков введены буквы с диакритическими знаками: â, ê, ô, ŷ, iô, ў и др. После знакомства с алфавитом учебник предлагает переходить к составлению из отдельных букв целых слогов и слов (страницы 8 – 41). В дальнейшем помещены тексты религиозного содержания (страницы 42 – 107) параллельно на русском (слева) и латышском (справа) языках – оба кириллицей. Завершает книгу раздел «Песни, басни, рассказы, загадки и пословицы» (страницы 108 – 183), который представляет интерес даже сегодня, поскольку в нем представлен реально собранный латышский фольклор. В этой части опубликованы три латышские народные песни, одна сказка, двадцать загадок и сорок пословиц.

При изучении «Латышского Букваря» мы заметили одну очень интересную особенность, связывающую данное издание с белорусской букваристикой. На 41-й странице учебника издателем помещена гравюра молящегося коленопреклоненного ангела. Дело в том, что эта же гравюра (с этой же доски) двумя годами ранее была использована в полулегальном издании белорусского Букваря «Elementarz dla dobrych dzietok katolikou». Этот Букварь был напечатан латинским шрифтом (в XIX в. он доминировал в белорусскоязычном книгоиздании) в Варшаве, в типографии К. Ковалевского. Об этом свидетельствуют выходные данные на самой книге. Однако материалы позднейшего следствия указывают, что это издание вышло не совсем легально и отражало национально-освободительные устремления белорусского народа против российского самодержавия. Составитель книги (Александр Аскерко) был осужден в том числе и за выпуск книги, которая готовила идейную почву для антироссийского восстания.

Исходя из включения гравюры в виленское издание «Латышского Букваря», можно предположить, что либо варшавская типография была расформирована после восстания и ее материалы переданы в виленскую типографию А. Сыркина, либо,

---

[82] *Losevs, A.* Ābecei 100 gadu : [Par pirmās latv. māc. grām. “Латышский букварь. Latviešu bokveris” iznākšanu] / A. Losevs, B. Infantjevs // Skola un Ģimene, 1964. Nr.11. 34 lpp.



Православная символика на первых же страницах «Латышского Букваря». Экземпляр Библиотеки Вильнюсского университета

что более вероятно, белорусский Букварь также вышел в Вильно (где работал А. Аскерко) под заведомо ложными выходными данными, чтобы запутать представителей российских властей. В любом случае связь белорусского нелегального и официального латышского Букварей выглядит весьма интересной.

Судьба обоих Букварей была сложной: они оба почти не использовались по назначению. Тираж белорусского Букваря 1862 г. был почти весь уничтожен (нам известны лишь два его экземпляра), а латышский Букварь 1864 г. вовсе не прижился, для чего было много причин. Во-первых, в предложенном варианте кириллицы не было необходимых букв для передачи всех звуков латышского языка, которых не было в российской практике[83]. Еще более неожиданно, что Букварь игнорировал букву Ф (F), которая имеется и в латышском, и в российском языках[84].

Одним из препятствий для распространения данного издания была слишком очевидная агитация за переход в православие, поскольку оно почти не было распространено в Латгалии и Латвии в целом. Это только оттолкнуло население от использования «Латышского Букваря». Например, в Букваре заповеди были приведены на латышском в католической традиции, а в параллельном российском тексте это были традиционные православные тексты. В результате сколько царские власти не приобретали и не высылали это издание для школ Латгалии, оно так и не прижилось и практически не использовалось[85].

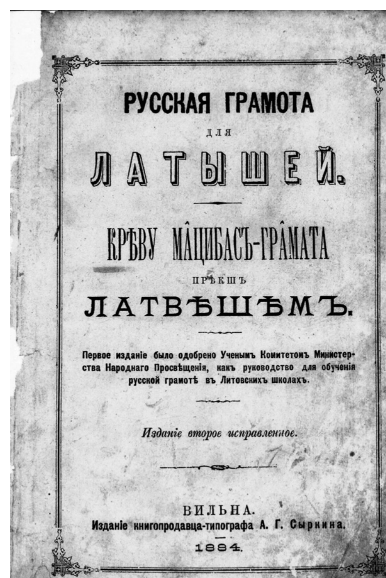
Тем не менее, правительство продолжало попытки внедрения кириллицы в латышскую письменность. В 1865 г. Виленским генерал-губернатором был назначен российский военный деятель Константин фон Кауфман, который сразу же начал жестокое преследование книгопечатания латинским шрифтом. В этом году им был издан циркуляр об использовании кириллицы в печатных текстах и дан приказ уничтожить книги, которые уже изданы латиницей. Например, было начато издание кириллицей календаря, предназначенного для латышей Витебской губернии[86]. Окончательный запрет на использование

[83] Букварь – начало всех начал… С. 7.
[84] *Bērziņš, J.* Mēģinājums ievest krievu burtus leišu un latviešu rakstos… 407 lpp.
[85] *Cibuļs, J.* Latgaliešu ābeces… 131., 132 lpp.

латиницы в латгальском книгоиздании последовал лишь в 1871 г., когда местная царская администрация заставила Густава фон Мантейфеля письменно пообещать, что он никогда больше не будет выпускать «литовские книги [в действительности имеются в виду латгальские – *А.С., Б.И.К.*] польскими буквами»[87].

В контексте новой ситуации попытался предложить свое решение соратник Н. Соколова **Иван Спрогис** (Jānis Sproģis, 1833 – 1918), с которым они вместе учились сначала в Рижской духовной семинарии, а затем и в Петербургской духовной академии, откуда вместе были исключены. В Вильне он попал под опеку Ивана Корнилова, который всемерно поддерживал российское просвещение. С января 1865 г. И. Спрогис был определен в управление Виленского учебного округа «сверхштатным учителем», однако преподавательской деятельностью не занимался, а отвечал за разбор книг, перевезенных в Вильну из закрытых после восстания 1863 – 1864 гг. в Беларуси католических монастырей. На основании этих собраний происходило создание Виленской публичной библиотеки – главной библиотеки в крае. Несколько позднее И. Спрогис был назначен помощником архивариуса, а затем и архивариусом (руководителем) Виленского центрального архива древних актов.

Как латыш по происхождению И. Спрогис видел многочисленные недостатки «Латышского Букваря» и в письме к Кристиану Вальдемару (Krišjānis Valdemārs) прямо указывал, что это издание не построено на научных основаниях или, по крайней мере, они очень слабы. Он высказал предположение, что «…ни сам граф Муравьев, ни его советники не имели ни времени, ни средств удостовериться в том, применима ли новая система азбуки, не говоря уже об отсутствии в ней научных свойств, к народу на практике»[88].



Обложка «Русской грамоты для латышей» (Вильно, 1884). Экземпляр Национальной библиотеки Латвии

Он писал о себе: «По плоти латыш, но в духе своем превратившийся в полного и постоянного русского человека»[89]. Вероятно, подобной судьбы он ожидал и для своих соотечественников. И. Спрогис также разработал и издал в Вильне и свой Букварь, предназначенный специально для обучения латышей русскому языку – «**Русская грамота для латышей**»[90].

Этот Букварь вышел в 1876 г. (повторно в 1884 г.) в Вильне и состоял из 90 страниц с текстами и, что важно, рисунками. Как отмечает сам автор, учебник представлял собой подражание «Родному слову» известного российского педагога К. Ушинского[91]. Это также был двуязычный Букварь, где слева размещались слова, словосочетания

[86] Evangelia toto anno 1753… 241 lpp.

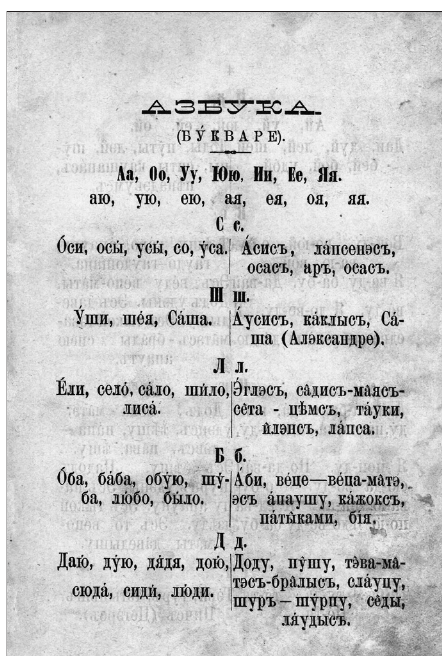
[87] Там же. 239 lpp.

[88] *Valdemārs, K.* Lietišķā un privātā sarakste… 793 lpp.

[89] *Шилов, Л.А.* Спрогис Иван Яковлевич (Янис) / Л.А. Шилов // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры : Биографический словарь : в 4 т. / Российская национальная библиотека. http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=415

[90] *Cibuļs, J.* Latgaliešu ābeces… 134 – 137 lpp.

[91] *Valdemārs, K.* Lietišķā un privātā sarakste… 797 lpp.



АЗБУКА.
(БУ́КВАРЕ).

Аа, Оо, Уу, Юю, Ии, Ее, Яя.
аю, ую, ею, ая, ея, оя, яя.

С с.

О́си, осы́, усы́, со, у́са.	А́сисъ, ла́псенэсъ, осасъ, аръ, осасъ.

Ш ш.

У́ши, ше́я, Са́ша.	А́усисъ, ка́клысъ, Са́ша (Алэксандре).

Л л.

Е́ли, село́, са́ло, ши́ло, лиса́.	Э́глэсъ, са́дисъ-маясъ-се́та - цѣмсъ, та́уки, и́лэнсъ, ла́пса.

Б б.

О́ба, ба́ба, обу́ю, шу́ба, лю́бо, бы́ло.	А́би, ве́це—ве́ца-ма́тэ, эсъ а́паушу, ка́жоксъ, па́тыками, бі́я.

Д д.

Даю́, ду́ю, дя́дя, дою́, сюда́, сиди́, лю́ди.	До́ду, пу́шу, тэва-ма́тэсъ-бра́лысъ, сла́уцу, шуръ—шу́рпу, се́ды, ля́удысъ.

Начало «Русской грамоты для латышей» (Вильно, 1884). Экземпляр Национальной библиотеки Латвии

или предложения на русском языке, а справа они объяснялись на латышском, но кириллическими буквами. За буквами следуют различные рисунки предметов, игрушек, посуды, еды, животных и т. д. За ними – короткие предложения, разговоры о школе и чтении, 26 кратких статей для чтения, сказки, стихотворения. Завершается книга тремя молитвами и математической частью с римскими и кириллическими цифрами, а также правилами умножения[92].

Новый Букварь также имел ряд неточностей и отталкивающих латышей особенностей. Главной из них оставалось использование непривычной кириллицы, которая к тому же мало соответствовала реальной языковой практике. Например, латышская буква «i» записана кириллицей по-разному – «і», «и», «ы», хотя в латышском только один звук «i». В латышском тексте иногда использовались русифицированные формы. Например, петух свою песню поет по-русски «Кукареку!», а не по-латышски «Кикеригу!» Во всех словах, где два или больше слогов, указано ударение (местами ошибочно)[93].

Одной из важных ошибок авторов и издателей Букварей стало несоответствие языка. Данные Буквари предназначались для жителей Латгалии, но их авторы – Н. Соколов и И. Спрогис – были уроженцами западной или центральной Латвии и написали свои учебники на латышском языке (нижнелатышском, или, как тогда иногда говорили, балтийском)[94]. При этом И. Спрогис, хотя ему и указывали на несоответствие языка его изданий языку «Витебских латышей», сознательно отказался от латгальского: «…когда для большинства латышского народа существует книжный, библейский язык, зачем же мне было грубое Витебское латышское наречие возводить и утверждать на степени литературного языка? Я этому решительно воспротивился в самом начале»[95]. Однако неуважение к традициям народа не могло дать положительный результат: эти Буквари и другие издания кириллическим шрифтом были не совсем понятны и даже чужды жителям Латгалии.

Сам И. Спрогис искренне надеялся, что новые кириллические книги для латышей «своим серьезным интересом так привлекут внимание моих литовско-латышских родичей, сделают в их умственном мировоззрении такой переворот, что они разбросают все свои прежние, малосодержательные и совсем пустые книжки, печатанные польскими или немецкими литерами, и со всею любовью возьмутся за новые книги, напечатаемые русскою азбукою, возлюбят эту азбуку в своей письменности, сделают ее своею родною»[96].

Однако соотечественники не поддержали стремлений Н. Соколова и И. Спрогиса, хотя власти всеми силами их к этому подталкивали. В результате Н. Соколов переселился в Санкт-Петербург, а И. Спрогис

[92] *Cibuļs, J.* Latgaliešu ābeces… 136, 137 lpp.
[93] Там же. 137 lpp.
[94] *Bērziņš, J.* Mēģinājums ievest krievu burtus leišu un latviešu rakstos… 407 lpp.
[95] Valdemārs, K. Lietišķā un privātā sarakste… 797 lpp.
[96] Там же. 794 lpp.

кардинально поменял свое мнение. В дальнейшем он писал: «При издании книжки «Русская грамота для латышей» (Вильна, 1882 г.) я ввел даже твердый знак «ъ» и твердую букву «ы». Но в конце концов я убедился, что и этот последний опыт оказывается неудовлетворительным, хуже даже первого… Я не филолог, не специалист в законах языковедения. Как говорится, по простоте сердечной, первоначально (в 1865 [г.] и [в] последующие годы) воображал, что не может быть ничего проще, как сделать применение русских букв к родной латышской письменности; ведь не все ли равно, казалось мне, писать латышские слова что русскими литерами, что немецко-готическими? Но когда на практике дело дошло до некоторых тонкостей, когда пришлось серьезно вдумываться, как выразить некоторые особенные звуки латышского языка буквами русской азбуки, тогда стало возникать затруднение за затруднением, пришлось многим русским буквам в латышской письменности придавать те звуки, которых они сами по себе не имеют в русской азбуке и русском языке (так, например, мне приводилось сделать такое применение, [когда] русские буквы выражают латышские звуки: е – ee, u – ih, и проч.). Путаница и затруднения увеличивались с каждым новым шагом… И знаете, к чему пришел я теперь? Я скажу Вам со всею искренностью: я пришел теперь к тому убеждению, что русская азбука не только не представляет возможности ее применения (если рассмотреть дело с научной стороны, даже в тех ограниченных пределах, как я это ныне понимаю, на основании многократного и довольно продолжительного моего личного опыта) к латышской письменности (то же, конечно, надо сказать и по отношению ее к литовской письменности), но что сама эта попытка составляет прямой ущерб и, так сказать, обиду для самой русской азбуки… Я уже не подвергаю рассмотрению того обстоятельства, что сталось бы с литовскими и латышскими мальчиками, которые выучились бы читать и писать на своем родном языке русскими буквами по той или другой системе применения. Они, конечно, сроднились бы с этими буквами и свойством их произношения в своем родном языке. Но в каком положении они очутились бы, когда им теперь приходилось бы перейти к изучению русского языка? К немалому своему смущению и удивлению, они вдруг увидели бы, что те же русские буквы в русской азбуке имеют совсем другие отличительные свойства и произношения. Не значило ли бы это для них то же самое, что начать изучение русской азбуки (для знания русского языка) совершенно вновь? В чем же тут, спрашивается теперь, облегчение для литовцев и латышей от усвоения в своей письменности русской азбуки с целью облегчить себе путь к изучению русского языка? Ведь из всего этого в конце концов вышла бы опять также одна и та же бесконечная путаница, сумбур, темень!.. Дай Бог, чтобы наступило время, и возможно скорее, когда наше русское Правительство (опять в лице своих органов властей) взглянуло бы таким оком высшей мудрости на литовский народ, чтобы оно отменило непомерно тяжкий для него закон об обязательном применении русской азбуки к его письменности!»[97]

Тем не менее, несмотря на бессмысленность и даже вредность репрессивных действий против латинского алфавита, царское правительство от своей политики не отказалось. Люди же игнорировали кириллические издания, священники видели в них пропаганду православия и призывали прихожан не покупать такие книги.

Правительство, видя нежелание жителей Латгалии пользоваться кириллицей и не разрешая книгопечатание латиницей, готово было вовсе оставить население в «темноте невежества». Как отмечал И. Спрогис, официальные власти имели жесткую позицию: «Правительство обнародовало закон – это его дело; литовцы и латыши, если хотят жить умственно, обязаны ему подчиняться;

[97] Там же. 802, 803 lpp.



Карта Витебской губернии (по состоянию на 1914 г.)

пусть они сами пишут и издают свои книги, даже газету, теми буквами, которые указаны им Правительством… Если литовцы и латыши не хотят сами издавать своих книг указанною ему Правительством азбукою, то пусть сами на себя и пеняют; пусть умирают как нация!»[98]

Латыши и латгальцы (как и белорусы, литовцы, украинцы) умирать не планировали и в ситуации запрета российскими властями печатать книги на родном языке наладили выпуск своих изданий за границей или нелегальный выпуск литературы с ложными выходными данными. Издания на литовском языке выходили чаще всего в Пруссии и нелегально доставлялись через границу в Российскую империю. Белорусские книги также нелегально печатались в Австро-Венгрии и Пруссии, а иногда в Царстве Польском, где цензура была слабее.

В этой ситуации латгальцы находились в более сложной ситуации. Они были отделены от остальной Латвии административной границей, которая определяла принципиально иной характер общественной и культурной жизни. Хотя в Курляндской и Лифляндской губерниях запрет на латышскую печать не действовал, однако латгальские книги там не издавались.

Во-первых, Латгалия входила в состав Витебской губернии и была подчинена Виленскому учебному округу, который охватывал преимущественно белорусско-литовские земли. На этой территории проводилась активная русификация населения, поддерживалось распространение православия и русского языка.

Во-вторых, что даже важнее, жители Латгалии разговаривали на несколько ином языке, нежели население центральной и западной Латвии. Латгальское правописание также отличалось: оно основывалось на правилах и нормах польской латиницы. Даже внешне латгальские книги сразу же отличались от изданий Курляндии и Лифляндии, поскольку в них мы видим не готический шрифт, а более распространенный еще со времен Речи Посполитой современный и простой – антикву[99].

В-третьих, латгальское, преимущественно католическое, население не могло принять издания из протестантских Курляндии и Лифляндии по причине разности вероисповедания. С учетом того, что образование и воспитание, а соответственно и учебное книгоиздание, находились в самой тесной взаимосвязи с религиозной жизнью, то можно понять, что лютеранские Буквари и Катехизисы с Запада были совершенно чужды и неприемлемы в Латгалии.

Соответственно, население Латгалии нуждалось в своих собственных учебниках и книгах для религиозного воспитания. Поскольку издания кириллицей были также неприемлемы для латгальцев, а выпуск литературы латинским шрифтом был запрещен, то оставалось лишь выпускать соответствующие книги нелегально.

Некоторые из этих изданий могли выйти, например, в Вильне, Полоцке или в Краславе. Одним из таких изданий может быть книга «**Mocejba kataliszka un wajadzegokas łyugszonas del kristejtu laużu**» («Учение католическое и самые необходимые молитвы для крещеных людей»). На нем указаны выходные данные

[98] Там же. 798 lpp.
[99] Evangelia toto anno 1753… 241 lpp.

«Helsingfors 1894» («Хельсинки 1894»). Однако аналогичное издание вышло сразу же после отмены запрета на печать в 1905 г. в Краславе[100].

Выходившие нелегально книги были очень дорогими и малодоступными для широких слоев населения. Однако без молитвенников и Катехизиса духовная жизнь крестьян была бы очень сложна. Поэтому жители тщательно хранили книги, вышедшие до запрета латышской печати. Они использовались как пособия для домашнего обучения, а также с целью научить читать молитвенники и Катехизис.

В условиях книжного голода в Латгалии процветала рукописная книжность. Хотя во время запрета появилась и первая интеллигенция Латгальских латышей (несколько католических священников, которые в основном работали с религиозными текстами, писали рукописную грамматику, собирали и записывали фольклор), самую значительную часть Латгальских рукописей создали крестьяне[101].

Как и в латгальском книгопечатании до запрета латышской печати, так и в рукописной литературе после запрета доминировала религиозная тематика. Однако важно отметить, что именно с переписывания крестьянами рукописей (сегодня известно примерно 15 имен переписчиков книг, хотя их количество было значительно большим) возникла светская литература латышей Латгалии, в основном поэзия[102].

В эти сложные годы XIX в. сохранялось несколько важных факторов, которые позволили сохраниться латгальской литературе. Во-первых, это поддержка католической церкви, которая доминировала в Латгалии и не была так жестко, как в Беларуси, ограничена в возможностях для созидательной деятельности. Во-вторых, сохранению латгальской письменности способствовало использование отличающего латинского шрифта и неспособность официальных властей предложить достойную и понятную альтернативу. В Беларуси эффективность правительства и назначенных им местных органов по русификации населения была более эффективной.

И все же, как только белорусы и латгальцы получили возможность для официального развития своего книгопечатания, они сразу же этой возможностью воспользовались. Это была уже новая эпоха. Начиная с 1905 г. издание белорусских и латгальских учебников происходило самостоятельными, почти не зависящими друг от друга путями, хотя и в похожих условиях.

Заключение

Глубокое знакомство с историческими традициями Беларуси и Латвии позволяет понять, насколько наши народы близки друг другу. К сожалению, в нашей общей истории остается еще немало недописанных страниц, многие аспекты межкультурного взаимодействия еще ожидают своего исследователя. Одной из таких страниц является история латгальского Букваря, в которой отразились не только традиции населения Латгалии, но и опыт и достижения других народов, в том числе и белорусов.

Создание латгальских Букварей прошло сложный путь от религиозных книг, основанных на Катехизисе и популярных молитвах, до современного Букваря. Менялись их названия, происходила систематизация

[100] Латгальская книга в России (1917 – 1937) : Каталог выставки, 14.02 – 14.03.2007 / Российская национальная библиотека, Санкт-Петербургский государственный университет ; сост. А.В. Андронов, Л. Лейкума. Санкт-Петербург, 2007. С. 4. http://www.genling.nw.ru/baltist/Publicat/LGbookNLR.pdf

[101] *Apīnis, A.* Neprasot atļauju : latviešu rokraksta literatūra 18. un 19. gadsimtā / Aleksejs Apīnis. Rīga: Liesma, 1987. 158 lpp.

[102] *Apīnis, A.* Rakstītājs no Nautrēniem: Andriva Jūrdža dzīve un veikums / Aleksejs Apīnis, Ināra Klekere, Lilija Limane. Rīga: Liesma, 1989. 13 lpp.

самого латгальского языка. Это заметно даже на примере названий одного и того же учебника при его переизданиях. Например, «Eysa mociba del masu bernu» (1835), «Eysa mociba del mozu bernu» (1839), «Eysa mociba del mozu barnu» (1849) и т. д.

Роль белорусского фактора в истории создания и распространения латгальского учебного книгоиздания нам кажется весьма существенной. Некоторые из авторов первых латгальских учебников были уроженцами Беларуси (например, Т. Кучинский), получили образование и трудились в Беларуси до переезда в Латгалию (например, М. Рот). Первые латгальские Буквари были изданы в столице белорусско-литовского государства – Вильне, а после также в белорусских типографиях в Могилеве и Полоцке. Лишь со второй половины XIX в. Буквари на латгальском письменном языке начинают издаваться собственно в Латгалии. На протяжении всего XIX – начала XX в. развитие учебной книжности в Латгалии происходило под контролем администрации Витебской губернии и Виленского генерал-губернаторства. Крайне важную роль в создании первых латгальских Букварей сыграли преподаватели и выпускники Виленской и Полоцкой академий, Краславской семинарии и других учреждений, самым тесным образом связанных с Беларусью.

Как и белорусские издания, латгальские Буквари имели малый (карманный) формат и, обычно, небольшой объем. В отличие от латышских изданий из Курляндии и Лифляндии, они издавались не готикой, а распространенной в ВКЛ антиквой. Следует отметить и еще одну общую черту: первые Буквари на латгальском и белорусском языках издавались латинским шрифтом на основе правил польской латиницы и лишь в начале XX в. оба народа окончательно перешли на национальные нормы латиницы, в которых для передачи специфических звуков использовались знаки с диакритикой (например, «SZ» перешло в «Š», «CZ» – в «Č» и т. д.).

Все латгальские Буквари того времени были построены на основании так называемого буквослагательного метода, распространенного в учебной практике Беларуси, Латвии, Литвы, Польши и других стран. Конечно же, белорусские и латгальские Буквари роднило содержание: их основу составляли религиозные тексты (Катехизис, молитвы, поучения и пр.). В этом отношении они были похожи друг на друга значительно больше, чем на Буквари иных народов.

Первые учебники создавались католическими священниками, преимущественно монахами-иезуитами из Вильны и Полоцка. Вероятно, авторы-иезуиты, благополучно усвоив практику педагогической работы и учебного книгоиздания в ВКЛ, активно внедряли ее в отношении населения Латгалии. В дальнейшем практику работы иезуитов переняли базилиане, миссионеры и пиары из Витебской и Виленской губерний.

После восстания 1830 – 1831 гг. царская власть начала ограничивать влияние католической церкви на просвещение населения как в Беларуси, так и в Латгалии, а после восстания 1863 – 1864 гг. и вовсе был взят курс на массовую русификацию населения «Северо-Западного края» Российской империи. Для белорусов, латгальцев, латышей, литовцев и иных жителей края настойчиво предлагалось обучение исключительно на русском языке. И лишь в начале XX в., когда был снят запрет на развитие национальной письменности, белорусские и латгальские Буквари вышли из подполья и начали издаваться официально. С этого времени их пути идут самостоятельно, хотя во многом параллельно.

И все же понимание общности истории наших культур имеет огромное значение именно сегодня, ведь оно не только свидетельствует о имеющемся опыте конструктивного и плодотворного взаимодействия на протяжении многих веков, но и является почвой для развития сотрудничества в настоящее время.

Людмила ХМЕЛЬНИЦКАЯ

ЭМИЛИЯ ПЛЯТЕР И ПОДХОРУНЖИЕ ДИНАБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ: ЗАГОВОР ПОЭТОВ (ИЗ СОБЫТИЙ ВОССТАНИЯ 1831 ГОДА)

В основательно мифологизированной биографии героини восстания 1830 – 1831 гг. Эмилии Плятер есть одна история, связанная с началом восстания на территории Великого Княжества Литовского.

Весной 1831 г. на Масленицу (Zapusty, Karnawał) Эмилия Плятер отправилась к родственникам в Курляндию. Там она встретила своих двоюродных братьев Люциана и Фердинанда Плятеров, подхорунжих русской военной школы Динабургской крепости. С ними был их друг и соученик Александр Рыпинский.

Романтическая легенда, изложенная в 1835 г. в книге Ф. Вротновского, повествует о том, что во время этой встречи Эмилия сговорилась с молодыми людьми о том, что вместе они захватят Динабургскую крепость. Она соберет отряд повстанцев, который приведет под стены Динабурга, а подхорунжие подготовят сдачу фортеции изнутри и откроют ворота. Молодые люди поклялись друг другу осуществить благородный замысел и посвятили девушку в рыцари, за неимением меча подарив ей небольшое охотничье ружье[1]. Далее легенда повествует о том, что Эмилия создала отряд, повела его на Динабург, но по дороге повстанцы были разбиты регулярными частями русской армии.

Школа подхорунжих открылась в Динабургской крепости в 1828 г.[2]. Люциан и Фердинанд были родными братьями Михаила Плятера, который в 1823-м на доске виленской гимназии написал «Виват Конституция 3 Мая», с чего начались преследования членов кружков филоматов и филаретов. Михаил, сосланный в армию, в это время служил на Кавказе.

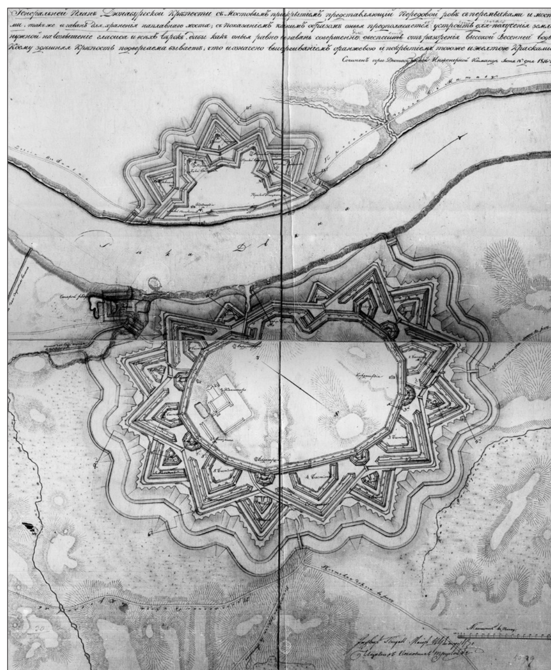
Поступив в русскую школу офицеров, Люциан и Фердинанд так же, как и выходцы из других польских семей края (а таких в школе было большинство), ни минуты не сомневались, что полученные знания и навыки им удастся обратить на пользу края.

Узнав о восстании в Варшаве, начавшемся 29 ноября 1830 г., динабургские подхорунжие стремились использовать любую возможность вырваться из крепости (например, поездки на праздники к родственникам), чтобы установить контакты с местной шляхтой, готовившей выступление. Хотя их русские мундиры меньше всего подходили для такой миссии и вызывали скорее настороженность, чем располагали к доверию.

Эмилия могла полностью доверять своим братьям и их товарищу. У кого из них первого родилась мысль о захвате Динабургской крепости, сказать сложно. Но все с одинаковым энтузиазмом были готовы взяться за ее исполнение.

* * *

Строительство крепости Динабург началось в 1810 г. и к началу восстания еще не было окончено (освящение состоялось только в мае 1833 г.). Это было очень внушительное фортификационное сооружение первого класса, занимавшее площадь более 150 гектаров. Наиболее значительным объектом цитадели был главный вал, ширина которого составляла восемь с половиной метров. Внутри вала находились казематные помещения, туннельные переходы и ходы сообщения с бастионами и фортами. К внешней стороне вала были пристроены восемь



Генеральный план Динабургской крепости. 1816 г.

казематированных бастионов, на которых находились ячейки для размещения пушек. Перед бастионами был устроен пояс из равелинов и редутов. Вход в цитадель осуществлялся через четверо крепостных ворот, перед каждыми из которых были выстроены еще по двое барьерных (внутренних) ворот и по три разборных деревянных моста. Оборонительные сооружения окружали рвы, которые заполнялись водой и делали крепость неприступной[3].

Эскарп (наружная облицовка) цитадельных стен был сделан из тесаного камня и шел по всему периметру крепости (более пяти километров). В 1820 г. было произведено испытание эскарпной стены на прочность. С расстояния в 72 сажени (140 метров) из трех пушек крупного калибра сделали 14 выстрелов в одно и то же место. Стене были нанесены внешние повреждения, но она не разрушилась[4].

Внутри цитадель представляла настоящий город, разделенный на 20 кварталов и 10 улиц. Застраивались улицы прочными домами со сводчатыми потолками и массивными стенами толщиной до двух с половиной метров, способными выдержать попадание снарядов большого калибра. На территории крепости находились собор, построенный в стиле барокко еще иезуитами, которым ранее принадлежала эта территория, парадная площадь (Марсово поле), дом коменданта, или Путевой дворец № 6 с покоями для высочайших особ, казармы на 1500 человек, госпиталь на 500 коек, артиллерийский и инженерный арсеналы, конюшни, острог на 400 человек, провиантский склад, жилые офицерские дома, офицерский клуб[5].

Офицерское гарнизонное собрание могли посещать не только военные, но также их родственники и знакомые. Здесь устраивались представления любительских спектаклей, концерты, лекции, вечера. Трудно представить, чтобы, живя рядом с крепостью в Ликсно, где всегда гостеприимно встречали военных, на подобные мероприятия не приглашались Эмилия Плятер, ее мать, тетка Мария Зиберг и другие родственники.

К началу 1826 г. Динабургская крепость была оснащена 180 пушками, в ней находилось почти 20 с половиной тысяч снарядов. Цитадель имела 67 казематов, 38 каменных и 100 деревянных строений. В ней были помещения для размещения без малого семи тысяч военных и двух с половиной тысяч пудов пороха. Было где хранить также большой запас провианта[6].

В день начала восстания в Варшаве комендант крепости генерал-майор Г.Гельвиг получил предписание о переводе фортеции на военное положение. Ему было приказано разместить пушки «на главном валу в местах, удобных для обстрела окружающей местности», запастись орудиями на полевых лафетах, «иметь в готовности возможно большее число боевых зарядов», исправить крепостные ворота и подъемные мосты, наглухо заделать ненужные проходы, в ночное время закрывать крепостные ворота и поднимать подъемные мосты, а «всех прибывающих в крепость пропускать только с военными предосторожностями»[7].

И вот эту-то фортецию и сговорились захватить своими силами Эмилия Плятер и ее братья.

* * *

Те из биографов, которые берутся уточнить, в каком именно месте Эмилия Плятер съехалась на Масленицу с Люцианом и Фердинандом Плятерами, называют Ликсну. Но Ликсна находилась в Инфляiнтах, а не в Курляндии. В Курляндии, т. е. на левом берегу Двины, лежали другие имения графов Зибергов и Плятер-Зибергов: Бебра, Шлоссберг, Двете (современное название Двиете, Латвия).

Вот как раз в Двете и состоялась эта памятная встреча. В биографическом словаре участников восстания, изданном Ю. Страшевичем в 1832 – 1837 гг., в разделе, посвященном динабургским подхорунжим, об их встрече с будущей героиней восстания сообщалось следующее: «В то время Эмилия Плятер, говорившая, как наши молодые литовцы: "Надо, чтобы Динабург был занят патриотами", искала способа связаться со знаменосцами[8], чтобы посвятить их в свой план и доработать его вместе с ними. Трое из них, Люциан и Фердинанд Плятеры, кузены молодой героини, и Александр Рыпинский, приезжали провести Масленицу в Двете, у тети Эмилии. Она не замедлила им открыться, и была очень рада, когда они ей поклялись содействовать во всем, что в их власти, ей обещали содействие всех своих литовских товарищей. Было решено, что они подождут с действиями до прибытия повстанцев, которых должна была собрать девушка, и она поехала вскоре в Вильно отчитаться перед Центральным комитетом о принятом плане»[9].

Хозяйкой Двете в это время была Ядвига Плятер из Зибергов, жена Казимира Плятера, родного брата дядюшки Эмилии Михаила Плятера-Зиберга, жившего тогда с семейством в Шлоссберге.

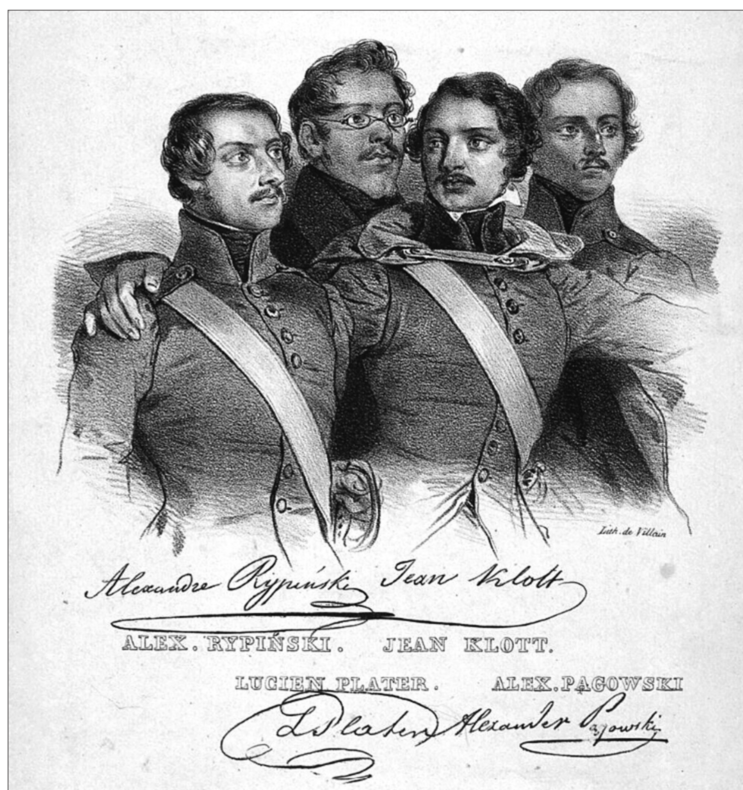
Взятие Динабургской крепости для успешного хода восстания в Инфлянтах было, конечно, делом необходимым. Это был бы не только важный в стратегическом



Автопортрет Эмилии Плятер. Из публикации Л. Мейета. 1906 г.

отношении объект, но и возможность получить для восставших оружие и экипировку, в которых они остро нуждались. С другой стороны, руководители восстания хорошо понимали, насколько непростой задачей был бы захват такого мощного военного укрепления русской армии. Судя по всему, такая задача всерьез ими и не ставилась – историками восстания до сих пор не выявлено никаких материалов о подготовке к захвату Динабургской крепости[10]. Отсюда можно сделать вывод о том, что сообщение Эмилии о планах захвата крепости (если действительно последовала ее поездка в Вильно), скорее всего, членами Центрального повстанческого комитета серьезно воспринято не было.

Зато идея эта глубоко засела в горячих головах молодых людей, встретившихся в Двете. В Польской библиотеке имени Адама Мицкевича в Париже хранятся воспоминания Александра Рыпинского, написанные в 1832 г. уже в Авиньоне, куда он вынужден был эмигрировать после подавления восстания. В одной из своих тетрадей он подробно описывает события весны 1831 г. и встречу с Эмилией Плятер[11]. Обратимся к свидетельствам этого источника, написанного очевидцем событий.



Подхорунжие Динабургской крепости.
Слева направо: Александр Рыпинский, Люциан Плятер, Ян Клотт,
Александр Понговский. Литография из книги Ю. Страшевича

«С того времени, – сообщал А. Рыпинский, имея в виду начало восстания в Варшаве 29 ноября 1830 г., – единственной их [подхорунжих Динабургской школы – *Л.Х.*] целью была попытка совершить революцию в Динабурге или покинуть ряды русских, чтобы стать среди братьев и обратить доверенное им царем оружие против него самого, против его подневольных солдат, принадлежать к числу которых они считали уже большим позором, видя своих братьев, сражающихся за свободу.

Планы бессмертной графини Плятер, которые она им доверила через посредничество двух своих братьев и подхорунжего Александра Рыпинского, встретив их на каникулах у своих кузинов в Курляндии во время ее отъезда из Инфлянт на место своих великих начинаний – мысли, которые она им сообщила – проекты, которые открыла – придали новые силы их прекрасным намерениям, и тем сильнее укрепили их в неистребимом желании как можно скорее все осуществить.

Эта молодая героиня с характерной для нее прозорливостью, видя огромный патриотизм и надежность подхорунжих, с полным доверием объявила им всю цель и намерения Центрального комитета виленских патриотов, перечислила им все уезды Литвы, готовые поддержать дело, готовые восстать по малейшему знаку; и, увлекая их поднять флаг свободы над Динабургом, добавила в конце, что первой целью ее брата Цезария Плятера, вместе с которым она действовала, будет, сформировав как должно повстанцев, бросить их на Динабург, окружив его снаружи; а делом подхорунжих должны были тогда стать приготовления, осторожность и помощь внутри для скорейшего окончания дела. Обе стороны ожидали только удобного случая»[12].

Таким образом, из приведенного фрагмента воспоминаний видим, что

Эмилия была в курсе планов и действий еще одного своего двоюродного брата Цезария Плятера, готовившего выступление своих подданных в имении Дусяты (ныне Дусятос, Литва, по административному делению того времени Браславский уезд Ковенской губернии).

Вернувшиеся в крепость подхорунжие, воодушевленные встречей, стали обдумывать план действий. Обстоятельства, складывавшиеся в крепости, вселяли в них оптимизм: квартировавшая до того времени в Динабурге 2-я пехотная дивизия была отправлена на границу Королевства Польского; бригада стрелков, батальон саперов и даже команды рабочих в любой момент могли быть выправлены из крепости на борьбу с восставшими[13]. «Все в Динабурге самым лучшим образом способствовало нашему делу, – писал А. Рыпинский. – Комендант, не имея никакого приказа от властей по вооружению крепости, спокойно спал, а солдаты, амуниция и пушки были оставлены без действия. Отправка Ширмана на Жмудь с бригадой стрелков уменьшила гарнизон до крайности. Только один батальон саперов, изнуренный до пота, день и ночь нес караул в крепости, никогда не имея отдыха из-за недостатка войск. Понятно, что при таком положении вещей недоставало только внешней силы, и сгорающие от нетерпения подхорунжие день и ночь обращали свои взоры в сторону Литвы, ожидая повстанцев»[14].

Если бы повстанцы в эти дни действительно внезапно оказались у ворот крепости, заговор подхорунжих имел хоть бы какой-то шанс на успех – в крепости почти не было военных, а в школе все же обучалось около 100 человек[15], большинство из которых сочувственно относилось к восставшим. Но Эмилия со своими соратниками сама еще не была готова к выступлению.

Тем временем ситуация быстро изменилась – подхорунжих самих стали готовить к отправке на театр военных действий, где они должны были применить оружие против инсургентов. А. Рыпинский писал: «Завистливая судьба, однако, поступила не по их желанию. Изданный приказ в[еликого] князя Михаила, основанный на желании фельдмаршала Дибича, предназначал Динабургскую школу для армии, действовавшей в Польше. Тридцать из них были назначены офицерами в разные корпуса, а оставшихся приказано было разместить в войсках, действовавших против их братьев. И это была та скала, о которую разбились все их предыдущие проекты, нужно было искать новые. Дорога, которой им было предписано идти маршем, проходила через Видзы, Свентяны, Вилькомир, Вильно и т. д., а жители всех тех уездов, которые находились на пути, готовые в любой момент к восстанию, имея детей и родственников в этой школе, хорошо знали и об их выходе, и о маршруте. Невозможно было не надеяться, что подхорунжие где-нибудь встретят повстанцев и присоединятся к ним. Эта мысль с новой силой утешала подхорунжих, удрученных первой неудачей проекта, и с тех пор они ожидали только последнего приказа к выступлению. Вильно, где они имели столько знакомой молодежи, готовой по первому зову взяться за оружие, наводило их на мысль: там они отомстят за Динабург.

Наконец, пришел желанный день – все готовы к выступлению, когда снова непредвиденное, хотя и утешительное обстоятельство ввергает их в пропасть отчаяния. В тот же самый день вспыхивает восстание в Вилькомире и отрезает все коммуникации между Динабургом и Вильно. Жители Вилькомира, знающие о намерениях подхорунжих и их высоком патриотизме, уведомленные о дне их выхода из Динабурга, не желающие, чтобы эти люди, знакомые с военным делом, достались кому-нибудь другому в восстании – спешат их принять и с этой целью высылают тотчас под Видзы часть своих сил под предводительством обывателя Дворжецкого с соответствующей инструкцией. Но москали, как бы предчувствуя это, осведомленные об их движении, удерживают подхорунжих, изменяют их маршрут и думают о средствах, которые могли бы их охранить и в дальнейшем от подобного происшествия.

Задержанные подхорунжие не знали, что сделать. Рой мыслей и новых планов кружил в их головах; а тем временем им громко говорили, что москали, один раз узнав о намерениях повстанцев, уже не пошлют их больше в Польшу, а, наоборот, намереваются упрятать вглубь империи. Эта последняя мысль поражала больше других, однако, не теряя еще надежды, ожидая несколько дней, и не дождавшись приказа о выступлении, они составляют план бегства. Намерением их на этот раз было соединиться как можно скорее с повстанцами, точно сообщить им о положении дел в Динабурге и, пользуясь плохим состоянием фортеции, внезапно напасть на нее, прежде чем неприятель получит время для вооружения. Более тридцати их было уже в заговоре, готовых к выполнению этого последнего шага отчаяния, и ожидали только случая»[16].

На случай бегства из крепости подхорунжие разработали еще один план: перед своим отходом поджечь склад пороха – главный запас всей фортеции, который хранился в люнете[17] у Александровских ворот[18]. Однако последовавшие за этим события расстроили все планы.

Снова дадим слово А. Рыпинскому: «Слабый лед Двины, готовый в любой момент тронуться, стал для них преградой. Тем временем высланные из Вильно эмиссары от Патриотического польского комитета были уже в Браславском уезде. Михал Клотт и Бобровский дали об этом знать подхорунжим, в числе которых оба имели своих братьев и родных. В записке, которую им тайно, скрытой в обуви от преследований шпиков и полиции, принес крестьянин, не было ничего более, как только пара двузначных слов, из которых едва можно было понять, что эмиссары были уже на месте своего назначения и ожидали подхорунжих в Видзах. Это письмо возбудило еще большее волнение в наших патриотах. Нетерпеливые, не могущие дождаться конца решения своей судьбы, всегда боящиеся быть высланными вглубь России, не зная при этом, что происходило в Браславском уезде, откуда пришло письмо; они решили отправить незаметно ночью, несмотря на самое суровое наказание за это, двух своих коллег, которые достигли бы Видз, узнали там обо всем, и, найдя повстанцев, привели их как можно скорее под ворота Динабурга; а если нет, чтобы по крайней мере точно узнали, куда беглецам из крепости лучше всего было идти, чтобы быстрее попасть на место в Видзы или Вилькомир с целью соединиться со своими.

Для исполнения этого шального шага были выбраны Ян Клотт и Михаил Бобровский. На их несчастье, находясь всегда внутри крепости, они не знали, что происходило за валами, а особенно в той стороне, куда они должны были идти. Москали, предупрежденные о восстании жителей Вилькомира эстафетой, присланной от разбитого там предводителя русских гусар, стали осторожны и насколько возможно старались защитить невооруженную еще крепость от нападения повстанцев со стороны Литвы, думая мало-помалу и о внутреннем вооружении. Сильные патрули пехоты днем и ночью кружили вокруг предместья Грива на левом берегу Двины, и жандармерия была обязана уходить так далеко, как могла, по всем дорогам, ведущим к Динабургу. К тому же высланная недавно бригада генерала Ширмана, находясь еще не очень далеко от крепости, высылала во все стороны, вперед и назад, свою стражу, избежать которой было очень сложно. При таком положении вещей – среди стольких опасностей – два наших молодых делегата бросились вслепую в ночь за пределы крепости, через одну из амбразур, не имеющую охраны. Они перебегают с опасностью Двину, лед которой трещит под каждым шагом их бесстрашных ног, и на противоположном берегу попадают в руки патруля.

Это было 4 апреля по новому календарю или 24 марта по русскому[19]. На следующий день, пятого, когда в школе еще никто не проснулся, весть о поимке двух высланных подхорунжих ударилась о стены. Их доставили рано связанными к коменданту крепости, а тот – к коменданту школы. Волнение во всем городе, тем более что крепость уже два дня находилась на

военном положении. Вся школа попала под подозрение – все тюрьмы заполнили подхорунжими, найдя разные причины. Был произведен военный суд, и пуля должна была решить судьбу виновных. На счастье, старый комендант Гельвиг, не желая быть причиной жалоб семейств тех молодых людей, а также их личного несчастья, вытащил их из беды, назвав детьми, и тотчас издал приказ школе оставить Динабург.

Десятого апреля нового стиля подхорунжие покинули Динабург, отправившись в дорогу по новому составленному для них маршруту на Краславу, Друю, Дисну, Вилейку, Ошмяны, Вильно и т. д. с целью ухода от повстанцев. У них было отобрано оружие, а для их, как было сказано, охраны выделены 40 вооруженных гвардейцев, собранных из разных госпиталей, которые со штыками в руках спереди и сзади сопровождали их на марше и охраняли, как стадо овец»[20].

Придя в Дисну и получив оружие, 18 подхорунжих, в числе которых были А. Рыпинский и братья Люциан и Фердинанд Плятеры, ночью тайно покинули русский лагерь и примкнули к повстанцам, пройдя вместе с ними всю долгую и трудную дорогу до изгнания из страны.

* * *

Таким образом, история с динабургскими подхорунжими, готовыми открыть ворота крепости, закончилась 29 марта по старому или 10 апреля по новому стилю 1831 г.

Согласно легенде, авторство которой стоит приписать Ю. Страшевичу, только в этот день, воскресенье 29 марта, Эмилия Плятер в Дусятах после окончания богослужения в костеле, на которое собралось множество прихожан из окрестных селений, в мужской одежде, с саблей, пистолетами и остриженными волосами обратилась к народу, призывая его к борьбе. Был сформирован отряд повстанцев в несколько сот человек, который девушка двинула на Динабург[21].

Причиной столь позднего (если смотреть с точки зрения динабургских подхорунжих) вступления отважной девушки в ряды повстанцев стало то обстоятельство, что только 25 марта (6 апреля) Юлиуш Грушевский во главе небольшого отряда захватил город Россиены (ныне Расейняй в Литве), начав тем самым восстание на Жмуди[22].

В это время Эмилия находилась в доме своей тетки Богумилы Плятер из Верещинских, вдовы Каспера Плятера, родного брата отца девушки. Богумила Плятер жила в имении Антузове (ныне Антазаве, Литва). 25 марта Эмилия покинула Антузов, оставив записку, которая в случае неудачи инсуррекции должна была снять подозрения с ее родных: «Свидетельствую сим письмом моим, что к предпринятому сегодня шагу никто меня не подговаривал, наоборот, тетка моя, ясновельможная Гасперова Плятер, пыталась меня отговорить от сего намерения. Я руководствовалась любовью к отчизне. Кроме того, воспитанная в одиночестве, несмотря на это, питая с детских лет ту мысль, что когда-нибудь пойду на войну, я приняла это за некое наитие, поскольку много лет эта необычная для молодых девушек мысль постоянно меня занимала.

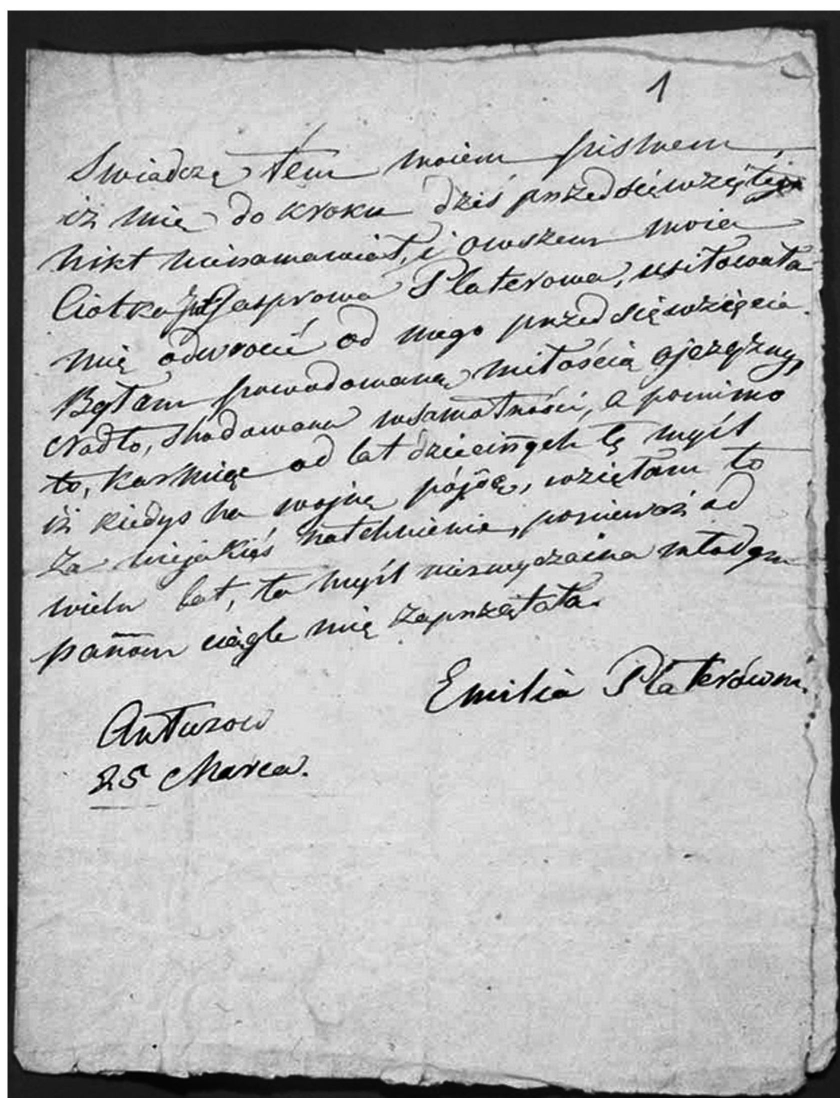
Антузов, 25 марта. Эмилия Плятер»[23].

Из Антузова Эмилия вместе со своей подругой Марией Прушинской (молодым девушкам в то время неприлично было путешествовать в одиночестве) отправилась в имение Цезария и Владислава Плятеров Дусяты.

* * *

Когда подхорунжие Динабургской школы получили приказ выступить из крепости в армию И. Дибича, Александр Рыпинский, братья Плятеры, Антоний Лабунский, Александр Понговский и еще несколько их товарищей рано утром пришли попрощаться с «несчастным узником» – государственным преступником, содержавшимся в крепости, поэтом и декабристом Вильгельмом Кюхельбекером[24].

Лицейский товарищ А. Пушкина и близкий друг А. Грибоедова содержался


1

Świadczę tem moiem pismem,
iż mię do kroku dziś przedsięwziętego
nikt nie namawiał, i owszem moia
Ciotka JW Kasprowa Platerowa, usiłowała
mię odwrócić od niego przedsięwzięcia.
Byłam powodowana miłością Oyczyzny
Nadto, chodowana w samotności, a pomimo
to, karmiąc od lat dziecinnych tę myśl
iż kiedyś na woynę póydę, uważałam to
za niejakieś natchnienie, ponieważ od
wielu lat, ta myśl niezwyczajna młodym
pannom ciągle mię zaprzątała.

Emilia Platerówna

Antuzow
25 Marca.

Записка Эмилии Плятер. Антузов, 25 марта 1831 г.
Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie

в крепости с октября 1827 г. и через несколько дней после выхода подхорунжих из Динабурга был переведен в Ревель. Во время своего заточения благодаря содействию дивизионного командира Динабургской крепости генерал-майора Егора Константиновича Криштофовича арестант имел послабления в тюремном содержании. Е. Криштофович выхлопотал В. Кюхельбекеру разрешение заниматься литературными трудами, вести переписку с родными, доставлял ему книги, позволял прогуливаться по плацформе[25].

И не препятствовал приходу гостей – офицеров Динабургской крепости Александра Шишкова и Петра Манассеина, также занимавшихся литературой, писавших стихи и делавших переводы[26].

С появлением в крепости подхорунжих литературный кружок В. Кюхельбекера расширился. Молодые патриоты привнесли в него интерес к польскому языку и новинкам литературы, особенно стихам А. Мицкевича, А. Одынца и Ю. Немцевича[27].

Сам В. Кюхельбекер, находясь в Динабургской крепости, писал стихи, поэмы, драматические произведения, переводил Шекспира, читал по-английски Томаса Мура. В одном из биографических очерков о поэте сообщалось: «Были собеседники,

книги присылали друзья, "ссужала добрая генеральша Криштофовичева", доставали для Кюхельбекера офицеры Динабургского гарнизона. Кюхельбекер ощущал себя в расцвете творческих сил, много писал и даже печатался – все это делало заключение сносным»[28].

В свою очередь, общение с поэтом круга А. Пушкина, его рассуждения о технике литературного перевода, особенностях польского и белорусского языков (об этом позднее вспоминал А. Рыпинский[29]) и для динабургских подхорунжих имело большое значение, укрепляло их умы и души.

Эмилия Плятер наверняка знала о том, какой узник томится в Динабургской крепости. О Вильгельме Кюхельбекере ей могли рассказать если не ее воздыхатели генерал K*** и капитан D***, то подхорунжие Люциан и Фердинанд Плятеры, а также дядя Михаил Плятер-Зиберг, из библиотеки которого в Шлоссберге подполковник Густав Карлович Ярмерштет, командир Динабургской инженерной команды, брал книги для цитадельного сидельца[30].

В 1829 г. В. Кюхельбекер написал в крепости сонет «Герой и певец». Предназначался он явно друзьям «динабургского кружка», в том числе и молодым подхорунжим, на долю которых очень скоро выпали суровые испытания:

Подобится златому оку мира
Спаситель братьев, радостный боец;
Но пастырю полночных стад эфира,
Луне подобен – сладостный певец.

А тот, кому даны и меч и лира,
Кто на главу взложил двойной венец,
В войне перун, в объятиях же мира
Души обворожитель, врач сердец, –

Тому подобья нет: его судьбина,
Священных, дивных полная чудес,
Гора сокровищ и богатств пучина.
На землю прямо пала от небес:

Он выше всех; так скал крутых вершина
Златая превышает темный лес[31].

Примечательно, что когда подхорунжие под конвоем, «как стадо овец», покидали Динабургскую крепость, кураж их и тут не оставил. «Веселые, идя вприпрыжку, – писал один из воспитанников школы, – покидали мы проклятую клетку, вздыхая только о том, что она осталась цела после нас. (...) В дороге один наш товарищ все время наигрывал на кларнете *Jeszcze Polska nie zginęła,* а мы все пели, уверенные, что коллеги нас не выдадут, а офицеры не поймут»[32].

Мальчишки, отчаянные обладатели «меча и лиры». Поэты, чистой воды поэты!..

Послесловие

После подавления восстания братья Плятеры и Александр Рыпинский вынуждены были эмигрировать во Францию. 23 ноября 1831 г. решением Минской губернской следственной комиссии все трое были отнесены ко второму разряду преступников, их собственность подлежала конфискации, а сами они в случае возвращения или поимки должны были предстать перед военным судом[33].

А. Рыпинский прожил во Франции14 лет. Когда Ю. Страшевич готовил к печати свою книгу об Эмилии Плятер, он обратился к нему с просьбой написать комментарий о Динабурге. Тот с радостью согласился и сделал подробное описание крепости, хотя его текст вошел в издание и без указания фамилии автора[34]. В 1846 г. А. Рыпинский перебрался на жительство в Англию, где занимался преподаванием, писал стихи, открыл фотоателье и собственную типографию. Летом 1859 г., через несколько лет после выхода амнистии, касающейся политических преступников, вернулся на родину, жил в Витебске и умер в полной безвестности в своем имении недалеко от города.

Люциан и Фердинанд Плятеры в родные места так больше никогда и не вернулись. В 1839 г. судьба забросила братьев в далекую Австралию, где они провели остаток жизни. Люциан до этого еще успел прожить несколько лет в Англии, где женился на ирландке. Фердинанд, находившийся в это время во Франции, изучил кондитерское дело, и, перебравшись на другой континент,

братья вместе с успехом занялись производством наливок и сладостей[35].

Фердинанд так никогда и не женился, а у Люциана было восемь детей, оставивших обширное потомство, которое до сих пор живет в Австралии и пользуется фамилией «de Plater». Свою первую дочь, которая родилась в 1838 г. еще в Англии, в честь своей глубоко почитаемой двоюродной сестры Люциан назвал Эмилией, а сына, пришедшего на свет в 1851-м уже в Сиднее, – Эмилианом[36].

Литература и источники:

1. Zbiór pamiętników o powstaniu Litwy w r. 1831. Układany przez Felixa Wrotnowskiego. Paryż, 1835. S. 312.

2. Ibidem. S. 308.

3. *Веревочникова Г.* Памятник военной архитектуры XIX в. – Даугавпилсская (Динабургская) крепость. История и современность // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А.Р. Брадоўскага. Віцебск, 22 – 23 кастрычніка 2009 г. Мінск, 2010. С. 169 – 170.

4. Daugavpils / Dinaburgas cietoksnis. Daugavpils / Dinaburg fortess. Даугавпилсская / Динабургская крепость. [Рекламный буклет].

5. *Морозов О.* Комендант Динабургской крепости Густав Карлович Гельвиг (1776 – 1855) // Вильгельм Кюхельбекер и крепость Динабург. По материалам VIII Даугавпилсской краеведческой конференции. [Даугавпилс,] 2012. С. 27.

6. Ведомость сооружения и числа воинских зданий в российских крепостях к 1 января 1826 года // Столетие военного министерства. 1802 – 1902. Главное инженерное управление. Ч. 1. Очерк второй. СПб., 1902. С. 439.

7. *Морозов О.* Комендант Динабургской крепости Густав Карлович Гельвиг (1776 – 1855). С. 28 – 29.

8. Знаменосцами Ю. Страшевич называет динабургских подхорунжих.

9. Les porte-enseigne de Dünabourg // *Straszewicz J.* Les polonais et les polonaises de la r évolution du 29 novembre 1830: ou, Portraits des personnes qui ont figuré dans la dernière guerre de l'indépendance polonaise, accompagnés d'une biographie pour chaque portrait. Paris, 1832 – 1836. P. 2.

10. *Strodz H.* Odgłosy powstania listopadowego na Łotwie // Zapiski Historyczne, poświęcone historii Pomorza i krajów bałtyckich. T. XLVI. Z. 3. 1981. S. 63, 73.

11. Krótki Rys Historyi Powstania Dziśnieńskiego w Litwie, w Gubernii Mińskiej, napisany w Avignon, przez Alexandra Rypińskiego, podporucznika Pułku 7-o piechoty Liniowej Polskiej. Польская библиотека им. А. Мицкевича в Париже. Сигн. 410. Л. 655 – 690. Текст воспоминаний опубл.: *Янушкевіч Я.* Архіўная спадчына Алеся Рыпінскага // Białoruskie Zeszyty Historyczne, Беларускі гістарычны зборнік. 24. Беласток, 2005. С. 229 – 259. Далее сноски на воспоминания даются по публикации.

12. *Янушкевіч Я.* Архіўная спадчына Алеся Рыпінскага. С. 232.

13. Zbiór pamiętników o powstaniu Litwy w r. 1831. S. 310.

14. *Янушкевіч Я.* Архіўная спадчына Алеся Рыпінскага. С. 232 – 233.

15. *Бобровский П.О.* Юнкерские училища. Историческое обозрение их развития и деятельности. Т. 1. СПб., 1872. С. 25.

16. *Янушкевіч Я.* Архіўная спадчына Алеся Рыпінскага. С. 233.

17. Люнет – закрытое с тыла фортификационное сооружение.

18. Zbiór pamiętników o powstaniu Litwy w r. 1831. S. 313.

19. А. Рыпинский ошибся при переводе даты с юлианского на григорианский календарь. 24 марта старого стиля соответствует 5 апреля нового.

20. *Янушкевіч Я.* Архіўная спадчына Алеся Рыпінскага. С. 234 – 235.

21. Emilie Plater // *Straszewicz J.* Les polonais et les polonaises de la r évolution du 29 novembre 1830. P. 4.

22. Ibidem. P. 3.

23. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Platerów z Antuzowa 1830 – 1840, sygn. 214, s.1.

24. Zbiór pamiętników o powstaniu Litwy w r. 1831. S. 318.

25. Вильгельм Карлович Кюхельбекер. 1797 – 1846 // Русская старина. 1875. Т. XIII. С. 349.

26. Шишков А.А. // Русский биографический словарь. В 25 т. Т. 23. СПб., 1911. С. 315–316; *Вацуро В.Э.* Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. (Разыскания) // *Вацуро В.Э.* Избранные труды. М., 2004. С. 672 – 714.

27. В.К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке (Новые материалы). Публикация В.Н. Орлова // Декабристы и их время. Материалы и сообщения. Под ред. М.П. Алексеева и Б.С. Мейлаха. М. – Л., 1951. С. 37

28. *Королева Н.В., Рак В.Д.* Личность и литературная позиция Кюхельбекера // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Издание подготовили Н.В. Королева, В.Д. Рак. Л., 1979. С. 586.

29. *Rypiński A.* Białoruś. Kilka słów o poezii prostego ludu tej naszej polskiej prowincii; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. Paryż, 1840. S. 23 – 25.

30. *Королева Н.В., Рак В.Д.* Личность и литературная позиция Кюхельбекера. С. 586.

31. Русский сонет XVIII – начала XX века. Сост. В.С. Совалин. М., 1983.

32. Zbiór pamiętników o powstaniu Litwy w r. 1831. S. 319.

33. *Гарбачова В.* Удзельнікі паўстання 1830 – 1831 гг. на Беларусі. Біябібліяграфічны слоўнік. Мн., 2006. С. 273 – 275, 298 – 299.

34. *Straszewicz J.* Emilie Plater. Sa Vie et sa Mort. P. 310 – 313. Из письма А. Рыпинского майору Л. Быстроновскому: «Более широкое описание Динабурга майор найдет в комментариях на французском языке к книге, изданной Страшевичем под названием Эмилия Плятер. Примечание это мое собственное, любезно переданное мною господину Страшевичу» (*Янушкевіч Я.* Дынабург – Парыж – Лондан – Кукавячын, альбо Яшчэ адзін Жыццяпіс змагарнага XIX стагоддзя // Acta Polono-Ruthenica VI. Olsztyn, 2001. С. 241). В 1843 г. в Нью-Йорке вышло английское издание этой книги (The life of Countess Emily Plater. Translated by J. K. Salomonski, a Polish exile. New York, 1843). Комментарии к тексту, в том числе и сделанные А. Рыпинским, в нем отсутствовали.

35. *Paszkowski L.* Plater (Broel-Plater) Lucian Stanisław // Polski Słownik Biograficzny. T. XXVI/4. Z. 111. 1981. S. 678.

36. Mr. Lucien Plater. Link with Polish History // The Sydney Morning Herald. 16.09.1931. P. 12.

Александр НЕВАР

ИЕЗУИТСКИЙ КОСТЕЛ В ДАУГАВПИЛСЕ

Даугавпилс (Динабург, Двинск, Daugavpils, латгальск. Daugpils) – второй по численности населения город Латвии на реке Двине (латышск. Daugava, немецк. Duna), культурный, образовательный и промышленный центр исторического региона Латгалия, имеющего многонациональное население. Известен с 1275 г. как замок крестоносцев Динабург (Dunaburg). Эти земли перешли под протекторат Великого Княжества Литовского только в начале Ливонской войны в 1559 г., а в 1569 г. в результате образования Речи Посполитой Инфлянты (вместе с Динабургом) были провозглашены общим владением (кондонимиумом) Великого Княжества Литовского и Королевства Польского.

В 1577 г. Динабург захвачен московским войском во главе с царем Иваном IV (Грозным), при этом старый каменный замок крестоносцев был почти полностью разрушен. Сейчас это населенный пункт Науене (латышск. Naujene), а новая крепость и окольный город в связи с сильными разрушениями были перенесены на новое место на 19 километров ниже по течению Двины, в дельте между двумя рукавами речки Шуницы. 26.03.1582 г. отстроенный заново Динабург получил от Стефана Батория Магдебургское право. Динабургская крепость Стефана Батория (а по некоторым сведениям временные полевые укрепления были заложены еще во время пребывания здесь войска Ивана IV) состояла из цитадели с шестью бастионами и была окружена земляным валом, а дополнительное второе кольцо вала было возведено вокруг всего города.

Согласно Альтмаркскому перемирию 1629 г., Речь Посполитая после поражения уступила в пользу Швеции большую часть подвластных Инфлянтов (Задвинское княжество). Остались только четыре юго-восточных латгальских староства – Динабургское, Режицкое, Люцинское, Мариенгаузенское, на основе которых позднее, в 1677 г., Сейм образовал Ливское воеводство с административным центром в Динабурге.

Иезуиты появились в Динабурге после поражения Речи Посполитой в войне со Швецией, когда они вынуждены были покинуть перешедший в 1621 г. к Швеции Цесис (латышск. Cesis), где до сих пор размещался их коллегиум, который иезуиты в 1625 г. перевели в Динабург и открыли вблизи костела в 1626 г. (по другим сведениям в 1631 г.). В 1626 г. смоленский воевода Александр Корвин-Гонсевский в честь одержанной победы над шведами подарил иезуитам Аулейское имение и выделил средства для строительства костела.

Коллегиум иезуитов был первой школой в Латгалии, представлял собой закрытое учебное заведение для будущих католиче-ских проповедников. В 1778 г. в нем обуча-лось 32 ученика, была большая библиотека, которая насчитывала около 7 тысяч книг. В городе работал немецкий духовный писатель Георг (Юрис) Ельгерс (1585 – 1672), единственный известный католический писатель, писавший в XVII в. на латышском языке. В 1638 г. он открыл в городе классы грамматики, а гуманитарная школа появилась в 1641 г.

Первый костел иезуитов был деревянным. Каменный храм, облик которого хоть и в перестроенном виде знаком нам по фотографиям XIX – XX вв., начал строиться в первой половине XVIII в. Самыми значительными спонсорами иезуитского коллегиума в те времена являлся шляхетский род Борхов, основавший здесь в 1727 г. «миссию Борхов» (Missio Borchiana), главной задачей которой была координация



Даугавпилс. Гарнизонный собор (бывший иезуитский костел). Фото 1940 г. Bilddatei-Nr. fm152655-152656 © Bildarchiv Foto Marburg. Foto: Kletzl, Otto Aufn.

всех католических миссий Латгалии. По одной из версий, государственный деятель Речи Посполитой Ян Борх лично 13.05.1737 г. заложил первый камень в основание храма. Согласно исследованиям доктора искусствоведения Кристине Огле, иезуиты начали масштабную стройку, и к празднику Пятидесятницы в 1746 г. новая кирпичная двухбашенная трехнефовая псевдобазилика была освящена в честь св. Иуды Фаддея (St. Tadeus Juda) инфлянтским епископом Иосифом Домиником Пузыной (Jozef Dominik Puzyna, епископ в 1741 – 1752 гг.). При этом работы над интерьерами и внешней отделкой продолжались после ввода объекта в эксплуатацию и затянулись еще более чем на десятилетие.

Но в своем первоначальном виде храм просуществовал очень короткое время. Уже 17.07.1749 г. в комплексе коллегиума вспыхнул большой пожар, уничтоживший жилые дома, склады, амбары и мастерские. Стихия достигла и костела, но, к счастью, повреждению подверглись только крыша и башни. В 1751 г. основные разрушения были ликвидированы. В восстановленной башне установили часы, а во второй подвесили два колокола. В следующем году на башнях и стенах восстановили декор и покрасили все в одной цветовой гамме. В отделке храма принимали участие известные мастера: живописцы Ю. Голдфингер, И. Василевский, резчики по дереву М. Шульц и И. Швил.

С 1772 г. Динабург был включен в состав Двинской провинции Псковской губернии Российской империи, с 1778 г. – Полоцкого наместничества, с 1796 г. – Белорусской губернии. С 1802 г. Динабург – уездный город Витебской губернии.

После первого раздела Речи Посполитой под власть Российской империи перешло около 20 иезуитских учреждений, в том числе коллегиумы в Динабурге, Витебске, Орше, Полоцке, которые Екатерина II благосклонно приняла под свое покровительство в надежде, что иезуиты посвятят себя распространению просвещения.

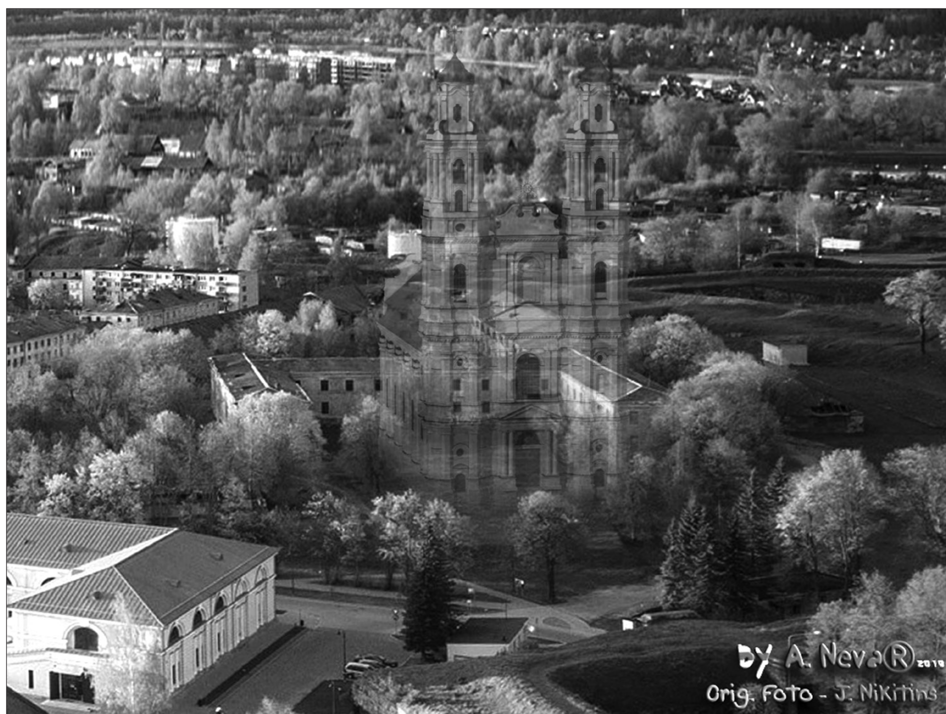
После доставки в Речь Посполитую в сентябре 1773 г. папского Бреве (послания) об упразднении ордена иезуитов «Dominus ac Redemptor», императрица приказала считать это послание недействительным, и деятельность ордена иезуитов в Российской империи продолжалась. Так, в 1785 г. динабургский комендант сообщал, что в городе есть три иезуитские школы и

три приходские. Занятия проходили на польском языке, однако с 1786 г. начали изучать и русский язык, а также историю и географию. По утверждению Станислава Зелинского, в 1802 г. в коллегиуме обучался 91 ученик.

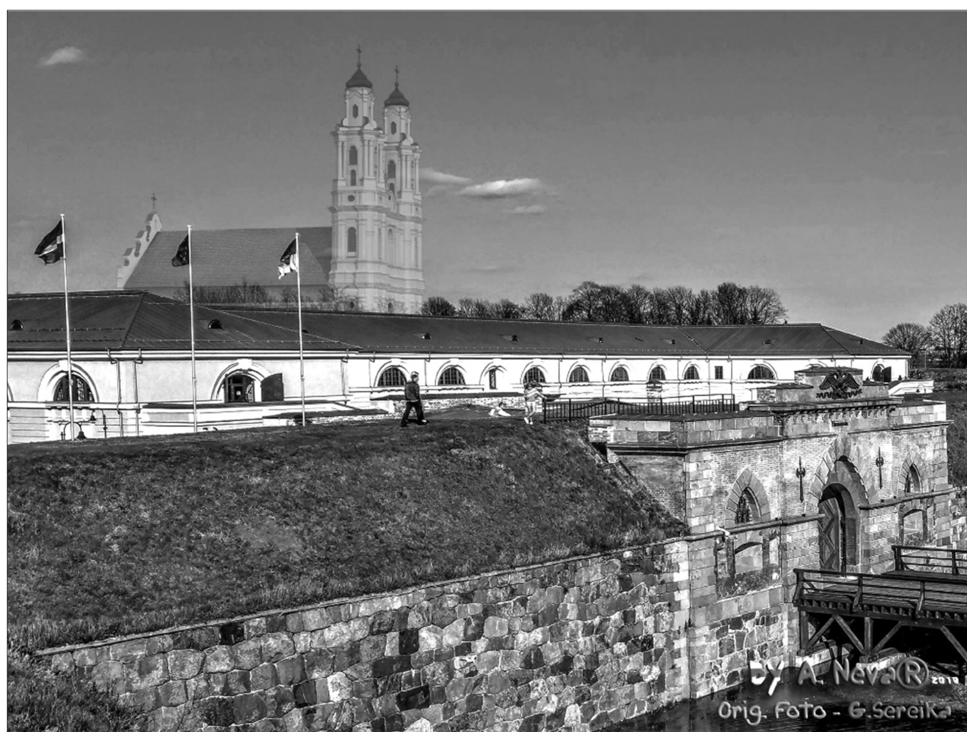
19.06.1772 г. Екатерина II утвердила приказ о строительстве шести крепостей на присоединенных после раздела Речи Посполитой землях, в том числе и в Динабурге. Для этой цели предусматривалось использовать территорию Старого города, где размещался иезуитский коллегиум. 21.02.1778 г. императрица утвердила план строительства нового Динабурга, где по проекту Город должен был быть перенесен на новое место, на некотором расстоянии от старого в восточном направлении. Начало осуществления плана было отложено до 1810 г., когда царское правительство выкупило у иезуитов костел, здание коллегиума и их земельные владения за 300 тысяч рублей. Коллегиум же вместе с воспитанниками и учителями был переведен в Краславу, при этом существующий костел был передан военному ведомству для последующего преобразования в православный гарнизонный собор. Но даже после этого иезуиты продолжали свою деятельность в Динабурге.

Перестройка храма изменила внутренний и внешний вид бывшего костела. Были разобраны барочные фронтоны-щипцы и заменены на меньшие по объему классицистической формы, на башнях установили маленькие головки, увенчанные православными крестами, полностью разобрали старую высокую «мансардного типа» крышу с черепичным покрытием и заменили ее на более пологую классицистическую с жестяным покрытием, перестроили алтари и т. д. В 1817 г. собор был освящен во имя Рождества Христова. В 1828 г. окончательно закончили перестройку храма.

К середине XIX в. строящаяся Динабургская крепость была одной из крепостей I класса Российской империи, но постепенно



Даугавпилс. Бывший иезуитский костел св. Иуды Фаддея (St. Tadeus Juda). Вид до перестройки под православный гарнизонный собор крепости. Гипотетическая графическая реконструкция. 3D-модель, фотомонтаж А. Невара



Даугавпилс. Бывший иезуитский костел св. Иуды Фаддея (St. Tadeus Juda). Вид до перестройки под православный гарнизонный собор крепости. Гипотетическая графическая реконструкция. 3D-модель, фотомонтаж А. Невара. К статье А. Невара «Иезуитский костел в Даугавпилсе»

стала терять свое значение и к моменту окончания строительства в 1878 г. стала крепостью II класса, а в 1897 г. – Двинской крепостью-складом. Уже тогда она считалась устаревшей и стала последней построенной в Европе крепостью бастионного типа. По всей вероятности, за это время средства на ремонт гарнизонного собора больше не выделялись, и во времена Первой мировой войны, как вспоминал историк С.П. Сахаров, «храм пришел в запустение: через разбитые окна проходил снег и дождь, крыша давала течь».

После создания Латвийской Республики в крепости разместился латышский гарнизон, а храм был отремонтирован. При этом главный алтарь был переосвящен как лютеранский, алтарь в левом приделе отдали католикам, алтарь в правом приделе – православным, и в храме по определенному графику проводились службы всех трех ветвей христианства (!).

Во время Второй мировой войны 27.07.1944 г. при отступлении немецких войск две башни храма и ближайшие к ним своды кровли были значительно повреждены. Длительное время считалось, что немцы подорвали собор при отступлении из города. Однако найденный позже список планируемых к подрыву построек с отсутствующим в нем планом подрыва храма, а также с учетом того обстоятельства, что по обеим сторонам собора уцелели все постройки, которые неизбежно должны были бы также пострадать при таком сильном взрыве, позволяют полагать, что, скорее всего, храм пострадал при обстреле артиллерией, так как его 60-метровые (!) башни были хорошо видны с расстояния в 30 километров.

Гарнизонный собор в Даугавпилсе был отнюдь не единственным объектом, пострадавшим по этой причине. Башни сбивались артиллерией как смотровые пункты противника. Так, башня церкви св. Петра в Риге в период войны также пострадала от артобстрела. Здание находилось в руинах до 1966 г., и на его защиту



Даугавпилс. Гарнизонный собор (бывший иезуитский костел). Фото 1952 г.

поднялась рижская общественность. В итоге храм восстановили.

В Даугавпилсе же ситуация была другой – храм находился в крепости, которая являлась военным объектом. В 1951 г. специальная комиссия, обследовавшая поврежденный храм, пришла к выводу, что восстановить здание не представляется возможным, так как храм не имеет ни экономической, ни архитектурной ценности. Разбор завалов полностью лег на плечи тогдашних курсантов расположенного здесь авиационного училища, и, используя компрессоры, они постепенно разобрали стены вручную и утилизировали на стройматериалы... Зачистка территории была проведена до фундамента.

В стенах же коллегиума сначала размещалась средняя школа, потом – восьмилетка. С 2003 г. здание пустует. В 2004 г. науенская фирма ALTE приобрела в собственность территорию, где некогда находились собор и здание коллегиума. Получив разрешение на поиск только места



Даугавпилс. Памятник самолету МИГ-19 на месте гарнизонного собора (бывшего иезуитского костела). Фото 1978 г.

входа в собор, работники фирмы стали откапывать весь фундамент. Поскольку раскопки противоречили выданному разрешению и велись без соблюдения надлежащих правил, они были остановлены, а выкопанная траншея засыпана. Через пару лет собственник снова поменялся, и дальнейшая судьба здания пока неизвестна... Здание коллегиума приватизировано, но владельцы почти ничего не делают для его сохранения.

Комплекс работ по реконструкции непосредственно крепости был проведен в 2008–2016 гг. На восстановление было потрачено более 15 миллионов евро, из них около 14 миллионов получено из Европейского фонда регионального развития, норвежского финансового инструмента и других фондов. Символ города – выдающаяся фортификационная постройка – занимает более 150 гектаров. Это единственная крепость первой половины XIX в. в Восточной Европе, которая почти полностью сохранилась – с ломаной линией укреплений, валами и бастионами, равелинами, редутами, рвами и прочей фортификационной атрибутикой.

Использованные источники:

1. *Kristīne Ogle.* Daugavpils jezuītu baznīcas vēsture un kādreizējā nozīme // Электронный ресурс: http://fsspx-fsipd.lv/baznicas-vesture/makslas-vesture/319-ogle-daugavpils-jezuitu-baznica?fbclid=IwAR15I5MqC5crrbZdzXev38TihH3vAIJXy2_BzOWNopCbp0qPCgE_oqRmqOw. Время доступа: 22.03.2019.

2. Педагогическая деятельность иезуитов в Динабурге // Электронный ресурс: http://dinaburg.ru/viewtopic.php?id=2996. Время доступа: 22.03.2019.

3. Kirch. Dünaburg // Электронный ресурс: https://l.facebook.com/l.php?u=https%3A%2F%2Fwww.bildindex.de%2Fdocument%2Fobj20432143%3Fpart%3D0%26medium%3Dfm152656%26fbclid%3DIwAR2pEolj1R_HDjBTe2wq93wxDDODGk0lvl73pbAfRbq-KN6658ZA2F9xpVM&h=AT2lVSu5Th7xpI4tsB_NLSTbWLqJNpI4y_rzhqhDk15PGO3BQwC691zXDCxb8ppo243TKT-a-pZ9HLRr8RpwK3e3G1SRepy6j5cyhLnYzPtNJuqxWBsayVQIUtofU1DzRnjs. Время доступа: 22.03.2019.

Людмила ХМЕЛЬНИЦКАЯ

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА, НАПИСАННОЕ В ДИНАБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Период пребывания поэта и декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797 – 1846) в заключении в Динабургской крепости неоднократно рассматривался как в литературе, связанной с восстанием декабристов, так и становился предметом исследования литературоведов, историков и краеведов[1].

Неизвестный широкой общественности автограф стихотворения В. Кюхельбекера, о котором пойдет речь, был обнаружен нами в альбоме Людвики Костровицкой, урожденной Понговской, которая вместе с мужем владела имением Дорожковичи (ныне Миорский район Витебской области, Беларусь). Стихотворение было написано на французском языке, и его можно датировать 1829 – 1831 годами.

В кругах специалистов об альбоме Л. Костровицкой известно еще с конца XIX в., главным образом благодаря тому, что здесь же находится автограф стихотворения Адама Мицкевича «Majtek» («Матрос»). Еще в 1903 г. специальную публикацию об альбоме сделал Игнатий Хжановский[2]. Вышла она в Варшаве. Свое внимание автор сосредоточил на записи Мицкевича и других польско-белорусских поэтов, однако автограф В. Кюхельбекера обошел полным молчанием.

В 1954 г. опять же в Варшаве вышла статья известного историка литературы Юлиана Кшыжановского «“Tyrteusz Polski” i dekabryści». Публикация была посвящена в основном Александру Рыпинскому, подхорунжему Динабургской школы. Упоминая об альбоме Л. Костровицкой, в одном из примечаний автор обмолвился: «Кажется, в этом альбоме имеется также какое-то стихотворение Кюхельбекера»[3]. Однако стихотворением этим ни сам Ю. Кшыжановский, ни кто-нибудь из позднейших польских или русских литературоведов так и не заинтересовался.

Альбом Людвики Костровицкой, имеющий размеры 12 на 19 сантиметров, оправлен в светло-коричневую кожу с золотым тиснением. Он был подарен Людвике ее матерью Аполонией Понговской 25 августа 1824 г., о чем свидетельствует

---

[1] См.: В.К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке (Новые материалы). Публикация В.Н. Орлова // Декабристы и их время. Материалы и сообщения. Под ред. М.П. Алексеева и Б.С. Мейлаха. М. – Л., 1951. С. 27 – 43; Воспоминания А. Рыпинского о встречах с Кюхельбекером в Динабургской крепости. Публикация Д.Б. Кацнельсон // Литературное наследство. Т. 59. М., 1954. С. 513 – 516; *Вацуро В.Э.* Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. (Разыскания) // *Вацуро В.Э.* Избранные труды. М., 2004. С. 672 – 714; *Веревочникова Г.* Знаменитый узник Динабургского острога // Baltfort. № 4 (05). Декабрь 2008. С. 70 – 76; *Розенфельд И.* Динабургское заключение В. Кюхельбекера 1827 – 31. Польская тема (Доклад прочитан 18.05.2012 на XVII Славянских чтениях, Даугавпилсский университет, Даугавпилс); *Веревочникова Г.* Знаменитый узник Динабургского острога // Вильгельм Кюхельбекер и крепость Динабург. По материалам VIII Даугавпилсской краеведческой конференции. [Даугавпилс,] 2012. С. 4 – 22 и др.

[2] *Chrzanowski I.* Album pani Ludwiki Kosrowickiej // *Chrzanowski I.* Okruchy literackie. Warszawa, 1903. S. 141 – 162.

[3] *Krzyżanowski J.* “Tyrteusz Polski” i dekabryści // Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. 2 (7). Warszawa, 1954. S. 81.

надпись, вытесненная на лицевой стороне обложки. Затем 19 августа 1838 г. альбом был поднесен в подарок мужем Людвиги (надо полагать, к тому времени уже вдовцом) их дочери Клотильде, на что указывает надпись, вытесненная на тыльной стороне обложки. Ныне альбом находится в собрании Национальной библиотеки в Варшаве[4]. Относительно недавно его дигитальная копия была выложена в интернете и теперь доступна всем желающим[5].

В определенном смысле это документ, типичный для начала XIX в. В него внесены произведения, написанные стихами и прозой на польском, французском и английском языках. Некоторые из них являются обычными «стихотворениями для альбома». Это моральные сентенции, похвалы и комплименты владелицам альбома (матери и дочери), заверения в любви и дружбе и т. п. Есть также зарисовки, выполненные карандашом и акварелью, и даже прядь волос – непременный атрибут женского альбома эпохи романтизма.

Многие записи датированы, и это позволяет сделать вывод о том, что альбом заполнялся не последовательно. В его начале оставлялись чистые листы, которые потом были заполнены позднейшими записями.

Альбом имеет 111 листов, пронумерованных чернилами в правом верхнем углу, судя по всему, еще самой владелицей. Ориентируясь на эту нумерацию, можно понять, что некоторые листы альбома отсутствуют. Имеется множество пустых страниц.

В связи с тем, что не все записи и особенно подписи читаются, не всегда можно определить к кому – матери или дочери – они относятся. Однако таких записей очень немного.

Со всей определенностью можно сказать, что записей, посвященных Клотильде Костровицкой, в альбоме всего четыре. Все



В. Кюхельбекер. Гравюра И.И. Матюшина. 1880-е гг.

они были сделаны на французском языке. Три из них принадлежат некой Изабелле Яблонской, по-видимому, близкой подруге девушки (л. 1, 2, 62[6]). Судя по всему, Клотильда получила альбом в подарок от отца в подростковом возрасте, когда еще не вполне осознавала всю его значимость. Поэтому некорректно позволила подруге вписать свои стихотворные экзерсисы прямо на первом и втором листах альбома, остававшихся до той поры пустыми, предварив ими тем самым записи больших поэтов. Завершается альбом также стихотворением, посвященным Клотильде, которое было написано некой Антуанетой в Варшаве 5 сентября 1838 г., спустя всего две недели после получения альбома в подарок (л. 85 об.). Несмотря на то, что после этой записи в альбоме еще оставалось много чистых листов, они так и остались

[4] Biblioteka Narodowa w Warszawie. Rps. 5786 I.

[5]https://polona.pl/item/imionnik-ludwiki-z-pagowskich-kostrowickiej,MjMyMzU3MzE/0/#info:metadata . Время доступа: 03.02.2019.

[6] В связи с тем, что редкие записи в альбоме подписаны полными именами, здесь и далее указываются номера листов, на которых эти записи были сделаны.

незаполненными. Возможно, отец объяснил девушке всю ценность того, чем она теперь владела, и больше опрометчивых поступков та не совершала.

При всем том, что альбом Людвики Костровицкой был альбомом частным, общественная и литературная значимость его в полной мере не оценена до сих пор. Правильнее было бы назвать его альбомом записей филоматов и близкого к ним круга поэтов и общественных деятелей. Для объяснения этого факта обратимся к событиям истории.

После того как царскими властями в 1823 г. были открыты тайные объединения студентов Виленского университета – Общества филоматов и филаретов, Людвика Костровицкая и ее мать Аполония Понговская стали членами комитета опеки над заключенными филоматами, помогали доставлять им в тюрьму посылки с питанием и теплой одеждой.

В июле 1824 г. Адам Мицкевич, которого только что выпустили из тюрьмы, где он находился как один из филоматов, втайне от полиции, установившей за ним надзор, решил совершить путешествие из Вильно в имение Дорожковичи Костровицких. Чтобы не создавать лишних проблем пригласившему его семейству, куда в любой момент могли явиться непрошеные гости, А. Мицкевич остановился не в господском доме, а в домовой каплице, которая находилась во дворе. За алтарем для поэта были приготовлены стол, стул и кровать. Полиция, получив известие о приезде Мицкевича в Дорожковичи, перетрясла весь дом, однако в каплице искать и не подумала[7].

В знак благодарности за заботу о филоматах поэт посвятил Аполонии Понговской и Людвиге Костровицкой стихотворение «Majtek», в котором прославлял «мать с сердцем спартанки» и ее дочь «с твердой сарматской душою». Это стихотворение было вписано в начатый вскоре (25 августа того же года) альбом самим автором (л. 12 – 13 об.)[8]. Впервые оно было опубликовано в третьем томе собрания сочинений А. Мицкевича, которое вышло в Познани в 1828 – 1829 гг. Текст, однако, был сокращен прусской цензурой и в таком виде перепечатывался и после смерти поэта[9]. В полном виде стихотворение появилось в печати только в 1885 г.[10]

Осенью 1824 г. тем филоматам и филаретам, что еще находились в тюрьме, был вынесен приговор. Томаш Зан, Ян Чечот и Адам Сузин еще до того, как были отправлены в ссылку в Оренбург, успели оставить свои записи в альбоме Людвики Костровицкой (л. 7, 8, 9, 69 – 69 об.). В том же году до высылки «вглубь России» свои стихотворные и прозаические послания в альбоме оставили Фортунат Юревич (л. 10), Юзеф Ежовский (л. 11), Доминик Орлицкий (л. 14 об.), Феликс Кулаковский (л. 16), Ян Верниковский (л. 17) и Станислав Марцевский (л. 33). С остальными Людвика, по-видимому, не успела повидаться в Вильно.

Но записи филареты продолжали оставлять в альбоме и в последующие годы. В июле 1825 г. свой сонет, посвященный Людвике, вписал Александр Ходзько, приехавший в Вильно из Петербурга (л. 63 – 63 об.). В 1828 и 1830 гг. владелица альбома несколько раз посещала имение Заполье, где вынужден был жить Игнатий Домейко и куда к нему приезжали высланный в Москву филарет Онуфрий Петрашкевич, а также поэт Юлиан Корсак, переводчик на польский язык «Божественной комедии» Данте. Все трое оставили пространные записи в альбоме (л. 20 об., 46, 66 – 66 об.).

Кроме того, свои посвящения Людвике Костровицкой вписали в альбом профессор Виленского университета и отчим поэта Юлиуша Словацкого Август Бекю (1824 г.,

[7] *Krzywicki T.* Szlakiem Adama Mickiewicza. Przewodnik. Pruszków, 2006. S. 12, 300 – 301.
[8] Запись не датирована и сделана А. Мицкевичем либо в имении Дорожковичи, либо в Вильно.
[9] *Chrzanowski I.* Album pani Ludwiki Kosrowickiej. S. 142.
[10] Dzieła Adama Mickiewicza. T. I – IV. Lwów – Paryż, 1885.

л. 14); граф Константин Плятер, с которым владелица альбома встретилась в доме свекра Михаила Костровицкого в имении Орняны (15 января 1826 г., л. 19); Вавжинец Путкамер, муж Марыли Верещаки, возлюбленной Адама Мицкевича (Путкамеров Людвика посещала в их имении Болтеники под Вильно) (24 мая 1829 г., л. 11 об.).

Таким образом, уже по этому представительному перечню имен мы видим, что альбом Людвики Костровицкой на самом деле был, как написал ей в дедикации Юлиан Корсак, тем «сокровищем, которое оставили ей литовские поэты» (л. 66).

Активная гражданская позиция молодой женщины с «твердой сарматской душою» выражалась не только в открытом общении с опальными филаретами. Недатированную запись в ее альбоме оставил и Кароль Прозор, обозный великий литовский, участник восстания Тадеуша Костюшко, деятель эмиграции, в которую он вынужден был отправиться дважды – после участия в восстании 1794 г. и войне 1812 г. на стороне Наполеона (л. 27). В августе 1826 г. К. Прозор был арестован царскими властями по делу декабристов и заключен в тюрьму сначала в Варшаве, потом в Минске, наконец переведен в Петропавловскую крепость в Петербурге. Спустя почти три года, в марте 1829 г., его освободили в связи с «непринадлежностью к делу»[11].

Когда в ноябре 1830 г. в Варшаве вспыхнуло освободительное восстание, а через несколько месяцев его волна докатилась до пределов Витебской губернии, Людвика Костровицкая и члены ее семьи оказались на стороне повстанцев. После подавления восстания ее муж Адам Костровицкий следственным комитетом был объявлен инсургентом, обвинен «во вспомоществовании мятежникам» и заключен в Динабургскую крепость[12]. Людвике пришлось приложить немало усилий, чтобы в октябре 1831 г. он был выпущен на свободу[13]. О том, как она «боролась с судьбой за мужа», в своей дедикации в альбоме в ноябре того же года писал ее родственник Самуель Костровицкий (л. 68 – 68 об.).

Могла ли Людвику Костровицкую не взволновать судьба Вильгельма Кюхельбекера – участника восстания декабристов, которому смертная казнь была заменена 15 годами одиночного заключения? Вопрос, думается, риторический.

О цитадельном сидельце Людвика Костровицкая могла узнать от своего брата Александра Понговского, подхорунжего Динабургской школы, участника литературного кружка, образовавшегося в крепости вокруг В. Кюхельбекера[14]. Судя по всему, ей удалось устроить личное свидание с декабристом, во время которого он и оставил стихотворную запись в альбоме.

Запись не датирована, и пытаться определить время ее появления, ориентируясь на сделанные на соседних страницах, достаточно рискованно. Но хронологические рамки обозначить все же можно: не ранее начала 1829 г. (когда Александр Понговский попал в школу подхорунжих) и не позднее первых чисел апреля 1831 г. (когда динабургские подхорунжие были отправлены из крепости на театр военных действий, связанных с подавлением восстания).

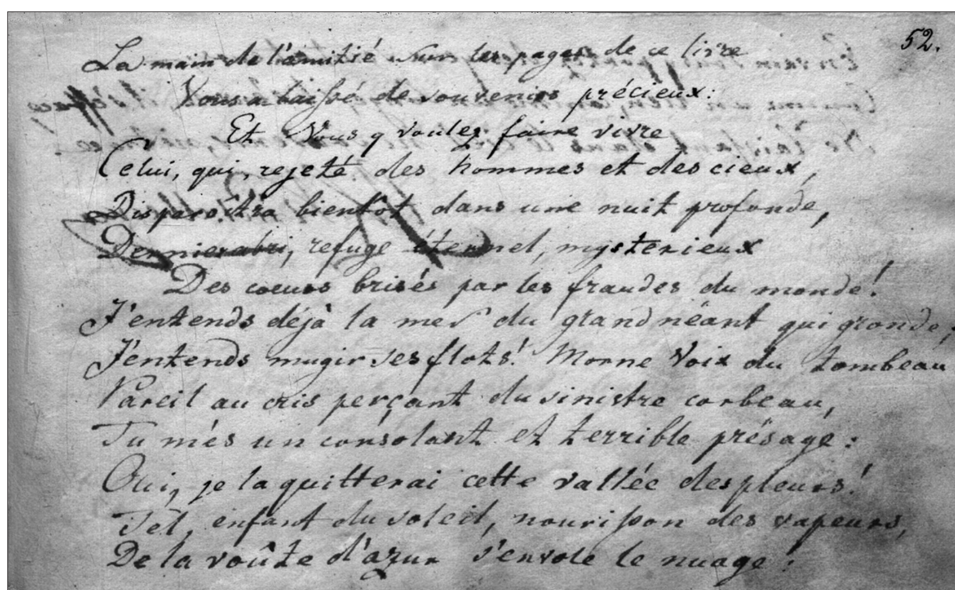
---

[11] *Orman E.* Karol Prozor // Polski Słownik Biograficzny. T. XXVIII. Wrocław, 1985 – 1986. S. 536.

[12] Дополнительный список помещикам Дисенского уезда и прочим лицам, отправленным в Динабургскую крепость (Национальный исторический архив Беларуси, ф. 561, оп. 1, д. 1, л. 44.); Дополнительный список лицам, наиболее замешанным в Дисенском возмущении, и которые для безопасности уезда должны быть удалены (Там же, л. 45 – 46).

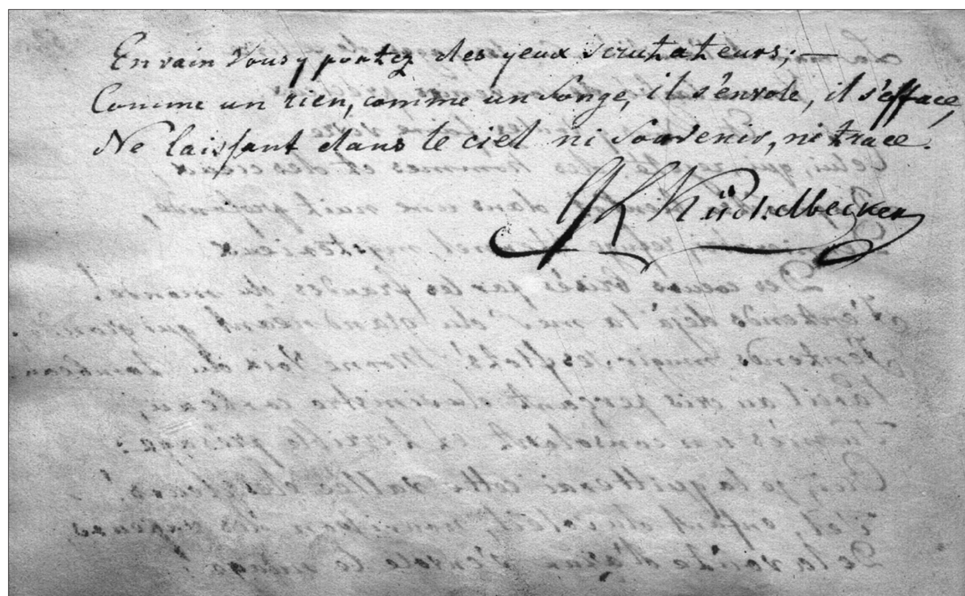
[13] *Гарбачова В. В.* Удзельнікі паўстання 1830 – 1831 гг. на Беларусі. Біябібліяграфічны слоўнік. Мн., 2006. С. 176.

[14] Александр Понговский принял участие в восстании 1830 – 1831 гг., после чего вынужден был эмигрировать во Францию, где и прожил до конца своих дней. О литературном кружке, образовавшемся в Динабургской крепости вокруг В. Кюхельбекера, подробнее см. в этом номере журнала: *Хмельницкая Л.* Эмилия Плятер и подхорунжие Динабургской крепости: заговор поэтов (из событий восстания 1831 года).



52.

La main de l'amitié sur les pages de ce livre
Vous a laissé des souvenirs précieux:
Et vous y voulez faire vivre
Celui, qui, rejeté des hommes et des cieux,
Disparoîtra bientôt dans une nuit profonde,
Dernier abri, refuge éternel, mysterieux
Des coeurs brisés par les fraudes du monde!
J'entends déjà la mer du grand néant qui gronde,
J'entends mugir ses flots! Morne voix du tombeau,
Pareil au cris perçant du sinistre corbeau,
Tu m'es un consolant et terrible présage:
Oui, je la quitterai cette vallée des pleurs!
Tel, enfant du soleil, nourrisson des vapeurs,
De la voûte d'azur s'envole le nuage!

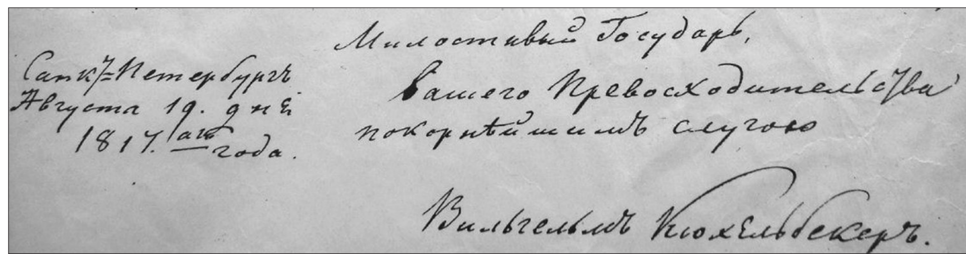


En vain vous y portez des yeux scrutateurs;
Comme un rien, comme un songe, il s'envole, il s'efface
Ne laissant dans le ciel ni souvenir, ni trace!

WKüchelbecker

Автограф стихотворения В. Кюхельбекера в альбоме Л. Костровицкой. Первая и вторая страницы

Вильгельм Кюхельбекер, как известно, был доставлен из Шлиссельбургской крепости в арестантские роты крепости Динабургской в середине октября 1827 г. Вскоре благодаря содействию дивизионного командира крепости генерал-майора Егора Константиновича Криштофовича родным удалось добиться для узника разрешения на переписку с ними и послабления тюремного режима. Е.К. Криштофович приходился родней смоленским помещикам Криштофовичам, с которыми была дружна семья старшей сестры В. Кюхельбекера Юстины Карловны Глинки, а также сам поэт. Одному из смоленских Криштофовичей, а именно Евмению Осиповичу, В. Кюхельбекер посвятил несколько стихотворных посланий: *К Криштофовичу* (1823), *К Евмению Осиповичу Криштофовичу* (1822 или 1823) и др. «Четырехлетнее заточение в Динабурге смягчено было для Кюхельбекера участием и великодушной заботливостью дивизионного командира Егора Криштофовича и его семейства, –


Милостивый Государь,
Санктпетербургъ Августа 19. дня 1817.аго года.
Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою
Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

Прошение В. Кюхельбекера о предоставлении ему должности преподавателя словесности в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте. 1817 г. Оригинал находится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга

писали в биографии поэта его родные. – Уроков его детям – вопреки словам Греча – Вильгельм Карлович не давал и тем более чести г. Криштофовичу, выхлопотавшему разрешение узнику читать и заниматься, доставлявшему Кюхельбекеру книги, дозволившему ему прогуливаться по плацформе, – вообще смягчившему для него строгие постановления относительно заключенных. В квартире Криштофовича узник даже виделся с своею матерью... Семейство Кюхельбекера свято чтит память этого великодушного человека»[15].

В Динабургской крепости В. Кюхельбекера навещала не только мать, но также и другие лица. В частности, «крепостной человек» и верный друг поэта Семен Титов Балашов, вместе с которым В. Кюхельбекер бежал из Петербурга вечером 14 декабря 1825 г. С. Балашов так же, как и сам поэт, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, но вскоре освобожден. Судя по упоминанию в одном из писем В. Кюхельбекера 1828 г., он приезжал в Динабург из Закупа (имение Ю.К. Глинки) с письмами и посылками для узника[16].

Егор Криштофович скончался в Динабурге 3 декабря 1829 г., но, судя по всему, заведенный им режим послаблений в отношении В. Кюхельбекера сохранялся еще некоторое время, чем имела возможность воспользоваться Людвика Костровицкая (если только она не посетила поэта еще при жизни Е. Криштофовича).

В пользу того, что Л. Костровицкая посетила поэта лично, а не передала альбом через брата, свидетельствует тон стихотворного послания В. Кюхельбекера. Если бы знакомство было заочным, владелица альбома, скорее всего, была бы названа прекрасной незнакомкой или кем-то в том же роде. Но заточенный в цитадели узник лично услышал слова поддержки и утешения, о чем и написал в послании, как уже упоминалось выше, по-французски:

Дружеская рука на страницах этой книги
Оставила вам драгоценные воспоминания,
И вы хотите здесь возродить
Того, кто, отвергнутый людьми и небесами,
Исчезнет вскоре в глубокой ночи,
В последнем убежище, таинственном вечном приюте
Сердец, разбитых обманами света!

Пессимистическое настроение поэта того времени нашло отражение в его последующих строках:

Я уже слышу грохочущее море великого ничто;
Я слышу ревущие волны! Мрачный голос могилы!
Подобно пронзительному крику зловещего ворона,

[15] Вильгельм Карлович Кюхельбекер. 1797 – 1846 // Русская старина. 1875. Т. XIII. С. 349.
[16] В.К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке (Новые материалы). С. 32.

Ты сделал утешительное и ужасное
предсказание:
Да, я покину ее, эту долину плача!
Так, сын солнца, младенец испарений,
Лазурного свода, я взлечу над облаком!
Напрасно поднимаете туда свои
пытливые глаза; –
Как ничто, как греза, он взлетел, он
исчез,
Не оставив в небе ни воспоминания, ни
следа[17].

Писать в альбом Л. Костровицкой по-русски Вильгельм Кюхельбекер не стал. Польский язык, надо полагать, он еще недостаточно освоил, а вот французским владел прекрасно. Еще в 1821 г., находясь в Париже, в литературном обществе «L'Athénée Royal» он читал на французском языке лекции о новой русской литературе[18].

Свое стихотворение поэт подписал также на французский манер: «G[uillaume] L[udwig] Küchelbecker». Свое немецкое имя «Вильгельм» он заменил на соответствующее ему французское «Гийом» и далее упомянул не отчество, а свое второе имя – «Людвиг». Сравнение образцов почерка В. Кюхельбекера на других документах с автографом в альбоме Л. Костровицкой позволяет утверждать, что записи сделаны одной рукою.

Что касается дальнейшей судьбы альбома, то она заслуживает отдельного рассказа. Долгое время считалось, что альбом погиб в 1864 году. Но в 1900-м он счастливым образом нашелся – в подарок от знакомых его получил писатель Генрих Сенкевич. Вскоре Сенкевич посчитал нужным вернуть альбом в семью и передал его Адаму Костровицкому, сыну Людвики, который был еще жив и жил с семьей в Варшаве[19].

Далее альбом попал в Библиотеку Ординации Замойских. Во время Варшавского восстания 8 сентября 1944 г. немцы подожгли Голубой дворец, в котором находилась библиотека, насчитывавшая около 150 тысяч томов, и практически все собрание погибло в огне. Сохранились только 1848 инкунабул и книг XVI в., а также всего несколько сотен документов архива Замойских, исторических и литературных рукописей. Это был случай – вход в подвал библиотеки, где хранилось это собрание, находился со стороны сада, и немцы, поджигавшие Голубой дворец, его не заметили[20].

Зимой 1944 г. уцелевшие книги и документы, в числе которых оказался и альбом Л. Костровицкой, немцы вывезли в местность Гарбич (Garbicz) на западе Польши. После освобождения Гарбича Красной Армией остатки библиотеки отправили в Москву, откуда они были возвращены Польше в 1947 – 1948 гг.

Ныне, как уже упоминалось выше, альбом хранится в Национальной библиотеке в Варшаве.

[17] Л. 52 – 52 об. Подстрочный перевод с французского Елены Ге.

[18] *Тынянов Ю.* Пушкин и его современники. М., 1968. С. 321 – 323.

[19] *Chrzanowski I.* Album pani Ludwiki Kosrowickiej. S. 143.

[20] Wystawa Biblioteki Ordynacji Zamojskiej w Warszawie // Электронный ресурс: https://wiadomosci.onet.pl/wystawa-biblioteki-ordynacji-zamojskiej-w-warszawie/x1mvy?utm_v=2&utm_medium=nitro&utm_campaign=allonet_nitro_new&srcc=ucs&utm_source=wiadomosci_viasg. Время доступа: 03.02.2019.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Стихотворение Вильгельма Кюхельбекера
из альбома Людвики Костровицкой. 1829 – 1831 гг.
Warszawa, Biblioteka Narodowa. Rkps. 5786 I, k. 52 – 52 v.

La main de l'amitié sur les pages de ce livre
Vous a laissé de souvenirs précieux:
Et vous y voulez faire vivre
Celui, qui, rejeté des hommes et des cieux,
Disparaîtra bientôt dans une nuit profonde,
Dernier abri, refuge éternel, mysterieux
Des cœurs brisés par les fraudes du monde!
J'entends déjà la mer du grand néant qui gronde;
J'entends mugir ses flots! Morne voix du tombeau!
Pareil au cris perçant du sinistre corbeau,
Tu mès un consolant et terrible présage:
Oui, je la quitterai cette vallée des pleurs!
Tel, enfant du soleil, nourisson des vapeurs,
De la voûte d'azur j'envole le nuage!
En vain vous y portez les yeux verutateurs; –
Comme un rien, comme un songe, il s'envole, il s'éffface,
Ne laissant dans le ciel ni souvenir, ni trace.

G. L. Küchelbecker



Макараў Максім,
гісторык, кандыдат гістарычных навук.
Займаецца сацыяльна-палітычнай гісторыяй
гарадоў Усходняй Еўропы XIV – XVIII стст.,
Мінск



Баберскі Войцех (Boberski Wojciech),
гісторык архітэктуры, супрацоўнік Інстытута
Мастацтва Польскай Акадэміі навук, аўтар
публікацый пра сакральную архітэктуру
Віцебска XVII – XVIII стст., Варшава



Суша Алесь,
намеснік дырэктара Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі,
старшыня Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў,
кандыдат культуралогіі, дактарант Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта культуры, Мінск

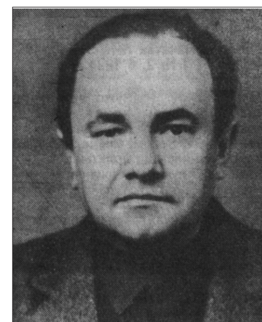


Іване-Кронберга Байба,
кіраўнік аддзела інфармацыі ў гарадской бібліятэцы
Елгавы (Латвія), магістр у галіне пісьменнасці
і магістр сацыяльных навук у галіне
бібліятэказнаўства і інфармацыі, дактарант
Латвійскага ўніверсітэта, Елгава

ПРА АЎТАРАЎ



Шкіранда Фёдар,
філолаг, перакладчык з польскай мовы, краязнавец, удзельнік навуковых канферэнцый і аўтар артыкулаў пра розныя аспекты беларуска-польскіх сувязей. Выкладае польскую мову ў Віцебскім філіяле міжнароднага ўніверсітэта Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі “МИТСО”, Віцебск



Якімовіч Юрый (1946 – 1994),
кандыдат архітэктуры, аўтар шэрагу кніг і артыкулаў па гісторыі архітэктуры Беларусі, выкладчык



Невар Аляксандр,
архітэктар, скончыў архітэктурны факультэт БНТУ (на той момант Беларуская Дзяржаўная Політэхнічная Акадэмія), Пінск



Хмяльніцкая Людміла,
гісторык, гісторык мастацтва, аўтар шэрагу кніг і артыкулаў па гісторыі Віцебшчыны, біяграфіі і творчасці Марка Шагала, Віцебск